

Г. ГАРРИСОН
П. АНДЕРСОН

Фантастическая сага

Фантастическая сага

HARRY HARRISON
THE TIMEMACHINE SAGA 1967

PAUL ANDERSON
THE BROKEN SWORD 1971

Фантастическая сага

ГАРРИ ГАРРИСОН

Фантастическая сага

ПОЛ АНДЕРСОН

Сломанный меч

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 84.7 США
Ф22

Редколлегия серии
Любовь Горлина
Сергей Кондратов
Ирина Шурыгина
Наталья Будур

Перевод с английского
Екатерины Козловой
Игоря Почиталина

Художники
Елена Грачева
Александр Лебедев

Серия «Викинги»
подготовлена Издательским центром «ТЕРРА»
совместно с Центром скандинавской культуры «НОРД»

Ф 4703040000-465 Без объявл.
А30(03)-96

ISBN 5-300-00690-4

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

7

Г. Гаррисон

Фантастическая сага
перевод И. Почиталина

8

П. Андерсон

Сломанный меч
перевод Е. Козловой

198

К ЧИТАТЕЛЮ

«Придумать зеленое солнце легко, — писал в одном из своих писем Дж. Р. Р. Толкин, — трудно создать мир, в котором оно было бы естественно».

А как сделать так, чтобы жестокий и суровый мир викингов превратился в волшебную сказку, полную таинственных превращений и великих подвигов, ледящего душу колдовства и чар изящных эльфов? Да еще такую, чтобы взрослые люди не захотели захлопнуть книгу с этой сказкой, а читали бы ее не отрываясь?

Для этого нужна такая малость как Талант.

Фантастический роман столь популярен в наши дни, что серия «Викинги» просто немыслима без тома, в который не были бы включены лучшие образчики этого жанра.

Имена Гарри Гаррисона и Пола Андерсона известны во всем мире, и нашим читателям повезло, что и они не остались равнодушными к воинам с Севера!

Древние скандинавы считали, что существует девять миров: Асгард (мир асов), Ванахейм (мир ванов), Альфхейм (мир альвов), Мидгард (мир людей), Ётунхейм (мир ётуноз), Муспелльсхейм (мир огня), Свартальхейм (мир темных духов), Нифльхейм (мир карликов), Хель (мир смерти).

Вот по всем этим мирам Вам и предстоит совершить путешествие на страницах этой книги.

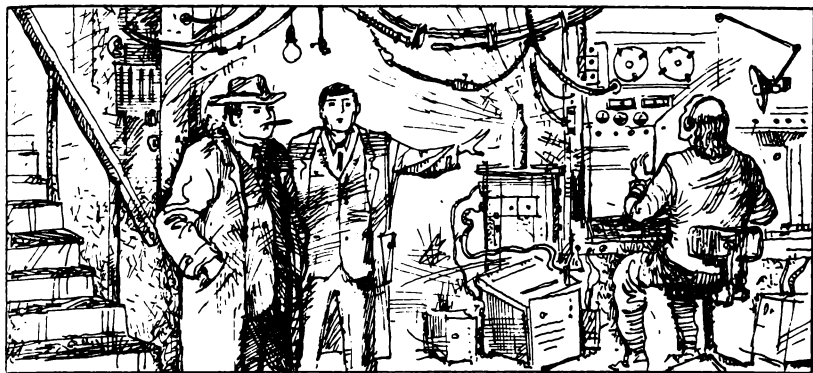
Счастливого плавания на викингских драккарах!

ГАРРИ ГАРРИСОН

Фантастическая сага

ГЛАВА I

Господи, как я попал сюда? Как только я позволил втравить себя в такую историю? — простонал Л. М. Гринспэн, чувствуя, как после недавнего обеда начинает подавать признаки жизни застарелая язва желудка.

— Вы находитесь здесь, Л. М., потому что вы дальновидный и смысленный бизнесмен. Или, если подойти с другого конца, потому что вам приходится хвататься за соломинку, а если вы не примете срочных мер, то ваш кинотрест «Клаймэктик студияз» бесследно исчезнет, — Барни Хендриксон попыхивал сигаретой, которую он зажал между пожелтевшими от никотина пальцами, и рассеянно смотрел в окошко из «роллс-ройса», мчавшегося по дну бетонного каньона. — Или, если сформулировать по-иному, вы вкладываете один час вашего драгоценного времени в осмотр изобретения, которое спасет вашу студию от банкротства.

Все внимание Л. М. было поглощено деликатной процедурой раскуривания контрабандной гавайской сигары: он отрезал ее конец золотой карманной гильотинкой, лизнул отслоившийся табачный лист и стал обжигать ее над крохотным огнем, пока не раскурил. Потом он спокойно затаился, и изящная зеленая сигара ожила в его руках.

Автомобиль с тяжеловесной легкостью затормозил у края тротуара, и шофер обежал вокруг машины, чтобы открыть дверцу. Л. М. подозрительным взглядом окинул окрестности, не сдвинувшись с места.

— Трущоба. Разве может быть в такой дыре чудо, которое спасет от краха мою студию?

Барни сделал безуспешную попытку вытолкнуть из машины неподвижное, прочно покоящееся тело.

— Не спешите с выводами, Л. М. В конце концов, кто бы осмелился предсказать, что сопливый мальчишка из трущоб Ист-Сайда в один прекрасный день станет владельцем самой большой в мире киностудии?

— Ты что, переходишь на личности?..

— Давайте не будем отвлекаться, — настаивал Барни. — Сначала войдем в дом, посмотрим, что покажет нам профессор Хьюитт, и только потом примем решение.

Л. М. неохотно вылез из машины и, ступив на потрескавшийся асфальт тротуара, позволил подвести себя к двери низкого полузава-лившегося дома. Барни, поддерживая его под локоть, нажал на кнопку звонка. Ему пришлось еще два раза нажать на кнопку, прежде чем перекосившаяся дверь со скрипом отворилась и на них воззрился маленький человечек с огромной лысой головой и очками в массивной оправе.

— Профессор Хьюитт, — произнес Барни, подталкивая вперед Л. М., — позвольте представить вам человека, о котором я говорил вам на прошлой неделе, — директора «Клаймэктик студиоз» мистера Л. М. Гринспэна собственной персоной.

— Да-да, конечно, заходите, — профессор заморгал по-рыбьи и сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

Как только дверь за его спиной закрылась, Л. М. с тяжким вздохом покорился и разрешил Барни провести себя вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Войдя в подвал, он остановился, глядя на длинный ряд электрических приборов и аппаратов, закрученных спиралью проводов и гудящих динамо-машин.

— Что это? Декорации к фильму о Франкенштейне?

— Профессор сейчас объяснит нам, — сказал Барни, подтолкнув вперед профессора Хьюитта.

— Это труд всей моей жизни, — начал профессор, махнув рукой куда-то в сторону туалета.

— Вот как? Интересно, что же это за труд?

— Профессор подразумевает машины и аппараты, он просто не совсем точно указал направление, — поспешил объяснить Барни.

Профессор Хьюитт не слышал их разговора. Склонившись над контрольной панелью, он что-то налаживал. Внезапно раздался тонкий пронзительный свист, который все усиливался, и из массивного аппарата у стены полетели искры.

— Вот! — произнес профессор, указывая драматическим жестом, теперь уже более точным, на металлическую платформу, укрепленную на массивных изоляторах. — Это сердце времеатрона, где и происходит перемещение вещества. Я не буду вдаваться в математику или говорить об устройстве времеатрона, которое исключительно сложно. Полагаю, что его работа говорит сама за себя.

Профессор наклонился, пошарил под столом, извлек оттуда пивную бутылку, покрытую толстым слоем пыли, и поставил ее на металлическую платформу.

— А что это за времеатрон? — подозрительно спросил Л. М.

— Минутку терпения, господа. Сейчас я продемонстрирую его в действии.

Итак, я помещаю в сферу действия поля простой предмет и включаю аппарат, образующий темпоральное поле. Смотрите.

Хьюитт включил рубильник, электрический ток устремился через стоящий в углу трансформатор к машине, рев динамо перешел в пронзительный визг. Лампы на контрольной панели ослепительно засверкали, и воздух наполнился резким запахом озона.

Пивная бутылка на неуловимое мгновение исчезла, и шум машины затих.

— Вы заметили перемещение? Эффектно, не правда ли? — профессор, сияя от самодовольства, вытянул из рекордера длинную бумажную ленту с чернильными разводами. — Вот смотрите, здесь все запечатлено. Бутылка семь микросекунд была в прошлом и затем снова вернулась в настоящее!.. Что бы ни говорили мои враги, я добился успеха! Мой времеатрон действует! Я назвал свою машину «времеатрон» от сербского «время» — в честь моей бабушки, родившейся в Мали Лозине. Итак, вы видите перед собой действующую машину времени!

Л. М. вздохнул и собрался было уходить.

— Чокнутый, — сказал он.

— Выслушайте же его до конца, Л. М. У профессора есть оригинальные идеи.

Он согласился работать с нами только потому, что все научные учреждения и благотворительные фонды отказались финансировать дальнейшую работу над его машиной. Профессору нужны средства для ее усовершенствования.

— В мире каждую минуту рождается один такой изобретатель. Пошли, Барни.

— Да выслушайте вы его, Л. М., — умолял Барни. — Пусть он покажет вам эксперимент с посылкой бутылки в будущее. Слишком уж это впечатляет.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что любой предмет на пути в будущее преодолевает мощный темпоральный барьер, и для этого требуется несравненно большее количество энергии, чем при перемещении того же предмета в прошлое. Но все же я могу продемонстрировать этот эксперимент. Прошу вас, внимательно следите за бутылкой.

Еще раз чудо электронной техники столкнулось с силами времени, и в наэлектризованном воздухе заплескали искры. Пивная бутылка чуть заметно дрогнула.

— Пока, — Л. М. повернулся и начал подниматься по лестнице. — Между прочим, Барни, ты уволен.

— Вы не можете уйти вот так, Л. М., не дав профессору возможности объясниться, а мне — рассказать о моих планах. — Барни сердился, сердился на себя, на киностудию, где он работал, находившуюся на грани банкротства, на слепоту директора, на тщету всех человеческих стремлений, на банк, закрывший его счет. Он кинулся вслед за Л. М. и выхватил у него изо рта дымящуюся гаванскую сигару. — Сейчас мы проведем настоящий эксперимент, такой, что вы оцените его по достоинству!

— Эти сигары — по два доллара за штуку! Сейчас же верни...

— Я вам ее отдам, но сначала посмотрите... — Барни швырнул на пол бутылку и положил дымящуюся сигару на платформу. — Какой из приборов регулирует входную мощность? — повернулся он к Хьюитту.

— Вот это — ручка входного реостата, но зачем это вам? Если вы увеличите уровень темпорального перемещения, то оборудование выйдет из строя — раз и все!

— Можно купить новое оборудование, но если нам не удастся убедить Л. М. — вы на мели, сами понимаете. Итак, вперед!

Барни оттолкнул протестующего профессора в сторону и включил реостат на полную мощность. На этот раз эффект был потрясающим. Рев динамо-машины перешел в смертельно пронзительный визг, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, лампы на панели засверкали всеми огнями ада, все ярче и ярче, по металлическим поверхностям забегали электрические разряды, а волосы присутствующих встали дыбом и из них посыпались искры.

— Через меня идет ток! — заревел Л. М., и в этот момент напряжение достигло предела, лампы на панели, ослепительно сверкнув, лопнули, и в подвале воцарилась полная темнота.

— Смотрите вот сюда! — закричал Барни, щелкая зажигалкой и поднося ее к машине. Платформа была пуста. Сигара исчезла!

— Ты должен мне два доллара!

— Смотрите, смотрите! По крайней мере, две секунды, три, четыре... пять... шесть... семь...

Внезапно на платформе появилась все еще дымящаяся сигара. Л. М. живо схватил ее и как следует затянулся.

— Ну хорошо, это машина времени, теперь я верю. Но какое она имеет отношение к производству фильмов или к спасению моей студии от банкротства?

— Позвольте мне объяснить...

ГЛАВА 2

В кабинете Л. М. сидело шесть человек, расположившихся полукругом перед письменным столом директора.

— Запереть дверь и перерезать телефонные провода! — распорядился Л. М.

— Сейчас три часа утра, — запротестовал Барни, — кто будет подслушивать в такую рань?

— Если об этом пронохают банки, я разорен — пиши пропало до самой смерти, а может быть, и дольше. Перережьте провода!

— Позвольте, я займусь этим, — сказал Эмори Блестэд, вставая со стула и доставая из грудного кармана отвертку с ручкой, обмотанной изоляционной лентой: в «Клеймэктик студиоз» он возглавлял технический отдел. — Вот оно, решение загадки! За последний год мои ребята в среднем по два раза в неделю чинили в этом кабинете перерезанные провода!

Работа спорилась в его руках: он быстро снял крышку с соединительных коробок, и вот уже все семь телефонов, селектор, замкнутая сеть телевидения и телепринт разъединены. Л. М. Гринспэн внимательно следил за ним и не произнес ни единого слова, пока своими глазами не убедился в том, что все десять проводов безжизненно повисли.

— Докладывайте! — рявкнул он, ткнув пальцем в направлении Барни Хендрикса.

— Итак, все готово и можно приниматься за дело, Л. М. Оборудование для времееатрона установлено в павильоне фильма «Сын чудовища женится на дочери монстра», и все расходы отнесены на бюджет фильма. Между прочим, машина профессора обошлась дешевле обычных декораций.

— Не отвлекайтесь!

— Ладно. Итак, последние съемки «чудовищного» фильма закончены в павильоне сегодня, то есть, я хотел сказать, вчера, и мы поспешили в темпе вынести оттуда все оборудование. Как только они ушли, мы тут же смонтировали времематрон в кузове армейского грузовика из картины «Пифиси из Бруклина», профессор проверил оборудование и привел машину в полную готовность.

— Что-то не нравится мне эта история с грузовиком — его могут хватиться.

— Не хватятся, Л. М., мы обо всем позаботились. Во-первых, он считался избыточным армейским снаряжением, и его хотели бы сбыть с рук. Во-вторых, недавно мы продали его через наш обычный канал сбыта, а здесь его приобрел Текс. Под нас не подкопаешься.

— Текс? Какой еще Текс? И кто вообще все эти люди? — с раздражением произнес Л. М., обеда подозрительным взглядом сидящих вокруг стола. — Ведь я же предупредил, чтобы об этой штуке знало как можно меньше людей, по крайней мере до тех пор, пока мы не убедимся, что она действует. Если только банки проронюхают...

— Ну уж меньше и вовлечь невозможно, Л. М. Смотрите: я профессор, которого вы знаете, Блестэд, ваш начальник технического отдела, проработавший на студии тридцать лет...

— Знаю, знаю... но кто эти трое? — Л. М. махнул рукой в сторону двух загорелых молчаливых людей, одетых в джинсы и кожаные куртки, и сидящего рядом с ними высокого нервного человека со светло-рыжими волосами.

— А, эти... Эти двое — трюкачи с нашей студии Текс Антонелли и Даллас Леви.

— Трюкачи с нашей студии! Послушай, Барни, что за трюк ты собираешься выкинуть с этими ковбойскими мальчиками из Бронкса?

— Ради бога, не волнуйтесь, Л. М. Для нашего проекта понадобятся люди, на которых можно положиться и которые без лишнего шума в случае неприятностей найдут выход из положения. До прихода к нам Даллас служил в армии, а затем выступил в родео. Текс тринадцать лет протрубил в морской пехоте, он инструктор по нападениям и защите без оружия.

— А кто этот длинный?

— Это доктор Йенс Лин из Калифорнийского университета Лос-Анжелеса, филолог. — Высокий мужчина рывком встал и ответил короткий поклон в направлении письменного стола. — Он специалист по германским языкам или по чему-то вроде этого. Он будет нашим переводчиком.

— Ну а теперь, когда вы стали членами нашей группы, вам понятно, насколько важен наш проект? — спросил Л. М.

— Мне платят денежки, — сказал Текс, — а я держу язык за зубами.

Даллас молча кивнул, соглашаясь с товарищем.

— Нам предоставляется удивительная возможность, — Лин говорил быстро, с легким датским акцентом. — Я взял отпуск на год и готов сопровождать экспедицию в качестве технического советника даже без предложенного щедрого гонорара. Ведь мы так мало знаем о разговорном старонорвежском...

— Ну хорошо, хорошо, — Л. М. поднял руку, удовлетворившись тем, что услышал. — Так какой же у нас план? Посвятите меня в детали.

— Сначала нам придется совершить пробное путешествие, — заметил Барни. — Надо посмотреть, работает ли машина профессора...

— Да я вас уверяю...

— ...и если она работает, мы сколотим съемочную группу, разработаем сценарий и затем отправимся снимать фильм прямо на месте. И на каком месте! Вся история открыта нам на широком экране! Мы сможем все заснять, записать звук...

— И спасем студию от банкротства. Ни тебе расходов на дополнительные съемки, ни декораций, ни стычек с профсоюзами...

— Эй, поосторожнее! — нахмурился Даллас.

— Конечно, речь идет не о вашем профсоюзе, — извинился Л. М.

— Вся труппа, которая отправится в прошлое из нашего времени, будет получать повышенную ставку с надбавками; я имел в виду участников отсюда — на них мы сможем сэкономить, верно? А теперь отправляйся, Барни, пока у меня не остыл энтузиазм, и без хороших новостей не возвращайся.

Их шаги, стук каблуков о бетонную дорожку гулко отдавались от гигантских звуковых сцен в огромном помещении, а тени тянулись за ними сначала сзади, а потом выбрасывались вперед, когда они проходили через ярко освещенные круги под редкими лампами. Тишина и одиночество заброшенных студий внезапно напомнили им о величии их замысла, и они инстинктивно приблизились друг к другу, почти касаясь плечами. Перед входом в здание стоял сторож; увидев их, он поздоровался, и его голос разбил мрачные чары тишины.

— Закрыто и опечатано, сэр, никаких происшествий!

— Отлично, — одобрительно отозвался Барни. — Возможно, мы останемся внутри до утра — секретная работа, — смотрите, чтобы никто из посторонних нам не помешал.

— Я уже сказал об этом капитану, и он предупредил ребят.

Барни запер за собой дверь, и тотчас же под крышей вспыхнули ослепительные солнца ламп. Огромное помещение пакгауза было почти пустым, если не считать нескольких пыльных листов фанеры в дальнем углу грузовика грязно-оливкового цвета с белой армейской звездой на дверце кабины и брезентовым верхом.

— Батареи и аккумуляторы заряжены, — объявил профессор Хьюитт, взобравшись в кузов грузовика и покрутив несколько ручек. Затем он разъединил массивные кабели, тянувшиеся от зарядного устройства к выводам на стене, и забросил их в грузовик. — Садитесь, джентльмены, мы можем начать эксперимент когда угодно.

— Может быть, мы назовем это не экспериментом, а как-нибудь иначе? — с беспокойством спросил Эмори Блестэд. Он вдруг начал жалеть, что связался с этим предприятием.

— Я, пожалуй, сяду в кабину — там поудобнее, — сказал Текс Антонелли. — Мне пришлось водить вот такой же шестиосный все то время, пока я служил в Марианне.

Один за другим участники экспедиции забрались вслед за профессором в кузов грузовика, и Даллас закрыл откидной борт. Ряды электронного оборудования и генератор, спаренный с двигателем внутреннего сгорания, занимали большую часть кузова, и участникам пришлось сесть на ящики с припасами и оборудованием.

— У меня все готово, — объявил профессор. — Может быть, для первого раза побываем в 1500 году?

— Нет! — Барни был непреклонен. — Установите на своих приборах 1000 год, как договорились, и отправляемся.

— Но расход энергии будет меньше, и риск...

— Не трусьте в последнюю минуту, профессор. Нам необходимо перенестись как можно дальше в прошлое, чтобы никто не мог опознать нашу машину и причинить нам какие-нибудь неприятности. К тому же мы решили снимать фильм о викингх, а не делать новый вариант «Собора Парижской богородицы».

— Действие «Собора Парижской богородицы» происходит не в шестнадцатом веке, а гораздо раньше, — заметил Йенс Лин. — Я бы сказал, что события происходят в средневековом Париже примерно...

— Джеронимо! — заворчал Даллас. — Если мы собираемся куда-то отправиться, давайте кончим трепаться и поехали. Всякая ненужная задержка перед битвой подрывает боевой дух войск.

— Вы совершенно правы, мистер Леви, — отозвался профессор, и его пальцы проворно забегали по кнопкам контрольной панели.

— Итак, 1000 год от Рождества Христова — пожалуйста! — Он выругался и стал нащупывать кнопки. — Так много липовых переключателей и приборов, что я совсем запутался, — пожаловался профессор.

— Пришлось сделать такое оборудование, чтобы потом его использовать для съемки фильма ужасов, — извиняющимся голосом сказал Блестэд. Голос его звучал как-то странно, лицо покрылось каплями пота. — Оно должно было выглядеть реалистично.

— И для этого вы сделали его похожим черт знает на что? — сердито пробормотал профессор Хьюитт, заканчивая приготовления. В следующее мгновение его рука потянулась к многополюсному рубильнику и перекинула его вперед.

Под воздействием внезапной нагрузки частота генератора снизилась, звук стал ниже и надсаднее, электрический разряд затрещал, холодные искры заплесали по всем открытым поверхностям, и люди почувствовали, как волосы на их головах встают дыбом.

— Что-то неладно! — раздался дрожащий голос Йенса Лина.

— Абсолютно ничего, — спокойно отозвался профессор Хьюитт, регулируя что-то на контрольной панели. — Это всего лишь вторич-

ное явление, статический разряд, не имеющий никакого значения. Сейчас происходит накопление временного поля, вы должны это чувствовать.

Они действительно почувствовали что-то, явственно ощутили, как их тела охватывает какая-то неприятная клейкая субстанция, как растет напряжение.

— У меня такое ощущение, будто мне в пупок вставили огромный ключ и заводят мои кишки, — заметил Даллас.

— Я просто не могу так здорово выразиться, — заметил Лин, — но и у меня те же симптомы.

— Переключил на автомат, — сказал профессор, утопив одну из кнопок и отойдя от пульта управления. — В ту микросекунду, когда поле достигнет своего максимума, селеновые выпрямители автоматически включатся. Вы сможете следить за процессом по этой шкале. Как только стрелка достигнет нуля...

— Двенадцать, — донесся голос профессора. — Поле быстро растет. Восемь... семь... шесть...

— А как насчет надбавки за боевые условия? — спросил Даллас, но никто даже не улыбнулся.

— Пять... четыре... три...

Напряжение стало ощутимым физически, оно стало частью машины, частью их самих. Никто не мог пошевелиться. Шесть пар глаз уставились на движущуюся красную стрелку, а профессор продолжал:

— Два... один...

Они не слышали слова «нуль», потому что в этот момент даже звук остановился. Что-то произошло с ними, что-то неуловимое и такое из ряда вон выходящее, что в следующую секунду никто не мог вспомнить, что это было и каковы были их ощущения. В то же мгновение свет прожекторов в пакгаузе померк; тьму раздвигало лишь тусклое сияние трех рядов циферблатов и шкал на контрольной панели. Пространство за открытым задним бортом грузовика, где мгновение назад виднелось ярко освещенное помещение пакгауза, теперь было серым, бесформенным, однообразным; не на чем было глазу остановиться.

— Эврика! — крикнул профессор.

— Не выпить ли нам? — спросил Даллас, извлекая кварту хлебно-

го виски из-за ящика, на котором он сидел, и тут же последовал собственному совету, нанеся заметный ущерб содержимому бутылки. Кварта начала переходить из рук в руки, даже Текс высунулся из кабины сделать глоток, и все хлебнули для храбрости, за исключением профессора. Он же был слишком занят своими инструментами и что-то радостно бормотал под нос.

— Да-да, несомненно, определенно перемещает в прошлое... скорость легко контролируется... теперь и физическое перемещение возможно... Космическое пространство или Тихий океан... для нас не подходят... не подходят... — Профессор взглянул под козырек серебристого экрана и что-то отрегулировал. Затем он повернулся к остальным: — Господа, теперь держитесь покрепче. Хотя я и старался как можно точнее угадать уровень почвы в месте прибытия, но я боюсь быть слишком точным. Мне бы не хотелось доставить вас под землю, поэтому вполне возможно падение с высоты нескольких дюймов. Все готово? — Профессор потянул за ручку рубильника.

Сначала о землю ударились задние колеса, а в следующее мгновение на грунт со страшным шумом рухнули и передние. Все попадали друг на друга. Яркий солнечный свет ворвался через открытый задник и заставил всех прищуриться. Свежий соленый ветерок принес откуда-то издали шум прибоя.

— Черт меня подери! — бормотал Эмори Блестэд.

Серая пелена позади грузовика исчезла, и вместо нее, окаймленный брезентом подобно гигантской картине, показался каменистый океанский берег, о который разбивались огромные волны. Низко над берегом крича парили чайки, и два испуганных тюленя с фырканием бросились в воду.

— Что-то я не узнаю эту часть Калифорнии, — сказал Барни.

— Это Старый, а не Новый Свет, — с гордостью ответил профессор Хьюитт. — Точнее, Оркнейские острова, где в 1003 году существовало множество поселений норвежских викингов. Вас, несомненно, удивляет способность времематрона осуществлять не только темпоральное, но и физическое перемещение, однако существует фактор...

— С тех пор как Гувер был избран президентом, меня уже ничто не удивляет, — сказал Барни. Он почувствовал себя в своей тарелке

после того, как они наконец прибыли куда-то — или в когда-то. — А теперь за работу. Даллас, подними полог брезента спереди, чтобы нам видеть, куда ехать.

— В следующее мгновение перед ними открылся каменистый берег — узкая полоса земли между пенящимся прибоем и отвесными скалами. Примерно в полумиле от грузовика торчал мыс, а за ним ничего не было видно.

— Заводи! — крикнул Барни, наклонившись к кабине. — Давай посмотрим, что там дальше за берег!

— Точно, — откликнулся Текс, нажимая на кнопку стартера. Motor заворчал и ожил. Текс включил первую скорость, и грузовик, покачиваясь на камнях, двинулся вперед.

— Хотите? — спросил Даллас, протягивая пистолетную кобуру с ремнем.

Барни с неприязнью посмотрел на оружие.

— Попридержи его. Я, наверно, застрелю себя или кого-нибудь окружающих, если буду играть с этой штукой. Отдай ее Тексу, и пусть у тебя под рукой будет винтовка.

— А разве нам не дадут оружия — для нашей же безопасности? — спросил Эмори Блестэд. Я знаю, как обращаться с винтовкой.

— Ты дилетант, а мы собираемся строго придерживаться профсоюзных правил. Твое дело, Эмори, помогать профессору — времеатрон сейчас самая ценная вещь. Текс и Даллас позаботятся о вооружении — только так мы будем застрахованы от несчастных случаев.

— Ах ты черт! Вы только посмотрите на это! Неужели я вижу такую красоту собственными глазами? — Йенс Лин, захлебываясь от восторга, показывал вперед.

Грузовик объехал мыс, и перед ними открылся маленький залив. Грубая почерневшая ладья была вытащена на берег, а чуть выше, подальше от воды, находилась жалкая землянка, сложенная из камня и неровных кусков дерна, крытая тростником и водорослями. Берег казался пустынным, хотя из дыры в крыше землянки поднималась струйка дыма.

— Куда все подевались? — спросил Барни.

— Совершенно ясно, что появление ревущего грузовика напугало жителей, и они спрятались внутри землянки, — объяснил Лин.

— Выключи мотор, Текс. Может быть, нам стоило взять с собой немного бисера или еще чего для торговли с туземцами?

— Боюсь, что это не туземцы, мистер Хендриксон...

Как бы в подтверждение слов Лина грубо сколоченная дверь землянки распахнулась и из нее выскочил человек. С ужасным криком он прыгнул вверх, ударил топором с широким лезвием по щиту, висевшему на левой руке, и бросился бежать вниз по склону прямо к грузовику. Несколько огромных шагов — и он уже подбежал к экспедиции. На его голове был отчетливо виден черный шлем с рогом; белокурая борода и пышные усы развевались на ветру. Продолжая издавать невнятные звуки, воин начал грызть край щита. На его губах появилась пена.

— Как видите, он явно испуган, однако герою-викингу не подobaет выказывать страх перед своими рабами и слугами, которые, несомненно, следят за ним из землянки. Поэтому он приводит себя в состояние неистовой ярости, подобно берсерку...

— Может подождем с лекцией, а, док? Ну-ка, Даллас и Текс, возьмитесь за этого парня, успокойте его, пока он чего-нибудь не сломал.

— Пуля в брюхо быстро его успокоит.

— Ни в коем случае! Студия не может себе позволить такую роскошь, как убийство, даже убийство при самообороне.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, но учтите: в контракте есть специальный параграф об особом вознаграждении за риск.

— Знаю, знаю! Берите быка за рога, пока не...

Слова Барни были прерваны глухим ударом и звоном разбитого стекла, сопровождавшимися громким победным воплем.

— Я понял, что он говорит! — радостно захихикал Йенс Лин. — Он хвалится, что выбил глаз чудовищу...

— Этот буйнопомешанный отрубил фару! — завопил Даллас. — Займись-ка им, Текс, отвлеки его чем-нибудь! Я сейчас вернусь.

Текс Антонелли выскользнул из кабины и кинулся прочь от грузовика. Викинг заметил его и тут же начал преследование. Пробежав около пятидесяти ярдов, Текс остановился и поднял с земли две круглые гальки величиной с кулак. Подбросив одну из них на ладони, словно это был бейсбольный мяч, Текс спокойно ожидал приближения своего яростного преследователя. Когда викинг приблизился к

нему на пять ярдов, Текс швырнул камень, целясь в голову, и, как только щит взлетел вверх, чтобы отразить нападение, метнул второй камень прямо в живот викинга. Оба камня оказались в воздухе одновременно, и, пока первый, отскочив от щита, летел куда-то в сторону, второй попал викингу прямо в солнечное сплетение, и тот с шумным «уф!» опустился на землю. Текс отошел на несколько шагов и подобрал еще две гальки.

— Блейда!* — выдохнул поверженный воин, потрясая топором.

— Да и ты не лучше. Ну-ка, поднимайся!

— А теперь давай упакуем его, — предложил Даллас, который появился из-за грузовика, крутя веревочной петлей над головой. — Профессор трясется над своими железяками и хочет побыстрее смотретья отсюда.

— О'кей, сейчас мы все организуем.

Текс прибегнул к соленым морским выражениям, но ему не удалось преодолеть лингвистический барьер. Тогда он обратился к латинскому языку жестов, которым овладел еще в юности, и с помощью быстрых движений пальцев и рук сравнил викинга с рогоносцем, кастратом, приписал ему кое-какие грязные привычки и закончил Предельным Оскорблением — его левая рука ударила по правому бицепсу, отчего правый кулак подпрыгнул вверх. Очевидно, какое-то одно — а может быть, и не одно — из этих оскорблений имело свои корни в одиннадцатом веке, потому что викинг заревел от ярости и с трудом поднялся на ноги.

Текс стоял не двигаясь, хотя казался пигмеем рядом с атакующим его гигантом. Топор взлетел вверх, но в то же мгновение Даллас бросил лассо и поймал им топор, а Текс подставил викингу подножку, и тот тяжело рухнул на землю. Как только викинг упал, Текс с Далласом оседлали его: один вывернул ему руки, а другой молниеносно обмотал его веревкой. Через несколько секунд викинг уже был беспомощен как младенец — руки его были заведены за спину и привязаны к ногам, а сам он ревел от бессильной ярости, пока Даллас и Текс волокли его по гальке к грузовику. В свободной руке у Текса был щит, а у Далласа — топор.

— Я должен поговорить с ним, — настаивал Йенс Лин. — Это редчайшая возможность!

* Трус! (норвежск.)(здесь и далее примечания переводчика).

— Мы не можем ждать ни минуты, — торопил их профессор, регулируя один из приборов верньерной ручки.

— Эй, на нас нападают! — завопил Эмори Блестэд, указывая дрожащей рукой на землянку. Толпа косматых оборванцев, вооруженных разнообразными мечами, копьями и топорами, атаковала грузовик.

— Пора уносить ноги, — распорядился Барни. — Бросьте этого доисторического лесоруба в кузов и поехали. Когда мы вернемся на студию, у вас будет уйма времени для разговора с этим парнем, док.

Текс прыгнул в кабину и, схватив с сиденья револьвер, разрядил его весь в сторону моря, включил двигатель, потом оставшуюся фару и дал гудок. Крики атакующих мгновенно сменились воплями страха, и враги, побросав свое оружие, бросились обратно к землянке. Грузовик развернулся и поехал обратно вдоль берега. Когда они приблизились к выступающему мысу, с другой стороны мыса раздался автомобильный сигнал. Текс успел свернуть вправо и въехал прямо в прибой, пропуская мчащийся навстречу им фырчащий грузовик оливково-защитного цвета.

— Извозчик! — крикнул Текс в окошко и дал газ.

Барни Хендриксон взглянул на проезжавший мимо по старому следу грузовик и, посмотрев в открытый задник, окаменел. Он увидел самого себя, с насмешливой улыбкой на лице — он качался, когда грузовик подпрыгивал на камнях. В последний момент, когда автомобиль уже исчез за поворотом, второй Барни Хендриксон в своем кузове, заведя двойника, приложил большой палец к носу и покачал рукой. Барни бессильно опустил на ящик.

— Вы видели? — с трудом выговорил он. — Что это такое?

— Весьма интересное явление, — сказал профессор Хьюит, нажимая кнопку стартера на своем генераторе. — Время гораздо более пластичнее, чем я предполагал; оно позволяет удваивать, а может быть даже утраивать, темпоральные линии мира. Или даже допускает существование бесчисленного количества временных витков. Открывающиеся возможности просто невероятны...

— Может, вы перестанете нести эту абракадабру и объясните мне, что я видел, — оборвал его Барни, отрываясь от почти пустой бутылки.

— Вы видели самого себя, вернее, мы видели нас, когда мы бу-

дем... Боюсь, что грамматика английского языка не позволяет точно описать создавшееся положение. Может быть, правильнее сказать, что вы видели этот самый грузовик и себя в нем так, как это будет выглядеть немного позже. Я думаю, это достаточно просто для понимания.

Барни со стоном опустошил бутылку и вдруг вскрикнул от боли, когда пришедший в себя викинг изловчился и укусил его в лодыжку.

— Лучше кладите ноги на ящики, — предостерег Даллас, — он все еще психует.

Грузовик сбавил скорость, и из кабины донесся голос Текса:

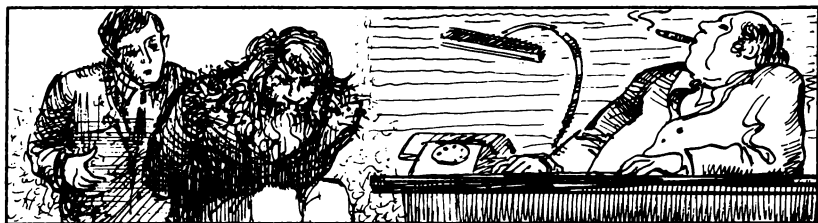
— Мы приехали туда, откуда стартовали, вот здесь начинаются следы шин.

Что дальше?

— Поставьте машину по возможности в то самое положение, в каком она была, когда мы сюда приехали, это облегчит мне наладку приборов. Итак, приготовьтесь, господа, мы начинаем наше обратное путешествие через время.

— Троль так юдр олл!* — крикнул викинг.

* Да будете вы добычей троллей! — языческий эквивалент выражению «Черт подери!».

ГЛАВА 3

— Что случилось? — подозрительно спросил Л. М., когда участники экспедиции вошли в его кабинет и устало опустились на те же стулья, с которых они поднялись восемнадцать веков назад. — Что это значит — десять минут назад вы вышли из моего кабинета и спустя десять минут снова возвращаетесь?

— Это для вас десять минут, Л. М., — ответил Барни, — а для нас прошли часы. Машина профессора действует, так что самое первое и самое трудное препятствие мы преодолели. Теперь нам известно, что времематрон профессора Хьюитта работает даже лучше, чем можно было ожидать. Перед нами открыт путь к тому, чтобы перенести в прошлое целую съемочную группу и заснять исторически совершенно достоверный, полнометражный, широкоэкранный, реалистичный, дешевый, высококачественный фильм. Наша следующая задача уже попроще.

— Сценарий.

— Вы правы, как всегда, Л. М. И получилось так, что у нас уже есть сценарий, очень реалистический, более того — патристический. Если я спрошу вас, Л. М., кто открыл Америку, что вы ответите?

— Христофор Колумб в 1492 году.

— Именно так думают все, но на самом деле честь ее открытия принадлежит викингам!

— Разве Колумб был викингом? А я-то всегда считал, что он из евреев.

— Бог с ним, с Колумбом! Еще за пятьсот лет до его рождения корабли викингов отплыли из Гренландии и открыли землю, которую они называли Винланд — сейчас доказано, что это была Се-

верная Америка. Первая экспедиция под предводительством Эрика Красного*.

— И думать забудь! Ты хочешь, чтобы нас занесли в черный список за выпуск коммунистического фильма?

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца, Л. М. После того как Эрик открыл эту страну, туда приплыли викинги, создали поселение, построили дома и фермы, и все это под водительством легендарного героя, Торфинна Карлсефни...

— Ну что за имена! Их тоже придется менять. Я уже вижу центральную любовную сцену: «...поцелуй меня, мой милый Торфинн Карлсефни, — шепчет она». Нет, не пойдет. Не больно-то здорово, Барни.

— Нельзя переделывать историю, Л. М.

— А чем же еще мы занимались всю жизнь? Сейчас не время на меня наседасть. И это ты, Барни Хендриксон, который когда-то был моим лучшим директором и продюсером, пока эти вшивые кретины вконец не разорили нас. Возьми себя в руки! Первоочередная задача кино — совсем не воспитание. Мы продаем развлечения, и если они никого не развлекают, их никто не покупает. Именно так я смотрю на вещи. Вы берете своего викинга, называете его Бенни, или Карло, или другим хорошим скандинавским именем и создаете сагу о его приключениях...

— Именно об этом я и думал, Л. М.

— ...например о дне битвы, в которой он, конечно, побеждает. Но он не находит покоя, такой уж у него характер. Тогда он отправляется восвояси и открывает Америку, затем возвращается и говорит: «Смотрите, я открыл Америку!» И они делают его своим королем. Затем девушка с длинными белокурыми волосами — парик, конечно, — она машет ему рукой каждый раз, когда он отплывает и обещает ей вернуться. И вот теперь он уже постарел, на висках седина и шрамы на лице, он много страдал, и на этот раз, вместо того чтобы отплыть одному, он берет с собой девушку и они вместе отплывают при пламенеющем закате в новую жизнь, как первые пионеры на Плимут-Рок. Ну, как!

— Как всегда потрясающе, Л. М. Вы не утратили своего таланта.

* То есть Эрика Рыжего.

Барни устало вздохнул. Доктор Йенс Лин, у которого глаза чуть не выскочили из орбит, издал звук, как будто его душили.

— Но-но... ничего этого не было, все записано в летописях. И даже мистер Хендриксон не совсем прав, считается, что Винланд открыл Лейф Эрикссон, сын Эрика Рьжего. Здесь существуют две разные версии — одна взята из «Хаукбука», а другая из «Флатейярбука» и...

— Достаточно! — проворчал Л. М. — Ты уловил мою мысль, Барни? Даже если в исторических книгах все это немного по-другому, мы можем слегка подправить здесь и там, чуть-чуть изменить в других местах, и перед нами готовый сценарий. Кого ты прочишь на главные роли?

— Раф Хоук будет идеален в роли викинга, если только нам удастся его заполучить. А на женскую роль неплохо бы актрису с выразительными формами...

— Слайти Тоув. Она сейчас свободна, у нее простой. Последние две недели ее проныра-агент обивает пороги в моей конторе — вот откуда я узнал, что она на мели и обойдется нам по дешевке. Дальше тебе понадобится сценарист; используй для этого Чарли Чанга, у него с нами контракт. Он специалист по таким картинам.

— По библейским сюжетам — может быть, но не по историческим фильмам, — с сомнением сказал Барни. — И если уж говорить откровенно, «Вниз креста», на мой взгляд, не фонтан. Или другой фильм — «Идя по водам Красного моря».

— Цензура зарезала, вот и все. Я сам одобрил оба сценария, и они были великолепны... — Внезапно за стеной раздался хриплый рев, и Л. М. замер на полуслове. — Слышали?

— Это наш викинг, — объяснил Текс. — Он все лез в драку, поэтому мы оглушили его, сковали и заперли в душевой вашего заместителя.

— Что еще за викинг? — нахмурился Л. М.

— Из местных жителей, — ответил Барни. — Он напал на грузовик, поэтому мы захватили его с собой, чтобы доктор Лин с ним поговорил. Поставщик информации.

— Тащите его сюда. Вот кто нам нужен — человек, который знаком с местной обстановкой и может ответить на наши вопросы о съемке фильма. До чего нужен туземец, который знает все ходы и выходы, особенно когда снимаешь на натуре!

Текс и Даллас вышли из кабинета и через несколько минут, на протяжении которых слышался звон цепей да звучные удары, ввели викинга. Он остановился на пороге, оглядывая комнату осоловелыми глазами; только тут удалось впервые внимательно рассмотреть его.

Викинг был огромный — почти семи футов ростом даже без рогатого шлема — и волосатый, как медведь. Спутанные белокурые волосы свисали ниже плеч, а пышные усы исчезали в волнах бороды, покрывавшей грудь. Его одежда состояла из грубошерстной куртки и штанов, причем все это скреплялось и удерживалось на месте целой системой кожаных ремней. От викинга исходил терпкий запах рыбы, несвежего пота и смолы, однако массивный золотой браслет на его руке не казался лишним. Глаза викинга, голубые, почти небесной синевы, свирепо смотрели на присутствующих из-под густых бровей. Он был избит и закован в цепи, но, очевидно, не сломлен, так как стоял с высоко поднятой головой, расправив плечи.

— Добро пожаловать в Голливуд, — обратился к нему Л. М. — Садитесь, — налейте ему стаканчик, Барни, — и располагайтесь поудобнее. Как, вы сказали, вас зовут?

— Он не говорит по-английски, Л. М.

Лицо у Л. М. Гринспэна вытянулось.

— Да, Барни, я бы не сказал, что мне это нравится. Не люблю говорить через переводчиков — слишком медленно и ненадежно. О'кей, Лин, действуй, спроси его имя.

Йенс Лин забормотал себе под нос спряжения старонорвежских глаголов, а потом заговорил вслух:

— Ват хетир мадрин?

Из горла викинга вырвалось лишь рычанье — он игнорировал вопрос переводчика.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Л. М. — Я думал, что ты болтаешь на его наречии. Он что, не понимает тебя?

— Необходимо терпение, сэр. Старонорвежский был мертвым языком почти тысячу лет, и мы знакомы с ним только на основании письменных источников. Единственный современный язык, который стоит ближе всего к старонорвежскому, — исландский, и сейчас я воспользовался исландским произношением и интонацией...

— Ну хорошо, хорошо. Мне не нужны лекции. Успокой его, умасли несколькими стаканчиками виски, и примемся за дело.

Текс подтолкнул стул к пяткам викинга, и тот опустился на него, свирепо озираясь вокруг. Барни взял бутылку «Джека Даниэльса» из бара, скрытого за подлинным Рембрандтом, и налил половину высокого коктейльного стакана. Но когда Барни поднес стакан к губам викинга, тот резко отдернул голову в сторону и зазвенел цепями, сковывавшими запястья.

— Эйтр!* — огрызнулся он.

— Он думает, что вы хотите его отравить, — объяснил Лин.

— Ну, разубедить его нетрудно, — Барни поднес стакан ко рту и сделал огромный глоток. На этот раз викинг позволил поднести стакан к своим губам и начал пить. По мере того как содержимое стакана исчезло в глотке, глаза у викинга открывались все шире и шире.

— Один ок Фриг!** — радостно завопил он, осушив последнюю каплю и стряхивая с глаз слезы.

— Еще бы это ему не понравилось — семь двадцать пять бутылка плюс налог, — проворчал Л. М. — Готов побиться об заклад, что там, откуда он явился, нет ничего подобного. Спроси-ка снова его имя.

Викинг нахмурился от напряжения, пытаясь понять вопрос, который повторяли ему и так и сяк, и наконец уловил, чего от него хотят.

— Оттар, — ответил он.

— Ну вот, хоть какой-то прогресс, — отозвался Л. М. и бросил взгляд на часы. — Ведь уже четыре часа утра, а мне хотелось бы уладить это дело как можно скорее. Спроси этого Оттара о валютном курсе — кстати, какими деньгами они пользуются, Лин?

— Дело в том, что... в основном у них меновая торговля, хотя упоминается серебряная марка...

— Именно это нам и нужно знать. Сколько марок за доллар, и пусть не пытается ссылаться на инфляцию. Мне нужны цены на свободном рынке, больше меня не проведешь, и, если понадобится, мы купим марки в Танжере...

Внезапно Оттар взревел, рванулся вперед, опрокинув свой стул и отшвырнув попавшегося на пути Барни — тот грохнулся прямо на

* Яд!

** Один и Фрейя (скандинавские боги).

растения в горшках, — и сграбастал обеими руками бутылку виски. Он уже почти поднес ее к губам, когда кастет Текса опустился ему на затылок, и обмякшее тело викинга рухнуло на пол.

— Что это такое? — закричал Л. М. — Убийство у меня в кабинете? В нашей фирме и так хватает сумасшедших — отвезите этого парня обратно и найдите мне другого, кто говорит по-английски; в следующий раз я хочу обойтись без переводчика.

— Ни один из них не говорит по-английски, — утрюмо проворчал Барни, осторожно извлекая из своего костюма шипы кактуса.

— Тогда научите его — но хватит с меня сумасшедших.

ГЛАВА 4

Барни Хендриксон подавил стон и дрожащей рукой поднял к губам бумажный стаканчик черного кофе. Он уже забыл, сколько часов — или веков — он не сомкнул глаз. Затруднения возникали одно за другим, а рассвет следующего дня принес новые проблемы. Пока Барни потягивал кофе, голос Далласа Леви жужжал в телефонной трубке подобно рассерженной осе.

— Согласен, Даллас, согласен, — прохрипел Барни едва слышно в ответ — после того, как выкурил подряд три пачки сигарет, его головные связи отказали. — Оставайся с ним и постарайся его успокоить... Около этих старых пакгаузов ни единой живой души... ну хорошо, последние три часа ты получил двойную ставку... ладно, теперь получишь тройную, я дам расписку. Только не выпускай его из-под замка, пока мы не решим, что с ним делать. И передай доктору Лину, чтобы он пришел ко мне как можно быстрее. Пока.

Барни опустил телефонную трубку и попытался сконцентрировать свое внимание на лежащем перед ним листочке бумаги с бюджетом съемочной группы. Пока что чуть не около каждой строчки стояли вопросительные знаки — будет нелегко протащить этот бюджет через бухгалтерию. А что будет, если полиция разнюхает о том, что у них в старом пакгаузе заперт викинг? Может ли быть законным обвинение в похищении человека, умершего почти тысячу лет назад?

— Голова крутом идет, — пробормотал он и протянул руку за новым стаканом кофе.

Профессор Хьюитт, свеженький как огурчик, ходил взад и вперед по кабинету, крутил ручку карманной счетной машинки и записывал результаты в записную книжку.

— Ну как дела, проф? — спросил Барни. — Сможем ли мы

послать в прошлое что-нибудь большое по размеру, чем наш грузовик?

— Терпение, наберитесь терпения. Природа раскрывает свои секреты очень неохотно, и открытие может не состояться лишь из-за того, что запятая в десятичной дроби оказалась не на месте. Ведь кроме обычных четырех измерений физического пространства и времени необходимо принять во внимание три дополнительных измерения — перемещение в пространстве, массу, кумулятивную ошибку, которая, по моему мнению, вызывается энтропией...

— Избавьте меня от деталей, проф, мне нужен всего лишь ответ.

Селектор на его столе загудел, и Барни велел секретарше провести доктора Лина прямо в кабинет. Лин отказался от предложенной сигареты и, согнув длинные ноги, опустился в кресло.

— Ну, выкладывайте дурные новости, — сказал Барни, — или это ваше обычное выражение лица? Неполадки с викингом?

— Как вы сами выразились, неполадки. Перед нами стоит проблема коммуникации, поскольку степень моего владения старонорвежским языком далека от совершенства и в придачу Оттар не проявляет никакого интереса к тому, о чем я пытаюсь с ним говорить. Тем не менее мне кажется, что с помощью известных поощрительных мер его можно убедить в том, что он должен овладеть английским языком.

— Поощрительных мер?..

— Денег или их эквивалента в одиннадцатом столетии. Подобно большинству викингов, он падок на деньги и готов на что угодно, лишь бы добиться высокого положения и богатства, хотя он, разумеется, предпочитает достичь этого с помощью убийств и насилия.

— С этим не будет никаких затруднений. Мы готовы платить ему за уроки, бухгалтерия уже разработала валютный курс — разумеется, в нашу пользу, но как насчет времени? Вы можете научить его говорить по-английски за две недели?

— Это совершенно исключено! С человеком, который стремится овладеть языком, этого можно добиться, но не с Оттаром. Мягко выражаясь, у него полное отсутствие такого стремления, да плюс к тому он отказывается делать что бы то ни было, пока его не освободят. А это тоже немаловажно.

— Немаловажно! — сказал Барни и почувствовал вдруг непре-

одолимое желание вырвать у себя клок волос. — Представляю себе этого волосатого психа с его топором на углу Голливуд-стрит и Вайн. Об этом не может быть и речи!..

— Если мне позволят внести предложение... — сказал профессор Хьюитт, внезапно прекратив свое бесконечное хождение и повернувшись к Барни. — Если доктор Лин вернется с этим аборигеном в его время, то у него появится отличная возможность вести обучение английскому языку в привычной для викинга обстановке, что должно ободрить и успокоить его.

— Однако это совсем не ободрит и не успокоит меня, профессор, — холодно заметил Лин. — Жизнь в те времена была жестокой и очень короткой.

— Я уверен, что можно принять предохранительные меры, доктор, — сказал профессор, возвращаясь в своим вычислениям. — Мне кажется, что филологические перспективы в данном случае значительно перевешивают фактор личной безопасности...

— В этом вы, несомненно, правы, — согласился Лин, устремив свой невидящий взгляд в дебри существительных, корней, падежей и склонений, давным-давно скрытых под пластами времени.

— ...не говоря уже о том, что в этом случае временной фактор может быть изменен так, как это нужно нам. Господа, мы можем сокращать время или растягивать его до бесконечности! Доктор Лин может потратить на обучение Оттара десять дней, десять месяцев или десять лет, оказавшись в эре викингов, а после того, как мы вернемся за ним, с нашей точки зрения, пройдет несколько минут.

— Двух месяцев будет достаточно, — огрызнулся Лин, — если вас интересует моя точка зрения.

— Ну вот и отлично, — сказал Барни. — Лин отправится в прошлое с викингом и научить его английскому языку, а мы прибудем со съемочной группой через два месяца по викинговскому времени и приступим к съемкам фильма.

— Я еще не дал своего согласия, — настаивал Лин. — Опасность...

— Интересно, насколько это приятно — быть величайшим и единственным во всем мире специалистом по старонорвежскому языку? — вкрадчиво спросил Барни, уже успевший приобрести некоторый опыт в общении с академическим умом, и отсутствующее вы-

ражение на лице Лина показало, что стрела попала точно в цель. — Отлично! Подробности мы обдумаем позже. А теперь почему бы вам не отправиться к Оттару и не попробовать объяснить ему все это? Не забудьте упомянуть про деньги. Мы заставим его подписать контракт и включим статью о неустойке, так что вы будете в полной безопасности, пока у него не угаснет желание получать монеты.

— Ну, это можно, — согласился Лин, и Барни понял, что доктор пойман на крючок.

— Отлично! Отправляйтесь к Оттару и объясните, чего мы от него хотим, а пока вы будете его обрабатывать, я свяжусь с отделом контрактов и попрошу их составить один из тех, на первый взгляд законных, пожизненных каторжных контрактов, которыми они славятся. — Барни нажал на рычажок селектора. — Соедини-ка меня с контрактным, Бетти. И где же, наконец, мой бензедрин?

— Я звонила в амбулаторию час назад, — проквакал селектор.

— Позвони еще раз, если хочешь, чтобы я не протянул ноги после полудня.

Как только Йенс Лин вышел из кабинета, в дверях появился миниатюрный человек восточного типа с кислым выражением физиономии, одетый в розовые брюки, вишневого цвета рубашку и спортивную куртку из твида.

— Привет, Чарли Чанг, — рявкнул Барни, протягивая руку. — Не видел тебя сто лет.

— Действительно, сто лет, — согласился Чарли, широко улыбаясь и трясая протянутую руку. — Счастлив снова работать с тобой.

Они терпеть не могли друг друга, и как только их руки освободились, Барни зажег сигарету, а на лице Чанга улыбка превратилась в обычную кислую гримасу. — Что-нибудь наклевывается, Барни? — спросил он.

— Широкоэкранный фильм на три часа с солидным бюджетом, и ты — единственный человек, который мог бы написать сценарий.

— У нас уже не хватает книжных сюжетов, Барни, но я всегда считал, что «Песня Саломона», полная секса, но без примеси порнографии, была бы...

— Сюжет для фильма уже выбран — совершенно новая идея об открытии Америки мореплавателями-викингами.

Выражение лица Чанга стало еще более кислым.

— Звучит неплохо, Барни, но ты же знаешь, на какие темы я пишу. Не думаю, что викинги по моей линии.

— Ты отличный писатель, Чарли, а это значит, что все по твоей линии. К тому же ты подписал контракт, — прибавил Барни, вытаскивая из ножен на несколько дюймов кинжал угрозы так, чтобы собеседник его заметил.

— Конечно, нельзя забывать о контракте, — холодно произнес Чарли. — Я всегда мечтал написать сценарий для исторического фильма.

— Великолепно! — воскликнул Барни, снова придвигая к себе листочек с бюджетом фильма. Дверь распахнулась, и рассыльный вкатил тележку, доверху нагруженную книгами. Барни показал на них. — Вот тебе из библиотеки все, что нужно по викингам, — быстренько просмотрю, и через минуту мы с тобой обсудим набросок сценария.

— Через минуту, да, да, — сказал Чарли, мрачно разглядывая несколько десятков толстенных томов.

— Пять тысяч семьсот семьдесят три и двадцать восемь сотых кубических фута с нагрузкой двенадцать тысяч семьсот семьдесят семь и шестьдесят две сотых килограмма при условии увеличения затраты энергии на двадцать семь целых две десятых процента, — внезапно сообщил профессор Хьюитт.

— О чем это вы говорите? — рявкнул Барни.

— Это те данные, о которых вы меня спрашивали, — какой груз может быть перенесен времеатроном в прошлое при увеличении подачи электроэнергии.

— Великолепно! А теперь не будете ли вы так любезны перевести это на обыкновенный язык?

— Грубо говоря, — профессор закатил глаза и что-то быстро-быстро забормotal про себя на едином выдохе. — Я полагаю, что во времени и пространстве может быть перемещен груз весом в четырнадцать тонн и размерами двенадцать на двенадцать на сорок футов.

— Вот это понятнее. Похоже, сюда вместится все, что нам будет нужно в прошлом.

— Контракт, который вы просили, — сказала Бетти, опуская на письменный стол документ на восьми листах.

— Хорошо, — сказал Барни, перелистав страницы хрустящей меловой бумаги. — Пригласи сюда Далласа Леви.

— В приемной ждет мисс Тоув со своим импресарио. Ей можно войти?..

— Только не сейчас! Скажи ей, что у меня разыгралась проказа и я никого не принимаю. И где, наконец, мои Бенни? Я не продержусь до полудня на одном кофе!

— Я уже три раза звонила в амбулаторию. Сегодня у них, кажется, не хватает персонала.

— Тогда лучше сходи сама и принеси бензедрин.

— Барни Хендриксон, я не видела тебя столько лет...

Эти слова, произнесенные хрипловатым голосом, пронесли по кабинету, и в нем тотчас воцарилась тишина. Злые языки говорили, что Слайти Тоув обладает актерскими способностями марионетки, у которой порваны ниточки, умом обезьяны чихуахуа и нравственностью Фанни Хилл. И они были совершенно правы. Тем не менее эти достоинства, вернее их отсутствие, не могли объяснить потрясающий успех фильмов, в которых Слайти снималась. Единственным достоинством, которым она обладала в избытке, было ярко выраженное женское начало плюс ее удивительная способность вступать в контакт, если можно так выразиться, на гормональном уровне. Слайти распространяла вокруг себя не столько аромат секса, сколько аромат сексуальной доступности. Причем этот аромат был настолько силен, что с минимальными потерями просачивался сквозь барьеры пленки, линз и проекторов и захлестывал зрителя потолками горячей дымящей страсти с серебряного экрана кинематографа. Ее картины делали сборы. Женщины, как правило, не любили ходить на них. Теперь этот специфический аромат, свободный от препятствий в виде пространства, времени и целлулоида кинопленки, ворвался в кабинет, заставив всех мужчин повернуться к Слайти. Казалось, если бы в кабинете стоял счетчик Гейгера, он трещал бы уже не переставая.

Бетти громко фыркнула и вылетела из комнаты, но в дверях, в которых боком стояла актриса, ей пришлось сбавить скорость. Правду говорили, что у Слайти самый большой бюст в Голливуде...

— Слайти... — произнес Барни, и голос его сел. Конечно, из-за того, что было выкурено слишком много сигарет.

— Барни, дорогой, — произнесла актриса, пока гидравлические поршни ее округлых ног медленно и плавно несли ее через комнату, — я не видела тебя целую вечность.

Опершись на край письменного стола, Слайти наклонилась вперед. Сила земного тяготения тут же потянула вниз тонкую ткань ее блузки, и не меньше девяноста восьми процентов ее монументальной груди появилось в поле зрения продюсера.

— Слайти... — сказал Барни, мгновенно вскакивая на ноги. — Я хотел поговорить с тобой о роли в картине, которую мы будем делать, но ты видишь, я сейчас занят...

Нечаянно он взял ее руку, которая тут же запульсировала в его пальцах как огромное, горячее, бьющееся сердце, и актриса наклонилась еще больше. Барни сдернул руку.

— Если ты подождешь несколько минут, я займусь тобой, как только освобожусь.

— Тогда я сяду вот здесь около стенки, — раздался низкий голос, — и не буду никому мешать.

— Вы меня звали? — спросил Даллас Леви, с порога обращаясь к Барни и в то же время пожирая глазами актрису. Гормоны вступили в контакт с гормонами и Слайти глубоко вздохнула. Даллас удовлетворенно улыбнулся.

— Да, — сказал Барни, извлекая контракт из-под горы бумаг на столе. — Отнеси вот это Лину и передай ему, чтобы его друг подписал. У тебя еще какие-то неприятности?

— После того как мы обнаружили, что ему нравится пережаренный бифштекс и пиво, никаких. Всякий раз когда он начинает волноваться, мы сеем ему в пасть еще один бифштекс и кварту пива, и он сразу успокаивается. Пока что выведено в расход восемь бифштексов и восемь кварт пива.

— Давай, пусть подпишет, — сказал Барни, и его взгляд случайно упал на Слайти, которая опустилась в кресло и скрестила обтянутые шелком ноги. На ее подвязках были маленькие розовые бантики...

— Ну, что ты скажешь, Чарли? — спросил Барни, бессильно опускаясь в свое вращающееся кресло и делая поворот на сто восемьдесят градусов. — Уже есть идеи?

Чарли Чанг поднял двумя руками толстую книгу и показал Барни.

— Пока я на тринадцатой странице первого тома, и осталось еще порядочно.

— Это всего лишь иллюстративный материал, — сказал Барни. — Я думаю, мы сможем набросать план в общих чертах сейчас, а детали тыставишь позже. Л. М. предложил сделать сагу, и, мне кажется, это отличная мысль. Действие начнется на Оркнейских островах примерно в 1000 году, когда происходит масса событий. Там у тебя будут норвежские поселенцы, и грабители-викинги, и атмосфера, накаленная до предела. Может быть, стоит начать с рейда викингов — корабль с головой дракона медленно скользит по черной воде, представляешь?

— Вроде как в вестерне, когда бандиты, готовясь к ограблению банка, молча въезжают в спящий город?

— Примерно так. Дальше: главный герой — вождь викингов или, может быть, главарь поселенцев на берегу, ты сам сообразишь, как лучше. Происходит бой, затем еще какая-нибудь битва, поэтому герой решает вместе со своим племенем переселиться в новую страну — Винланд, об открытии которой он только что узнал.

— Что-то вроде покорения Запада?

— Точно. Затем путешествие, шторм, кораблекрушение, высадка на берег, первое поселение, битва с индейцами. И думай пошире, потому что у нас будет много массовых сцен. И заключение на высокой ноте — в свете заходящего солнца.

Чарли Чанг, слушая Барни, торопливо записывал свои заметки на титульном листе книги и кивал головой в знак согласия.

— Еще один вопрос, — сказал он, выставив вперед книгу. — Некоторые имена в хронике — один смех. Вот послушай только, здесь есть Эйольф Вонючий. И дальше Пиг Полярный Медведь, Рагнар Волосатые Штаны — и миллион таких же. Конечно, можно их вставить для смеха...

— Это серьезный фильм, Чарли, самый серьезный из всех, какие тебе приходилось делать.

— Конечно, Барни, ты — босс. Это просто предложение. Будет любовная линия?

— Да, и начни ее пораньше — ты знаешь, как это делается.

— Эта роль создана для меня, Барни, милый, — прошептали ему в ухо, и теплые руки обвили шею продюсера.

— Не позволяй ему улестить тебя, Слайти, — раздался приглушенный голос. — Барни Хендриксон мой друг, мой очень старый друг, но он бизнесмен до мозга костей, хитрый и проницательный, и что бы ты ему ни обещала — хотя мне и не хочется этого говорить, — я должен буду внимательно изучить все контракты, перед тем как ты их подпишешь.

— Айвэн, — прохрипел Барни, пытаясь вырваться из душистого осьминожьего плена, — будь добр, оттащи свою клиентуру в сторону на несколько минут, и потом я займусь вами. Не знаю, сумеем ли мы договориться, но тогда мы, по крайней мере, сможем говорить.

Айвэн Гриссини, несмотря на свой горбатый нос, черные волосы и мятый покрытый перхотью костюм, что делало его похожим на классический тип мошенника, был настоящим мошенником. Он чувял запах долларов за десять миль против ветра во время грозы с градом и всегда носил с собой шестнадцать авторучек, которые он неизменно наполнял каждое утро, перед тем как отправиться к себе в контору.

— Посиди рядом со мной, бэби, — сказал он, отправляя Слайти в угол привычным отработанным движением. Поскольку Слайти не была набита зелененькими, Гриссини оставался невосприимчивым к ее чарам. — Барни Хендриксон всегда делает то, что обещал, и даже еще больше.

Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда в дверях появился Йенс Лин, размахивая контрактом.

— Оттар не может это подписать, — сказал он. — Ведь контракт на английском языке.

— Так переведите ему, вы же технический советник. Одну минутку, — проговорил он в трубку.

— Я могу перевести контракт, это чрезвычайно трудно, но возможно, однако зачем это? Ведь Оттар не умеет читать.

— Подождите минутку, Лин. Нет, это я не тебе, Сэм. Знаю, Сэм... Конечно, я видел предварительные расчеты, ведь я сам их составил. Нет, не нужно спрашивать меня, где я достаю ЛСД... Будь реалистом, Сэм. Согласен, мы не вчера родились, ни ты, ни я... Как ты не понимаешь, что этот фильм может быть снят в пределах той цифры, которую я дал тебе, плюс или минус пятьдесят тысяч... Не говори, что

это невозможно, Сэм. Помнишь поговорку — мы делаем и невозможное, просто для этого требуется немного больше времени? Что? Прямо по телефону? Сэм, будь благоразумен. У меня Бейли, я просто не могу сейчас входить в детали... Отделаться? Я? Никогда! Да-да, конечно, спроси его. Л.М. в курсе дел с самого начала, он следит за каждым шагом, и ты увидишь, что он поддерживает меня по каждому пункту... Верно... И тебе того же самого, Сэм.

Барни опустил трубку, и Чарли Чанг сказал:

— Ее взяли в плен, когда пираты напали на поселение; в начале картины она сопротивляется ему с ненавистью, но затем вопреки ее собственной воле ненависть переходит в любовь.

— Меня еще никогда не брали в плен пираты, — прохрипела Слайти из угла.

— Отличная мысль, Чарли, — согласился Барни.

— И даже если бы он мог читать — он все равно не умеет писать, — продолжал Лин.

— У нас не раз возникала такая же проблема с иностранными актерами, — повернулся к нему Барни. — Подколи к контракту перевод, заверенный двуязычным нотариусом, затем пусть Оттар обмакнет большой палец в чернила и приложит его в конце каждого документа. Когда отпечаток его пальца заверят два нейтральных свидетеля, этот документ будет признан действительным в любом суде мира.

— Не так-то просто найти нотариуса, владеющего в равной степени английским и старонорвежским языками...

— Обратись в отдел кадров, они могут найти кого угодно.

В открытую дверь вошла секретарша и водрузила на письменный стол пузырек, полный таблеток бензедрина.

— Вот ваш бенни, мистер Хендриксон.

— Слишком поздно, — прошептал Барни, глядя перед собой неподвижным взглядом, — слишком поздно.

Телефон и селектор зазвенели одновременно. Барни вытряхнул из пузырька на ладонь пару таблеток и запил их холодным, пахнущим картоном кофе. Затем он нажал на рычажок селектора.

— Хендриксон слушает.

— Барни, сейчас же зайди ко мне, — раздался голос Л. М.

Бетти подняла телефонную трубку.

— Это секретарша Л. М. Гринспэна, — сказала она Барни. — Л.М. хочет, чтобы вы зашли к нему.

— Понятно.

Барни с трудом поднялся из-за стола — болели мускулы — и подумал, сколько времени потребуется, чтобы бензедрин начал действовать. — Навались на работу, Чарли, мне понадобится конспект сценария — пара страниц, и как можно скорее.

Когда он проходил мимо Гриссини, проворные руки импресарио устремились к лацкану его пиджака, но Барни с искусством, рожденным многолетней практикой, ловко увернулся.

— Подожди минутку, Айвэн, я поговорю с тобой сразу после возвращения от Л. М. — Хор голосов мгновенно стих, отрезанный захлопнувшейся дверью. — Будь добра, Бетти, дай мне свое полотенце, — попросил он.

Бетти протянула ему полотенце, и Барни набросил его на плечи, тщательно подоткнув его край за воротник рубашки. Затем он наклонил голову, подsunул ее под водопроводный кран и чуть не задохнулся, когда Бетти открыла кран. В течение нескольких секунд струя ледяной воды текла на затылок и шею продюсера, затем он выпрямился и вытер голову и шею полотенцем. Бетти одолжила ему свой гребешок. После ледяного душа он чувствовал себя слабее, но все-таки лучше и, когда посмотрел в зеркало, увидел, что выглядит почти как человек. Почти.

— Запри за собой дверь, — распорядился Л. М., когда Барни вошел в его кабинет, затем, хрюкнув от напряжения, перекусил кусачками последний телефонный провод.

— Больше нет, Сэм?

— Это был последний, — сказал Сэм серым бесцветным голосом. Внешне Сэм тоже выглядел весьма серым и бесцветным, что было, несомненно, защитной окраской, ибо Сэм был личным персональным бухгалтером Л. М., и о нем ходила слава как о самом большом в мире специалисте по корпоративным финансам и увиливанию от уплаты налогов. Он прижал к груди папку с документами и посмотрел на Л.М. — В этом уже нет необходимости, — сказал он.

— Может быть, может быть, — Л. М. опустил в кресло, отдуваясь. — Но стоит мне только произнести слово «банк», когда у меня в кабинете не перерезаны провода, как мое сердце начинает биться с

перебоями. У меня плохие новости для тебя, Барни. — Он откусил конец сигары. — Мы разорены.

— Что это значит? — Барни перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. — Это что, шутка?

— Л. М. имеет в виду, — уточнил Сэм, — что «Клаймэктик студิโอз» в ближайшее время обанкротится.

— Сели на мель, загублено дело всей моей жизни, — сказал Л. М. глухим голосом.

Сэм механически кивнул, подобно кукле чревовещателя, и сказал:

— В общем чертах положение таково. Обычно мы только через три месяца шлем свой финансовый отчет в банки, которые, как ты знаешь, держат контрольный пакет нашей студии. Однако по неизвестным для нас причинам они присылают своих ревизоров для проверки бухгалтерских книг уже на следующей неделе.

— Ну? — спросил Барни и внезапно ощутил легкое головокружение. Тишина стала невыносимой; он вскочил и начал ходить по кабинету. — Ну и они обнаружат, что студия на мели, что все прибыли — только на бумаге, — Барни повернулся к Л. М. и драматическим жестом указал на него, — и что все деньги перекачены в фонд Л. М. Гринспэна, не облагаемый налогом. Не удивительно, что вы не переживаете, Л. М. Пусть себе студия катится под откос, а Л. М. Гринспэн будет идти вперед!

— Поосторожнее выражайтесь! Разве можно так разговаривать с тем, кто вывел тебя в люди...

— Вывел в люди — а теперь выводит! — Барни ударил себя по шее ребром ладони сильнее, чем это входило в его планы. — Послушайте, Л. М., — сказал он умоляющим голосом, потирая ушибленное место, — мы не должны сдаваться! Пока не опустится топор, у нас еще остается шанс! Ведь вы считали, что еще есть надежды на спасение, иначе бы вы не связались с профессором Хьюиттом и его машиной. Вы, наверно, думали, что большие кассовые сборы уменьшат давление со стороны банков, снова сделают фирму платежеспособной. И мы все еще можем сделать это!

Л. М. с мрачным видом покачал головой.

— Не хочу сказать, что приятно пожимать руку человеку, который вот-вот вонзит себе нож в спину, но что я могу сделать? Конечно, финансовый успех фильма, даже просто отснятая, но не вышедшая на экраны большая картина позволила бы нам смеяться над банковской ревьюизией, но ведь мы не можем сделать фильм за неделю.

Мы не можем сделать фильм за неделю! Эти слова шевелились в оступевшей от кофеина, никотина и бензедрина голове Барни, будя какие-то далекие смутные воспоминания.

— Л. М., — сказал Барни, сопровождая свои слова драматических жестом, — у вас будет инфаркт!

— Типун тебе на язык! — охнул Л. М. и схватился за модный пласт жира где-то в районе сердца. — И не произноси больше этого слова. Одного инфаркта мне вполне достаточно.

— Послушайте. Вы отправляетесь вместе с Сэмом к себе домой, чтобы поработать над бухгалтерскими книгами, и конечно, берете их с собой. Сегодня вечером вы заболеваете. Может быть, это расстройство желудка, а может, инфаркт. Ваш доктор говорит, что он подозревает инфаркт. В благодарность за все те деньги, которые он получил от вас, он должен оказать вам эту маленькую любезность. Несколько дней все бегают туда-сюда и кричат, бухгалтерские книги временно забыты, затем подходит уикэнд, и никому и в голову не придет смотреть книги раньше понедельника, может быть, даже вторника.

— Понедельника, твердо сказал Сэм. — Ты не знаешь банков, Барни. Если в понедельник мы не представим книг, они пошлют на дом к Л. М. автобус с врачами.

— Ну хорошо, в понедельник. У нас все равно достаточно времени.

— Пусть понедельник — что от этого изменится? Откровенно говоря, я озадачен, — Л. М. нахмурился и принял озадаченный вид.

— А вот что, Л. М. Утром в понедельник я доставлю вам в кабинет отснятую картину. Картину, которая принесет вам два-три миллиона только из-за продолжительности, широкоэкранности и цвета.

— Ты сошел с ума!

— Ничуть, Л. М. Вы забыли про времееатрон. Машина профессора Хьюитта действует. Помните, вчера вечером вы еще подумали, что мы отлучились на десять минут? — Л. М. неохотно кивнул головой. — Так оно и было — по вашему времени. Но по времени викингов мы провели в прошлом более часа! И мы можем все повторить. Отправим съемочную группу со всем необходимым в прошлое, и пусть она остается там столько времени, сколько ей нужно для того, чтобы сделать фильм.

— Ты хочешь сказать...

— Совершенно верно. Когда мы вернемся обратно с отснятым фильмом, вам будет казаться, что прошло всего десять минут!

— Почему же никто не подумал об этом раньше? — прошептал Л. М. с блаженной улыбкой на лице.

— Тут много причин...

— Так ты хочешь сказать, — Сэм подался вперед так, что чуть не упал с кресла, и какой-то намек на выражение, может быть, даже на улыбку появился на его лице. — Так ты хочешь сказать, что мы будем платить только за десять минут производства фильма?

— Я имел в виду совсем не это, — огрызнулся Барни. — И вообще хочу сразу предупредить, что с точки зрения бухгалтерии здесь будет масса трудностей. Тем не менее, чтобы ободрить вас, я гарантирую, что мы произведем все съемки на местности — со многими массовыми сценами — за одну десятую стоимости фильма, снятого в Испании.

Глаза Сэма сверкнули.

— Я незнаком с подробностями этого проекта, Л. М., но некоторые детали кажутся там весьма интересными.

— И ты сможешь сделать это, Барни? Сможешь снять такой фильм?

— Я сделаю это, только если вы окажете мне всяческое содействие и не будете задавать вопросов. Сегодня вторник. Пожалуй, к субботе мы сможем закончить всю подготовку. — Барни начал загибать пальцы. — Нам нужно подписать контракты с главными исполнителями, запастись достаточным количеством пленки, набрать технический персонал, взять, по крайней мере, две дополнительные съемочные камеры... — Он продолжал бормотать себе под нос, перечисляя все необходимое. — Да, — сказал он наконец, — мы можем сделать это.

— И все-таки не знаю... — задумчиво сказал Л. М. — Уж больно сумасшедшая идея...

Будущее грандиозного боевика висело на волоске, и Барни отчаянно пытался найти довод, который убедил бы Л. М.

— Еще одно, Л. М. Если мы будем вести съемки в течение шести месяцев, то придется, конечно, платить заработную плату за все шесть месяцев. Однако если взять кинокамеры и остальное съемочное оборудование напрокат, то мы заплатим ренту лишь за несколько дней!

— Барни, — сказал Л. М., выпрямляясь в кресле, — ты назначаешься режиссером и продюсером этой картины.

ГЛАВА 5

— Вы еще услышите о Синекитте, мистер Хендриксон...

— Барни...

— ...еще услышите, Барни, эта история еще не окончена. После войны итальянцы создали неореалистическое искусство, затем ему на смену пришел кухонный реализм английской кинематографии. Но понимаешь, Барни, Рим еще не умер. Такие ребята, как я, приезжают ненадолго в Голливуд, совершенствуют технику, схватывают на лету новые приемы...

— А попутно и солидные гонорары...

— Не отрицаю, их привлекают доллары. Да, знаешь, Барни, вряд ли мы сумеем заснять что-нибудь на цветную пленку в это время дня. — Он взмахнул своим восьмимиллиметровым Болексом, висющим на ремешке на запястье. — Нужно было зарядить камеру черно-белым три-экс. Ведь уже пять часов вечера.

— Не беспокойся, Джино, ручаюсь, что у тебя будет сколько угодно света, — Барни поднял голову и увидел, как из двери пакгауза вышел Эмори Блестэд. — Подойди-ка сюда, Эмори, — окликнул он инженера. — Познакомься, это наш кинооператор Джино Каппо. Джино, это Эмори Блестэд, наш инженер.

— Очень рад познакомиться, — сказал Эмори, пожимая руку итальянца. — Меня всегда интересовало, как вам удалось добиться этих отталкивающих киноэффектов в «Осенней любви».

— Вы имеете в виду «Порко мондо»? Это не киноэффекты, именно так выглядят некоторые районы Югославии. — Он повернулся к Барни. — Даллас просил меня передать, что они приведут Оттара через пять минут.

— Давно пора. Пусть профессор прогревает свою машину.

Барни, болезненно морщась, вскарабкался в кузов армейского грузовика и опустился на ящики. Ему все-таки удалось соснуть с чашок на кушетке в своем кабинете, но его разбудил очередной срочный вызов Л. М., и Барни поднялся в его кабинет для продолжительного спора из-за бюджета фильма. Истощение начинало сказываться.

— Я заново отрегулировал все свое оборудование, — сообщил ему профессор Хьюитт, радостно похлопывая по контрольной панели времематрона. — И начиная с этого дня могу гарантировать будущим путешественникам максимальную точность, как во временном, так и в географическом плане.

— Великолепно. Отрегулируйте все так, чтобы мы прибыли на то же место, что и раньше, в тот же день и в тот же час. Тогда было превосходное освещение.

Дверь распахнулась, и пакгауз наполнился громкими гортанными звуками. В помещение, пошатываясь, ввалился Оттар в сопровождении Йенса Лина и Далласа Леви, которые не столько сдерживали, сколько поддерживали викинга — Отар был в стельку пьян. За ними шествовал Текс, кативший перед собой тележку, доверху нагруженную ящиками. Понадобились совместные усилия всех троих, чтобы забросить викинга в кузов грузовика, где он тотчас же впал в забытие, что-то бормоча с блаженным видом. Оттара со всех сторон забаррикадировали ящиками.

— Что в них? — поинтересовался Барни.

— Товары для обмена, — ответил Лин, с трудом перекидывая ящик с надписью «Виски Джек Даниэльс» через задний борт грузовика. — Оттар подписал контракт, я ужасно удивился, что здесь удалось разыскать исландского нотариуса...

— В Голливуде можно найти что угодно.

— ...и Оттар согласился учить английский язык после того, как его доставят домой. У него появился заметный интерес к алкогольным напиткам двойной очистки, и мы заключили соглашение — за каждый день учебы по бутылке виски.

— Неужели вы не могли всучить ему какой-нибудь сивухи? — спросил Барни, когда второй ящик «Джека Даниэльса» исчез в кузове. — Как же я буду выкручиваться перед бухгалтерией?

— Мы пробовали, — вставил Даллас, перекидывая через борт третий ящик. — Попытались всучить ему пойло вроде «Оулд Оувер-

коут» — 95-градусный хлебный спирт, но он сделал от ворот поворот. Изысканный вкус у этого дикаря! Два месяца обучения, пять ящиков виски — таковы условия.

Йенс Лин вскарабкался в кузов, и Барни с восхищением уставился на его высокие, до колен, саперные сапоги, краги, охотничью куртку с множеством карманов и ножны с огромным ножом.

— А зачем этот костюм для джунглей? — спросил он.

— Просто, чтобы оставаться в живых и для удобства, — объяснил Лин, освобождая место для спального мешка и огромного сундука, который Даллас с трудом втащил в кузов. — Здесь у меня ДДТ против вшей, которых там, конечно, хоть пруд пруди, таблетки для питьевой воды и запас консервов. Питание в те времена не отличалось разнообразием, и современному человеку оно, конечно, не годится. Поэтому я решил принять простейшие меры предосторожности.

— Очень предусмотрительно, — заметил Барни. — Эй вы, влезайте сюда и закрывайте задний борт, пора отправляться!

Хотя времеатрон по-прежнему завывал и искры бегали по его поверхности с той же интенсивностью, обстановка в машине была далеко не такой напряженной. Условные рефлексy человека, живущего в мире машин, одержали победу, и путешествие во времени казалось теперь таким же обыкновенным, как подъем в скоростном лифте, полет на реактивном самолете, спуск в подводной лодке или взлет в космической ракете. Только Джино, для которого это путешествие было первым, проявил признаки беспокойства, бросая быстрые взгляды то на ряды электронных инструментов, то на закрытую дверь пакгауза. Однако явное спокойствие других пассажиров — Барни ухитрился заснуть во время путешествия, а Даллас и датский филолог затеяли спор из-за того, что одна из бутылок виски оказалась открытой и, стало быть, терялся один день обучения английскому языку, — благотворно действовало на оператора. В момент перехода от одного темпорального состояния в другое Джино, потрясенный, привстал, однако тут же сел, когда ему в руки сунули бутылку. Тем не менее, когда за грузовиком появилось сверкающее голубое небо и соленый морской воздух наполнил легкие, у него глаза на лоб полезли.

— Ловкий трюк, а? — сказал он, глядя на свой экспонометр. — Как это у вас получается?

— Подробности можешь узнать у профа, — выдохнул Барни, проглотив лошадиную порцию виски. — Очень сложно. Что-то вроде перемещения во времени.

— А, понятно, — радостно кивнул головой Джино, устанавливая диафрагму на цифре 3,5. — Вроде временных зон, когда летишь из Лондона в Нью-Йорк. Такое впечатление, будто солнце не двигается, и ты прилетаешь в то же самое время, в которое взлетел.

— Что-то вроде этого.

— Великолепная освещенность. С таким светом можно дать хорошие краски.

— Если ты собираешься вести машину, не напивайся, — сказал Даллас, протягивая полупустую бутылку Тексу, сидящему за рулем грузовика. — Один глоток, приятель, и в дорогу.

Стартер взревел, мотор ожил, и Барни, выглянув через переднее окошко кузова, увидел, что они едут по следам другого грузовика, отчетливо видимым на мокром песке и гальке. Смутное воспоминание забрезжило у него в голове, несмотря на усталость, и он застучал по металлической крышке кабины прямо над головой Текса.

— Поддай сигнал! — крикнул он изо всех сил.

Грузовик подъехал к мысу и начал объезжать его. Тут-то и раздался автомобильный гудок. Спотыкаясь об ящики, наступив на бок спящего викинга, Барни бросился к заднему борту грузовика. Послышался нарастающий рокот мотора, и армейский грузовик, похожий на их машину как две капли воды, промчался мимо, двигаясь в противоположном направлении. У самого борта Барни поспешно протянул руку и схватился за стойку у себя над головой. В удалявшемся грузовике он успел разглядеть самого себя с бледным лицом, выпученными глазами и широко открытым, как у кретина, ртом. Испытывая садистское удовлетворение, он приложил большой палец свободной руки к носу и покачал рукой, насмехаясь над потрясенным Барни в другой машине, которая тотчас скрылась за мысом.

— Здесь большое движение? — поинтересовался Джино.

Оттар сел, потирая бок и бормоча под нос проклятия. Йенс быстро успокоил его добрым глотком из бутылки, и через минуту грузовик остановился, проехав несколько футов по мелкой гальке.

— Примроуз-коттедж! — крикнул из кабины Текс. — Конечная остановка.

Вонючий дым по-прежнему поднимался из дыры на крыше приземистой землянки, однако ее обитателей не было видно. Оружие и примитивные орудия труда все еще были разбросаны по земле. Оттар не то вывалился, не то выпрыгнул из грузовика и заорал что есть мочи, изо все сил сжав голову руками, словно в порыве горя:

— Хвар эрут пер ракка? Комит ут!*

Он снова схватился за голову и стал искать глазами бутылку, которую Йенс Лин с мудрой предусмотрительностью успел припрятать. Из дома начали выходить дрожащие слуги.

— Ну, за дело! — распорядился Барни. — Разгружайте ящики и поставьте их куда покажет доктор Лин. Нет-нет, Джино, не суйся, ты пойдешь со мной.

Они вскарабкались на невысокий холм сразу позади хижины, с трудом прокладывая путь по короткой жесткой траве и то и дело спотыкаясь о косматых, диких на вид овец, которые мемская шарахались в сторону. С вершины мыса она отчетливо увидели изогнутую дугу залива, уходящую вдаль по обе стороны, и сланцево-серое безбрежье океана. Длинная волна накатилась на берег, разбилась о гальку и с шипением поползла по камням обратно в море. Посреди залива стоял мрачный остров с отвесными скалистыми берегами, под которыми пенился океанский прибой, а еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно другого острова, уже пониже.

— Сделай-ка панораму на все 360 градусов, мы изучим ее позже. И возьми крупным планом этот остров.

— А почему бы не пойти в глубь материка и не посмотреть, что там находится? — спросил Джино, глядя в видеоискатель.

— Потом, если останется время, сходим. Ведь мы собираемся снимать морскую картину, и мне хочется использовать виды открытого моря.

— Ну тогда пройдемся хотя бы вдоль берега — посмотрим, что там за мысом.

— Ладно, только не ходи один. Возьми с собой Текса или Далла-

* Где вы, собаки? Выходите сейчас же!

са — они выручат тебя в случае нужды. И не отлучайся больше чем на пятнадцать минут, чтобы мы могли найти тебя, когда придет время отправляться обратно.

Барни взглянул на берег и заметил лодку; схватив Джино за руку, он указал на нее.

— У меня идея. Возьми Лина в качестве переводчика, прихвати пару туземцев, и пусть они отвезут тебя подальше в море. Сделай несколько снимков — как это место выглядит с моря.

— Эй, Барни, — крикнул Текс, появляясь на вершине холма, — ты нужен в хижине. Там своего рода производственное совещание.

— Ты как раз вовремя, Текс. Оставайся с Джино и присмотри за ним.

— Я прилипну к нему как банный лист. Вабуона, э кумпа?

Джинно подозрительно посмотрел на него.

— Вуй саресте итальяно?

Текс засмеялся.

— Я? Нет, я американо, но у меня полно родственников-макаронников вдоль всего Неаполитанского залива.

— Ди Наполи! Со наполетано пурио! — радостно закричал Джино.

Оставив Джино и Текса, которые восторженно жали друг другу руки и вспоминали общих знакомых, Барни направился к хижине. Свесив ноги, в кузове грузовика сидел Даллас. В его руке дымилась сигарета.

— Все уже там, — сказал он, — а я решил для верности присмотреть за грузовиком, чтобы было на чем ехать обратно. Лин сказал, чтобы ты сразу заходил.

Барни безо всякого энтузиазма взглянул на низкую дверь, ведущую в хижину. Она была приоткрыта, и из щели шло больше дыма, чем из отверстия в крыше, служившей дымоходом.

— Не спускай глаз с машины, — вырвалось у Барни. — В такой дыре не хватает только этих неприятностей.

— И я подумал то же самое, — пробормотал Даллас и извлек из кармана автоматический пистолет. — Десять зарядов. И я стреляю без промаха.

Широко распахнув дверь, Барни нагнулся и вошел в хижину. Дым, что поднимался от тлеющего очага, висел на уровне его головы серой пеленой, и Барни был почти рад этому, так как запах дыма заглушал

остальные ароматы, щедро наполнявшие помещение. Принюхавшись, Барни различил запах тухлой рыбы, смолы, пота и еще множество других, которые ему и распознавать не хотелось. В первое мгновение он почти ослеп, попав в полутьму после яркого солнечного света, потому что единственными источниками освещения в хижине были открытая дверь и несколько отверстий, пробитых в стенах.

— Яйе, куннинги! Пу скалт дрекка мед мер!*

Хриплый голос Оттара потряс воздух, и, когда Барни немного освоился в полумраке, он смог различить группу людей, сидящих вокруг стола из толстых досок. У одного его конца сидел Оттар, колоотивший по столу кулаком.

— Он хочет, чтобы ты выпил с ним, — сказал Лин. — Это очень важный шаг, гостеприимство, хлеб-соль, понимаешь?

— Оль!** — рявкнул Оттар, поднимая небольшой бочонок с земляного пола.

— Выпил чего? — спросил Барни, глядя в темноту.

— Эля. Они делают эль из ячменя — это у них основная культура. Эль — изобретение северных германских племен, можно сказать, предок нашего пива. Даже само слово дошло до нас, правда, в слегка измененном виде...

— Дрекк!*** — приказал Оттар, наливая до краев рог и протягивая его Барни. Присмотревшись, Барни увидел, что это действительно коровий рог, изогнутый, потрескавшийся и далеко не первой чистоты. Йенс Лин, профессор и Эмори Блестэд также держали в руках по рогу. Барни поднес рог к губам и сделал глоток. Жидкость была кислой, водянистой, выдохшейся и ужасной на вкус.

— Замечательно! — сказал он, надеясь, что в темноте выражения его лица не будет видно.

— Я, готт ок вель!**** — согласился Оттар, и новая порция отвратительной жидкости хлынула в рог Барни, перелилась через край и потекла по его руке.

— Если тебе не нравится напиток, — глухим голосом произнес Эмори, — то подожди, когда очередь дойдет до еды.

* Хей, мой друг! Ты должен выпить со мной!

** Эль!

*** Пей!

**** Да, великолепный эль!

— Вот как раз что-то несут.

Профессор показал на дальний угол комнаты, где один из слуг копался в большом деревянном сундуке. Выпрямившись, слуга пнул один из темных холмиков, разбросанных по земляному полу. Раздалось обиженное мычание.

— Скот?.. — удивился Барни.

— Вот именно. Его держат в доме, — разъяснил Эмори. — Он придает здешней атмосфере особо тонкий аромат.

Слуга, которому длинные светлые волосы, ниспадавшие до плеч и закрывавшие глаза, придавали сходство с неухоженной овчаркой, направился к столу, сжимая в своих почерневших от грязи лапах по какой-то большой глыбе. Подойдя, он бросил глыбы на стол перед Барни, и они стукнулись о дерево, словно камни.

— Что это такое? — спросил Барни, подозрительно скосив глаза на лежащие перед ним глыбы. Одновременно он переложил рог в другую руку и попытался вытряхнуть ручеек эля из рукава своего пиджака.

— Слева — это сыр местного производства, а справа — кнек-брод, твердый хлеб, — пояснил Йенс Лин. — А может быть, наоборот.

Барни попробовал их надкусить, вернее, постучал зубами по их гранитной поверхности.

— Великолепно, просто великолепно, — сказал он, бросая их обратно на стол и глядя на светящийся циферблат своих часов. — Освещение меняется, и скоро нам нужно отправляться. Мне бы хотелось поговорить с тобой, Эмори, давай выйдем на улицу, если только ты можешь оторваться от пира.

— С удовольствием, — ответил Эмори. Содрогаясь от отвращения, он допил эль и выплеснул остатки на пол.

Солнце село за полосу ледяных облаков, и с моря подул холодный ветер; Барни зябко поежился и поглубже засунул руки в карманы.

— Мне нужна твоя помощь, Эмори, — сказал он. — Составь список всего необходимого для съемки фильма на местности в этой обстановке. По-видимому, здесь не удастся воспользоваться местными ресурсами в области съестного...

— Клянусь богом, ты прав!

— ...поэтому придется все захватить с собой. Кроме того, я хочу смонтировать фильм прямо здесь, так что в одном из прицепов должно быть помещение для монтажа.

— Ты хочешь нажить себе неприятностей, Барни. Будет чертовски трудно сделать здесь даже черновой монтаж. А как относительно тонировки? А музыка?

— Мы сделаем все, что можем. Найдем композитора и пару музыкантов, может быть, используем местный оркестр.

— Представляю себе местную музыку!

— Неважно, если потом придется изменить почти все звуковое сопровождение. Мы должны привезти готовый фильм, вот что важно...

— Мистер Хендриксон, — позвал Йенс Лин, открывая дверь и подходя к ним. Он порылся в нагрудном кармане своей охотничьей куртки и протянул Барни измятый конверт. — Я только что вспомнил, меня просили передать вам записку.

— Что еще такое? — спросил Барни.

— Не имею представления. Насколько мне известно, она конфиденциальная. Ваша секретарша передала ее мне, как раз когда мы отправлялись.

Барни разорвал конверт. Внутри был лист желтой бумаги с коротким машинописным текстом, гласившим:

Л. М. СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ: ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ, ВСЯ РАБОТА ПО СЪЕМКЕ ФИЛЬМА ПРЕКРАЩАЕТСЯ. ПРИЧИНА НЕ УКАЗАНА.

ГЛАВА 6

Барни отшвырнул от себя журнал, однако его обложка прилипла к руке и наполовину оторвалась. Он нетерпеливо отодрал от ладони бумагу и еще раз пожалел о том, что у него не хватило времени помыть руки после викингского пива. Надо же — съемка отменяется!

— Мисс Закер, — сказал он, — Л. М. ждет меня. Он так сказал. Он оставил записку. Я уверен, что он с нетерпением ожидает...

— Мне очень жаль, мистер Хендриксон, но он дал мне самые строгие указания ни в коем случае не беспокоить его во время совещания. — Пальцы секретарши на мгновение замерли над клавишами машинки, и даже челюсти прекратили жевательные движения. — Как только представится возможность, я сейчас же сообщу о вашем приходе. — Стук машинки возобновился, и в такт с ним опять начали двигаться челюсти.

— Вы могли бы, по крайней мере, позвонить ему и сообщить о моем приходе.

— Мистер Хендриксон! — воскликнула секретарша тоном матери-настоятельницы, облыжно обвиненной в содержании публичного дома.

Барни вышел в коридор, выпил воды, затем вымыл липкие ладони. Когда он вытирал руки о лист бумаги, раздалось жужжание ин-теркома, и мисс Закер кивнула ему.

— Теперь можете войти, — сказала она ледяным тоном.

— Что случилось, Л. М.? — спросил Барни, едва переступив порог. — Что значит эта записка?

Сэм сидел в своем кресле чурбан чурбаном, а напротив него съелся на стуле взопревший Чарли Чанг. Выражение лица у него было разнесчастное.

— Что это значит, а? Он еще спрашивает, что это значит! Это значит, что ты, Барни Хендриксон, провел меня за нос. Ты добился от меня согласия на съемку фильма, когда у тебя даже сценария не было!

— Ну конечно, у меня нет сценария! Как у меня может быть сценарий, когда мы только что решили делать фильм? Ведь это же чрезвычайный случай, правда?

— Правда, правда. Но чрезвычайный случай — это одно дело, а съемка фильма без сценария — совсем другое. Может быть, во Франции и делают фильмы по принципу тят-ляп, так что не поймешь, есть у них сценарий или нет. Но в нашем «Клаймэтике» так дела не делаются!

— Да, беспорядок, — согласился Сэм.

Барни изо всех сил пытался сохранить самообладание.

— Послушайте, Л. М. Будьте благоразумны. Ведь это критический момент. Вы забыли? Утопающий хватается за соломинку. Особые обстоятельства...

— То есть банк. Называйте вещи своими именами. Теперь это можно.

— Не будем уточнять, потому что мы еще можем провести их. Мы можем сделать картину. Вы вызвали моего сценариста?..

— У него нет сценария.

— Конечно, у него нет сценария. Только вчера вы и я окончательно договорились об идее фильма. Теперь, когда вы поговорили с ним и объяснили ему свои требования...

— У него нет сценария.

— Ради бога, выслушайте меня, Л. М. Чарли — хороший сценарист, вы сами его нашли и взрастили. Если кто-то может сделать то, что нам требуется, так это старый добрый Чарли. Если бы сейчас у вас в руках был сценарий этого фильма, написанный Чарли Чангом, вы ведь дали бы разрешение на съемки, верно?

— У него нет сце...

— Л. М., вы не слушаете меня. Если. Это важное слово. Если бы я сейчас вошел в кабинет и вручил вам написанный Чарли Чангом сценарий этого эпохального фильма под названием... под названием «Викинг Колумб», дали бы вы разрешение на его производство?

На лице Л. М. застыло непроницаемое выражение. Он взглянул на Сэма, который едва заметно опустил голову.

— Да, — тотчас же ответил Л. М.

— Ну вот, дело пошло на лад, — поспешно подхватил Барни. — Если я передам вам этот сценарий через час, вы дадите добро на производство фильма. Никакой разницы, верно?

Л. М. пожал плечами.

— Ну хорошо, для меня — никакой. Ну а какая для тебя разница?

— Ждите меня здесь, Л. М. — Барни вскочил и, схватив удивленного Чарли Чанга за рукав, стал тащить его в коридор. — Поговори с Сэмом о бюджете, выпейте по коктейлю. Я вернусь ровно через час. «Викинг Колумб» уже почти готов к производству.

— У меня есть знакомый психиатр, который принимает вечером, — сказал Чарли, едва за ним захлопнулась дверь кабинета. — Поговори с ним, Барни, а? Мне приходилось слышать много скоропалительных обещаний в нашем скоропалительном деле, но такого...

— Помолчи, Чарли. Тебе предстоит большая работа. — Барни, не переставая говорить, вывел упиравшегося сценариста в коридор. — Скажи, сколько времени потребуется тебе на то, чтобы сострять черновой вариант сценария для этого фильма, если работать на полную катушку? Сколько времени?

— Это огромная работа. По крайней мере, шесть месяцев.

— Отлично. Шесть месяцев. Концентрация усилий, первоклассный материал.

— Я сказал не недель, а месяцев.

— Если тебе понадобится шесть месяцев, у тебя будет шесть месяцев. Поверь моему слову, у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется. И кроме того, спокойное, тихое место для работы. — Они проходили мимо висевшей на стене фотографии, и Барни, внезапно остановившись, ткнул в нее пальцем. — Вот здесь. Остров Санта-Каталина. Масса солнечного света, освежающая морская ванна особенно приятна, когда у тебя мозги пересохнут.

— Я не смогу там работать, Барни. Остров так и кишит людьми, ночью в каждом доме вечеринки с танцами.

— Это ты так думаешь. А тебе понравится работать на Санта-Каталине, если вокруг не будет ни души и весь остров будет принадлежать тебе одному? Подумай только, что можно написать в таких условиях!

— Барни, честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Поймешь, Чарли. Через несколько минут все поймешь.

— Пятьдесят стопок бумаги, ящик копирки, стул для печатания — один, стол для машинки — один, пишущая машинка...

— Это допотопный образец, Барни, — прервал его Чарли. — На этом античном чуде приходится самому нажимать на клавиши. Я могу работать только на электрической модели IBM.

— Боюсь, что в той части острова, где разместится твой лагерь, снабжение электричеством будет не очень надежным. Ничего, ты сам увидишь, с какой быстротой твои пальцы обретут прежнюю сноровку, — утешил его Барни. Когда в кузов грузовика впихнули огромный сундук, Барни поставил галочку в длинном списке. — Один комплект сафари.

— Один комплект чего?

— Один комплект сафари «сделай сам» из отдела бутафории и реквизита.

Палатка, складная постель, стулья, сетки от moskitov, походная кухня — и все в отличном рабочем состоянии. Ты расположишься с удобствами, как доктор Ливингстон, только в два раза комфортабельнее. Пятидесятигаллонные бочки с водой — три, часы-табель пужинные с набором карточек — один комплект.

Ничего не понимая, Чарли Чанг смотрел на то, как самые разнообразные вещи одна за другой исчезали в кузове армейского грузовика. Все происходившее было бессмыслицей, включая седого старикашку позади всего этого барахла, который колдовал над радиоустановкой из фильма о Франкенштейне. Когда в кузов погрузили древние красного дерева часы-табель с римскими цифрами на циферблате, Чарли схватил Барни за руку.

— Ничего не понимаю, а уж это — и вовсе. Зачем мне часы-табель?

— Профессор Хьюитт объяснит тебе все самым подробным образом через несколько минут, а пока прими мои слова на веру. Часы играют важную роль, ты в этом убедишься. Не забудь пробивать карточку каждое утро.

— Мистер Хендриксон, — послышался голос его секретарши, — вам здорово повезло. — Она появилась в дверях пакгауза, ведя за руку озадаченного негра в белом халате и высоком повар-

ском колпаке. — Вы сказали, что вам нужен повар, только сейчас же, и я тут же отправилась на кухню и нашла там Клайда Роулстона. Оказалось, что он не только повар, но знает стенографию и машинопись.

— Ты настоящий ангел, Бетти. Закажи еще одну машинку...

— Сейчас ее доставят. А как с аптечкой скорой помощи?

— Уже погрузили. Ну, тогда все. Клайд, это Чарли, Чарли, это Клайд.

Позже вы сумеете познакомиться поближе. А теперь, пожалуйста, залезайте оба в грузовик.

— Я полезу, как только мне объяснят, что здесь происходит, — заявил Клайд, бросив на Барни вызывающий взгляд.

— Чрезвычайное положение, вы нужны «Клаймэктику», и я уверен, что вы оба, как преданные служащие, поможете нашей компании. Профессор Хьюитт вам все объяснит. Это займет немного времени. Обещаю вам, что мы с вами увидимся на этом самом месте ровно через десять минут по моим часам. А теперь, если вы перелезете через эти ящики, я подниму задний борт.

Успокоенные уверенным голосом Барни, они влезли в кузов, и профессор Хьюитт наклонился через их плечи к Барни.

— Мне кажется, кембрийский период подходит больше всего, — сказал он. — Знаете, ранний палеозой. Здоровый, умеренный климат, тепло и удобно, позвоночные кишат простыми трилобитами. Хотя для продолжительного пребывания, пожалуй, слишком тепло. Может быть, немного позже, в девонский период. Достаточно большие позвоночные все еще не появились...

— Профессор, вы специалист, поступайте, как считаете нужным. Нам предстоит масса работы, по крайней мере на нашем конце. Доставьте их на Каталину, выгрузите со всем бараклом, затем передвиньтесь на шесть недель вперед и доставьте обратно. Баракло бросьте на острове, оно может нам понадобится позднее. Отправляйтесь, у нас осталось всего пятнадцать минут.

— Считайте, что фильм у вас в руках. С каждым новым путешествием во времени мне все легче и легче налаживать приборы, так что теперь их точность очень высока. Ни одного мгновения не будет потрачено даром, буквально ни одного.

Профессор Хьюитт вернулся к своим приборам, и генератор надрывно заревел. Чарли Чанг открыл было рот, но его слова не донеслись до Барни, так как грузовик исчез. Исчез, а не растаял, исчез мгновенно, как исчезает изображение на киноэкране, когда рвется лента. Барни собрался было поговорить с секретаршей, но только он обернулся, как грузовик появился снова.

— Что случилось? — спросил Барни, как вдруг увидел, что все припасы из кузова исчезли. Клайд Роулстон стоял рядом с профессором у контрольной панели, а Чарли Чанг сидел на пустом ящике, сжимая в руках толстую пачку машинописной бумаги.

— Ровным счетом ничего, — ответил профессор. — Просто я рассчитал наше возвращение с максимальной точностью.

На Чарли больше не было куртки, его рубашка помялась и выцвела, особенно на плечах, где она стала совершенно белесой. Волосы у него отросли, а щеки были покрыты густой черной щетиной.

— Ну, как дела? — спросил Барни.

— Неплохо, принимая во внимание обстоятельства. Правда, я еще не закончил сценария, потому что там в воде плавают эти твари. Такие зубы! Глаза...

— Сколько еще времени тебе понадобится?

— Две недели будет вполне достаточно. Но эти глаза, Барни...

— Там нет таких больших тварей, которые могли бы быть для тебя опасными, — так сказал проф.

— Может быть, они не такие большие, но в океане их столько и у них такие зубы...

— До свидания. Отправляйтесь, профессор. Две недели!

На сей раз путешествие было таким коротким, что если бы Барни в этот миг моргнул, он мог бы совсем не заметить исчезновения грузовика. Однако теперь Чарли и Клайд сидели рядом на другой стороне грузовика, и пачка печатных страниц стала заметно толще.

— «Викинг Колумб», — крикнул Чарли, размахивая сценарием над головой. — Шедевр на широком экране! — Он протянул папку Барни, и тот увидел, что к задней обложке прикреплена пачка карточек. — Это карточки учета нашего рабочего времени, и если ты согласишься на них, то увидишь, что мы пробивали их каждый день, и мы с Клайдом требуем двойной оплаты по субботам и тройной — по воскресеньям.

— Другой бы стал спорить, — сказал Барни, со счастливой улыбкой взвешивая на ладони пухлый том. — Пошли, Чарли, мы немедленно обсудим твой сценарий.

Выйдя из пакгауза, Чарли понюхал вечерний воздух.

— Какая здесь вонь, — заметил он. — Я никогда раньше этого не замечал. А какой удивительный воздух был у нас на острове! — Затем он посмотрел на свои ноги. — Как непривычно ходить в ботинках!

— Странник вернулся, — сказал Барни. — Я пойду отнесу сценарий, а ты тем временем сменишь живописные лохмотья бродяги на что-то более приличное и быстренько побреешься. Когда будешь готов, сразу иди в кабинет Л. М. Как ты думаешь, получится хороший сценарий?

— Может быть, пока еще рано говорить, но я думаю, это лучшее, что мне удалось написать. Работал в такой обстановке, когда тебя никто не отвлекает — если не считать глаз! Да и Клайд здорово помогал, он печатал чисто и быстро. Ты знаешь, он к тому же и поэт.

— Я думал, он повар.

— Он оказался паршивым поваром, и кончилось тем, что я все стряпал сам. Он работал в кухне студии только для того, чтобы раздобыть денег на оплату квартиры. А вот поэт он действительно отличный и хорошо пишет диалоги. Он мне здорово помог. Как ты думаешь, мы можем упомянуть про его участие в фильме?

— Не вижу, почему бы нет. Не забудь побриться!

Барни вошел в кабинет Л. М. и положил сценарий на письменный стол.

— Готово! — сказал он.

Л. М. осторожно взвесил рукопись на обеих руках, затем отставил ее в сторону, чтобы лучше видеть обложку.

— «Викинг Колумб». Хорошее название. Впрочем, придется его изменить. Да, Барни, ты доставил сценарий, как и обещал. Может быть, теперь ты раскроешь нам секрет, как за один час написать сценарий. Расскажи Сэму, ему тоже хочется послушать.

Сэм, почти неразличимый на фоне темных обоев, стал виден, только когда он кивнул головой.

— Никакого секрета, Л. М., это времеатрон. Вы видели, как он работает. Чарли Чанг отправился в прошлое, в спокойное уединен-

ное местечко, где он и написал сценарий. Он оставался в прошлом столько времени, сколько ему потребовалось, затем мы вернули его в настоящее почти тотчас же после того, как он отправился. С нашей точки зрения, прошло совсем немного времени, поэтому мы и считаем, что на создание полного сценария потребовался всего один час.

— Сценарий за час! — на лице Л. М. появилась счастливая улыбка. — Да это же настоящая революция в кинопромышленности! Давайте не будем скупиться, Барни. Дадим этому парню самую высокую ставку, какая у нас есть, а затем увеличим ее в два раза! Я не скупердй. Мне хочется поступить по справедливости, и уж я позабочусь о том, чтобы Чарли Чанг получил самую высокую почасовую ставку, которая когда-либо была выплачена сценаристу за один час его времени!

— Вы не совсем поняли меня, Л. М. Может быть, это с вашей точки зрения прошел всего один час, но Чарли Чанг трудился как ишак над этим сценарием более двух месяцев, включая субботы и воскресенья, и ему придется заплатить за все это время.

— Он не сможет этого доказать! — Л. М. сделал свирепую гримасу.

— Нет, сможет. Каждый день он пробивал карточку на часах-табеле, и к сценарию приложены все его карточки.

— Тогда пусть обращается в суд! На работу потребовался один час, и я заплачу ему за один час.

— Сэм, — взмолился Барни, — поговори с ним. Скажите ему, что в этом мире ничего нельзя получить даром. Ведь деньги за восемь недель работы — это гроши за такой великий сценарий!

— Мне больше нравится одночасовой сценарий, — заметил Сэм.

— Нам всем они больше нравятся, только одночасовых сценариев на свете не бывает. Это просто новый метод работы, однако нам придется платить ту же самую сумму за работу, что бы ни случилось.

Зазвонил телефон, Л. М. схватил трубку, приложил ее к уху, несколько раз односложно хрюкнул в ответ, затем бросил трубку.

— Сейчас придет Раф Хоук, — сказал он. — Мне кажется, мы сможем использовать его для главной роли, но я подозреваю, что он заключил контракт с независимой студией на другую картину. Прощупай его, Барни, до прихода его менеджера. А теперь — насчет этого часа...

— Давайте обсудим этот час потом, Л. М. Я уверен, что все уладится.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел Раф Хоук. Он замер на мгновение на пороге, повернув голову так, чтобы дать возможность присутствующим полюбоваться его профилем. Он был действительно хорош. Раф выглядел так хорошо потому, что его внешность составляла главное содержание его жизни. И когда во всем мире, в бесконечном количестве кинотеатров миллионы женских сердец начинали биться чаще при виде Рафа, заключающего какую-нибудь счастливую звезду в свои твердые мужские объятия, ни одна из этих миллионов не знала, что ее шансы быть заключенной в эти объятия практически равнялись нулю. Раф не любил женщин. Впрочем, подозрения насчет его ненормальности были тоже безосновательны. Он не любил ни мужчин, ни женщин, ему не нравились ни овцы, ни плащи, ни ветряки, ни любые другие предметы. Рафу нравился только Раф, и отблеск любви в его глазах был лишь отражением самолюбленного восхищения.

До встречи с продюсером Раф был просто обычным загорелым куском мяса на Пляже Мускулов. Но тут обнаружилось, что Раф может играть. То есть не то чтобы играть, а делать то, что ему говорят. Он точно выполнял все данные ему инструкции, снова и снова повторяя одни и те же слова и жесты с бесконечным терпением барана. В перерывах между съемками он отдыхал, глядя в зеркало.

Полное отсутствие таланта у него так и не было обнаружено, потому что в тех картинах, где он играл, прежде чем кто-либо успевал его раскусить, начиналась атака индейцев, или на экран врывалось стадо динозавров, или рушились стены Трои, или происходило что-нибудь еще, отвлекающее внимание зрителей. Поэтому Раф был счастлив, а когда продюсеры взирали на кассовые сборы, они тоже были счастливы, и все утверждали, что Раф сделает еще немало картин, прежде чем у него отрастет брюшко.

— Привет, Раф, — воскликнул Барни, — вот кого нам хотелось видеть!

Раф поднял руку, приветствуя собравшихся, и улыбнулся. Он не любил говорить, когда ему заранее не подсказывали, что нужно говорить.

— Я не намерен ходить вокруг да около, Раф, и просто хочу сказать, что мы собирается снимать величайшую в мире картину, и ко-

гда зашла речь о главном герое, было упомянуто твое имя, и я сразу сказал, что если мы хотим снимать фильм о викингах, то Раф Хоук — самый викингский викинг, и лучшего нам не найти.

Раф не высказал признаков удовольствия или интереса при подобном откровении.

— Ведь ты слышал о викингах, не правда ли, Раф? — спросил Барни.

Раф сдержанно улыбнулся.

— Помнишь, — продолжал Барни, — высокие парни с огромными топорами и рогами на шлемах, которые все время плавают на кораблях с деревянными драконами на носу...

— О да, конечно, — оживился наконец Раф, поняв, что к чему. — Я слышал о викингах. Я еще никогда не играл викинга.

Густые брови медленно поднялись вверх, образовав морщину.

— Я всегда великолепен перед камерой.

— Конечно, Раф, конечно, именно поэтому мы и собрались здесь. У тебя ведь нет никаких обязательств? Ты не собираешься сниматься в других картинах, а?

Раф еще больше нахмурился, с трудом припоминая что-то.

— В конце следующей недели начинаются съемки фильма, что-то про Атлантиду.

Л. М. Гринспэн оторвал взгляд от сценария, нахмурившись не хуже Рафа.

— Так я и думал. Извинись перед своим менеджером, но нам придется поискать кого-нибудь другого.

— Л. М., — вмешался Барни, — читайте лучше сценарий. Наслаждайтесь им. Но позвольте мне поговорить с Рафом. Вы забываете о том, что в понедельник наш фильм будет лежать у вас на столе, так что у Рафа останется еще три дня для отдыха перед гибелью Атлантиды.

— Хорошо, что ты упомянул про сценарий, Барни, потому что в нем есть грубые ошибки.

— Откуда вы знаете, ведь вы прочитали только десять страниц. Почтайте еще, и тогда мы его обсудим. Автор ожидает в приемной. Все необходимые изменения будут сделаны в одно мгновение, пока вы тут сидите. — Барни повернулся к Рафу. — Твоя мечта исполнится, и ты сможешь сыграть роль викинга. Видишь ли, мы разработали

новый технический процесс, при котором фильм снимается на местности, и хотя мы вернемся через пару дней, ты получишь оплату как за полнометражный художественный фильм. Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что вам лучше поговорить с моим менеджером. Если дело касается денег, я предпочитаю помалкивать.

— Именно так и следует поступать, Раф, как раз для этого и существуют менеджеры, и я не согласился бы действовать помимо него.

— Нет, это никуда не годится, — сказал Л. М. грустным голосом. — Я ожидал лучшего от Чарли Чанга. Начало никуда не годится.

— Сейчас я приглашу сюда Чарли, Л. М., мы все обговорим, выявим недостатки и устраним их.

Барни взглянул на часы. 8.00. А еще необходимо разыскать менеджера этого мускулистого манекенщика. И бороться за каждое предложение в сценарии. И отправить Чарли обратно на Каталину к этим глазам и зубам — заканчивать работу, и найти актеров для остальных ролей. И подобрать все необходимое оборудование и снаряжение, которое может понадобится для двух месяцев съемок на местности, затем перебросить всю съемочную группу в одиннадцатый век. И снять картину в этом столетии, для чего потребуются решить целый ряд весьма интересных проблем совершенно иного плана. И доставить отснятый фильм к утру понедельника. А сейчас среда, восемь часов вечера. Масса времени!

Конечно, нечего беспокоиться, еще масса времени.

Тогда почему он весь в поту?

ГЛАВА 7

— Организаторское чудо, только так это и можно назвать, мистер Хендриксон, ухитриться собрать все это меньше чем за четыре дня! — восхищенно сказала Бетти, идя вместе с Барни вдоль длинной колонны грузовиков и трейлеров, вытянувшейся по бетонной ленте дороги, ведущей к съемочному павильону Б.

— Я бы назвал это несколько иначе, — ответил Барни, — но при дамах я всегда очень осторожен в выражениях. Какие результаты дала проверка по списку?

— Все готово. Все отделы представили контрольные списки завершенными и подписанными. Они тоже великолепно потрудились.

— Отлично, но куда девались люди?

Они прошли мимо почти всех машин, и Барни убедился, что, кроме нескольких шоферов, там никого не было.

— После того как вы вчера вечером отправились за пленкой, все сидели в павильоне, не хотели расходиться и все такое. Ну, знаете ли, одно к одному...

— Нет, не знаю. Что одно к чему одному?

— Было очень весело, и нам не хватало вас. Сначала Чарли Чанг заказал два ящика пива с интендантского склада — сказал, что он уже год не пробовал пива, затем еще кто-то принес выпивки и закуски, и скоро началось настоящее веселье. Вечеринка продолжалась до поздней ночи, так что, я думаю, все еще не очухались и спят в трейлерах.

— Ты в этом уверена? Кто-нибудь проверил их по списку?

— Охранники не пили, и они утверждают, что никто не выходил с территории, значит, все должно быть в порядке.

— Будем надеяться, — сказал Барни, пожав плечами и окидывая

взглядом длинный ряд молчаливых трейлеров. — Сразу же по прибытии проверим всех по списку, и если кто-нибудь отсутствует, придется послать за ним профессора. Пусть люди поспят во время путешествия, это, наверно, самый лучший выход. Да и ты сама должна отдохнуть, ведь ты всю ночь была на ногах.

— Спасибо, босс. Если понадобится, я в трейлере №12.

Из распахнутых дверей съемочного павильона доносился стук молотка — плотники заканчивали сооружение настила на платформе машины времени. Барни остановился у входа, зажег сигарету и попытался пробудить в себе восторженное отношение к наспех сколоченному сооружению, которое должно было доставить съемочную группу к месту съемок на Оркнейских островах.

Прямоугольная железная рама была сварена по чертежам профессора, затем на нее была настлана платформа из толстых досок. Как только передняя часть настила была закончена, на ней соорудили контрольную рубку, и профессор Хьюитт начал руководить монтажом увеличенного времееатрона, который отличался не только гигантскими размерами, но и гораздо большим количеством сверкающих катушек и проводов, чем первоначальный вариант. К тому же у него был мощный дизель-генератор. Почти две дюжины огромных автомобильных покрышек было прикреплено ко дну платформы для смягчения удара при приземлении, по краям платформы были сооружены поручни, и над ней было воздвигнуто нечто вроде клетки из тонких труб для обозначения границ действия временного поля.

Все сооружение выглядело каким-то иллюзорным, ненастоящим, и Барни решил, что лучше всего ему не думать об этом.

— Включай! — крикнул профессор Хьюитт, выползая из-под своего аппарата с дымящимся паяльником в руках. Механик склонился над дизелем, машина застонала, повернулась, затем выплюнула струю синего дыма и деловито застучала.

— Ну, как дела, профессор? — спросил Барни через открытую дверь.

Хьюитт обернулся и прищурившись посмотрел на него.

— А, доброе утро, мистер Хендриксон. Я полагаю, что вы интересуетесь состоянием моего времееатрона-2, и рад ответить, что он ра-

ботает отлично. Мы готовы начать операцию в любое время, все цепи проверены; ждем ваших указаний.

Барни посмотрел на плотников, забивающих последние гвозди платформы, затем ногой отбросил щепку.

— Мы отправимся немедленно, как только обсудим проблему возвращения.

Хьюитт покачал головой.

— Я провел эксперименты с времеатроном, чтобы выяснить, нельзя ли пересечь временной барьер, однако это оказалось невозможным. Когда мы возвращаемся назад, нам приходится описывать дугу в континууме, используя дополнительную энергию для деформирования наших собственных временных линий по сравнению с мировыми. Обратное путешествие после визита в прошлое независимо от того, как долго мы в нем оставались, происходит вдоль того же временного вектора, который был создан первоначальным движением во времени; в определенном смысле обратное путешествие можно назвать эндотемпическим поглощением временной энергии, тогда как первоначальное путешествие в будущее или прошлое — процесс экзотемпический. Таким образом, мы не можем вернуться в момент, который был раньше момента нашего отправления из мировой временной материи, так же как мячик не может подпрыгнуть выше того уровня, с которого его уронили. Поняли?

— Ни единого слова. Не могли бы вы снова все объяснить, но на этот раз выразаться по-человечески?

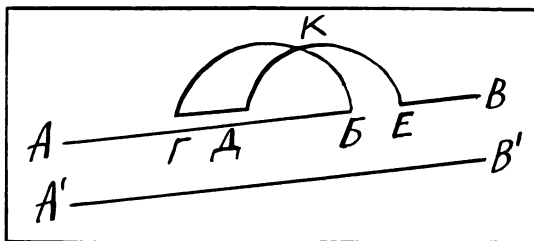
Профессор Хьюитт поднял кусок фанеры, лизнул кончик своей шариковой ручки и начертил простой рисунок.

— Взгляните сюда, — сказал он, — и вам тотчас все станет ясно. Линия АВ — это линия мирового времени, где А — прошлое, а В — будущее. Точка Б — это наше сознание сегодня, теперь, наше «сейчас» во времени. Линия АВ — временная линия времеатрона, совершающего путешествие, или наши собственные временные линии, когда мы путешествуем вместе с ним. Обратите внимание, что мы оставляем линию мирового времени в точке Б и движемся по дуге через экстратемпоральный континуум обратно по времени, прибывая, ну, скажем, в 1000 год, в точку Г. Таким образом, мы путешествуем по дуге БГ. Мы возвращаемся в мировое время в точке Г и остаем-

ся там, двигаясь, вместе с мировым временем, и продолжительность нашего визита в прошлое обозначена линией ГД. Вы следите за моими рассуждениями?..

— Пока да, — сказал Барни, проводя указательным пальцем вдоль линий. — Продолжайте, профессор, пока я еще не забыл, что к чему.

— Конечно. Теперь обратите внимание на дугу ДЕ, наше обратное путешествие во времени к тому моменту, которое отстоит всего на долю секунды от момента нашего первоначального отправления, т. е. точки Б. Я могу контролировать наше прибытие в точку Е при условии, что она будет находиться поле точки Б, однако я никогда не смогу вернуть перед точкой Б. Чертеж всегда будет давать БЕ, и никогда — ЕБ.

— Почему?

— Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что это центральный вопрос всей проблемы. Посмотрите снова на чертеж, и вы увидите, что при пересечении дуги БГ с другой ДЕ возникает точка К. Эта точка К обязательно должна существовать, иначе будет невозможно совершить обратное путешествие, ибо К является точкой обмена энергией, где происходит уравнивание масштабов времени. Если у вас точка Е будет между Б и Д, дуги не пересекутся, независимо от того, насколько близко друг от друга они пройдут, обмена энергией не произойдет, и путешествие во времени не состоится.

Барни нахмурился и потер лоб.

— Или, попросту говоря, мы не можем вернуться раньше, чем отправились, — сказал он.

— Совершенно точно.

— Иными словами, все время, которое мы потратили на этой неделе, безвозвратно пропало.

— Правильно.

— Значит, если мы хотим, чтобы картина была готова к десяти часам утра в понедельник, мы должны отправиться в прошлое и оставаться там до тех пор, пока она не будет закончена.

— Да я сам не смог бы короче сформулировать этот тезис.

— Тогда давайте отправим этот цирк в дорогу, потому что сейчас утро субботы. Плотники уже кончили свою работу, пора трогать.

Первым автомобилем в колонне был джип; Текс спал на переднем сиденье, а Даллас на заднем. Барни подошел к машине, нажал на сигнал и в следующее мгновение замер, глядя как зачарованный в дуло длинноствольного кольта, который сжимала дрожащая рука Текса.

— У меня ужасно трещит голова, — прохрипел Текс, — и я не советовал бы нас беспокоить. — Он неохотно опустил револьвер в кобуру.

— Какие-то нервные все сегодня, правда? — сказал Барни. — Ничего, свежий морской воздух будет вам на пользу. Поехали!

Текс нажал на стартер, двигатель взревел, и джип въехал по металлическим сходам, установленным Далласом, на платформу времееатрона. Как только джип замер на платформе, Даллас втащил за собой обе металлические полосы.

— На первый раз достаточно, — сказал Барни. — Мы найдем ровную полянку и вернемся обратно за остальными. Поехали, профессор, — то же самое место, что и раньше, но спустя два месяца.

Хьюитт пробормотал что-то себе под нос, устанавливая цифры на приборах, затем включил механизмы времееатрона. Вторая модель была усовершенствованным образцом в том отношении, что она в какое-то неуловимое мгновение давала возможность ощутить все симптомы казни на электрическом стуле и тошноты, но все это кончалось чуть не раньше того, как началось. Казалось, пассажиры были струнами арфы, на которой некий палец небожителя взял аккорд. Съёмочный павильон исчез, вместо него уже были соленые брызги и чистый освежающий воздух. Текс застонал и доверху застегнул молнию на своем костюме.

— Похоже, вон та лужайка для нас подойдет, — заметил Барни, указывая на довольно ровное поле, плавно опускающееся к берегу. — Отвези меня туда, Текс, а Даллас останется с профессором.

Джип на самой малой скорости с трудом взобрался на вершину холма, грохот его выхлопа вызвал переполох среди черноголовых чаек, которые с криком начали кружиться над их головами.

— Пожалуй, здесь хватит места, — сказал Барни, вылезая из джипа и сковыривая носком ботинка кочку с пучком травы. — Двигай обратно и скажи профу — пусть прыгнет чуть-чуть вперед и посадит платформу рядом со мной — так ему будет легче отыскать это место, когда мы примемся за переброску остальной группы.

Барни сунул руку в карман, извлек пачку сигарет, но она оказалась пустой. Он смял ее и бросил на землю, а тем временем Текс лихо развернулся и стремительно направил джип обратно к платформе. Сходни были все еще опущены, джип въехал по ним и остановился. Барни отчетливо видел, как Даллас убрал сходни и профессор повернулся к времееатрону.

— Эй!.. — начал Барни, но в то же мгновение платформа исчезла; на земле остались только следы джипа и отпечатки автомобильных покрышек на траве, где раньше покоилась платформа. Барни не хотел отправлять Текса вместе с остальными.

Облако закрыло солнце, и Барни вздрогнул от холода. Чайки снова сели на воду у самого берега; первозданную тишину нарушал лишь шум прибоя, разбивавшегося о берег. Барни взглянул на смятую пачку сигарет — единственный знакомый предмет среди этого чуждого окружения — и снова поежился.

Он не смотрел на часы, но, конечно, прошло не более одной-двух минут. И все же за это короткое время он хорошо понял, каково было Чарли Чангу, заброшенному на доисторический остров Каталина со всеми этими глазами и зубами вокруг него. Барни надеялся, что Йенс Лин не чувствовал себя слишком несчастным во время своего двухмесячного пребывания с Оттаром. Если бы за многие годы работы в кино Барни не утратил совести, он мог бы почувствовать жалость к ним. Но теперь он испытывал жалость только по отношению к самому себе. Облако скрылось, теплые лучи солнца снова упали на Барни, однако ему все еще было холодно. В течение этих минут он чувствовал себя таким одиноким и таким забытым, как никогда раньше.

Платформа снова появилась и упала с высоты несколько дюймов на лужайку рядом с ним.

— Давно пора! — крикнул Барни, расправив плечи и почувствовав, как к нему снова возвращается уверенность. — Где вы пропадали?

— В двадцатом столетии, где же еще? — ответил профессор. — Вы ведь не забыли о точке К, верно? Для того чтобы переместиться на несколько минут вперед в вашем относительном времени, мне пришлось сначала вернуться в то время, из которого мы прибыли, и уже затем обратно к вам с соответствующим физическим и временным сдвигом. Как вы считаете, сколько времени мы отсутствовали?

— Не знаю, несколько минут, пожалуй.

— По-моему, это очень хорошо для путешествия туда и обратно продолжительностью в две тысячи лет. Ну-ка посмотрим, пять минут дадут нам микроскопически малую ошибку по отношению к...

— Ну ладно, проф, вы рассчитаете это в свободное время. Нам нужно сейчас перебросить сюда всю группу и приняться за работу. Вы двое съезжайте с платформы и оставайтесь здесь. Мы начнем перевозить автомобили по одному, и сразу после прибытия вы должны отводить их в сторону, чтобы освободить место для других. Поехали.

На этот раз Барни вернулся вместе с платформой и даже на мгновение не задумался о том, как чувствовали себя те двое, которые остались позади.

Переброска происходила довольно гладко. После того как были перевезены первые машины, грузовики и трейлеры начали как по конвейеру двигаться через двери съёмочного павильона и бесследно исчезать в прошлом. Неудача постигла только грузовик, стоявший третьим в очереди: он не поместился на платформе, и когда платформа с грузовиком исчезла, два дюйма выхлопной трубы и половина номерного знака со стуком упали на пол. Барни поднял кусок трубы и с любопытством посмотрел на сверкающий срез, гладкий и ровный, будто отполированный. Очевидно, этот кусок оказался за границами временного поля и просто остался на месте. То же самое легко могло случиться с рукой.

— Во время путешествия все, кроме профессора, должны находиться внутри трейлеров и грузовиков. Только несчастных случаев нам не хватало!

Последним рейсом переправили трактор с катером на прицепе и

грузовик-холодильник, и Барни вскарабкался на платформу вслед за ними. Он бросил последний взгляд на калифорнийский пейзаж, залитый солнцем, и подал профессору знак отправляться. На часах было 11.57 — до полудня субботы оставалось три минуты, когда двадцатый век мигнул и исчез и появилось одиннадцатое столетие. Барни облегченно вздохнул. Теперь время — в том веке, который они покинули, — остановилось. И как бы долго они ни снимали свой фильм, там, в Калифорнии, время останется неизменным. Когда они вернутся с отснятым фильмом, в Голливуде все еще будет полдень субботы — почти два дня до рокового понедельника. Впервые спешить было некуда.

Несколько секунд Барни стоял, расслабившись, чувствуя, как напряжение покидает его. Но вот он вспомнил, что ему предстоит снять целую картину со всеми вытекающими отсюда проблемами и неприятностями, и ответственность снова внезапным бременем опустилась ему на плечи, и только что исчезнувшее напряжение вновь навалилось на него.

Где-то рядом взревел двигатель трактора, и воздух наполнился отвратительным запахом выхлопных газов. Барни отошел в сторону, пока по сходящим осторожно спускали прицеп с катером, и оглядел лужайку. Грузовики и трейлеры были разбросаны как попало, хотя некоторые из них образовали что-то вроде круга, подобно повозкам переселенцев, готовящихся отразить атаку индейцев. Здесь и там бродили одинокие фигуры, однако большинство еще спало. Барни пожалел, что не относится к их числу, однако тут же решил, что не смог бы заснуть, даже если бы попытался. «Ну что ж, — подумал он, — пора приниматься за дело».

Барни подошел к Тексу и Далласу как раз тогда, когда они утирались на траве, подложив под голову сиденья, вытащенные из джипа.

— Лови! — сказал он, бросая монету, которую Даллас поймал на лету. — Кидайте жребий. Один из вас отправится домой за Йенсом Лином, а другой может дрыхнуть.

— Решка — идешь ты, — сказал Даллас и выругался, когда монета улеглась на траве, глядя на него портретом Джорджа Вашингтона. Текс засмеялся, затем опустился на траву.

— Знаешь, — сказал Даллас, когда они отъехали от лагеря и спус-

кались к берегу моря, — я не имею ни малейшего представления, где мы находимся.

— На Оркнейских островах, — ответил Барни, провожая взглядом чаек, которые стремительно проносились над их головами и выкрикивали проклятия по их адресу.

— Я всегда был слаб в географии.

— Это маленькая группа островов к северу от Шотландии, примерно на одной широте со Стокгольмом.

— К северу от Шотландии — кончай шутить! Когда шла война, моя часть находилась в Шотландии, и за все время я видел солнце только несколько раз в просвете между облаками, и к тому же я там чуть не замерз...

— Не сомневаюсь, но ведь это было в двадцатом веке. А сейчас мы в одиннадцатом веке, в середине так называемого Малого Климатического Оптимума. По крайней мере, так назвал его профессор, и если тебе хочется знать больше, спроси у него. Короче говоря, в одиннадцатом веке климат был... точнее, сейчас он мягче, чем в двадцатом.

— Трудно этому поверить, — пробормотал Даллас, глядя на солнце с таким подозрением, как будто ожидал, что оно может исчезнуть в любую минуту.

Дом был точно таким, каким они оставили его два месяца назад. На пороге сидел один из слуг и точил нож. Когда джип подъехал, слуга испуганно вскочил, уронив точильный камень, и исчез внутри хижины. Через минуту на пороге появился Оттар, вытирая рукавом рот.

— Добро пожаловать, — рявкнул он, когда джип остановился. — Рад видеть вас снова. Где Джек Даниэльс?

— Похоже, что уроки языка возымели свое действие, — заметил Даллас, — но побороть его пристрастие к Джеку они не могли.

— Виски у нас сколько угодно, — успокоил Оттара Барни. — Но сначала я хочу поговорить с доктором Лином.

— Он там в хижине, — сказал Оттар и вдруг заревел: — Йенс, иди сюда!

Йенс Лин появился из-за угла хижины, волоча ноги, согнувшись под тяжестью грубого деревянного бочонка. Он был бос и оброс грязью до пояса. Нечто похожее на мешок с куском кожи вокруг пояса-

ницы заменяло ему одежду; спутанная борода и ниспадающие до плеч волосы делали его похожим на Оттара. Увидев джип, он замер как вкопанный, его глаза расширились, изо рта вырвался хриплый крик. Подняв бочонок над головой, он побежал к джипу. Даллас выпрыгнул из машины и принял положение боевой готовности.

— Осторожно, док, — сказал он. — Опустите бочонок, пока кого-нибудь не ушибли.

Слова, а может быть, фигура Далласа, приготовившегося к прыжку, обуздали ярость Лина. Он остановился и опустил бочонок.

— Что случилось? — крикнул он. — Где вы все пропадали?

— Готовились к съемкам фильма, где же еще? — ответил Барни. — Прошло всего два дня с тех пор, как я доставил вас сюда, то есть для нас это было два дня, и я понимаю, что для вас прошло целых два месяца.

— Два месяца! — завопил Йенс. — Прошло больше года! Что случилось?

Барни пожал плечами.

— Наверно, профессор сделал какую-нибудь ошибку. Все эти приборы, знаете...

Йенс Лин заскрипел зубами с такой силой, что скрежет было слышно на расстоянии нескольких шагов.

— Ошибка... Для вас это всего лишь ошибка. А я оказался здесь с этими вшивыми варварами, ухаживал за их вонючим скотом. Через пять минут после вашего отъезда Оттар стукнул меня кулаком по голове и забрал всю мою одежду, все снаряжение и все виски.

— Зачем работать за виски, когда можно взять его просто так, — сказал Оттар, следуя элементарной логике викинга.

— Ну, что сделано, не воротишь, — сказал Барни. — Вы пробыли здесь год, но я позабочусь о том, чтобы вы получили все сполна. Ваш контракт все еще в силе, и вы получите жалованье за весь год. Не так уж плохо за два дня работы, и вам все еще предстоит академический отпуск, за который вы тоже получите годовой оклад. Вы выполнили свою задачу и научили Оттара английскому языку...

— Любовь к виски его научила. Он непробудно пил в течение месяца, а когда очухался, вспомнил об уроках английского языка. Он заставил меня учить его каждый день, чтобы, если вы вернетесь, потребовать плату за каждый день обучения.

— Оттар говорит очень хорошо, это верно. Где виски?

— У нас неограниченный запас, Оттар, не волнуйся, — сказал Барни и снова повернулся к Лину. У него в голове зашевелились мрачные мысли о судебном процессе, который может возбудить доктор. — Послушайте, док, давайте будем квиты, а? Годовое жалование за обучение Оттара английскому языку, и вы будете помогать нам, пока снимается фильм. Я уверен, что это был незабываемый год...

— А-а-а-а!

— И вы его не скоро забудете, да к тому же вы узнали массу нового насчет грамматики старонорвежского...

— Гораздо больше, чем мне бы хотелось.

— Так что давайте не будем ссориться. Как ваше мнение?

Йенс Лин несколько мгновений стоял, стиснув кулаки и тяжело дыша, затем бросил бочонок на землю и свирепо поддал его ногой, так что бочонок тут же разлетелся на куски.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — У меня нет выбора. Но я и пальцем не пошевелину, пока мне не будет предоставлен душ, полная дезинфекция и свежая смена белья.

— Конечно, док. Через несколько минут мы доставим вас в лагерь, он вон за тем холмом...

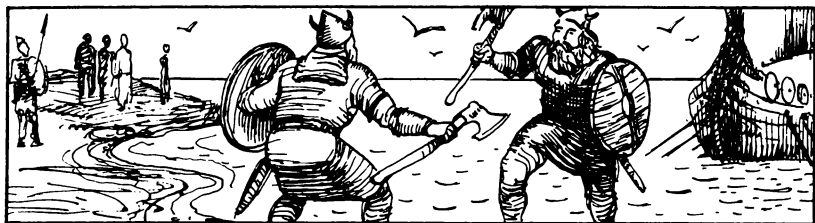
— Ничего, я найду его сам, если вы не против, — Йенс Лин повернулся и зашагал по берегу.

— Виски, — напомнил Оттар. — Дайте мне немного...

— Работа, — в тон ему ответил Барни. — Если ты у нас на водочном жалованье, то постарайся его отработать. Съёмки начинаются завтра утром, и мне хотелось бы сначала кое-что узнать.

— Конечно. Заходи в дом.

— Никогда в жизни! — воскликнул Барни, отпрянув в сторону. — Я слишком хорошо помню, что случилось с парнем, который зашел к тебе до меня.

ГЛАВА 8

— Не шевелись, — закричал Джино. — От тебя требуется только одно — стоять неподвижно, а ты не можешь сделать даже этого.

— Хочется выпить, — пробурчал Оттар и нетерпеливо дернул за длинные волосы слугу, который стоял рядом, изображая Слайти. Слуга взвизгнул и чуть не упал.

Джино выругался и оторвался от окошечка видеоискателя.

— Барни, — взмолился он, — поговори с этими крестинами из каменного века. Мы снимаем любовную сцену, а они слоняются взад и вперед по всему склону, будто это матч по борьбе. Это самые плохие статисты, каких мне только приходилось видеть.

— Ты просто заметь место, Джино, через минуту мы будем готовы, — ответил Барни, поворачиваясь к своим звездам.

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив в пространство отсутствующий взгляд. В костюме викинга и со светлой бородой он выглядел очень импозантно. Слайти откинулась на спинку походного кресла, пока ей расчесывали парик, и выглядела еще более импозантно со своими двумя кубическими футами округлой плоти, выпирающей из-под низкого выреза платья.

— Повторяю все еще раз, — сказал Барни. — Вы любите друг друга, Раф отправляется на битву, и ты, может быть, больше никогда не увидишь его, поэтому вы прощаетесь на холме, страстно обнимая друг друга.

— А я-то думала, что ненавижу его, — сказала Слайти.

— Это было вчера, — разъяснил ей Барни. — Наши сцены снимаются не в том порядке, в каком они будут в фильме, я уже два раза объяснял это сегодня утром. Давайте я повторю еще раз, кратко — если соизволите осчастливить меня своим вниманием, мистер Хоук. Дейст-

вие начинается с того, что Тор, роль которого исполняет Раф, вместе с бандой викингов нападает на ферму, где живешь ты, Слайти. Тебя зовут Гудрид, и ты дочь хозяина дома. В бою все убиты, кроме тебя, и Тор захватывает тебя в качестве трофея. Ночью он приходит к тебе, но ты борешься с ним, потому что ненавидишь его. Однако постепенно он завоевывает твоё сердце, и в конце концов ты полюбила его. В это время он уходит с викингами в очередной рейд, и ты ждешь его возвращения. Это как раз та сцена, которую мы снимаем сейчас. Он уходит, ты бежишь за ним, окликаешь его, он поворачивается, ты подбегает к нему и обнимаешь, прямо здесь. Надеюсь, теперь это понят...

— Смотрите, — прервал его Раф, указывая на море, — подходит корабль.

Они повернулись к морю — действительно, ладья викингов только что обогнула мыс и вошла в залив. Парус был свернут, однако голова дракона на носу корабля вздымалась и опускалась в такт ритмичным движениям гребцов.

— Завтра! — закричал Барни. — Лин, где он? Разве вы с Оттаром не договорились, что этот Финнбогги приведет свой корабль завтра?

— У них очень приблизительное представление о времени, — ответил Лин.

Барни швырнул шляпу на землю и подбежал к оператору.

— Как ты думаешь, Джино, это стоит заснять? Ты можешь взять корабль?

Джино повернул туррет, направил длинную трубу телеобъектива в море и прильнул к видеоискателю.

— Неплохо, — сказал он, — великолепный кадр.

Оттар и другие норвежцы уже бежали вниз по слону и не обратили никакого внимания на крики Барни, который хотел, чтобы они убрались из кадра.

— Что это они делают? — спросил Барни, когда скандинавы начали выбегать из хижины, держа в руках оружие.

— Если б я только знал, — недоуменно сказал Лин. — Может, это какой-то неизвестный мне обряд приветствия?

Оттар со своими людьми стоял у самой воды, что-то крича, и люди с корабля кричали ему в ответ.

— Снимай все происходящее, Джино, — распорядился Барни. — Если кадры будут хорошими, мы вставим эти сцены в сценарий.

Несколько взмахов веслами, и корабль викингов уткнулся в берег. Голова дракона высилась над стоящими на берегу людьми. Не успел корабль остановиться, как вновь прибывшие схватили щиты, висевшие вдоль бортов, и попрыгали в воду. Подобно стоящим на берегу, они тоже размахивали над головой самыми разномастными мечами и топорами. В следующее мгновение обе группы столкнулись.

— Ну, как это выглядит в кадре? — спросил Барни.

— Санта Мария! — крикнул Джино. — Они убивают друг друга.

Звон металла смешался с хриплыми боевыми криками воинов. Зрители, стоявшие на холме, не могли различить деталей, множество борющихся фигур сливались в общую массу, пока из гущи боя не вырвался человек, который, спотыкаясь, побежал вдоль берега. Он был безоружен и казался раненым, а следом за ним бежал его противник, вовсю размахивая топором с длинной рукояткой. Преследование было коротким, а конец — внезапным. Как только расстояние между преследуемым и преследователем сократилось, топор, описав широкую дугу, отрубил убежавшему голову, которая покатилась вдоль берега.

— Да, они вошли в роль, — выдавил из себя Барни.

— Мне кажется, это не Финнбогги со своими людьми, — сказал Лин. — Я думаю, что это совсем другой корабль.

Барни был человеком действия, но подобные действия были не в его духе. Звуки битвы и зрелище обезглавленного трупа, валявшегося на окровавленном песке, парализовали его. Как поступить? Это был не его мир, не его методы борьбы. Вот Текс или Даллас в такой ситуации оказались бы в своей тарелке. Кстати, где же они?

— Радио, — пробормотал он, с опозданием вспомнив о приемнике-передатчике, висевшем у него на плече; он включил радио и спешно вызвал к себе обоих трюкачей.

— Он заметил нас, поворачивается, он бежит к нам, — взволнованно закричал Джино. — Какие великолепные кадры!

Вместо того чтобы вернуться в гущу боя, убийца бежал вверх по склону, размахивая топором и что-то хрипло крича. Группа артистов, стоящих на вершине холма, следила за его приближением, но не двигаясь с места. Все было настолько чуждо им, что они не могли представить себя ничем иным, кроме зрителей, не могли вообразить,

что могут быть вовлечены в ужасную бойню, развернувшуюся на берегу. Атакующий викинг подбегал все ближе и ближе, пока не стали отчетливо видны темные пятна океанских брызг и пота на грубой красной шерсти его рубахи и зловещие багровые пятна крови на топоре и руках.

Тяжело дыша, викинг бежал прямо на Джино, очевидно считая съёмочную камеру каким-то оружием. Оператор оставался на посту до последнего мгновения, снимая своего разъяренного противника, и отскочил в сторону только в тот момент, когда топор обрушился вниз. Широкое лезвие ударило по ноге треножника, согнув ее и чуть не опрокинув съёмочную камеру на землю.

— Эй, поосторожней с оборудованием! — крикнул Барни и тут же пожалел об этом, когда обезумевший от ярости викинг повернулся в его сторону.

Джино пригнулся, выставив перед собой руку с ножом, поблескивающим в лучах солнца, и спокойно ожидая новой атаки — тут, несомненно, чувствовался опыт юношеских лет, проведенных в трущобах Неаполя. Стоило викингу на мгновение отвлечься, как Джино нанес удар.

Он не промахнулся, однако викинг, несмотря на свои огромные размеры, оказался быстрым как кошка. Он успел повернуться, и нож вместо живота скользнул по боку. Заревев от внезапной боли, викинг продолжал наступление, и рукоятка топора обрушилась на голову итальянца, сбив его с ног. Все еще яростно крича, викинг схватил Джино за волосы, отогнул его голову назад, обнажив шею, и взмахнул топором, чтобы нанести роковой удар.

Воздух разорвал щелчок пистолетного выстрела, и тело викинга, в грудь которого попала пуля, судорожно дернулось. Он повернулся, открыл рот, на лице его застыла гримаса молчаливой боли, и Текс — они даже не знали, что подъехал джип, — положив руку с револьвером на руль, выстрелил еще два раза. Обе пули попали викингу в лоб, и он рухнул на землю, отдав богу душу еще до того, как его тело коснулось земли.

Джино оттолкнул от себя безжизненное тело викинга и, встав на ноги, весь дрожа, наклонился над камерой. Текс снова включил двигатель джипа. Остальные были настолько потрясены внезапностью атаки, что стояли как вкопанные.

— Хотите, я поеду к берегу и помогу нашим статистам? — спросил Текс, вкладывая патроны в барабан кольца.

— Да, — сказал Барни. — Необходимо прекратить это безобразие, пока еще кого-нибудь не убили.

— Не могу гарантировать, что это не случится, — зловеще проормотал Текс и повернул джип вниз по склону холма.

— Кончай съемку! — крикнул Барни оператору. — Мы можем вставить в наш фильм что угодно, только не джипы.

Текс заклинил чем-то кнопку гудка, так что тот ревел не переставая, и держал мотор на самой низкой передаче — он гудел как бешеный, а коробка передач выла, готовая разорваться. Со скоростью пять миль в час джип устремился к месту битвы.

Оттар и его люди видели джип довольно много раз и успели привыкнуть к нему, однако этого нельзя было сказать про викингов с нападающего корабля. Они увидели, как на них мчится какое-то ревущее чудовище, и по вполне понятным причинам не стали ждать его приближения, а разбежались влево и вправо. Текс, резко развернув джип у самой кромки воды, успел поддать буфером в зад одному из них, который не проявил достаточного проворства. Оттар и его люди собрались позади джипа и перешли в решительное наступление на рассеянного по берегу противника. Морские викинги дрогнули и обратились в бегство, поспешно карабкаясь на корабль и хватаясь за весла.

На этом и пришел бы конец попытке вторжения, если бы Текс не был охвачен боевой лихорадкой. Не успел корабль викингов сдвинуться с места, как он выскочил из-за руля, подбежал к переднему бамперу и вытащил оттуда барабан лебедки с намотанным на него стальным тросом. На его конце была петля. Вытянув трос достаточной длины, он вскочил на капот джипа и начал размахивать тросом. При этом он издавал воинственный клич, разносившийся по всему берегу. Все шире и шире становились круги, и, наконец, трос взвился в воздух и петля опустилась прямо на голову дракона на носу корабля викингов. Текс дернул за трос, накрепко затянув петлю, и, прыгнув на землю, неторопливо залез обратно в кабину.

Весла взбили белой пеной воды залива, и корабль медленно и плавно отошел от берега. Текс закурил сигарету, предоставив тросу

разматываться. Вот корабль отошел на двадцать, вот уже на тридцать футов от джипа. Один из викингов, стоя на носу, рубил топором стальной трос, но не добился ничего, разве что совершенно затупил топор. Текс ногой очень быстро переключил лебедку на обратное вращение. Трос поднялся из воды, натянулся подобно струне, корабль дрогнул и остановился. Затем медленно, но верно он двинулся обратно к берегу. Весла, отбрасывали брызги, погружались глубоко в воду, но тщетно.

Теперь оставалось только довершить разгром. После тексова маневра первоначальный пыл, с которым атакующие бросились на берег, полностью испарился. Оружие посыпалось в воду, и захватчики подняли руки вверх — они сдавались. Только один из них жаждал сразиться — тот самый, который пытался разрубить стальной трос. Держа топор в одной руке и круглый щит в другой, он спрыгнул на берег и кинулся к джипу. Текс взвел курок револьвера и ждал, но в схватку вступил Оттар, отразивший атаку. Оба викинга начали описывать круги возле самой воды, выкрикивая оскорбления по адресу друг друга. Когда Текс увидел, что все остановились, он осторожно спустил взведенный курок и сунул револьвер в кобуру, следя за схваткой двух богатырей.

Оттар, взмокший от пота и предельно возбужденный битвой, бутил в себе безумные берсеркера, грыз край щита, что-то хрипло крича. Он вбежал по колено в воду и продолжал идти к своему противнику. Вождь атакующих замер в нескольких ярдах от него, бросая на Оттара яростные взгляды из-под нависшего на глаза железного шлема и выкрикивая ответные оскорбления. Оттар несколько раз плашмя ударил топором по своему щиту, затем внезапно ринулся вперед, взмахнув топором, и обрушил сокрушительный удар на голову противника. Тот успел поднять щит, чтобы отразить удар, однако он был нанесен с такой силой, что викинг рухнул на колени.

С радостным воплем Оттар снова и снова наносил безжалостные удары топором, не замедляя ритма, как дровосек, валяющий дерево. Викинг стоял на коленях и не мог поднять свой топор — он опирался на него, чтобы не упасть под градом мощных ударов. От его щита летели щепки, и огромная волна окутала сражавшихся туманом мелких брызг.

Вдруг ритмичные удары по щиту прекратились — Оттар поднял

топор как можно выше и со всей силой обрушил его прямо вниз, на голову противника. Щит взлетел вверх, однако не сумел предотвратить сокрушительный удар. Топор соскользнул по щиту, едва замедлив движение, и глубоко вонзился в бедро викинга. Тот взвыл от боли и взмахнул топором, стремясь нанести ответный удар. Однако Оттар, увернувшись, легко отскочил назад и остановился на мгновение посмотреть на дело рук своих. Раненый с трудом встал, перенося весь вес на здоровую ногу, и было ясно видно, что его бедро перерублено почти наполовину и из раны хлещет поток крови. При этом радостном зрелище Оттар отбросил от себя щит и меч и издал победный клич. Раненный викинг сделал неловкую попытку атаковать его, однако Оттар, смеясь, увернулся. Все скандинавы, стоявшие на берегу, да и большая часть викингов на корабле тоже смеялись над бессильной яростью раненого викинга. Он продолжал ползти к Оттару, пытаясь повалить своего противника.

Должно быть, Оттар понял, что эта забава может кончиться только смертью его противника от потери крови, потому что он подбежал к поврежденному врагу и вспрыгнул ему на спину, погрузив его лицо в пенящуюся воду. Затем, встав одной ногой на правую руку викинга, которая все еще сжимала топор, он обеими руками схватил его голову, ткнул ее в песок и мелкую гальку и держал до тех пор, пока тело викинга не перестало дергаться. Враг утонул в нескольких дюймах пенившейся воды. Все воины на берегу и корабле приветствовали победу Оттара радостным криком.

На вершине холма царила потрясенная тишина, только Раф Хоук нетвердым шагом отошел в сторонку: его рвало. Барни впервые заметил, что Джино снова склонился над камерой.

— Ты успел заснять схватку? — спросил он, мучаясь от того, что его голос дрожит и скрывается.

— До последнего момента! — ответил Джино, похлопывая по диску с заснятым фильмом. — Хотя я не уверен, что мне удалось запечатлеть все подробности с такого расстояния.

— Все к лучшему, — сказал Барни. — На сегодня мы закончим, все равно вот-вот начнет темнеть, да я и не думаю, что кто-нибудь из нас сможет работать в таком окружении, — он кивком головы указал на мрачное зрелище внизу, у берега.

— А меня это нисколько не волнует, — беззаботно ответила

Слайти. — Это напоминает мне бойню, на которой работал мой отец, когда мы жили в Чикаго. Я каждый день приносила ему ленч.

— Ну, не все могут похвастаться таким хладнокровием, — сказал Барни. — Завтра ровно в 7.30 начнем с того, где кончили сегодня.

Он направился вниз по склону холма к шумной толпе на берегу.

Убитых и раненых из обеих групп сволокли в одно место, туда, где волны не могли их достать, и победители уже грабили захваченное судно, начав с эля. Уцелевшие викинги стояли под стражей, и перед ними расхаживал взад и вперед Оттар, что-то крича и размахивая кулаками для пущей выразительности. По-видимому, его слова возымели действие, потому что, когда Барни спустился с холма, скандинавы, побежденные и победители, повернулись и вместе двинулись по направлению к хижине. Только один человек не двинулся с места. Оттар обрушил ему на голову мощнейший удар, и человек рухнул как подкошенный. Двое слуг подняли и унесли его. Оттар вошел в море и начал шарить по дну, разыскивая свой топор, когда Барни подошел к нему.

— Может быть, ты скажешь мне, что все это значит? — спросил Барни.

— Ты видел, как я рубанул его по ноге? — торжествующе крикнул Оттар, размахивая найденным топором над головой. — Крак! Отрубил почти начисто!

— Хорошо сыграно. Я видел все. Прими мои поздравления. Но кто он такой и что они здесь делали?

— Его имя Торфи. Виски?! — это уже был триумфальный возглас, потому что Текс бросил на песок освобожденный торс и извлек из-под сиденья джипа поллитровую бутылку.

— Виски, — согласился Текс. — Правда, не твой любимый сорт, но этот тоже неплох. А хорошо у тебя получился этот удар с размаху!

Предвкушая наслаждение, Оттар стал вращать глазами, затем, поднеся к губам бутылку, зажмурился и осушил ее до дна.

— Вот бы мне так научиться, — с завистью сказал Текс.

Барни подождал, пока бутылка не опустела и Оттар с победным криком не запустил ее в море, а затем спросил:

— Так вот этот Торфи. Кто он такой?

Усталость после битвы — и последствия виски — внезапно обру-

шилились тяжелым бременем на плечи Оттара, и он опустил на гальку, тряся огромной головой.

— Торфи, сын Вальбранда, — сказал он, как только снова смог набрать воздуху в легкие, — сына Вальтофа сына Орлуга пришел к Свайни... Торфи убил за один раз двенадцать людей Кроппа. Он убил и семью Холсменов, и он был в Хеллисфитаре вместе с Иллуги Черным и Стурли Добрым, когда там убили восемнадцать пещерных людей. Они также сожгли Аудуна, сына Смидкела, в его собственном доме в Бергене. — Оттар остановился и с глубокомысленным видом кивнул головой, будто сообщил сведения огромной важности.

— Ну и что? — озадаченно спросил Барни. — Что все это значит? Оттар посмотрел на него и нахмурился.

— Смидкел был женат на Тородде, моей сестре.

— Да, конечно, — воскликнул Барни. — Как только это вылетело у меня из головы! То есть у этого Торфи были нелады с твоим шурином, а значит, и с тобой, и, когда он попытался тебя прикончить, ты его опередил. Ну и жизнь. А кто были его воины?

Оттар пожал плечами и с трудом поднялся на ноги, опираясь на переднее колесо джипа.

— Викинги, грабители. Собирались грабить Англию. Им не нравился Торфи, потому что он решил плыть сначала сюда, вместо того чтобы сразу отправиться в Англию. Теперь они отправятся со мной грабить Англию. Мы поплывем на моем новом корабле.

Он указал топором на свой корабль, украшенный изображением дракона, и весь зашелся от смеха.

— А тот, который не хотел присоединиться к вам?

— Это Хаки, брат Торфи. Я сделаю его рабом. Продам его собственной семье.

— Ну что за парни, — сказал Текс. — Они не очень-то церемонятся.

— Ты совершенно прав, — подтвердил Барни, в изумлении уставившись на викинга, который в этот момент показался ему гигантом. — Лезь в джип, Оттар, мы отвезем тебя домой.

— Оттар поедет в чипе, — с энтузиазмом воскликнул викинг, бросил в джип свой топор и щит и полез в кабину.

— Только не на сиденье водителя, — сказал Текс. — Всему свое время.

В число припасов, снятых с захваченного корабля, входила дюжина бочонков эля, большая часть которых была открыта и стояла перед хижиной, где уже начался пир в ознаменование победы. По-видимому, воины Оттара не питали злых чувств к своим бывшим противникам, потому что те смешались с победителями и не уступали им по количеству выпитого эля. Единственным человеком, который не наслаждался пиром, был Хаки, связанный по рукам и ногам и брошенный под скамью. Пирующие шумными криками приветствовали Оттара, который тут же направился к бочонку с выбитым дном, зачерпнул рукой эль из бочонка и начал его пить.

Когда крики стихли, снаружи послышался шум мотора, и Барни увидел пикап, который шел вдоль берега к дому. Машина затормозила, осыпав Барни дождем из мелкой гальки, и из нее выглянул Даллас.

— Мы добрых десять минут пытались связаться с тобой по радио, а может быть, и больше, — сказал он.

Барни взглянул вниз на свой радиоприемник и увидел, что он был выключен.

— Все в порядке, — успокоил он Далласа. — Просто я по ошибке выключил эту штуку.

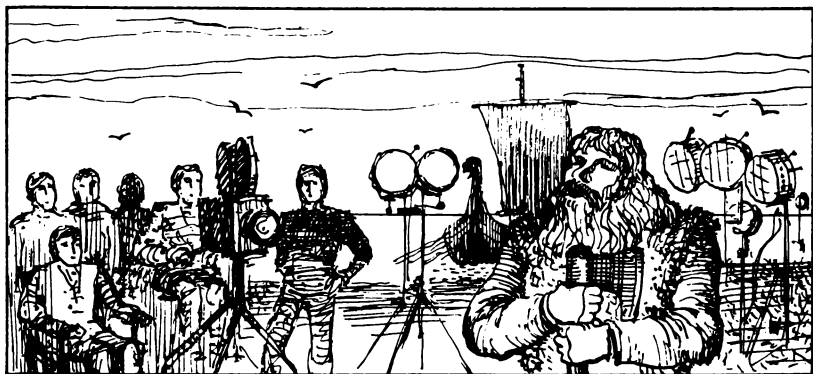
— Зато в лагере не все в порядке, вот почему мы и пытались вызвать тебя...

— Что... Что случилось?

— Да Раф Хоук. Он вернулся страшно взволнованный, не смотрел под ноги и в темноте наступил на овцу — знаешь, такие грязно-серые, очень похожи на валуны, — споткнулся, упал и сломал ногу.

— Ты хочешь сказать, что на третий день съемок фильма наш главный актер сломал себе ногу?

Даллас не без сочувствия посмотрел ей прямо в глаза, затем медленно кивнул головой.

ГЛАВА 9

Вокруг трейлера Рафа Хоука собралась толпа, и Барни пришлось основательно поработать локтями.

— Расходитесь, — рявкнул он. — Это вам не представление! Дайте мне дорогу!

Раф лежал на кровати, лицо у него было серым и покрылось мелкими капельками пота. Он все еще был в костюме викинга. Празная нога ниже колена была забинтована, сквозь белую марлю местами проступала кровь. У изголовья стояла медицинская сестра — вся в белом, готовая к действиям.

— Ну как он? — спросил Барни. — Это серьезно?

— Настолько серьезно, насколько это возможно, — информировала его медсестра. — У мистера Хоука сложный перелом ноги, то есть его нога ниже колена сломана в нескольких местах, и острый конец кости пробил кожу.

Эти слова исторгли у Рафа, лежавшего с закрытыми глазами, театральный стон.

— Мне кажется, дело обстоит не так уж трагично, — с отчаянием в голосе заметил Барни. — Сейчас ему нужно сложить сломанные кости, и он в два счета встанет на ноги.

— Мистер Хендриксон, — начала медсестра ледяным

тоном. — Я не доктор и поэтому не могу предписывать курс лечения. Я оказала пациенту первую помощь: наложила стерильную повязку на рану, чтобы предупредить заражение, и сделала укол новокаина, чтобы облегчить боль. Я выполнила свой долг. А теперь мне хотелось бы знать, когда прибудет врач.

— Конечно, этим случаем немедленно займется врач. Где моя секретарша?

— Я здесь, мистер Хендриксон, — раздался голос из-за двери.

— Бетти, возьми пикап, он стоит здесь, у самой двери. Текс ответит тебе. Найди профессора Хьюитта, пусть он, не теряя ни секунды, доставит тебя на платформе обратно в студию. Он знает, как это сделать; там разыщи нашего врача и немедленно возвращайся с ним сюда.

— Не надо доктора, отправьте меня обратно... обратно, — застонал Раф.

— За дело, Бетти, быстрее, — Барни, широко улыбаясь, повернулся к Рафу и похлопал его по плечу. — А теперь забудь обо всех неприятностях. Мы не постоим перед расходами, к твоим услугам будут все чудеса современной медицины. Сейчас хирурги чего только не делают — ставят на кость металлические стержни и так далее. Они живо поставят тебя на ноги, и ты будешь как огурчик.

— Нет! Я не хочу сниматься в этой картине. Теперь моей работе с вами конец, я уверен, что именно так сказано в моем контракте. Я хочу домой!

— Успокойся, Раф. Не волнуйся, отдохни. Сестра, останьтесь с ним, я сейчас выгоню всех отсюда. Я убежден, что все будет в порядке.

Однако в словах Барни было не меньше фальши, чем в улыбке. Он рывкнул на любопытных, и трейлер тотчас опустел.

— Я прошу всех, кроме сестры, покинуть помещение, — сказал доктор.

Барни пытался было протестовать, затем пожал плечами. Все равно пока здесь нечего было делать. Выйдя из трейлера, он подошел к профессору, который копался во внутренностях врематеатрона.

— Не вздумайте разбирать его, — предостерег Барни. — Мне нужно, чтобы эта ваша машина времени круглые сутки была в состоянии боевой готовности.

— Я просто проверяю отдельные участки проводки. Боюсь, что в спешке многие провода были соединены и изолированы кое-как и на них в течении длительного времени нельзя будет полагаться.

— Как долго длилось ваше последнее путешествие? То есть я хочу сказать, сколько сейчас времени в Голливуде?

Профессор посмотрел на указатели приборов.

— Если брать с точностью до нескольких микросекунд, то сейчас 14,3552 часа, суббота...

— Черт побери, уже половина третьего субботы! Куда же делось все это время?

— Уверяю вас, я здесь совершенно ни при чем. Я ждал у платформы, прескверно позавтракал у одного из автоматов, пока не вернулся пикап. Насколько я понял, доктор куда-то отлучился, его искали, и, кроме того, нужно было запастись медицинским оборудованием.

Барни невольно потерял живот: у него возникло такое ощущение, будто в желудке образовался кусок льда величиной с пушечное ядро.

— Я должен сдать новый фильм в понедельник утром. Сейчас половина третьего субботы, а мы отсняли материала всего на три минуты, и главный герой лежит со сломанной ногой. Времени, времени у нас в обрез. — Барни как-то странно взглянул на профессора. — А почему у нас нет времени? Времени должно быть сколько угодно, правда, профессор? Можно найти уединенное местечко, вроде такого, куда мы посылали Чарли Чанга, и там можно закончить лечение Рафа!

Не ожидая ответа профессора, Барни вскочил и кинулся к Рафу, спотыкаясь о разбросанное повсюду съемочное оборудование. Без стука он ворвался в трейлер. Нога Рафа была уложена в лубок, и доктор измерял его пульс. Он недовольно посмотрел на Барни.

— Дверь была закрыта совсем не случайно, — заметил он.

— Я знаю, доктор, и я вам гарантирую, что больше никто не войдет через нее. Здорово вы его обработали... я надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, через сколько времени вы поставите его на ноги?

— До тех пор, пока я не помещу его в госпиталь...

— Ага, совсем не надолго!

— ...там я сниму шину и наложу гипс, и он будет лежать в гипсе, по крайней мере, двенадцать недель — это минимальный срок. А потом пациент будет ходить на костылях не меньше месяца.

— Ну что ж, это отнюдь не плохо, то есть, я хочу сказать, совсем здорово, просто здорово. Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы он вылез, и сможете сами отдохнуть в то же самое время, каникулы, так сказать. Мы найдем для вас обоих милое уединенное местечко, где вы оба сможете отдохнуть.

— Я не знаю, о чем вы говорите, но то, что вы предлагаете мне, совершенно неосуществимо. У меня обширная практика, и я не могу оставить ее на двенадцать недель или даже на двенадцать часов. Сегодня вечером у меня очень важная встреча, и я должен немедленно отправляться назад. Ваша секретарша заверила меня, что я буду дома вовремя.

— Так оно и случится, — уверенно сказал Барни. Ему уже пришлось один раз объяснять это Чарли, и теперь он знал, как это делается. — Вас доставят вовремя для важной встречи сегодня вечером, а в понедельник вы прибудете на работу без опоздания, и все остальное будет в полном порядке. Вдобавок вы сможете отдохнуть — разумеется, за наш счет — и получите трехмесячное жалование. Ну разве это не великолепно? Сейчас я объясню вам, как это делается...

— Нет! — взвизгнул Раф. Он приподнялся на постели и с трудом показал Барни кулак. — Я знаю, что вы хотите сделать, но я решительно отказываюсь. Я не хочу иметь ничего общего ни с этой картиной, ни с этими сумасшедшими варварами. Я видел, что случилось сегодня на берегу, и с меня хватит.

— Успокойся, Раф...

— Не пытайся уговаривать меня, Барни, я все равно не изменю решения. Я сломал ногу, и у меня с этой картиной все кончено. И даже если б я не сломал ногу, я все равно отказался бы от участия. Ты не можешь заставить меня играть.

Барни открыл рот — у него на языке вертелись выражения, ярко характеризующие игру Рафа, — но неожиданно для себя, что было не в его привычках, сдержался.

— Мы поговорим об этом завтра, а сейчас отдохни как следует, — пробормотал он сквозь зубы, затем повернулся и вышел из трейлера.

Он знал, что, закрывая за собой дверь трейлера, он закрывал дверь для всей картины. И для своей карьеры. Ясно, что Раф не изменит своего решения. Мало что проникало через мускулы и кости в

его крошечный мозг, но то, что проникало, оставалось там навсегда. Барни не мог заставить этого кретина с чрезмерно развитой мускулатурой отправиться для лечения на какой-нибудь доисторический остров — а значит, фильму пришел конец.

Барни споткнулся и, подняв голову, увидел, что он пересек весь лагерь и вышел к берегу, сам того не заметив. Он был один на холме, который поднимался над берегом и над заливом. Солнце уже склонилось к самому горизонту, освещая полосу низких облаков золотым светом заката, а закат отражался от поверхности воды, образуя дрожащие блики с каждой новой волной. На этом мире, свободном от людей, лежал отпечаток первозданной красоты, но Барни ненавидел этот мир и все, что его окружало. Он заметил камень у себя под ногами и, размахнувшись, бросил его, как бы стремясь разбить зеркало моря. Но, бросая его, он сделал неловкое движение, повредил руку, и камень, не долетев до воды, упал на прибрежную гальку.

Итак, картины не будет. Он громко выругался.

— Что ты сказал? — раздался позади него низкий голос Оттара. Барни резко повернулся.

— Я сказал — убирайся отсюда, волосатый болван!

Оттар пожал плечами и протянул огромную руку, в которой он держал две бутылки виски.

— По-моему, ты плохо выглядишь. Выпей глоток!

Барни открыл рот, чтобы сказать что-то обидное, но потом вспомнил, с кем говорит, ответил: «Спасибо!» и приложился к бутылке. Основательно подзаправившись, Барни почувствовал себя немного лучше.

— Я пришел сюда за своей бутылкой, а тут Даллас сказал, что он на собственные деньги поставит мне еще одну — за сегодняшний бой. Сегодня большой день!

— О да, большой день. Дай-ка бутылку. И это последний день, потому что фильм окончен, погиб, капут. Ты знаешь, что это значит?

— Нет, — раздалось продолжительное бульканье.

— Да, откуда тебе знать, тебе, чистому дитяти природы, неспорченному варвару. В каком-то смысле я тебе просто завидую.

— Я не дитя природы. Был человек по имени Торд — Лошадиная Голова, он был моим отцом.

— Да, я завидую тебе, потому что ты — хозяин мира. То есть

хозяин своего мира. Сильная рука, неутолимая жажда, великолепный аппетит и никаких сомнений. А мы просто сомневаемся сами в себе, мы этим живем. Готов поспорить, что ты даже не знаешь, что значит сомневаться в себе.

— Это что-то вроде самоубийства?

— Конечно, это тебе незнакомо.

Викинги уже сидел на земле, и Барни опустился рядом с ним, чтобы легче доставать бутылку. Солнце село, и ярко-красное небо на горизонте незаметно переходило в серые облака, а потом в темный мрак над головой.

— Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство — они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-давно. Я занимался этим делом еще тогда, когда на мне были короткие штанишки, и вот теперь, в период ранней зрелости, когда мне сорок пять, я покончил с кино. Потому что без этого шедевра «Клаймэктик» пойдет ко дну, а вместе с ней ко дну пойду и я. А знаешь почему?

— Выпей-ка еще.

— Спасибо. Я тебе скажу почему. Потому что за всю свою долгую и богатую событиями жизнь я сделал семьдесят три картины, и каждая из них была забыта, едва она сошла с экрана. Если я уйду из «Клаймэктика», мне конец, потому что в мире множество продюсеров и режиссеров, которые лучше меня, и они претендуют на ту же работу, на какую буду претендовать я.

Оттар, придав лицу благородное и героическое выражение, орлиным взором посмотрел на море, улыбнулся и икнул. Барни одобрительно кивнул и снова приложился к бутылке.

— Ты — умный человек, Оттар. Я скажу сейчас тебе то, чего я еще никому не говорил, потому что я напился на твою дневную зарплату, а ты, наверно, понимаешь только одно слово из десяти. Знаешь ли ты, кто я? Я — посредственность. А ты имеешь представление, какое ужасное признание я сделал? Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаешь об этом, и тебя отовсюду гонят, и ты идешь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца этому поверить, сваливаешь все на обстоятельства и пытаешься сделать еще

одну картину, пока не отснимешь семьдесят третью бездарную ленту. А вот семьдесят четвертой не бывать. Но самое смешное заключается в том, что этот семьдесят четвертый действительно мог стать хорошим фильмом. И уж по крайней мере, клянусь богом, он не был бы похож на остальные. Все погибло. Картина умерла, не успевши родиться, бедная картина попала в царство кинематографического забвения. Картина умерла, нет картины...

— Что такое картина?

— Я уже объяснял, произведение искусства. Развлечение. Вроде этих ваших, как вы их называете, саг...

— Хочешь, я спою песню из саги? Я хорошо пою.

Не ожидая ответа, Оттар встал, глотнул из бутылки, чтобы прочистить горло, и замел громовым голосом, сливающимся с шумом прибоя:

— *Рази, рази, меч,
Место в моем сердце, где живет червь!
Гневные лица — мои сыновья — принесут месть.
У смерти нет страха. Голос Валькирии
Сзывает новых гостей в пивной зал Одина.
Приходит смерть. На столе — пир.
Жизнь окончена. Я умираю, смеясь*

Оттар замер на мгновение, затем взревел с новой силой.

— Это была песня, как король Аэлла убил его, и Аэлла умер. Как жаль, что мне не удалось сделать это!

Оттар погрозил кулаком недоброму небу.

У Барни в глазах двоилось, но он обнаружил, что, если закрыть один глаз, он достаточно четко видел вторым. Оттар возвышался над ним, гигант на заре существования мира, в кожаной одежде, с развевающимися волосами. Последние багровые отсветы заката легли на его лицо. Сага была для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва — песней.

Мысль, пришедшая в голову Барни, была настолько неожиданной, что он тихо охнул.

А почему бы нет? Если бы он не налакался, распивая виски на берегу древнего моря с человеком, который умер тысячу лет назад, эта идея никогда не пришла бы ему в голову. Почему бы нет? Вся

история со съемкой этой картины — безумие, так почему не добавить к ней еще один, последний штрих? В его руках была свобода и власть — и ведь все равно картина погибла, хуже не будет. Почему же нет?

— Пошли со мной, — пробормотал Барни, с трудом встав на ноги и пытаясь поднять с земли неподвижную громаду викинга.

— Зачем?

— Смотреть кино.

На Оттара это не произвело впечатления, и он остался сидеть.

— Ну тогда пошли за виски.

Это пришлось Оттару больше по душе, и они отправились в лагерь. Барни то и дело опирался на своего спутника, который даже не замечал его.

— Экстры готовы? — спросил Барни, просовывая голову в трейлер кинолаборатории.

— Сейчас вынимаем из сушилки, мистер Хендриксон, — ответил техник.

— Отлично! Установите экран снаружи и давайте их сейчас посмотрим.

Сначала покажите вчерашнюю порцию, а потом то, что было снято сегодня.

— А виски? — спросил Оттар, и Барни ответил:

— Да, да, посиди немного, сейчас принесу.

Было совсем не просто найти в темноте свой трейлер, да к тому же повсюду было разбросано на редкость много всякого хлама, о который Барни то и дело спотыкался; затем возникла проблема, как найти нужный ключ из множества ключей в связке. Когда Барни вернулся обратно с бутылкой виски в руках, складной экран был уже установлен и парусиновые кресла расставлены. Они с Оттаром удобнее устроились в креслах, поставили перед собой бутылку, проектор зажужжал, и они начали смотреть фильм в этом удивительном кинотеатре с крышей из открытого неба и ярких звезд.

Сначала Оттар никак не мог воспринимать проектируемые на экран кадры как картину, его неразвитый ум не связывал движущиеся изображения с действительностью. Он не был, однако, полным профаном в изобразительном искусстве, ему были знакомы как три из-

мерения в резьбе по дереву, так и плоскостное изображение — рисунки, и когда на экране появилось изображение берега и его хижины, он вскрикнул от изумления.

Ужин уже подошел к концу, и почти вся съемочная группа подошла к экрану, чтобы посмотреть на экстры. Даже те, кто не присутствовал при сражении, были достаточно наслышаны о нападении викингов, и когда на экране возник корабль, послышался шепот и вздохи, то и дело прерываемые гневным ревом Оттара. Когда корабль нападающих пристал к берегу и началась битва, воцарилась полная тишина. Угол съемки был великолепен, кадры четкие, детали настолько ясны, что было почти невыносимо смотреть. Даже Барни, который все время был на берегу, почувствовал, как у него по спине забегали мурашки, когда на экране появилось лицо залитого кровью викинга, бегущего вверх по холму прямо на камеру, все ближе и ближе.

Испустив страшные боевой клич, Оттар вскочил на ноги, бросился на экран и сорвал его, запутался в белой ткани, споткнулся и покатился вниз по склону, в ярости разрывая материю и ломая металлическую раму. Поднялся крик, одна из девушек принесла небольшой прожектор и осветила викинга. Подбежавший к Оттару Лин сумел наконец успокоить его, а подоспевшие помощники вытащили викинга из-под обломков экрана. Пока продолжалась неразбериха, лагерь осветился автомобильными фарами, и через минуту машина «Скорой помощи» с надписью «Госпиталь графства Лос-Анжелес» на белом борту въезжала в свет прожектора.

— Чертовски трудно найти кого-нибудь в вашем лагере, — сказал шофер. — У вас, киношников, действительно большие павильоны для съемок, вот уж никогда бы не подумал, что все это можно уместить на одной сцене.

— Что вы хотите? — спросил Барни.

— Меня вызвали. Приехал за пациентом со сломанной ногой по имени Хоук.

Барни обвел глазами молчаливую толпу.

— Ну-ка, Бетти, покажи им дорогу к трейлеру Рафа. И передай ему мои лучшие пожелания, скажи, я надеюсь, что он быстро поправится, и все в таком духе.

Бетти хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Она быстро

прошла к машине, приложив платок к лицу, и вскарабкалась в нее. По-прежнему стояла тишина, многим было неприятно встречаться с Барни взглядом. Он улыбнулся про себя широкой таинственной улыбкой и приветливо махнул рукой.

— Представление продолжается! — распорядился он. — Принесите новый экран и давайте досмотрим экстры до конца.

Когда последнюю пленку прокрутили через проектор, Барни встал перед экраном, освещенный со всех сторон, и, приложив руку к глазам, стал вглядываться в темноту.

— Я не вижу, кто здесь. Джино, ты тут? А Эмори? — Из толпы послышались утвердительные возгласы. — Отлично, сейчас проведем пробу. Установите-ка вон там прожектора.

— Сейчас уже ночь, мистер Хендриксон, — раздался голос из темноты.

— Я еще не ослеп и понимаю, что вы хотите сказать. Все вы получите сверхурочные, но я хочу снять эту пробу немедленно. Как вам всем, наверно, уже известно, поскольку слухи распространяются у нас чертовски быстро, Раф Хоук сломал ногу и сниматься не может. Значит, мы остались без главного героя. Может быть, некоторым это покажется катастрофой, но это неверно, потому что мы сняли не так уж много метража, который теперь придется выбросить. Но нам нужен главный герой, и именно этим мы сейчас и займемся, так как я хочу сделать пробу парня, которого все вы хорошо знаете, нашего местного друга Оттара...

Послышалось несколько удивленных возгласов, шепот и насмешки. Барни услышал только смех.

— Здесь я распоряжаюсь, я директор этой картины и я хочу устроить пробу — вот так! — Он остановился перевести дыхание и только тут действительно осознал, что он здесь главное лицо и сейчас больше, чем когда бы то ни было. Тысячелетие отделяло его от конторы треста, от его телефонов. Л. М. не сможет добраться до него, даже если бы он не был в постели со своим мнимым инфарктом и не прятал под матрас бухгалтерские книги. Теперь вся ответственность лежала на нем, только на нем одном, и судьба картины зависела от того, какое решение он сейчас примет. И не только картины — судьба всей киностудии зависела от него, от него зависело, будут ли

работать все окружающие его сотрудники, не говоря уж о нем самом.

При обычных условиях подобная ситуация обеспечила бы ему бессонные ночи и спазмы желудка, заставив его испытать адские муки нерешительности. Но не сейчас. Может быть, ему передалась частичка духа викингов, сознания, что каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезет, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится.

— Сейчас мы сделаем эту пробу. Никто не может спорить с тем, что Оттар выглядит настоящим викингом. А если он говорит с небольшим акцентом, ну так что ж — Бойер и фон Штрохейм тоже не могли избавиться от акцента, но всем известно, чего они добились. А теперь посмотрим, сможет ли он играть, по крайней мере хотя бы как Раф.

— Ставлю пять зеленых, что он лучше, — донеслось из толпы.

— Кто спорит? — ответил другой голос, и по толпе пронесся смешок.

Теперь они были на его стороне, Барни чувствовал это. Может быть, им всем передалось сумасшествие викингов. Какой бы ни была причина, они были с ним заодно.

Барни откинулся на спинку кресла, время от времени давая указания и потягивая из горлышка виски, пока устанавливали осветительные приборы и камеры. Когда все было готово, Барни встал и отнял бутылку у клевавшего носом Оттара.

— Отдай обратно, — проворчал Оттар.

— Сейчас. Но я хочу, чтобы ты еще раз спел мне эту сагу о Рагнаре.

— Не хочу петь.

— Нет, хочешь. Я рассказал всем о том, какая это была великая песня, и все хотят ее услышать, правда?

Из толпы послышалось дружное «да!» и одобрительные возгласы. Слайти выскользнула из темноты и прижалась к плечу Оттара.

— Спой для меня, милый, это будет моя песня, — процитировала она из своей предыдущей картины о каком-то второразрядном композиторе.

Оттар не мог устоять перед личной просьбой. Все еще ворча, но уже без злобы, он встал на место, указанное Барни, и взял в руку бутафорский топор.

— Слишком легкий, — сказал он. — Из дерева. Никуда не годится.

И он спел для них, сначала монотонно и нараспев, все еще рассматривая топор, затем все громче и выразительнее, по мере того как заражался энтузиазмом древней боевой песни. Пропев последнюю строфу, Оттар с воинственным ревом грохнул топором по ближайшему прожектору, опрокинув его на землю и едва не превратив в металлолом. Слушатели разразились аплодисментами и возгласами одобрения, а Оттар, тяжело дыша, расхаживал перед ними взад и вперед, воспринимая все как должное.

— Это было великолепно, — сказал Барни. — А теперь давай сделаем еще одно маленькое дело, и ты свободен. Видишь, вон там стоит стойка прожектора с надетой на нее курткой и шлемом? Так вот, это вражеский часовой. Ты должен подкрасться и убить его так, как ты сделал бы это на самом деле.

— Зачем?

— Зачем? Оттар, что за вопрос? — Барни отлично знал, что это был за вопрос — это был вопрос, на который страшно трудно дать ответ. Зачем? Для актера было совершенно понятно, потому что игрой он зарабатывал себе на хлеб. Но зачем это все Оттару?

— Забудь-ка на минуту об этом, — сказал Барни. — Давай сядем рядом и выпьем по глотку. Теперь я расскажу тебе сагу.

— Ты тоже знаешь саги, да? Саги интересные.

В век Оттара, когда не было развлечений и не было еще письменности, саги заменяли все — песню и историю, газету и книгу, и Барни было это известно.

— Отлично, — сказал он и сделал знак, чтоб на Оттара навели камеру. — Хватай-ка бутылку и слушай мой рассказ, рассказ о великом викинге, которого звали Оттаром...

— Как и меня?

— Как и тебя, да, и он был знаменитым воином. У него был хороший друг, который вместе с ним пировал и вместе с ним участвовал в сражениях. Они были самыми лучшими друзьями в мире. Но однажды во время битвы друга Оттара захватили в плен, связали и увели. Однако Оттар пошел по следу врага и, подкравшись к лагерю противника, стал ждать наступления темноты. После битвы его мучила жажда, и он пил, но сидел в укрытии не двигаясь.

При последних словах Барни Оттар поднес к губам бутылку и сделал большой глоток, потом прислонился к трейлеру.

— Вскоре стало темно, его время наступило. Он освободит своего друга. Встань, Оттар, сказал он себе, встань, пойди и освободи своего друга, которого враги должны убить на рассвете. Встань!

Последнее слово прозвучало как приказ, и в одно мгновение Оттар легко вскочил на ноги. Бутылка упала. Она была забыта.

— Оглянись вокруг, Оттар, и ты увидишь часового. Осторожно — вон он!

Теперь Оттар не играл — он жил. Он низко наклонился, выглянул из-за угла и тут же спрятался обратно.

— Там стоит часовой, спиной к тебе. Подползи к нему, Оттар, и без единого звука задуши его собственными руками. Схвати его за горло, и пусть он умрет молча. Иди, только осторожно, пока он стоит к тебе спиной.

Оттар уже выскользнул из-за укрытия, низко согнулся и начал двигаться вперед по изъезженной земле, беззвучно, как тень. Все замерли при виде Оттара. Барни оглянулся и увидел рядом свою секретаршу, которая не сводила глаз с крадущегося викинга. На полпути Оттар услышал шаги и замер: кто-то шел сюда. Он спрятался. Оттар скользнул в тень валуна, и Барни прошептал:

— Иди к нему, Бетти, просто пройди мимо. — Он взял ее за руку и толкнул вперед.

Оттар спрятался в тени как раз в ту минуту, когда мимо него прошла женщина. Она была совсем рядом, но не заметила его. Она ушла. Оттар подождал, пока все не стихло, затем начал снова красться вперед, все ближе и ближе — и бросился на часового!

Джино пришлось быстро повернуться, чтобы удержать викинга в кадре, когда он вскочил, рванулся вперед, все еще совершенно беззвучно, и, буквально пролетев последние метры по воздуху, бросился на чучело. Шлем упал и покатился в сторону, викинг схватил стальной стержень подставки и единым движением согнул его пополам.

— Стоп! — крикнул Барни. — Такова была сага, все было точно так, как ты изобразил это. Убил часового и освободил своего друга. Здорово, просто здорово. А теперь давайте покажем Оттару, как нам понравилось его представление!

Под гром аплодисментов и крики одобрения Оттар сел на землю

и быстро заморгал, как бы постепенно вспоминая, где он и что с ним. Он посмотрел на изогнутый стержень, потом отбросил его в сторону и ухмыльнулся.

— Это была хорошая сага, — сказал он. — Вот так действует Оттар.

— Ну ладно, завтра я покажу тебе экстры, — сказал Барни. — Ты увидишь движущиеся картинки с твоим изображением — как ты делал все это. А пока хватит, это был длинный день. Текс... или Далларс — пусть один из вас возьмет джип и ответит Оттара домой.

Ночной воздух становился все холоднее, и толпа быстро рассосалась. Подсобные рабочие убрали освещение и камеру. Барни задумчиво посмотрел вслед исчезающим красным огонькам джипа, зажег сигарету, тут только он заметил стоящего рядом с ним Джино.

— Как твое мнение? — спросил он.

— Мое мнение? — Джино пожал плечами. — Откуда я знаю? Я всего лишь оператор...

— Каждый оператор, сколько я их ни встречал, в глубине души был убежден, что из него бы вышел директор намного лучше, чем те кретины, с которыми ему приходится работать. Что ты о нем думаешь?

— Если ты спрашиваешь мое мнение, а видимо, это так, то я скажу, что он по крайней мере лучше, чем тот кусок мяса, который унесли на носилках. И если проба получится так, как я ожидаю, может быть, ты сделал находку века. Одиннадцатого века, конечно. Вот и говори потом о методе!

Щелчком пальца Барни послал окурок далеко в темноту.

— Я, — сказал он, — думаю точно так же.

ГЛАВА 10

Барни пришлось повысить голос, чтобы перекрыть грохот ливня, бьющего по крыше трейлера.

— А ты уверен, что он понимает, что подписывает? — крикнул он, с сомнением глядя на кривой крест и отпечаток пальца под контрактом.

— Совершенно уверен, — ответил Йенс Лин. — Я прочитал ему как английский оригинал, так и перевод на старонорвежский язык, и он со всем согласился, затем подписался в присутствии свидетелей.

— Надеюсь, ему никогда не попадется хороший адвокат. В соответствии с этим контрактом он — исполнитель главной роли в фильме — получает зарплату меньше всех в группе, включая негра, присматривающего за уборной.

— Ему не на что жаловаться, так как он сам выставил такие условия.

Одна бутылка «Джека Даниэльса» в день и по серебряной марке каждый месяц.

— Но ведь этого не хватит даже на пломбу в зубе.

— Не следует забывать о разном экономическом положении двух миров, — начал Йенс с профессорским апломбом, для пущей убедительности подняв палец. — Экономика одиннадцатого века в основном зиждется на торговле и обмене товарами, почти без применения монет. Поэтому серебряная марка имеет гораздо большую ценность, которую трудно сравнивать с нашей ценой серебра, производимого в большом количестве. Пожалуй, лучше взглянуть на его покупательную способность. За одну серебряную марку можно купить раба. За две марки...

— Достаточно, уже все понятно. Для меня важно знать, останется ли он с нами до конца картины?

Йенс пожал плечами.

— О, это очень хороший ответ. — Барни потер большими пальцами разламывающиеся от боли виски и посмотрел из окна на свинцовое небо и падающий занавес дождя. — Уже два дня, как льет, неужели дождь никогда не прекратится?

— Этого следовало ожидать. Не нужно забывать, что, хотя погода в одиннадцатом веке теплее, чем в двадцатом, из-за влияния Малого Климатического Оптимума, мы все-таки находимся в Северной Атлантике примерно на пятьдесят девятом градусе северной широты, и дождь здесь...

— Избавь меня от лекции. Я должен быть уверен, что Оттар будет сотрудничать с нами на протяжении съемки всего фильма, иначе даже и начинать не стоит. Он может отплыть завтра в этой своей новой ладье или выкинуть какой-нибудь другой номер, принятый у викингов. Послушай, а что он вообще здесь делает? Он как-то не соответствует моему представлению о веселом фермере.

— В настоящее время он находится в изгнании. По-видимому, ему не понравилось принятие христианства в том виде, в каком оно происходит при короле Олафе Трюггвессоне, и он, проиграв сражение, был вынужден бежать из Норвегии.

— А почему ему не захотелось быть обращенным в христианство?

— Во-первых, Лаф подвергнет его испытанию змеей. То есть конец «лурхорна» — длинного медного боевого горна — силой засовывается глубоко в горло жертвы, затем через широкое отверстие впускается ядовитая змея, отверстие тут же затыкается, и горн подогревается на огне, так что змее приходится искать выход в горле язычника.

— Необычайно привлекательно. А что случилось после его бегства из Норвегии?

— Он отправился в Исландию, однако во время шторма его корабль погиб и он с несколькими войнами выбрался на этот остров. Все это случилось незадолго до нашего появления.

— Если он потерпел кораблекрушение, то в чьем же доме он живет?

— Этого я не знаю. Он и его воины убили владельца и поселились в доме.

— Господи, что за жизнь. Ну, по крайней мере, для нас это приятные новости. Я уверен, что он не захочет куда-нибудь отправиться, пока его здесь поят и к тому же платят.

Вместе с порывом ветра и дождя в трейлер Барни ворвался Эмори Блестэд. Ему пришлось налечь на дверь всем телом, чтобы закрыть ее.

— Можешь повесить свои вещи на гвоздь двери, пусть они немного высохнут, — сказал Барни. — Кофе на плитке. Ну, как дела с декорациями?

— Почти закончены, — ответил Эмори, размешивая сахар в своей чашке. — Мы разломали заднюю стену хижины, чтобы можно было втащить внутрь осветительные приборы и камеры, покрыли стены фанерой и подняли крышу на четыре фута. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидал, мы просто подняли всю крышу вместе с балками на домкратах, потом местные рабочие нарезали дерна и довели стены до необходимой высоты. Эти парни действительно умеют работать.

— И к тому же почти даром, — дополнил Барни. — Пока что единственное, в чем не расходимся с планом, — это в бюджете. — Он взглянул на свой экземпляр сценария, отмечая сцены красным карандашом. — Мы можем сейчас приступить к съемкам в помещении?

— В любое время.

— Тогда полезли в резиновые сапоги. Что ты думаешь о пробе, Эмори?

— Абсолютно первоклассная проба. Этот викинг прирожденный актер, настоящая находка.

— Да, — Барни пожевал карандаш, затем бросил его на пол. — Будем надеяться. Может оказаться, что он в состоянии сыграть одну-две сцены, однако справится ли он с целой картиной? Я хотел снять сначала простые сцены: как влезают и вылезают из лодок, героический взгляд в сторону заката и тому подобное, но погода все это прикончила. Придется браться за интерьеры и надеяться на лучшее.

Потоки дождя низверглись с крыши, текли по бокам джипа, который медленно полз вверх по склону холма вдоль полосы жидкой грязи, проложенной предыдущими машинами, что двигались из ла-

геря. В поле позади хижины Оттара уже стояло несколько автомобилей, среди которых возвышалась передвижная электростанция с урчащим генератором. Они подъехали как можно ближе к хижине, вылезли из джипа и похлопали к двери. К стене прижалась группа слуг, выброшенных из дому, чтобы освободить место для съемочного оборудования. Вид у них был мокрый и несчастный. Фанерная дверь была приоткрыта из-за толстых электрических кабелей, и Барни протиснулся внутрь.

— Ну-ка, дайте побольше света, — сказал он, вылезая из мокрого насквозь плаща. — И вставьте этих людей, я хочу взглянуть на кровать.

— Осторожнее, краска на древнем дереве еще не просохла, — сказал Эмори, показывая на двустворчатые двери на стене.

— Неплохо, — одобрительно отозвался Барни.

— Чего хорошего?! — фыркнул Йенс Лин. — Ведь я же говорил, что в таком простом доме люди спят на лавках вдоль стен — вот этих, — но в доме вполне может быть небольшая комнатка с кроватью, встроенная в стену, совсем маленькая, чтобы тепло спящих могло обогревать ее. — Лин распахнул пятифунтовые двери, за которыми оказалась маленькая комнатка с матрасом из пенопласта и нейлоновыми простынями. — Но эта мерзость! В ней нет ничего похожего...

— Не волнуйтесь, док, — сказал Барни, осматривая комнатку через видоискатель камеры. — Ведь мы снимаем картину, правда? Мы даже не сможем втиснуть камеру и пару операторов в тот гроб, о котором вы думаете. Хорошо, уберите заднюю стену.

Двое плотников убрали заднюю стену комнаты, за ней в сарайчике оказалась камера.

— Залезай внутрь, Джино, и я еще раз повторю содержание. Это дубль пятьдесят четыре. А, Оттар, как раз вовремя, тебе сейчас на сцену.

В дом ввалился викинг, щеголявший в хлорвиниловом плаще, в сопровождении гримера, который держал зонтик над его головой.

— Здорово, Барни, — рывкнул Оттар. — Я хорошо выгляжу, нет?

Он действительно выглядел хорошо. Сначала его отмачивали в ванне — пришлось три раза менять воду, — его борода и волосы были вымыты, высушены, окрашены, подстрижены и причесаны,

костюм Рафа был перешит и прилажен к его массивной фигуре. Оттар выглядел весьма внушительно, он знал это и наслаждался.

— Ты великолепен, — сказал Барни. — Ты так хорошо выглядишь, что мне хочется сделать еще несколько снимков с тебя, ведь ты любишь на них смотреть, правда?

— Хорошая мысль. Я хорошо выгляжу на снимках.

— Верно. А теперь вот чего я хочу от тебя. — Барни закрыл двери, ведущие в комнату. — Я буду внутри с камерой. Ты стоишь вот здесь и открываешь двери... вот так... и когда они полностью открыты, ты смотришь на кровать — вот так — и медленно улыбаешься. Вот и все.

— Мне это кажется глупым. Лучше сними меня прямо здесь.

— Я высоко ценю твое предложение, Оттар, но мне хочется сделать это по-своему. В конце концов ты получаешь ежедневно по бутылке и серебряную марку каждый месяц, так что постарайся заработать их.

— Совершенно верно, каждый день. Где сегодняшняя бутылка?

— Ты получишь ее после работы, а мы ведь пока даже не начали. Так что стой здесь, а я обойду кругом и встану с другой стороны с камерой.

Он отбросил плащ и направился к сарайчику.

После новых объяснений, криков и нескольких неудачных попыток Оттар, казалось, понял, чего от него хотят, двери были снова закрыты, и Барни подал сигнал. Объектив устремился в темное помещение, и камера зажужжала, когда дверь вдруг распахнулась с такой силой, что одна из дверных ручек осталась в руке Оттара и он швырнул ее на пол.

— Черт побери! — рывкнул он.

Барни глубоко вздохнул.

— Видишь ли, Оттар, эту сцену нужно играть не совсем так, немного по-другому, — сказал он. — Постарайся войти в роль. Ты пришел домой неожиданно, очень усталый. Ты открываешь дверь, чтобы лечь спать, опускаешь взгляд, видишь спящую Гудрид, и на твоем лице появляется улыбка.

— На этом острове нет никакой Гудрид.

— Гудрид — это имя Слайти в нашем фильме. Ты ведь знаешь, кто такая Слайти?

— Конечно, но ведь ее здесь нет. По-моему, Барни, все это очень глупо.

Барни приходилось долгие годы снимать безразличных и просто плохих актеров, поэтому возражения Оттара не действовали на него.

— Давай подождем минутку и сделаем еще одну пробу, — предложил он.

На этот раз за закрытыми дверями несколько минут слышалось какое-то шуршание, ворчание, жалобы, затем двери снова распахнулись, но уже несколько медленнее, и появилось лицо Оттара. Он свирепо глянул в объектив, затем опустил взгляд, и выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, уголки рта поднялись вверх, образовав счастливую улыбку, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку.

— Стоп. На этот раз отлично, — при этих словах Барни бросился к кровати, опередив Оттара, и схватил бутылку «Джека Даниэльса». — Я ее приберегу для тебя. О-ох!

Викинг схватил его за кисть, и Барни почувствовал, что его рука зажата в тиски гидравлического пресса. Бутылка выпала из его ослабевших пальцев. Пошатываясь и потирая полураздавленную руку, Барни направился обратно, спрашивая себя, не допустил ли он все-таки ошибки при распределении ролей.

Появилась Слайти, и после того, как с нее были сняты резиновые сапоги, плащи и много ярдов пластика, она оказалась, дрожащая и босая, в одной прозрачной ночной рубашке. Под рубашкой она была одета в обтягивающее формы нейлоновое трико телесного цвета с глубоким вырезом и совершенно прозрачное. Эффект был сокрушительным.

— Подлинный костюм одиннадцатого века, — ядовито прокомментировал Йенс Лин и ушел. Оттар блаженно посасывал из бутылки и не обращал внимания на окружающих.

— Мне холодно, — выговорила Слайти.

— Установите электрический термоизлучатель над кроватью, — распорядился Барни. — Дубль сорок три, Слайти, залезай в мешок и закрой двери. Внутри достаточно тепло.

— Я не хочу схватить пневмонию.

— Не беспокойся, милая, с твоей изоляцией это невозможно.

Это была короткая сцена, всего несколько секунд на экране, однако на съемках фильма время летит незаметно — когда они закончили, Оттар уже высосал полбутылки и, сидя в углу, напевал что-то про себя со счастливым выражением лица.

— Начали, дубль пятьдесят пять, и ты тоже, Оттар, расстанься на минуту со своей зарплатой, — сказал Барни.

Умиротворенный солидной порцией виски, Оттар подошел, грохоча тяжелыми сапогами, и посмотрел на кровать, где под американо-викинговым одеялом изящно вытянулась Слайти.

— Она устала? — спросил с участием Оттар. — Слишком много огня, трудно спать.

— Похвальная наблюдательность, но мы все еще снимаем фильм. Вот что тебе нужно сделать, — Барни подошел и встал рядом с кроватью. — Ты только что открыл дверь, смотришь вниз на спящую девушку. Затем медленно протягиваешь руку и касаешься ее волос. Она просыпается и в страхе отстраняется от тебя. Ты смеешься, садишься на край кровати, притягиваешь ее к себе и целуешь. Сначала она сопротивляется, отталкивает тебя, но потом ненависть переходит в любовь, она медленно протягивает руки, обнимает тебя за шею и тоже целует тебя. Твоя рука поднимается к бретельке на плече — вот этой, не перепутай, вторая приклеена — и ты медленно спускаешь ее с плеча девушки. Вот и все. На этом съемка закончится, остальное довершит воображение зрителей, а воображение у них — будь спокоен. Давайте попробуем сначала без камеры.

Эта была отчаянно трудная работа, поскольку Оттар не проявлял к Слайти ни малейшего интереса, то и дело поглядывая на бутылку, чтобы убедиться, что никто ее не украл, и Барни, пытавшийся придать движениям викинга хоть какое-то правдоподобие, обливался потом. Наконец бутылка была поставлена на кровать, в угол, вне поля зрения камеры, так что, по крайней мере, большую часть времени, Оттар смотрел в нужном направлении.

Барни выпил глоток воды, отдающей химикалиями, и еще раз поставил Оттара к линии, прочерченной на земляном полу.

— Начинаем! — объявил он. — Будем снимать этот дубль без звука, и я все время буду вами руководить. А остальные пусть сейчас же заткнутся, у нас не съемочный павильон, а прямо какое-то проф-

союзное собрание. Камера, поехали! Ты вошел, Оттар, смотришь вниз — вниз, не на свою проклятую бутылку! — протягиваешь руку и касаешься ее волос. Слайти просыпается, великолепно, пока все идет хорошо, садись — осторожно, не сломай кровать! О'кей, теперь ты обнимаешь ее, потом целуешь.

Пальцы Оттара впились в руку Слайти, внезапно он нагнулся к ней и совершенно забыл про бутылку. Волшебство гормонов Слайти действовало в одиннадцатом веке с не меньшей силой, чем в двадцатом. Запах приятно пахнущего женского тела ударил ему в голову, и ему не потребовалось наставлений Барни, чтобы крепко прижать Слайти к своей груди.

— Очень хорошо, — раздался одобрительный возглас Барни. — Страстное объятие и поцелуй, но тебе это не нравится, Слайти.

Слайти пыталась выскользнуть из объятий викинга и колотила кулаками по его широченной груди. Повернув голову в сторону, она прошептала: «Потише, питекантроп, потише», — затем Оттар снова поцеловал девушку.

— Великолепно! — крикнул Барни. — Очень правдоподобно, Слайти. Теперь бретелька, Оттар.

Послышался треск рвущейся материи.

— Эй, что ты делаешь! — раздался возмущенный голос Слайти.

— Не беспокойся, — подал реплику Барни, — студия купит новую рубашку. Великолепно! Теперь выражение твоего лица меняется. Ненависть переходит в страстную любовь. Очень хорошо...

ГЛАВА 11

— Что мне действительно нравится в одиннадцатом веке, — сказал Барни, подцепив вилкой большой кусок белого мяса, — так это морская пища. Скажите, почему, профессор? Из-за отсутствия промышленных отходов или из-за чего-то другого?

— Наверно, это объясняется тем, что у вас на тарелке лежит не морская пища одиннадцатого века.

— Не пытайтесь купить меня, профессор. Уж я-то знаю, что это не замороженный полуфабрикат, который мы получили со складов «Клаймэктика». Смотрите, облака начинают расходиться. Если так пойдет и дальше, мы сможем заснять концовку сцены возвращения.

Передняя часть брезентовой крыши была поднята, и перед ними расстилалась панорама лугов, а вдали виднелся океан. Профессор Хьюитт указал на него.

— Практически морская рыба этого века ничем не отличается от рыбы двадцатого столетия. Однако трилобит, который находится на вашей тарелке, действительно принадлежит к совершенно иной разновидности и эпохе — его добыли на острове Каталина наши отдыхающие.

— А, вот почему из тех ящиков, которые они привезли с собой, стекло. — Барни подозрительно посмотрел на еду. — Одну минуточку, то, что я сейчас ем, не имеет никакого отношения к тем глазам и зубам, о которых говорил Чарли Чанг?

— Нет, — успокоил его профессор, — после того как членам съемочной группы разрешили проводить уикэнды в другой эпохе, чтобы не прерывать работы, мы сменили периоды. Остров Каталина является идеальным местом для отдыха, мистер Чанг может это подтвердить, но его несколько беспокоила местная фауна. Признаю

свою ошибку: я оставил его в девонском периоде, когда рыбы-амфибии, дышавшие воздухом, начали выходить из моря. По большей части эти земноводные — совершенно безвредные создания. Однако в воде были существа...

— Глаза и зубы... Слышал о них.

— ...поэтому я решил, что кембрий — более подходящий период для наших отдыхающих. В те времена во всем океане не было существа более опасного для купающихся, чем этот совершенно безвредный трилобит.

— Вы опять употребили это слово, профессор. Что оно значит?

— Вымершее членистоногое. Эти существа — переходная форма от ракообразных к паукообразным, однако экземпляр, который вы едите, действительно огромный. Нечто вроде полумертвой морской вши.

Барни выронил вилку и поспешно глотнул кофе.

— Это было великолепное блюдо, — сказал он. — А теперь, если вы не против, поговорим о колонии в Винланде. Что вам удалось выяснить?

— У меня не слишком хорошие новости.

— После трилобита все кажется хорошим. Ну так что?

— Не нужно забывать, что моя информация о данном периоде весьма ограничена. Однако доктор Лин хорошо знаком с историей, в его распоряжении имеются все саги относительно открытия Винланда и ранних скандинавских поселений, и я следовал его указаниям. Нам было очень нелегко отыскать подходящее место для высадки, поскольку берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, мягко выражаясь, очень изрезаны, однако удалось найти этот район. Мы широко использовали моторную лодку, так что я могу заверить вас, что наши поиски были настолько тщательными, насколько это только возможно.

— А что вам удалось обнаружить?

— Ничего.

— Именно такие новости мне и хотелось услышать, — сказал Барни, отодвигая подальше от себя тарелку с жареным по-французски трилобитом. — Давайте-ка сюда дока, профессор. Если вы не против, мне хотелось бы услышать об этом поподробнее.

— Все обстоит именно так, — мрачно подтвердил Йенс Лин. — В Северной Америке нет норвежских поселений. Это меня очень тревожит. Мы осмотрели все возможные районы поселений, начиная с десятого и кончая тринадцатым веком, и ничего не обнаружили.

— А откуда вы знаете, что там вообще что-то было?

Лин выдвинул вперед подбородок.

— Позвольте напомнить вам, что после обнаружения карты Винланда мало кто сомневался в том, что норвежцы действительно открыли и исследовали Северную Америку. Доказано, что в 1121 году епископ Эрик Гнупссон совершил поездку в Винланд. Норвежские саги говорят о множестве путешествий, совершенных из Скандинавии в Винланд, и описывают находившиеся там поселения. Сомнительными являются только сведения о точном расположении поселений; целью наших недавних поисков и было отыскать их. Поскольку источники расходятся в описании расположения Хеллуланда и Маркланда, упоминающихся в сагах, нам предстояло осмотреть тысячи миль побережья. Гаторн-Харди считает, что пролив Лонг-Айленд и есть знаменитый Страумсфьорд, и делает вывод, что Хоп находится в устье реки Гудзон. Однако в других источниках говорится, что высадка произошла гораздо севернее; например, Стрм и Бэбкок указывают на район Лабрадора и Ньюфаунленда, а Моуэтт даже помещает Хоп в...

— Стоп! — воскликнул Барни. — Меня не больно-то интересуют твои теории.

Вы хотите сказать, что вам не удалось обнаружить поселений или даже каких-нибудь доказательств их существования?

— Не удалось, но...

— Значит, все ваши авторитеты ошибаются?

— Ну... получается так, — сказал Лин. Выражение лица его было несчастным.

— Пусть это вас не беспокоит, док, — сказал Барни, протягивая чашку, чтобы официантка налила ему новую порцию кофе. — Напишите книгу об этом — и сразу станете новым авторитетом. Сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше? Позвольте напомнить вам, если вы не просматривали сценарий в последнее время, что наш фильм называется «Викинг Колумб», что это сага об открытии Америки и первом поселении на ее территории. Так что же нам теперь делать? Мы предполагали переправить всю группу в одно из поселе-

ний викингов и отснять там часть картины. Однако поселений нет. Что дальше?

Йенс Лин задумчиво пожевал палец, затем поднял голову.

— Можно отправиться на западное побережье Норвегии. Там есть норвежские поселения и некоторые места мало чем отличаются от берега Ньюфаундленда.

— А там есть индейцы, которых мы могли бы нанять для съемок боевых сцен? — спросил Барни.

— Нет, индейцев в Норвегии совсем нет.

— Тогда это нам не подходит. Давайте-ка спросим нашего местного эксперта. — Барни оглянулся вокруг и в дальнем углу столовой увидел Оттара, который поглощал огромную кучу дымящихся трилобитов. — Ну-ка, Йен, потревожьте нашу кинозвезду. Скажите, что он успеет съесть второе и третье потом.

— Вам нужен Оттар? — послышалась тяжелая поступь, и викинг плюхнулся на скамейку.

— Что тебе известно о Винланде? — спросил его Барни.

— Ничего.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о нем?

— Конечно, я слышал саги о Винланде, которые поют скальды и разговаривал с Лейффом Эрикссоном о его путешествии. Но я никогда не видел Винланда и ничего о нем не знаю. Когда-нибудь отправлюсь в Исландию, оттуда в Винланд, сразу разбогатею.

— Отчего? Золото? Серебро?

— Дерево, — сказал Оттар, не скрывая презрения к тем, кто не знает таких простых вещей.

— Дерево для гренландских поселений, — объяснил Йенс Лин. — Там у них всегда страшная нужда в дереве, особенно в твердых сортах для строительства кораблей. Груз такой древесины, доставленной в Гренландию, сделает владельца богатым человеком.

— Итак, вот вам ответ, — сказал Барни, поднимаясь из-за стола. — Как только мы закончим съемку на острове, заплатим Оттару, и он отправится в Винланд. Мы сделаем прыжок во времени и встретим его на месте. Там мы снимем сцену прибытия, морские сцены для показа путешествия и сцену отплытия. Затем люди Оттара строят несколько хижин для своего поселения, мы платим бакшиш местному племени, они сжигают хижины викингов, и картина окончена.

— Хорошая мысль. В Винланде много дерева, — сказал Оттар.

Йенс Лин открыл было рот, чтобы протестовать, затем пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы жаловаться? Если он такой дурак, что согласен на это, чтобы дать вам возможность окончить картину, зачем мне быть против? Правда, мне неизвестны саги о путешествии кого-то по имени Оттар в Винланд, однако, поскольку в последнее время выяснилось, что достоверность саг вообще находится под сомнением, я не думаю, что мне нужно протестовать.

— Пойду доем обед, — сказал Оттар.

Выйдя из столовой, Барни увидел, что его ожидает секретарша с охапкой папок.

— Я не хотела беспокоить вас во время еды, — объяснила она.

— Ну и напрасно. После того блюда, которое я только что съел, у меня никогда уже не наладится нормальное пищеварение. Ты знаешь, кто такие трилобиты?

— Конечно. Такие противные скользкие мокрицы, которых мы ловили на Санта-Каталине. Это страшно весело, их ловят ночью при свете фонаря, потом зажаривают целиком и едят с пивом. Вы должны...

— Ничего я не должен. О чем ты хотела поговорить со мной?

— О табелях, особенно о регистрации уикэндов. Видите ли, все, кто входит в съемочную группу, проводили уикэнды на Каталине, то есть, кроме вас. За те пять недель, которые мы провели здесь, у вас не было ни одного выходного дня.

— Не беспокойся обо мне, Бетти, дорогуша. Я не собираюсь отдыхать, пока отснятая картина не будет лежать в коробке. Так в чем же дело?

— Некоторые любители подводного плавания хотели бы остаться на Каталине не два дня, а четыре и потом работать субботу и воскресенье следующей недели. Мои табели рабочего времени и так находятся в ужасном беспорядке, а если это принять, можно окончательно запутаться. Что мне делать?

— Прогуляйся-ка со мной до дома Оттара, мне нужна тренировка. Пойдем вдоль берега.

Пока они спускались к берегу, Барни хранил молчание.

— Сделай вот что. Забудь про дни недели и считай только рабочие дни. Каждый, кто отработал пять дней подряд, следующие два дня может отдыхать. Если они хотят отдыхать четыре дня, то должны отработать десять дней подряд, а с одиннадцатого по четырнадцатый день — выходные. Отметки об их рабочих днях будут у тебя в журнале и в табелях, ведь они отмечают их и здесь и на Каталине. Поскольку два или четыре выходных дня означают всего лишь пятиминутное путешествие на машине времени, все работают ежедневно без выходных — для меня это главное. Давай-ка веди свой журнал так, как я тебе сказал, а я после возвращения утрясу этот вопрос с Л. М. и бухгалтерией.

Они уже почти дошли до мыса и залива рядом с хижинкой Оттара, когда сзади показался прыгавший по кочкам джип с непрерывно ревившим клаксоном.

— А это что? — застонал Барни. — Неприятности, ясно как божий день. Никто не мчится ко мне сломя голову, чтобы сообщить хорошие новости. — Он остановился с несчастным видом, поджидая джип. Сидевший за рулем Даллас умудрился затормозить, почти не осыпав их дождем гальки.

— В залив входит какой-то корабль, — выпалил Даллас. — Все отправились разыскивать вас.

— Ну вот, ты меня и нашел. Что же это — опять викинги-пираты, как и в прошлый раз?

— Все, что мне известно, я уже сказал, — ответил Даллас, самодовольно жуя спичку.

— Значит, я был прав относительно неприятностей, — сказал Барни, влезая в джип. — Отправляйся обратно в лагерь, Бетти, не исключено, что произойдет еще один скандал. Как только джип обогнул мыс, они увидели его. Подгоняемый попутным ветром, в залив входил большой корабль с широким парусом. Все киношники высыпали на холм за домом Оттара, а местные жители побежали к самой воде, размахивая руками и что-то крича.

— Опять бойня, — сказал Барни. — А вон и мой оператор, он готов запечатлеть самые кровавые сцены на цветной пленке. Пошли вниз и попробуем на этот раз не допустить убийств.

Джино установил свою камеру на самом берегу в таком месте, откуда можно было снимать как встречающих, так и прибывающий

корабль. На это раз, когда корабль подошел поближе, стало очевидным, что дела обстоят гораздо лучше — норвежцы смеялись и махали руками, у них не было оружия. Оттар прибежал на берег, как только ему сообщили о приближающемся корабле, и стоял по колено в воде, громко крича. Когда незнакомцы приблизились к берегу, большой парус был приспущен и корабль, двигаясь по инерции, врезался носом в берег и замер. Высокий викинг с огромной рыжей бородой, стоявший у рулевого весла, прыгнул с борта в волны прибоя и подбежал к Оттару. Оба великана что-то кричали в знак приветствия и крепко обнялись.

— Объятия крупным планом, — крикнул Барни Джино. — И мне не придется спрашивать разрешения на то, чтобы включить эту сцену в фильм или платить действующим лицам хотя бы один цент, — добавил он со счастливой улыбкой, наблюдая за сценой на берегу.

Теперь, когда стало ясно, что кровопролития не ожидается, киноманьи начали спускаться на берег. Слуги выкатили бочонки с элем. Барни подошел к Йенсу Лину, который наблюдал за тем, как Оттар и вновь прибывший с радостными криками хлопали друг друга по бицепсам.

— О чем они говорят? — поинтересовался Барни.

— Они старые друзья и говорят друг другу, как приятно снова встретиться.

— Это и так ясно. Кто этот рыжебородый?

— Оттар зовет его Торхалл, так что это, наверно, Торхалл Гамлиссон из Исландии. Они с Оттаром не раз совершали вместе набеги, и Оттар всегда очень тепло отзывался о нем.

— А о чем они кричат сейчас?

— Торхалл говорит, он очень рад, что Оттар решил купить его корабль, так как он, Торхалл, собирается вернуться в Норвегию и мог бы воспользоваться для этого ладьей Оттара. Теперь он спрашивает о второй половине денег.

Нахмурившись, Оттар бросил резкое слово.

— Я знаю это и без перевода, — сказал Барни. — Мы пробыли здесь достаточно долго, чтобы освоиться, по крайней мере, с этим словосочетанием.

Теперь крик заметно усилился, и в голосах викингов слышались неприятные нотки.

— Оттар полагает, что у Торхалла в голове злые духи, потому что он никогда не покупал никаких кораблей. Торхалл говорит, что два месяца назад, когда Оттар приехал к нему в Исландию, пользовался его гостеприимством и купил его корабль, он пел совсем другим голосом. Оттар не сомневается теперь, что Торхаллом владеют злые духи, потому что он не покидал этот остров в течение года, и предлагает проделать в голове Торхалла дыру, чтобы выпустить злых духов. Торхалл отвечает, что, как только он доберется до своего топора, выяснится, в чьей голове будет проделана дыра...

Барни хлопнул себя по лбу и покинул позиции наблюдателя, которые занимал, пока тяжеловесы обменивались взглядами ненависти и готовились к смертоубийственному матчу.

— Стойте! — закричал он, но викинги не обратили на него ни малейшего внимания. Барни испытал свои силы в старонорвежском: — Немит стадар! — но по-прежнему безрезультатно. — Стреляй в воздух! — крикнул Барни Далласу. — Необходимо остановить их, пока не поздно.

Текс выстрелил в гальку, и раздробленные осколки с визгом полетели в воду. Викинги повернулись, на мгновение забыв о своих расприх. Барни поспешил к ним.

— Оттар, послушай меня. Мне кажется, я знаю, в чем дело.

— Я тоже знаю, — прошипел Оттар, сжимая кулаки. — Никто не смеет называть Оттара...

— Все это не так плохо, как тебе кажется, просто у нас разные точки зрения. — Барни потянул Оттара за рукав. Викинг даже не шелохнулся. — Док, отведи Торхалла в дом и поставь ему пару пива, а я пока поговорю с Оттаром.

Даллас еще несколько раз выстрелил в гальку для поддержания разговора. Наконец им удалось разнять противников, и Торхалл поспешил в хижину за обещанной выпивкой.

— Послушай, Оттар, ты мог бы отправиться в Винланд на своей ладье? — спросил Барни.

Оттар, все еще разъяренный, заморгал и помотал головой, не понимая вопроса.

— Ладья? При чем здесь моя ладья? — сказал он наконец.

Барни терпеливо повторил свой вопрос, и Оттар покачал головой, категорически отвергая подобный план.

— Глупый вопрос, — сказал он. — Ладья — для набегов, по речкам, вдоль берегов. Не годится для открытого моря. Для океанских путешествий нужен кнорр. Вот он — кнорр.

Теперь когда Барни обратил на корабль свое внимание, он явственно увидел различие между ними. Если ладья с драконом на носу была длинной и узкой, то кнорр был широким судном с высокими бортами длиной, по крайней мере, сто футов. Кнорр Торхалла казался кораблем, надежным во всех отношениях.

— Ты мог бы отправиться в Винланд на этом корабле? — спросил Барни.

— Конечно, — ответил Оттар, глядя в сторону Торхалла и сжимая кулаки.

— Тогда купи его у Торхалла.

— И ты тоже! — рявкнул Оттар.

— Подожди одну минутку, послушай меня. Если я подкину тебе часть денег, ты сможешь купить этот корабль?

— Он стоит кучу марок.

— Ничего не поделаешь, быть яхтсменом — дорогое удовольствие. Так ты сможешь купить его?

— Может быть.

— Тогда договорились. Если он говорит, что ты купил корабль два месяца назад, значит, так оно и было... Не бей меня! Я дам тебе денег, профессор перебросит тебя в Исландию для совершения сделки, и все будет о'кей!

— О чем ты говоришь?

Барни повернулся к Йенсу Лину, который внимательно слушал их разговор.

— Улавливаешь, Йенс, не правда ли? Сегодня утром мы договорились, что Оттар отправится в Винланд. Он сказал мне, что для этого путешествия ему нужен другой корабль. Торхалл утверждает, что Оттар приехал к нему и купил вот этот корабль два месяца назад. Очевидно, так оно и было. Так что давайте быстренько провернем это дело, пока положение не усложнилось. Возьми с собой Далласа и объясни все профессору. Лучше всего вам взять моторный катер. Отправляйтесь со всей компанией в Исландию — Исландию два месяца

назад, — купите корабль, договоритесь, чтобы он был доставлен сюда сегодня, затем возвращайтесь. Это должно занять не более получаса. Возьми у кассира несколько марок, чтобы было чем заплатить за корабль. И не забудьте поговорить с Торхаллом перед отъездом и выяснить, сколько заплатил ему Оттар, чтобы ты мог вручить ему требуемую сумму.

— То, что вы говорите, — парадокс, — сказал Йенс. — Я не думаю, что это осуществимо...

— Для меня неважно, что ты думаешь. Ты получаешь жалование и делай, что тебе говорят. А я пока умаслю Торхалла, чтобы он к вашему возвращению был в хорошем настроении.

Джип уехал, и Барни отправился в хижину, чтобы оживить угасшую пьянку. Норвежцы разделились на две группы, вновь прибывшие держались подле своего вождя. Группы обменивались мрачными взглядами и почти не пили. Вошел Джино с бутылкой, которую он извлек из чехла телеобъектива.

— Хочешь попробовать, Барни? — спросил он. — Это настоящая граппа из старой Италии. Я не могу пить здешний самогон.

— А твой ничем не лучше, — ответил Барни. — Попробуй предложить Торхаллу, может быть, ему понравится.

Джино вытащил пробку и сделал огромный глоток, затем протянул бутылку Торхаллу. — *Drekkit!* — предложил он на приличном старонорвежском. — *Ok verid velkomnir til Orkneyja!**

Рыжебородый викинг взял бутылку, глотнул, закашлялся, внимательно посмотрел на бутылку, потом выпил еще.

Прошло не менее получаса, прежде чем джип вернулся, но этого времени оказалось достаточно, чтобы пьянка пошла вовсю. Пиво текло рекой, граппу почти всю прикончили. Когда в хижину вошел Оттар, атмосфера резко изменилась. Торхалл быстро встал и прислонился спиной к стене, но Оттар, сияя широкой улыбкой, направился прямо к нему. Он хлопнул Торхалла по плечу, через мгновение вражда была забыта, напряжение исчезло, и празднование пошло своим чередом.

— Ну как дела? — спросил Барни у Йенса Лина, который выбрался из джипа с гораздо большей осторожностью, чем Оттар. За не-

* Выпей! И добро пожаловать на Оркнейские острова!

сколько минут отсутствия у него выросла трехдневная борода и под налитыми кровью глазами появились огромные черные круги.

— Мы легко отыскали Торхалла, — начал он хриплым голосом, — нам оказали самый восторженный прием, и мы купили корабль без всяких трудностей. Но мы не могли уехать, не спрыснув сделку, пир продолжался день и ночь, так что прошло больше двух суток, прежде чем Оттар заснул на столе и нам удалось унести его в джип. Посмотрите только на него — снова пьет! И как только ему это удается? — Йенс содрогнулся.

— Простая жизнь и масса свежего воздуха, — объяснил Барни.

Крики и счастливые возгласы викингов становились все громче, и Оттар не выказывал признаков усталости, попав опять на пир.

— Похоже, что наш ведущий актер вместе со статистами не примется сегодня за работу, так что давайте соберемся и обсудим план съемок в Винланде и на борту этого корабля — как там его называют?

— Кнорр. Изменительный — кнорурр, родительный — кнорре, далее...

— Стоп! Я же не учу тебя, как снимать фильм. Итак, пойдем посмотрим этот кнорр — он выглядит достаточно устойчивым, чтобы на нем можно было поставить камеру, — и определим, в скольких сценах мы сможем его использовать. Потом нам нужно составить планы встречи в Винланде, причем нужно будет как-то следить и за кораблем. Масса работы. Мы уже перевалили вершину и движемся сейчас под гору — если ничего не случится.

Над головой раздался пронзительный крик чайки, Барни быстро протянул руку и постучал пальцами по мореному дереву кнорра.

ГЛАВА 12

— Я убью тебя как бешенную собаку, не смей плескать мне воду в лицо! — яростно заревел Оттар.

— Стоп! — сказал Барни, потом спустился на палубу и вручил Оттару полотенце. — Тебе нужно сказать: «Прочь от паруса — я убью первого, кто осмелится коснуться его! Поднять все паруса! Говорят вам, Я чую землю. Не впадайте в отчаяние!» Вот что тебе нужно сказать. Здесь нет ни слова о воде, Оттар.

— Он нарочно плеснул водой мне в лицо! — сердито сказал Оттар.

— Конечно! Ведь ты находишься в открытом море, за много миль от берега, среди штормовых волн, которые то и дело обдают тебя брызгами. На море так всегда бывает. Но ты же не сердишься на океан и не проклинаешь его всякий раз, когда тебя окатывает волной?

— Так то в открытом море, а не на суше перед самым моим домом!

Не было смысла снова пускаться в объяснения о том, что они снимают картину, и что картина должна казаться настоящей, и что актеры должны считать, будто все это происходит в действительности. Барни пускался в объяснения уже не меньше сорока раз. Картины не имели никакой цены в глазах этого образчика скандинавской мужественности. А что имело для него цену? Еда, питье, простые удовольствия. И гордость.

— Меня удивляет, что такая чепуха, как брызги воды, беспокоит тебя, Оттар, — сказал Барни, затем повернулся к подручному. — Ну-ка, Эдди, набери ведро воды и плесни мне прямо в морду.

— Как скажете, мистер Хендриксон.

Эдди размахнулся и выплеснул ведро холодной воды в поток воздуха от мощного вентилятора. Холодные брызги окатили Барни с головы до ног.

Лицо Барни исказилось в чудовищной гримасе, потому что сентябрьские вечера на Оркнейских островах и так были холодными, а теперь поток воздуха от вентилятора словно ножом прорезал мокрую одежду.

— Швырни воду на меня! — распорядился Оттар. — Я покажу, что не боюсь воды.

— Одну минуту — и помни о том, что ты сказал.

Барни вышел из поля зрения камеры, и в этот момент его окликнули.

— Лента на заднем проекторе почти кончилась, мистер Хендриксон.

— Тогда перемотай ее и побыстрее, а то придется здесь заночевать.

Штормовое море исчезло с экрана за спиной Оттара, и группа перевела дух. Рабочие, стоявшие на платформе рядом с кнорром, включили электрическую помпу, чтобы наполнить бочку морской водой. Оттар стоял на палубе один, держась за рулевое весло вытасченного на берег корабля, и сердито смотрел вокруг. Ослепительный свет прожекторов освещал кнорр и кусок берега позади, все остальное было окутано тьмой.

— Дай-ка мне сигарету, — попросил Барни свою секретаршу. — Мои подмокли.

— Отлично. Занять позиции. Камера!

Двое рабочих из всех сил навалились на длинные рычаги, раскачивавшие кусок деревянной палубы, на которой стоял Оттар.

— Поехали!

Сомкнув челюсти, Оттар взглянул в лицо шторму, удерживая рулевое весло, которое рабочий, скрытый за кораблем, старался вырвать из рук викинга.

— Прочь от паруса! — заревел Оттар. — Клянусь Тором, я убью любого, кто коснется паруса. — Брызги плеснули ему в лицо, но Оттар засмеялся холодным смехом. — Я не обращаю внимание на воду — я люблю воду! Поднять все паруса — я чую землю! Не теряйте надежды!

— Стоп! — приказал Барни.

— Он великий путаник, — сказал Чарли Чанг. — В моем сценарии написано совсем не так.

— Пусть остается все как есть, Чарли. Всякий раз, когда он держится близко к тексту, как сейчас, будем считать это попаданием в яблочко. — Барни повысил голос. — О'кей, на сегодня все. Подъем в 7.30 утра, мы должны успеть захватить рассвет. Йенс, Эмори, перед тем как уходить, подойдите ко мне.

Они стояли на шкафуте рядом с мачтой, и Барни топнул каблучком по палубе.

— Вы уверены, что эта посудина действительно доберется до Северной Америки?

— Без сомнения, — сказал Йенс Лин. — Эти норвежские кнорры были быстроходнее и обладали лучшей мореходностью, чем каравеллы Колумба или испанские и английские корабли, которые достигли Нового Света пятьсот лет спустя. История этих кораблей достоверно изложена.

— Вспомните, что недавно у нас появились основания сомневаться в достоверности некоторых из них.

— Но есть и другие доказательства. В 1932 году сделали точную копию одного из таких кнорров, всего шестидесяти футов в длину, и этот корабль, повторив путь Колумба, пересек Атлантику чуть не в полтора раза быстрее его. Не все знают, насколько совершенными были эти корабли. К примеру, считают, что кнорры с их широкими, почти квадратными парусами могли идти только по ветру. Но они могли — то есть могут идти — и против ветра, если он до пяти румбов.

— Я верю вам на слово. А откуда эта вонь?

— Груз, — лаконично ответил Йенс, указывая на тюки, надежно привязанные к палубе кожаными веревками. — В этих кораблях нет трюмов, поэтому весь груз находится на палубе.

— Что же это за груз — лимбургский сыр?

— Нет, в основном продукты, пища для скота, эль и тому подобное. А вонь исходит от кожаных покрышек, которые делают водонепроницаемыми, пропитав их тюленьим жиром, смолой и маслом.

— Очень остроумно. — Барни указал на темное отверстие позади

мачты. — что случилось с ручной помпой, которую мы договорились установить на корабле? Он должен добраться до Винланда, иначе мы не снимем картины. Я хочу, чтобы были приняты все меры предосторожности. Эмори сказал, что помпа будет полезным новшеством, где же она?

— Оттар отказался от помпы, — объяснил Йенс. — Он отнесся к ней с большим сомнением — боится, что помпа сломается и они не смогут ее починить. У них своя система: один человек стоит в колодце и ведром вычерпывает воду со дна корабля, а второй выливает ее за борт с помощью вот этого деревянного коромысла. Может быть, такая система кажется примитивной, зато действует безотказно.

— Конечно, пока у них хватает ведер и людей, а я уверен, что в этом недостатка не будет. О'кей, я покупаю все. Еще не хватало, чтобы я учил Оттара его профессии. Просто я хочу быть уверенным, что он благополучно доберется до Винланда. А как насчет этого навигационного приспособления, Эмори?

— Все в порядке, я установил его внутри корпуса, так что они не смогут добраться до него, и вывел на палубу очень простой репите-
р — по нему рулевой будет вести корабль.

— Он будет работать?

— Не вижу, почему нет. Викинги очень неплохие мореплаватели. Правда, обычно их морские переходы очень коротки, так что они прокладывают курс от одной точки на берегу к другой. Но они знакомы с океанскими течениями, разбираются в привычках морских птиц и полагаются на то, что птицы приведут их к земле. Кроме того, они довольно точно умеют определять широту по высоте Полярной звезды над горизонтом. Поэтому помощь, которую мы им хотим оказать, должна вписываться в применяемую ими систему и дополнять ее; с другой стороны, если наше приспособление выйдет из строя, это не должно привести к трагедии. Конечно, проще всего было бы установить обыкновенный магнитный компас, но он будет казаться им слишком необычным, да к тому же магнитный компас весьма ненадежен в этих высоких широтах, где масса магнитных аномалий и так велико расхождение между географическим полюсом и магнитным.

— Вот почему ты этого не сделал. А что ты сделал?

— Поместил внутри корпуса гирокомпас с запасом питания в

виде новых никадовых батарей. Мы включим гирокомпас в момент отплытия, и батареи хватит по крайней мере на месяц. Гирокомпас — последней модели, микросхема, непрецизионный, в армии их применяют на ракетах. А вот здесь, прямо перед рулевым, находится репитер компаса.

Барни посмотрел сквозь толстое стекло циферблата и отчетливо увидел белую стрелку на черном фоне. В сущности это был даже не циферблат — на черном круте была нанесена всего одна большая белая точка.

— Я надеюсь, что Оттар оценит эту штуковину быстрее, чем я, — сказал он.

— Он ее и так оценил, — ответил Эмори. — Правда, он полон энтузиазма. Может быть, если я нарисую карту, вы лучше поймете мои объяснения.

Эмори взял ручку и блокнот и быстро сделал простой набросок.

— Пунктирная линия — это 60° северной широты, причем обратите внимание на то, что она параллельна курсу, по которому должен плыть Оттар, чтобы достичь мыса Фэруэлл на южной оконечности Гренландии. Следуя на запад, он легко может проверять свою широту по высоте Полярной звезды. Мы устанавливаем гирокомпас так, что он все время показывает на мыс Фэруэлл. Когда стрелка указателя касается белой точки — точка и стрелка покрыты люминесцентным составом и светятся ночью, — корабль плывет в требуемом направлении. По этому гирокомпасу Оттар приплывет прямо к южной оконечности Гренландии.

— Там они предполагают провести зиму у родственников Оттара. Пока все хорошо, но что случится весной, когда они отправятся дальше? Этот курс в шестьдесят градусов приведет их прямо в Гудзонов залив.

— Нам придется переставить гирокомпас, — сказал Эмори. — Оттар будет ждать нас, мы приедем и поставим ему новые батареи, затем направим гирокомпас вот сюда, в пролив Белле-Айл. К этому времени он уже будет верить инструменту и последует по указанному им курсу, хотя на этот раз курс не будет параллелен широте. Тем не менее восточное Гренландское течение направлено в ту же сторону, а он с ним знаком. Он сумеет без труда достигнуть или берега Лабрадора, или Ньюфаундленда.

— Ну хорошо, Оттар сумеет отыскать Винланд, — сказал Барни. — А как мы его отыщем?

— Рядом с батареями вмонтирован радиоответчик. Получив сигнал нашего радио, он автоматически пошлет ответ. Тогда нам будет нетрудно отыскать корабль с помощью простого радиопеленгатора.

— Звучит довольно убедительно. Будем надеяться, что это соответствует действительности. — Барни окинул взглядом низкую палубу и тонкую мачту. — Я бы не осмелился переправиться на этой штуке даже через залив, но ведь я не викинг. Итак, завтра отплытие. Мы закончили все съемки на острове. Завтра утром спускайте корабль на воду, погоняем его несколько раз в гавань и из гавани, сделаем съемки с берега и с борта корабля. А потом выпустим нашего голубя, пусть летит. Смотри, Эмори, вдруг твои приспособления не сработают. Тогда нам придется остаться в Винланде и вести домашнее хозяйство вместе с индейцами. Если я не доставлю обратно готовую картину, нам просто нет смысла возвращаться.

Джино поднял голову из-за камеры и сказал:

— Пусть начинают, я готов.

Барни повернулся к Оттару, который стоял, небрежно оперевшись на рулевое весло:

— Ну-ка дай команду.

Усталые матросы что-то мрачно пробормотали себе под нос и снова навалились на деревянные рукоятки шпиля. Они поднимали и опускали парус и плавали взад и вперед по заливу с самого рассвета, пока Джино снимал корабль в разных ракурсах. По мере того как вращался барабан шпиля, смазанная жиром веревка из моржовой кожи с шипением поползла через дыру в вершине мачты, поднимая тяжеленный холостяной парус, который еще более утяжеляли полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы. Джино направил объектив на парус, снимая его подъем.

— Уже поздно, — сказал Оттар. — Если мы отплывем сегодня, нужно делать это поскорее.

— Мы уже почти закончили, — успокоил его Барни. — Я только хочу снять корабль, когда он выходит из залива, и на этом окончим.

— Ты уже снимал эту сцену сегодня утром, ты сам сказал, что корабль отплывает в рассвет.

— Это было с берега. А теперь я хочу, чтобы ты и Слайти встали

рядом у рулевого весла в момент отплытия от родного берега в неизвестное...

— На моем корабле женщина не может стоять у рулевого весла.

— Она не будет управлять кораблем, просто встанет рядом, может быть, возьмет тебя за руку. Я не прошу у тебя слишком многого.

Когда парус достиг вершины мачты, Оттар стал отдавать распоряжения. Трос, на котором поднимался парус, был снят с барабана шпиля и закреплен намертво, а на его место помещена веревка от якоря. Усилиями матросов, которых Джино запечатлел на пленке, якорь начал подниматься со дна залива. Якорь — килик — представлял собой огромный камень, обшитый деревянными брусьями и обросший водорослями. Корабль начал набирать скорость, ветер наполнил парус, и Барни вернулся к съемкам.

— Слайти, — позвал он. — На сцену, и побыстрее.

Было совсем не просто перейти с носа на корму кнорра, когда корабль был полностью загружен. Поскольку кнорр был без трюмов и всего лишь с двумя крошечными каютами, на палубе находился не только весь груз, но там же сидело и лежало более сорока человек, шесть низкорослых коров и связанный бык, стадо овец и два козла, стоявших на вершине тюков. Тем не менее Слайти сумела преодолеть все препятствия, и Барни помог ей вскарабкаться на крошечное возвышение у рулевого весла. На Слайти было белое платье с глубоким декольте, и выглядела она очень привлекательно с распущенными белокурыми волосами и щеками, розовыми от ветра.

— Встань рядом с Оттаром, — сказал ей Барни, затем быстро удалился из поля зрения съемочной камеры. — Начали!

— Их затылки — великолепный кадр, — прокомментировал Джино.

— Оттар! — крикнул Барни. — Ради Тора, повернись к нам. Ты смотришь не в ту сторону!

— Нет, я смотрю как раз в нужную сторону, — упрямо ответил Оттар, сжимая в руках длинное рулевое весло и сурово глядя назад на исчезающую землю. — Когда покидаешь сушу, нужно всегда смотреть на нее, чтобы взять верное направление. Так всегда делается.

После продолжительных уговоров, лести и подкупа Барни удалось уговорить Оттара встать так, что он мог править глядя

через плечо. Слайти стояла рядом с ним, положив руку на борт рядом с рукой викинга, и Джино удалось отснять вид удаляющегося берега.

— Стоп! — скомандовал наконец Барни, и Оттар с облегчением занял правильное положение.

— Я спущу вас на берег у мыса, — сказал Оттар.

— Отлично, — ответил Барни, — а я свяжусь по радио с лагерем и вызову грузовик.

Самым трудным при высадке была выгрузка камеры, и Барни оставался на борту до тех пор, пока камеру не переправили на берег в целости и сохранности.

— Ну, Оттар, увидимся в Винланде, — сказал он, протягивая руку. — Доброго тебе пути.

— Конечно, — ответил викинг, сжимая своей ручищей руку американца. — Отыщи для меня место получше. Вода, трава для скота, много деревьев.

— Постараюсь, — сказал Барни, тряся рукой, — он пытался восстановить кровообращение в своих побелевших пальцах.

Викинги не теряли времени. Как только Барни спустился на берег, Оттар приказал закрепить бейтас — парус. Длинное бревно одним концом вошло в специальное отверстие в палубе, а другой его конец уперся в верхний край паруса, развернув его к ветру. Корабль в последний раз отошел от берега и направился в открытое море. Крики людей и рев животных скоро утихли вдали.

— Только бы они добрались до Винланда, — сказал Барни вполголоса. — Только бы они добрались. — Он резко повернулся и вскарабкался на грузовик. — Быстро доставь меня к профессору, жми на третьей скорости, — сказал он шоферу. Он мог избавиться от своих страхов, немедленно выяснив, сумел ли корабль благополучно достичь Исландии. Машина времени не могла решить его трудностей, но она могла сократить период бесплодного и томительного ожидания.

Когда они подъехали к лагерю, там царила суматоха. Палатки свертывали и укладывали на грузовик вместе с остальным имуществом: съемочная группа готовилась к переезду на новое место. Однако Барни ничего этого не замечал; его пальцы нетерпеливо барабанили по боковому стеклу. Если корабль в пути постигнет неудача, все это

будет ни к чему. Не успел еще грузовик затормозить у машины времени, как Барни уже выпрыгнул из кабины. Джип погрузили на платформу, и сидевшие в нем Текс и Йенс Лин следили за тем, как профессор заряжает аккумуляторы времееатрона.

— А где Даллас? — спросил Барни.

— Куда-то ушел.

— Мы можем отправиться и без него, — сказал Текс. — Не обязательно ехать нам вдвоем. Ведь нам нужно только доставить Оттару запас виски на зиму, после того как мы узнаем, что он прибыл благополучно.

— Делай, что тебе говорят. Я хочу, чтобы на всякий случай туда отправилось два человека. Мы не можем сейчас позволить себе срывов. Вот он идет — отправляйтесь.

Барни сделал шаг назад, и профессор включил темпоральное поле. Как всегда, с точки зрения наблюдателя, путешествие заняло лишь долю секунды. Платформа исчезла и вновь появилась в нескольких футах от Барни.

Впрочем, перемены были налицо. Профессор Хьюитт сидел в контрольной кабине, плотно закрыв дверь, а те, кто был в джипе, подняли брезентовый полог. Он был покрыт толстым слоем снега. Порыв снежного бурана вырвался из поля времееатрона, и снег покрыл траву вокруг платформы.

— Ну? — нетерпеливо спросил Барни. — Что случилось? Вылезайте из укрытия и докладывайте.

Даллас спустился с платформы и подошел к Барни по покрытой снегом траве.

— Эта мне Исландия, — проворчал он. — Ну и климат!

— Метеорология потом. Ну, как Оттар с кораблем?

— Все в порядке. Корабль вытащили зимовать на берег, и, когда мы отправились, Оттар и его дядя хлестали виски, которое мы им доставили. Мы поволновались — думали, что так и не найдем его, профессору пришлось четыре раза менять координаты. Оказалось, что он сделал остановку на Фаррерских островах. Между нами говоря, я думаю, что Оттар добрался бы до Исландии, если бы его не подгоняла любовь к спиртному. Ведь когда привыкаешь к очищенному спирту, домашний самогон перестает нравиться.

Барни с облегчением вздохнул; впервые за долгое время он по-

чувствовал, что напряжение покидает его. Он даже выжал из себя слабую улыбку.

— Отлично. Теперь начнем перебрасывать группу, пока у нас здесь еще не стемнело.

Он вскарабкался на платформу, осторожно ступая по колес, проложенной джипом, чтобы не набрать снега в ботинки, и открыл дверь кабины.

— У ваших аккумуляторов хватит энергии для следующего прыжка?

— Когда мотор генератора работает, зарядка аккумулятора идет непрерывно.

Это большое усовершенствование.

— Тогда перебросьте нас вперед во времени, в весну 1005 года, выберите на Ньюфаундленде местечко получше в тех краях, которое вы осматривали с Лином, когда искали поселения викингов.

— Я как раз знаю такое прелестное местечко, — сказал профессор, перелистывая записную книжку. — Идеальное положение.

Он установил координаты и включил времееатрон.

Снова возникло уже знакомое ощущение временного прыжка, и платформа опустилась на скалистый берег. Волны бились о берег, казалось, над самой их головой, и брызги с шипением падали на снег. Над ними возвышалась мрачная громада утеса.

— Это что, прелестное местечко? — заорал Барни, пытаясь перекричать грохот прибоя.

— Ошибочные координаты! — крикнул в ответ профессор. — Маленькая ошибка. Это не то место.

— Вы еще будете мне заливать! Давайте двигать отсюда, пока нас не смыло в море.

После второго прыжка машина времени мягко опустилась на зеленую лужайку на берегу небольшого залива. Чуть дальше полукругом выстроились высокие деревья, и через лужайку к морю бежал, извиваясь, журчащий ручей.

— Вот это другое дело, — заметил Барни, глядя, как члены его экипажа выбираются из джипа. — Где мы, Йенс?

Йенс Лин огляделся вокруг, вдохнул воздух полной грудью и улыбнулся.

— Я хорошо помню это место, оно было одним из первых. Пря-

мо перед нами Эпавесский залив, выходящий в залив Секрид-Бей на северной оконечности Ньюфаундленда. А вот там пролив Беле-Айд. Мы разузнали все об этом месте потому, что...

— Отлично. Кажется, это то, что нужно. А ведь компас на корабле Оттара нацелен на этот пролив?

— Совершенно верно.

— Тогда здесь и остановимся. — Барни наклонился, зачерпнул с платформы пригоршню мокрого снега и начал делать снежок. — Это место возле устья ручья мы оставим для Оттара. А свой лагерь разобьем вон там, в верхнем правом углу лужайки. Здесь довольно ровно, постараемся, чтобы двадцатое столетие не попадало в поле съемочной камеры. Ну, за работу! Но сначала счистите снег. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сломал ногу.

Даллас наклонился, чтобы завязать шнурок, и удержаться от искушения при виде такой цели было просто невозможно. Размахнувшись, Барни швырнул тугой комок прямо в центр тесных джинсов.

— Вперед, викинги! — сказал он со счастливой улыбкой. — Пошли заселять Винланд.

ГЛАВА 13

Серый безмолвный мир казался унылым и давящим. Туман заглушил все звуки, поглотив их, он слизнул все краски, и океан, распростершийся перед путешественниками, не был виден до тех пор, пока набежавшая волна не разбилась пеной на песчаном пляже у самых их ног. Грузовик, стоявший в десяти футах, казался темным пятном в серой мгле.

— Попробуй еще разок, — сказал Барни, напрягая зрение и тщетно пытаясь проникнуть сквозь сырую завесу мглы.

Даллас, по случаю непогоды одетый в огромное черное пончо и широкополую стетсоновскую шляпу, поднял углекислотный баллон с сиреной и открыл клапан. Траурный рев сирены помчался над водой, отдаваясь в их ушах даже после того, как клапан был закрыт.

— Ты слышал? — внезапно спросил Барни.

Даллас наклонил голову и прислушался.

— Ничего, кроме шума волн.

— Я готов поклясться, что слышал плеск весел. Давай попробуем еще раз, по минуте. Слушай внимательно.

Сирена заревела снова. Барни поплелся к армейскому грузовику с брезентовым верхом и заглянул в кузов.

— Никаких изменений? — спросил он.

Эмори Блестэд, не отрываясь от радиопеленгатора, отрицательно покачал головой с надетыми на нее наушниками. Он медленно поворачивал рукоятку, вращающую антенну радиопеленгатора. Антенна повернулась в одну сторону, потом в другую. Эмори поднял глаза и постучал пальцем по указателю у основания антенны.

— Насколько я могу судить, корабль не движется, — сообщил он. — Пеленг не изменился. Наверно, они ждут, когда разойдется туман.

— На каком они расстоянии от берега?

— Барни, имей совесть. Я тебе сто раз говорил, что с помощью этого прибора я могу определить направление, но не расстояние. Сила сигнала ответчика также ничего мне не говорит — может быть, одна миля, а может, пятьдесят. Я могу сказать только одно: с того момента, когда мы впервые услышали сигнал три дня назад, уровень поднялся, так что они приблизились.

— Ну ладно, ты убедил меня. Значит, этого ты не можешь мне сказать. А что же ты можешь сказать?

— То же, что и раньше. Корабль отплыл из Гренландии восемнадцать дней назад. Я переставил гирокомпас и направил его на пролив Белле-Айл, заметил батареи, включил ответчик и проверил, как работают все приборы. Мы сами видели, как они отплыли.

— Вы с Лином говорили мне, что плавание займет всего четыре дня, — сказал Барни, нервно кусая ноготь.

— Мы сказали, что плавание может занять всего четыре дня, но, если погода ухудшится — изменится ветер, или что-нибудь еще, — путешествие займет гораздо больше времени. Так оно и случилось. Но ведь мы услышали сигнал ответчика, значит, они благополучно пересекли океан.

— Это было два дня назад, а что ты сделал для меня после этого?

— Послушай, Барни, скажу тебе как старый друг: это путешествие во времени не сделало тебя спокойнее. Мы же собирались только отснять фильм, верно? Мы выполнили свой долг и даже перевыполнили — и никто не проронил ни слова жалобы. Давай полегче — и сам не мучься, и людей не мучь.

— Да, да, ты прав, — ответил Барни. Больше чем когда-либо он был близок к тому, чтобы принести извинения. — Но ведь два дня — ты и сам скоро поймешь, как это много.

— Ты совершенно напрасно беспокоишься, сплошной туман, незнакомый берег, полный штиль — они просто не хотят рисковать. Им нет никакого смысла грести к берегу: они не знают, где он и что их там ожидает. Сейчас, судя по радиопеленгатору, мы находимся в самой ближней к ним точке суши и, как только туман поднимется, сможем указать им направление.

— Эй! — раздался с берега крик Далласа. — Я что-то слышу, вон там, вдалеке.

Барни сполз по песчаному откосу к кромке воды. Даллас стоял, приложив ладонь к уху, и внимательно прислушивался.

— Тише! — прошептал он. — Прислушайся. Вон там в тумане. Клянусь, я слышал плеск воды, как будто от весел, и голоса.

Волна разбилась у их ног и медленно покатилась обратно. На мгновение наступила полная тишина и стал отчетливо слышен плеск весел.

— Ты был прав! — крикнул Барни, затем закричал еще громче: — Эй вы, там! Сюда!

Даллас тоже закричал, забыв о сирене, когда в туманной мгле показалось темное пятно.

— Это лодка, — сказал Даллас, — ее обычно держат на палубе.

Они кричали, махали руками. Внезапно порыв ветра разорвал туман, и стала видна лодка и те, кто в ней сидел.

Лодка была сделана из темных звериных шкур, трое сидящих в ней индейцев с длинными черными волосами были одеты в меховые парки с откинутыми капюшонами.

— Это не викинги, — сказал Даллас, размахивая правой рукой. — Кто это может...

Люди в лодке, заметив его движение, опустили круглые весла в воду, тормозя лодку, а тот, что был на носу, взмахнул рукой и что-то просвистело в воздухе, направленное на Далласа.

— Они прикончили меня! — с этим криком Даллас упал на песок со стрелой, торчащей из груди. Рядом с ним упала сирена, клапан открылся, и над водой раздался мрачный рев. Заслышав его, люди в лодке начали отчаянно грести в обратном направлении и через несколько секунд исчезли в тумане.

С того момента, как лодка появилась, и до того, как она исчезла,

прошли буквально считанные секунды. Барни стоял, потрясенный происшедшим, оглушенный ревом, ничего не понимая. Сирена мешала ему сосредоточиться, и Барни пришлось наклониться и выключить ее, прежде чем он повернулся к Далласу, который лежал на песке и казался сраженным намертво.

— Выдерни эту штуку из меня, — внезапно сказал Даллас тихим голосом.

— Я поврежу что-нибудь... это тебя убьет... я не могу.

— Это не так страшно, как кажется. Однако постарайся выдернуть ее, а не запихнуть глубже.

Дрожащими руками Барни схватился за дротик, потянул, и дротик легко подался, но потом запутался в одежде Далласа, так что Барни пришлось упереться и дернуть изо все сил. Дротик остался у него в руках, вырвав огромный лоскут прорезиненной материи из пончо Далласа. Даллас тут же сел, поднял пончо и расстегнул куртку и рубаху.

— Ты только посмотри, — сказал он, показывая на красную царапину вдоль ребер. — Еще два дюйма вправо, и мне бы устроили вентиляцию. Когда я шевелился, этот клочок на наконечнике впивался мне в тело, и все казалось гораздо хуже, чем на самом деле.

Даллас встал и заправил рубаху в брюки.

— Мы установили контакт с местным населением, — объяснил он. — Похоже, что индейцы, или эскимосы, или кто-то еще прибыли сюда до викингов.

— Ты ранен?

— Не смертельно. На этой стреле не было моего имени. — Он усмехнулся и внимательно осмотрел стрелу. — Хорошая резьба по кости и отличная балансировка.

— Все это мне не нравится, — сказал Барни, доставая из кармана подмокшую сигарету. — Разве у меня мало неприятностей и без этих индейцев? Остается только надеяться, что они еще не добрались до корабля викингов.

— А я надеюсь, что это произошло, — с наслаждением сказал Даллас. — Не думаю, чтобы они причинили Оттару много беспокойства.

— Я хотел вам сказать, — вставил Эмори, — что с холма, где стоит грузовик, видно, как поднимается туман и в просветах светит солнце.

— Давно пора, — сказал Барни, глубоко затягиваясь сигаретой, так что мокрый табак начал вспыхивать и трещать.

Как только солнце появилось на небе, оно быстро рассеяло туман. К тому же с запада подул ветер. Через полчаса туман совершенно исчез, и в миле от берега они увидели кнорр Оттара.

Барни едва сдержал улыбку.

— Просигналь-ка им этой штукой, — сказал он Далласу. — Они посмотрят в нашу сторону и быстро увидят грузовик.

Даллас открывал и закрывал клапан сирены до тех пор, пока она, пискнув, не замолчала совсем. Однако желаемый эффект был достигнут. Они отчетливо видели, как большой парус стал уменьшаться, затем после поворота снова увеличился и у носа корабля появилась белая полоска пены. Никаких следов лодки из шкур не было видно. Казалось, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

В нескольких сотнях метров от берега кнорр повернул и лег в дрейф, парус захлопал по ветру. Люди на борту кнорра размахивали руками и кричали что-то не понятное.

— Давай сюда! — крикнул Барни. — Давай к берегу! Почему они не пристают прямо к берегу?

— Надо думать, у них есть причины, — сказал Эмори. — Опасные подходы или что-нибудь еще.

— Как же тогда, они считают, я смогу добраться до корабля?

— Может быть, вплавь, — предложил Даллас.

— Шутник. Послушай, а может, послать тебя к ним в надувной лодке?

— Смотрите, — заметил Эмори, — у них на палубе еще одна лодка.

На палубе виднелась лодка, двадцатифутовая копия кнорра, однако викинги спускали на воду другую лодку.

— Это что-то знакомое, — пробормотал Даллас.

Прищурившись, Барни посмотрел на лодку.

— Ты совершенно прав. Она как две капли воды похожа на лодку, в которой приплывали краснокожие.

В прыгающую на волну лодку спустились два человека и начали грести к берегу. Оттар сидел на носу, приветственно размахивая веслом. Через несколько мгновений лодка уткнулась носом в песок, и все высадились на берег.

— Добро пожаловать в Винланд, — сказал Барни. — Ну, как плавали?

— Берег здесь никуда не годится, нет травы для животных, нет деревьев, — сказал Оттар. — Ты нашел хорошее место?

— Великолепное, дальше по берегу в нескольких милях, именно то, что ты просил. Ну как, были происшествия во время плавания?

— Ветер все время дул в другую сторону, плыли очень медленно. Масса плавающего льда и тюленей, и мы видели двух варваров. Они охотились за тюленями и попытались улизнуть, но мы стали их преследовать и, когда они бросили в нас дротики, убили их. Съели их тюленей. Взяли их лодку.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы только что встретили их родственников.

— Где это хорошее место, о котором ты говорил?

— Поплывешь вдоль берега, потом повернешь за мыс и пройдешь мимо островов.

Его нельзя не заметить. Да вот возьми с собой Эмори, он покажет тебе дорогу.

— Нет, нет, только не меня, — Эмори словно оттолкнулся от чего-то и попятился. — Как только посмотрю на лодку, меня уже тошнит. Стоит мне три минуты побыть в море, как мой желудок выворачивается наизнанку и я прямо труп да и только.

Даллас по солдатской привычке не любил вступать в неприятные разговоры.

Когда Барни повернулся к нему, он был уже на полпути к вершине холма.

— Я шофер, — объяснил Даллас, — я подожду вас в кабине.

— Вот вам служащие, преданные и верные, — холодно заметил Барни. — Я все понял, ребята, можете не повторять. О'кей, Эмори, скажи шоферу, пусть отправляется в лагерь. Мы постараемся прибить на корабль как можно быстрее, выпустим людей Оттара на берег и, может быть, в недалеком будущем снова приступим к съемкам. Разбуди Джино, скажи, пусть он заберется на холм, на ту точку, которую мы с ним выбрали, и начинает съемки с корабля, как только он появится в проливе. И позаботься о том, чтобы на месте высадки уничтожили отпечатки автомобильных шин.

— Все будет сделано, Барни. Я бы с удовольствием отправился вместо тебя, но я и плавание...

— Да-да, конечно. Отправляйтесь.

Влезая в лодку, Барни промочил ноги. Вода была настолько холодной, что ему стало казаться, будто у него ампутированы ноги ниже колен. Лодка — тюленьи шкуры, натянутые на деревянную раму, — качалась, угрожая перевернуться от малейшего движения, и прыгала по воде подобно огромному водяному жуку. Барни пришлось сесть на дно и схватиться руками за борта, чтобы удержать равновесие. Когда им наконец удалось достигнуть кнорра, он никак не мог вылезти из качающейся лодки и перебраться на высокий борт корабля, пока чьи-то сильные руки не подхватили его под мышки и не втащили на палубу, как мешок с зерном.

— Ханану! Сидусту хандартекин!* — рявкнул Оттар, и его люди с веселыми криками начали разворачивать корабль, готовя его к последнему этапу плавания. Барни предусмотрительно удалился на корму, чтобы его в спешке не помяли. Моряки поворачивали длинное бревно, прикрепленное к нижнему концу паруса, и под пронзительные крики женщин отшвыривали тяжелыми сапогами попадавших под ноги коз, которые шумно выражали свой протест. Переполненная палуба напоминала оживленный деревенский двор с испуганными домашними животными и разбросанными здесь и там кулями корма. Посреди всей этой суматохи одна из женщин, склонившись над деревянным ведром, доила корову. Когда корабль изменил направление и ветер донес до Барни запах парного молока, сходство стало казаться еще более разительным.

Наконец суматоха постепенно улеглась, и скот вернулся к своей кормежке. Попутный ветер не только надувал огромный парус, но и уносил с кормы на нос разнообразные запахи, так что воздух на корме был чистым и свежим. Форштевень с шипением врезался в длинные пологие валы Атлантического океана, и вдоль бортов корабля проносилась волна. Легкий как пробка, кнорр был надежным и практичным судом, море было для него родной стихией.

— Кажется, хорошее место, — заметил Оттар, легким прикосно-

* А ну, за работу! Уже немного осталось!

вением руки выравнивая рулевое весло кнорра и указывая другой рукой на берег, где уже были видны деревья и пятна лужаек.

— Вот подождите, когда обогнем мыс, — сказал ему Барни, — там еще лучше.

Корабль проходил мимо группы островов, расположенных в устье залива. Животные почуяли землю, запах свежей травы и подняли шум. Бык со связанными ногами, привязанный к палубе, потянул за веревку и заревел, женщины закричали от радости, а мужчины запели. Плавание подходило к концу, местечко и впрямь оказалось прекрасным. Когда перед ними открылся Эпавесский залив с высокими деревьями на холмах, которые поднимались навстречу небу и ярко-зеленой весенней травой на лугу около ручья, даже Барни почувствовал волнение. Потом он заметил темное пятно на вершине холма — Джино со съёмочной камерой, увидел джип на склоне и вспомнил о фильме.

Он спрятался за борт кнорра и оставался на коленях до тех пор, пока не надел на голову рогатый шлем викингов, висевший недалеко от него. Только после этого он выпрямился и стал виден с берега.

Оттар вел свой корабль, не спуская паруса, прямо к устью ручья, и все, кто был на борту, кричали от возбуждения. Наконец форштевень кнорра царапнул песчаное дно, корабль поднялся на волне и проплыл еще немного, снова коснулся дна и замер на месте. Забыв о все еще поднятом нижнем парусе, команда и пассажиры попрыгали в волны прибоя и, смеясь от радости, побрели по воде к берегу и лугу по обе стороны ручья. Оттар вырвал огромный пучок высокой, по колено, травы, понюхал ее, потом пожевал. Некоторые катались по земле, испытывая животное удовольствие от ощущения твердой земли после многих дней, проведенных на качающейся палубе корабля.

— Великолепно! — крикнул Барни. — То есть просто великолепно! Высадка в Винланде после долгих месяцев плавания, первые поселенцы в новом мире. Поразительные кадры, подлинные исторические кадры! — Он пробрался между обезумевшими животными на нос корабля и встал так, что оператор отчетливо видел его. Махнув рукой, он крикнул:

— Достаточно, Джино. Спускайся сюда.

Голос его едва ли был слышен, однако жест был весьма выразите-

лен. Джино вылез из-за камеры, махнул в ответ, затем принялся грузить камеру в джип. Еще через несколько минут джип, разбрасывая гальку, уже мчался к берегу. Барни спрыгнул с корабля в воду и побегал ему наперерез.

— Стой! — крикнул он Далласу, который вел машину. — Развернись и поезжай на другой берег, прямо против устья ручья. А ты, Джино, установи камеру на вершине и снимай вход корабля в залив, его приближение, людей, которые прыгают с палубы в воду и бегут прямо на камеру, обтекая ее слева и справа.

— Потрясающая сцена — как они спрыгивали с корабля, — сказал Джино. — Я буду готов через десять минут.

— Тебе потребуется больше, чтобы все это опять запечатлеть. Обожди, — окликнул он Далласа, который включил мотор и начал разворачивать джип. — Мне нужна твоя бутылка.

— Какая еще бутылка? — на лице Далласа отразилось искреннее недоумение.

— Бутылка, которую ты всегда таскаешь с собой. Ну ладно, нечего притворяться. Я всего лишь беру ее взаймы. Вечером ты получишь новую.

Трюкач с видимой неохотой извлек из-под сиденья бутылку виски с черной наклейкой, на четверть пустую.

— Так, так, — холодно заметил Барни. — Уж запустил лапу в частные владения.

— Это чистая случайность — мое виски кончилось. Я заплачу.

— А я-то думал, что, кроме меня, ни у кого нет ключа к ящику. И чему только люди не научатся в армии!.. Ну, за дело. — С этими словами он засунул бутылку во внутренний карман куртки и пошел обратно к Оттару, который стоял на коленях на берегу ручья и пил воду из пригоршни.

— Ну-ка, загони всех обратно на корабль, — сказал Барни. — Мы хотим опять снять высадку, на это раз с близкого расстояния.

Оттар посмотрел на Барни и захлопал глазами, вытирая тыльной стороной руки воду, на это раз с бороды.

— О чем ты говоришь, Барни? Все так счастливы, что они снова на берегу. Они не захотят вернуться.

— Захотят, если ты им прикажешь?

— Почему я должен приказывать? Это идиотская мысль.

— Ты прикажешь им, потому что ты снова на зарплате. А вот и аванс.

С этими словами он протянул бутылку Оттару, тот широко улыбнулся и поднес ее к губам. Пока викинг пил, Барни успешно довел дело до конца.

Даже Оттару было нелегко вернуть людей на корабль. Наконец он потерял терпение, уложил одного из мужчин сильнейшим ударом в грудь и пинками повернул двух женщин в нужном направлении. После этого, несмотря на ворчание и жалобы, люди поднялись на палубу и разобрали весла. Дальше все было просто — усилия, которые потребовались для того, чтобы снять кнорр с мели, потушили остатки мятежа.

Как только камеру выгрузили на пригорок, Барни тут же послал джип обратно в лагерь. Еще до того, как корабль взял обратный курс и вновь поднял паруса, джип вернулся, нагруженный ящиками пива, коробками сыра и консервированной ветчины.

— Вывалите все это добро примерно в десяти ярдах позади камеры, причем сделайте кучу достаточно высокой, чтобы мы могли видеть продукты издалека. Открой ветчину, пусть знают, что это такое. И дайте мне банку ветчины с бутылкой пива.

— Вон они идут, — крикнул Джино. — Великолепный кадр, совершенно потрясающий.

Полным ходом кнорр мчался по заливу, быстро приближаясь к камере, пока огромный парус не закрыл половину неба. В следующее мгновение нос кнорра врезался в устье ручья, подняв тучу брызг. Барни, который не был уверен, что энтузиазма скандинавов хватит и на вторую высадку, решил не рисковать. Он поднял над головой ветчину с пивом и крикнул изо всех сил: «Оль! Свинаякют, оль ок остр!»*

Это оказало мгновенное действие. После трех недель плавания, в котором единственной пищей были сухари и вяленая рыба, мореплаватели взревели от восторга. На этот раз энтузиазм был таким же, если не большим, чем во время первой высадки. Люди, сбивая друг друга с ног, мчались по пояс в воде к берегу и пробегали мимо камеры, чтобы дорваться до еды и питья.

* Пиво! Ветчина, пиво и сыр!

— Стоп, — сказал Барни, — но пока не уходи. Как только покончат с закуской, я хочу, чтобы они выгрузили домашний скот.

Подошел Оттар. В одной руке у него была наполовину опустошенная банка ветчины, в другой — бутылка.

— Подойдет это место для поселения? — спросил его Барни.

Оттар посмотрел вокруг и кивнул со счастливой улыбкой.

— Хорошая трава, хорошая вода. Полным-полно деревьев на берегу для топки. Полным-полно хорошей древесины вон там для рубки. Рыба, охота — хорошее место. Где Гудрид? Где все остальные?

— Выходной день, — сказал ему Барни, — все они на Санта-Каталине.

Свободный день с сохранением жалования, праздник, пикник, жарят мясо на кострах, и так далее.

— Почему праздник?

— Потому что я щедрый и люблю, когда люди счастливы, а ведь до вашего прибытия мы не могли ничего делать. К тому же это сберегает деньги. Я три недели ждал вас всего с несколькими людьми. А остальные будут отсутствовать только один день.

— Хочу видеть Гудрид.

— Ты хочешь сказать — Слайти. Я полагаю, что она тоже будет рада увидеться с тобой.

— Прошло так много времени.

— Ты любитель примитивных наслаждений, Оттар. По крайней мере сначала покончи со своей ветчиной и не забывай, что это исторический момент. Ты только что впервые ступил на землю нового мира.

— Ты чокнутый, Барни. Это тот же старый мир, только место называется Винланд. Похоже, что здесь хорошие деревья.

— Мне не забыть этих исторических слов, — произнес Барни.

ГЛАВА 14

— Что-то я сегодня неважно себя чувствую, — пожаловалась Слайти, расстегивая огромную позолоченную пряжку на своем поясе. — Должно быть, это воздух, или климат, или что-то вроде этого.

— Конечно, что-то вроде этого, — сказал Барни с полным отсутствием сочувствия. — Воздух. Конечно, это не может быть следствием вчерашней пирушки с викингами на берегу, где вы жарили на кострах моллюсков и устриц и выпили шесть ящиков пива.

Слайти промолчала, однако ее обычно свежая розовая кожа внезапно приобрела зеленоватый оттенок. Барни вытряхнул две таблетки на ладонь, уже почти полную, и протянул ей.

— Вот, проглоти эти пилюли, а я сейчас принесу тебе стакан воды.

— Так много, — еле слышно запротестовала Слайти. — Я не проглочу их.

— Постарайся, ведь нам предстоит целый день съемок. Эти пилюли — испытанное лекарство доктора Барни Хендриксона от похмелья и применяются на другое утро после праздника. Аспирин от головной боли, драмина от тошноты, бикарбонат от изжоги, бензедрин от подавленного настроения и два стаканчика воды для ликвидации обезвоживания организма. Действует безотказно.

Пока Слайти давила таблетки, в дверь постучала секретарша Барни, и он велел ей войти.

— Ты выглядишь сегодня очень свеженькой, — заметил Барни.

— Я не перевариваю моллюсков, поэтому легла спать очень рано. У меня к вам несколько вопросов. — Она протянула бумажку с вопросами и начала водить пальцем по списку. — Так, артисты —

о'кей, дублеры — о'кей, операторы — о'кей, да, в бутафорном отделе хотят знать, нужна ли кровь на складном кинжале?

— Конечно, нужна! Мы снимаем настоящий исторический фильм, а не сказку для детского утренника. — Он стал и оправил куртку. — Пошли, Слайти.

— Я приду через минуту, — сказала она умирающим голосом.

— Десять минут — и ни секундой больше, ты снимаешься в первой сцене.

День был ясный, и солнце, уже поднявшись над горным хребтом за их спиной, освещало поселение, бросая длинные тени от земляных хижин и сараев, крытых древесной корой. Норвежские поселенцы уже начали свой рабочий день, и струйка синего дыма поднималась из дыры в крыше самой большой хижины.

— Надеюсь, что Оттар в лучшем состоянии, чем наша героиня, — сказал Барни, вглядываясь в водные просторы. — Посмотри, Бетти, вон там, слева от острова, — это камни или лодка?

— Я оставила свои очки в трейлере.

— Похоже, что это моторная лодка. Смотри, она приближается. Пора бы им уже и возвращаться.

Бетти пришлось почти бежать, чтобы не отстать от Барни, который широким шагом спускался по склону холма вниз к берегу. Теперь лодка была отчетливо видна, и они слышали стук мотора, разносящийся над заливом. Большинство киношников уже собралось около кнорра, и Джино устанавливал камеру.

— Кажется, исследователи возвращаются домой, — все остальные готовятся к съемкам. После того как я с ними поговорю, мы сразу же начнем снимать эту сцену.

Барни ждал приближения лодки, стоя у самой воды. Текс сидел у подвесного мотора, а Йенс Лин — на носу. У обоих отросли черные бороды и вид был весьма потрепанный.

— Ну? — спросил Барни, не дождавшись, когда лодка достигнет берега. — Что нового?

Лин грустно покачал головой.

— Ничего, — сказал он, — абсолютно ничего вдоль всего берега. Мы ушли так далеко, как только позволили запасы бензина, и не встретили ни единой живой души.

— Но это совершенно невозможно! Я видел этих индейцев собст-

венными глазами, а Оттар даже убил парочку. Они должны находиться где-то поблизости.

Йенс вылез на берег и потянулся.

— Мне хочется отыскать их ничуть не меньше, чем вам. Ведь это уникальные возможности для научных исследований. Конструкция их лодок и резьба на костном наконечнике стрелы дают основания полагать, что эти индейцы принадлежат к почти неизвестной культуре Дорсетского мыса. Мы почти ничего не знаем об этом племени, всего лишь несколько отрывочных сведений получены при археологических раскопках и почерпнуты из скандинавских саг. И насколько нам известно, последние представители этой культуры исчезли в конце одиннадцатого столетия...

— Меня не столько интересуют уникальные возможности для ваших научных исследований, сколько уникальная возможность для меня закончить съемку этого фильма. Для картины нам нужны индейцы, где они?

— Нам удалось обнаружить несколько стоянок на берегу, однако все они были покинуты. Дорсетское племя является кочевым, и индейцы большую часть времени странствуют, следуя за стадами тюленей и косяками трески. Я думаю, что в это время года они перекочевали дальше на север.

Напрягая все силы, Текс вытащил нос моторной лодки на берег, затем сел на борт.

— Конечно, не мне учить дока его делу, но все же...

— Предрассудки! — презрительно фыркнул Лин. Текс откашлялся и сплюнул в воду. Было очевидно, что по этому вопросу они уже раньше не сошлись во мнениях!

— В чем дело? Выкладывайте! — приказал Барни.

Текс почесал черную щетину на подбородке и заговорил с неохотой.

— Понимаете, в общем-то док прав. Мы не видели никого и ничего, кроме следов старых лагерных стоянок и куч тюленьих костей. Однако я думаю, что они были где-то рядом, неподалеку, и все время следили за нами. Это совсем нетрудно. Грохот этой косилки слышен за пять миль. Если эти краснокожие — охотники на тюленей, как утверждает док, то они могут запросто спрятаться, услышав о нашем приближении, и мы ничего не найдем. Я думаю, что они так и делают.

— А удалось вам обнаружить какие-нибудь доказательства этой теории? — спросил Барни.

Сделав несчастное лицо, Текс заерзал на месте, затем нахмурился.

— Только я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — задиристо сказал он.

Барни сразу вспомнил о заслугах Текса в качестве инструктора по рукопашной схватке.

— Вот уж что мне никогда не придет в голову, Текс, так это смеяться над тобой, — сказал он совершенно чистосердечно.

— Ну... так вот. Когда я воевал в Азии, мы испытывали такое чувство, будто за нами все время следят. И в пятидесяти процентах случаев так и было. Бах — выстрел снайпера. Мне знакомо это чувство. Так вот, когда мы высаживались на берег, меня охватывало это чувство. Клянусь богом, они где-то совсем рядом.

Барни поразмыслил, хрустнул пальцами.

— Да, пожалуй, ты прав, но я не вижу, как это может нам помочь. Поговорим об этом за ленчем, может быть, придумаем что-нибудь дельное. Нам необходимы эти индейцы.

Съемки первой сцены шли через пень колоду, в чем, возможно, был виноват Барни. Он не мог заставить себя сосредоточиться. А ведь все должно было бы идти гладко, потому что в основном снимались действия. Орлуг, которого играл Валь де Карло, — лучший друг Тора и его правая рука, но он тайно влюбляется в Гудрид, а та боится сказать об этом Тору, не желая причинить ему горе. Однако страсть Орлуга все растет, и, так как Гудрид сказала, что она не полюбит другого человека, пока жив Тор, он, ослепленный любовью к Гудрид, в приступе сумасшествия пытается убить Тора. Он прячется за кораблем и бросается на проходящего мимо Тора. Тот сначала не верит своим глазам, однако, когда Орлунг ранит его в руку, понимает, что происходит. Тогда, действуя лишь одной рукой, безоружный, Тор вступает в схватку с Орлугом и убивает его.

— Ну хорошо, — прохрипел наконец Барни, у которого начало истощаться терпение. — Мы опять сыграем эту сцену, и на этот раз мне бы очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, вы помнили бы свои реплики и все остальное, потому что у нас подходит к концу кровь для кинжала и почти не осталось чистых рубашек. По местам,

Орлут, ты стоишь за кораблем, Тор идет к кораблю вниз по берегу. Мотор!

Оттар затопал, проваливаясь в песок и, когда из-за корабля выпрыгнул де Карло, сумел даже изобразить на лице удивление.

— Эй ты, Орлут, — начал он деревянным голосом. — Что ты здесь делаешь, что... Великий Один! Смотрите!

— Стоп! — крикнул Барни. — Этого нет в тексте, Оттар, неужели ты не можешь запомнить несколько слов... — Внезапно он осекся, уставившись туда, куда показывал Оттар.

Из-за острова одна за другой выскальзывали маленькие черные точки и беззвучно гребли по направлению к берегу.

— Мечи, топоры! — приказал Оттар и оглянулся вокруг в поисках оружия.

— Подожди, Оттар! — остановил его Барни. — Не надо оружия и не надо бойни. Постараемся установить с ними дружеские отношения, может быть, станем торговать с ними. Не забудь, что это мои потенциальные статисты, и я не хочу их спутивать. Текс, держи свой револьвер наготове, но не на виду. Если они начнут драку, ты прекратишь ее...

— С удовольствием.

— ...но не вздумай сам начать, понятно? Это приказ. Джино, ты снимаешь их?

— Полным ходом. Если ты распорядишься убрать со сцены представителей двадцатого века, то я сниму поход, высадку, словом все.

— Вы слышали, что он сказал? Давайте-ка все в сторону, быстро. Лин, быстро надевай одежду викинга. Пойдешь с ними на берег и будешь переводить.

— Как же я буду переводить? Ведь я не знаю ни единого слова на их языке, да он и вообще неизвестен.

— Ничего, научишься. Ты переводчик — стало быть переводить. Нам понадобится белый флаг или что-то еще, чтобы продемонстрировать наши мирные намерения.

— У нас есть белый щит, — сказал рабочий из бутафорного отдела.

— Сойдет, дайте его Оттару.

Приблизившись к берегу, лодки замедлили ход. Всего их было девять, в каждой сидело по два или три человека. Вид у них был настороженный, они сжимали в руках копья и короткие луки, однако

было непохоже, что они собираются напасть. Несколько норвежских женщин подошли к берегу посмотреть, что происходит, и, казалось, их присутствие ободрило людей в лодках, потому что они подошли еще ближе. К группе присоединился Йенс Лин, поспешно зашнуровывая кожаную куртку.

— Поговори с ними, — сказал Барни, — однако стой все время позади Оттара, чтобы казалось, что это он ведет переговоры.

Дорсетские индейцы подплыли еще ближе, покачиваясь на волнах. Послышались громкие крики.

— Мы тратим на это массу пленки, — заметил Джино.

— Продолжай снимать, всегда можно вырезать то, что не нужно. Передвинься по берегу, чтобы занять позицию поудобнее, когда они высадутся, если они вообще высадутся. Нам нужно как-то привлечь их на берег, может быть, предложить что-нибудь в обмен.

— Ружья и водка, — сказал де Карло. — Вот в основном предметы обмена с индейцами во всех вестернах.

— Никакого оружия в обмен! Эти парни, очевидно, неплохо справляются с тем, что у них есть. — Барни оглянулся, пытаясь подстегнуть свое воображение, и увидел угол походной кухни, выступающей из-за дома Оттара, самого большого из земляных строений. — Пожалуй, это мысль, — пробормотал он и направился к кухне. Прислонившись плечом к ее стенке, Клайд Роулстон писал что-то на клочке бумаги.

— А я думал, что ты вместе с Чарли занимаешься дополнительными диалогами, — сказал Барни.

— Я обнаружил, что работа над сценарием мешает моим стихам, поэтому решил снова заняться стряпней.

— Истинный художник. Что у тебя есть вкусенького?

— Кофе, чай, пирожки, бутерброды с сыром — все как обычно.

— Вряд ли краснокожие клонут на такой ассортимент. Что еще?

— Мороженое.

— Ага, вот это то, что надо. Вывали-ка его в один из горшков викингов, а я сейчас пришлю за ним кого-нибудь. Я уверен, что эти ребята такие же сладкоежки, как и все люди.

Мороженное оказало желаемое действие. Слайти вынесла галлон ванильного мороженого на берег, где уже стояли в воде индейцы, все еще опасаясь выйти на сушу, и, съев несколько ложек сама, начала

поварешкой класть мороженое им прямо в сложенные ковшом ладони. Трудно сказать, гормоны ли Салайти или мороженое сыграли тут свою роль, но уже через несколько минут индейцы вытащили кожаные лодки на берег и смешались со скандинавами. Барни остановился в том месте, где он не мешал съемкам, и внимательно всматривался в индейцев.

— Они больше похожи на эскимосов, чем на индейцев, — проормотал он про себя. — Однако несколько перьев и боевая раскраска легко исправят все это.

Хотя у пришельцев были плоские лица и азиатские черты лица, типичные для эскимосов, это были крупные и крепкие люди, почти такие же высокие, как викинги. Под сшитыми из тюленьих шкур одеждами, растянутыми из-за жары, виднелась бронзовая кожа. Они говорили между собой быстро, высокими голосами и теперь, после высадки, казалось, забыли о своих недавних страхах и с огромным интересом разглядывали новые для них предметы. Несомненно, это было парусное судно, однако несравненно больших размеров, чем они когда-либо видели или представляли себе. Барни подозревал Йенса Лина.

— Ну, как дела? Они согласны работать для нас?

— Ты что, спятил? Мне кажется... Учти, что я в этом не уверен... мне кажется, я уже знаю два слова их языка. Унн-на означает, по-видимому, «да», а хенне — «нет».

— Продолжай в том же духе. Нам понадобятся все эти парни и много других для съемки боевых сцен нападения индейцев.

Теперь индейцы и викинги смешались. Вдоль всего берега первые демонстрировали вторым кипы тюленьих шкур, лежавших в лодках. Самые любопытные из пришельцев отправились посмотреть на дома, внимательно разглядывая все, что им попадалось, и взволнованно обменивались мнениями друг с другом. Голоса у них были тонкими. Один из индейцев, все еще сжимавший в руке дротик с каменным наконечником, заметил Джино, подошел к нему и заглянул в объектив камеры, дав тем самым оператору великолепный крупный план. Но тут послышался рев, а за ним — пронзительные крики.

Болотистый луг, граничивший с лесом, пересекла корова, за ней бежал бык, который, несмотря на свои небольшие размеры, был

злым и опасным животным, казавшимся еще более злым из-за того, что слегка косил. Обычно он бродил по лагерю свободно, и его не раз прогоняли от трейлеров съемочной группы. Он потряс головой и снова заревел.

— Оттар, — закричал Барни, — быстро прогони эту скотину, а то он напугает индейцев.

Бык не просто напугал дорсетских индейцев, он вселил в них безотчетный ужас. Они никогда раньше не видели такого ревущего и храпящего страшили и теперь оцепенели от страха. Оттар схватил длинную жердь, валявшуюся на берегу, и крича кинулся на быка. Бык посмотрел на бегущего викинга, ковырнул землю копытом и, выставив рога, перешел в атаку. Оттар сделал шаг в сторону, обозвал быка нехорошим скандинавским словом и с размаху прошелся жердью по его бокам.

Однако это не возымело ожидаемого действия. Вместо того, чтобы развернуться и снова напасть на своего мучителя, бык заревел и бросился к дорсетским индейцам, явно сочти их темные незнакомые фигуры причиной царящей в лагере суматохи. Индейцы закричали и обратились в бегство.

Паника оказалась заразной, и кто-то крикнул, что варвары перешли в атаку. Викинги тут же схватились за оружие. Двое до смерти перепугались индейцев оказались отрезанными от берега и кинулись к дому Оттара, пытаясь выломать дверь, но она была заперта. Оттар бросился на защиту своего жилища, и когда один из индейцев обернулся к нему с поднятым копьем, викинг нанес ему сокрушительный удар жердью по голове. Жердь переломилась пополам, проломив в то же время череп несчастного индейца.

За каких-то шестьдесят секунд все было кончено. Бык, причина всей паники, промчался через ручей и теперь мирно пасся на другом берегу. Лодка из шкур, подгоняемые бешеными рывками, мчались в открытое море. Здесь и там на берегу темнели тюки с тюленьими шкурами, зарытые индейцами. У одного из норвежских слуг стрела вонзилась в руку, а двое дорсетских индейцев включая и того, что пал жердой Оттара, были мертвы.

— Мадонна миа, — Дижно выпрямился, отошел от камеры и вытер рукавом потный лоб. — Ну и темперамент у этих молодцов! Почище, чем у сицилийцев.

— Какая глупая трата человеческих жизней, — сказал Йенс. Он сидел согнувшись на песке, держась за живот обеими руками. — Они все были напуганы, как дети. Эмоции детей, а тела взрослых мужчин. Вот почему они убивают друг друга.

— Но в результате получится великолепный фильм, — бодро заметил Барни. — Кроме того, мы не имеем права вмешиваться в здешние обычаи. А что с тобой случилось? Кто-то в панике пнул тебя в живот?

— Не имеем права вмешиваться в здешние обычаи, очень смешно. Вы губите жизнь этих людей ради своей кинематографической чепухи, а затем пытаетесь избежать последствий своих поступков... — Внезапно его лицо исказилось гримасой боли, и он стиснул зубы. Барни посмотрел вниз и с ужасом увидел, что между пальцами Лина расплывается огромное красное пятно.

— Ты ранен, — медленно сказал он, не веря своим глазам, затем быстро обернулся. — Текс — пакет первой помощи! Быстрее!

— Что это ты проявляешь такую заботу обо мне? Ты только что видел слугу, у которого стрела вонзилась в руку, — и даже глазом не моргнул. Говорят, викинги после битвы зашивали свои раны иглой с суровой ниткой. Почему бы тебе не дать мне ниток?

— Успокойся, Йенс, ты ранен. Мы позаботимся о тебе.

Подбежал Текс с пакетом первой помощи, опустил его на землю рядом с Йенсом и встал на колени около раненого.

— Как это произошло? — спросил он спокойным, необычно мягким голосом.

— Копьем, — сказал Йенс. — Так быстро, что я даже ничего не понял.

Я стоял между индейцем и лодками. Он поддался общей панике. Я поднял руки, чтобы успокоить его, поговорить с ним, но тут почувствовал боль в животе, он пробежал мимо и исчез.

— Дай-ка мне осмотреть рану. Я насмотрелся таких ран в Новой Гвинее.

Штыковое ранение. — Текс говорил спокойно, со знанием дела, и когда он потянул Йенса за руки, они вдруг ослабли и беспомощно повисли; быстрым движением ножа Текс разрезал окровавленную одежду.

— Неплохо, — сказал он, взглянув на кровоточащую рану. —

Чистое проникающее ранение в живот. Ниже желудка и, кажется, не настолько глубокое, чтобы задеть что-нибудь еще. Необходима госпитализация. Там они зашьют дыру, положат внутрь соответствующий брюшной дренаж и напичкают тебя антибиотиками. Но если попытаешься вылечить такое ранение в полевых условиях, через пару дней ты загнешься от перитонита.

— Ты чертовски откровенен, — сказал Йенс, но все же улыбнулся.

— Как всегда, — ответил Текс, доставая дозу морфия и отламывая головку. — Когда человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. — Тренированной рукой он вонзил острие шприца под кожу Йенса.

— А ты уверен, что медсестра не сможет вылечить меня прямо здесь? Мне бы не хотелось возвращаться...

— Жалование целиком плюс премиальные, — подбодрил его Барни. — И отдельная комната в госпитале — тебе ни о чем не придется беспокоиться.

— Мне беспокоят не деньги, мистер Хендриксон. Вам трудно это понять, но, кроме доллара, в мире существует многое другое. Для меня важно то, что я здесь узнаю. Одна страница моих записей ценнее всех катушек вашего целлулоидного чудовища, вместе взятых.

Барни улыбнулся, сделав попытку переменить тему разговора.

— Вы ошибаетесь, доктор, теперь пленки больше не делают из целлулоида, налажено производство безопасной пленки, она не горит.

Текс присыпал рану сульфопорошком и крепко забинтовал.

— Вы должны попросить доктора приехать сюда, — сказал Лин, беспокойно глядя на Барни. — Спросите, что он думает насчет моего отъезда. Если я уеду, фильму конец, я уже больше никогда не вернусь обратно, никогда.

Полный страстного желания все запомнить, он оглядел залив, дома и людей. Текс поймал взгляд Барни, покачал головой и махнул в сторону лагеря съемочной группы.

— Пойду приведу грузовик и скажу профессору, чтобы он готовил свою машину. Пусть кто-нибудь перевязет руку этому викингу и даст ему пузырек с пенициллиновыми таблетками.

— Привези с собой медсестру, — сказал Барни. — Я останусь с Йенсом.

— Мне хотелось бы рассказать тебе о том, что мне случайно удалось обнаружить, — сказал Йенс, положив ладонь на руку Барни. — Я слышал, как один из людей Оттара, говоря с ним о репитере компаса, установленном на их корабле, назвал его на свой лад и это звучало как «хюсас-нотра». Я был потрясен. В исландских сагах неоднократно упоминается навигационный инструмент, который так и не удалось опознать. Он называется «хюсас-нотра». Ты понимаешь, что это значит? Вполне возможно, что слово «репитер компаса» вошло в их язык как «хюсас-нотра». Если это так, то влияние, которое мы оказали, прибыв в одиннадцатое столетие, превосходит все, что можно было ожидать. Необходимо изучить все аспекты этого вопроса. Я не могу бросить все это сейчас.

— То, что ты говоришь, Йенс, очень интересно. — Барни посмотрел в сторону лагеря, но грузовика еще не было видно. — Ты должен написать об этом научную статью или что-нибудь в этом роде.

— Дурень! Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем я говорю.

Для тебя времееатрон всего лишь хитроумное изобретение, которое можно протитуировать для съемок идиотского фильма...

— Полегче с оскорблениями, — попросил Барни, стараясь сохранить самообладание и не поссориться с раненым. — Никто не рвался на помощь Хьюитту, пока мы не дали ему денег. Если бы не эта картина, ты все еще сидел бы в своем Южнокалифорнийском университете, уткнувшись носом в книги, и не знал бы ничего о тех фактах и обстоятельствах, которые теперь считаешь такими важными. Я не хочу охаивать твою работу, но и ты не охайвай мою. Я уже слышал о протитуировании изобретений, но так сделан мир. Войны заставляют ученых протитуировать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить.

— Войны не оплачивают фундаментальных исследований, а именно здесь и делают подлинные открытия.

— Прошу меня извинить, но войны сдерживают врага и вражеские бомбы падают где-то далеко, так что ученые получают возможность и время для фундаментальных исследований.

— Ловкий ответ, но он меня не устраивает. Что бы ты ни гово-

рил, у нас путешествие во времени используется для создания дешевой картины, и все исторические открытия будут сделаны только случайно.

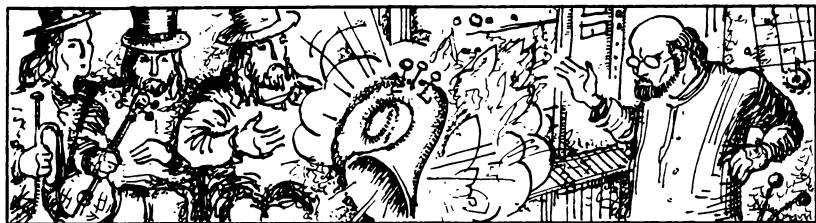
— Не совсем так, — парировал Барни со вздохом облегчения, заслышав шум приближающегося грузовика. — мы не вмешивались в твою исследовательскую работу, скорее помогали ей. У тебя были совершенно развязаны руки. Создавая эту картину, мы вложили деньги во времееатрон, и он стал теперь рабочим капиталом. С теми данными, которые у тебя уже имеются, ты без всякого труда убедишь любой научный фонд вложить деньги в создание нового времееатрона и тогда сможешь вести свои исследования так, как тебе хочется.

— Так я и сделаю.

— Но только не сразу. — Грузовик остановился рядом с ними. — Мы предлагаем пользоваться нашим исключительным правом на знания профессора еще года два, чтобы вернуть наши капиталовложения.

— Конечно, — с горечью сказал Йенс, следя за тем, как с грузовика снимают носилки. — Прибыль прежде всего, а культура пусть идет ко всем чертам.

— Таковы условия игры, — согласился Барни, глядя, как носилки с филологом осторожно помещают в кузов грузовика. — Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними.

ГЛАВА 15

— Лучше умереть героем, чем жить подобно трусу! — взревел Оттар. — Во имя Одина и Фрейи — за мной!

Он распахнул дверь, держа перед собой щит, в который тотчас же вонзились две стрелы. С яростным криком взмахнув топором, он выбежал из горящего здания.

За ним последовали Слайти с мечом в руке, Валь де Карло, изо всех сил дувший в рог, и остальные воины.

— Стоп! Отпечатайте эти кадры, — скомандовал Барни и опустился в раскладное парусиновое кресло. — О'кей, на сегодня хватит. Быстро на кухню на ленч, чтобы можно было упаковать кастрюли и сковородки.

Рабочие из бутафорного отдела поливали из огнетушителей канаву с горящей нефтью, и оттуда несло жуткой вонью. Все прожектора, кроме одного, погасли. Джино, открыв стенку камеры, вынимал из нее отснятый фильм. Все шло нормально. Барни подождал, когда кончится толкотня у дверей, затем тоже вышел наружу. На перевернутой бочке сидел Оттар, засовывая стрелы обратно в щит.

— Смотри, летят стрелы, — крикнул он, обращаясь к Барни, и поднял щит. Мгновенное действие скрытых пружин, удар — и на щите выросли стрелы со скоростью, неуловимой для человеческого глаза.

— Великолепное изобретение, — согласился Барни. — Мы закончили съемки Оттар, и собирается перепрыгнуть через год в следующую весну. Как ты думаешь, будут у вас к тому времени готовы стены вокруг поселения?

— Ясно, будут. Ты выполняй свои обязательства, Оттар выполнит свои.

Те стальные пилы и топоры, которые вы нам оставили, помогут нам быстро напилить бревна для снэ. Но не забудь оставить нам пищи на зиму.

— Конечно, мы выгрузим припасы еще до отъезда. Все понятно? Есть еще вопросы?

— Понятно, понятно, — пробормотал Оттар, снова сосредоточив все свое внимание на засовывании стрел обратно в щит. Барни подозрительно посмотрел на него.

— Я уверен, что ты ничего не забудешь, однако на всякий случай давай быстренько повторим все еще разок. Мы оставим вам крупу, сушеные и консервированные продукты — все, что мне удастся раздобыть на складе компании. Таким образом, вам не придется тратить лето и осень на заготовку продовольствия, и вы сможете сосредоточить все свои усилия на строительстве домов и бревенчатой стены вокруг поселения. Если все обстоит так, как говорит док, то дорсетские индейцы не будут беспокоить вас до весны, когда паковый лед подходит к самому берегу, тюлени собираются стаями и выводят на нем потомство. Вот тогда-то охотники и приходят из северных краев, где они сейчас находятся. И даже если они будут беспокоить вас, за бревенчатой стеной вы в безопасности.

— Убьем их, порубим всех на куски.

— Пожалуйста, попытайся обойтись без этого, ладно? Уже снято девяносто процентов картины, и мне бы не хотелось, чтобы всех вас поубивали до того, как мы закончим съемки. В феврале и марте мы проверим, как у вас идут дела, а потом прибудем сюда всей группой, как только узнаем, что краснокожие находятся неподалеку. Предложи им товары в обмен на то, что они согласятся напасть на поселение, сжечь часть его вот и все. Договорились?

— И виски «Джек Даниэльс».

— Конечно, ведь это указано в твоём контракте.

И слова были заглушены характерным стоном, исходившим из медной трубы. Звуки были то высокие, то низкие.

— Ты что, подрядился? — спросил Барни у Валь де Карло, который, пролезши в кольцо огромной медной трубы, дул в нее.

— Это великолепный инструмент, — сказал Валь, — слушай. — Он облизнул губы, приложился к трубе, надулся, покраснел и исполнил что-то, отдаленно напоминающее «Музыка всюду вокруг нас».

— Не изменяй драматическому искусству, — сухо заметил Барни, — по части музыки тебе ничего не светит. Знаешь, мне кажется, я видел где-то раньше изображение этой трубы, то есть я не имею в виду музей.

— Такое изображение оттиснуто на каждой пачке датского масла. Это торговая марка.

— Может быть, не помню. Но звучит она как простуженная басовая труба.

— Спайдермэн Спиннеке был бы без ума от нее.

— Вполне возможно. — Барни прищурился, взглянул на де Карло и щелкнул пальцами. — Слушай, это мысль. Этот самый Спайдермэн, ведь он играет на самых странных инструментах в этом своем подвале, в «Заплесневевшем гроте». Я слышал его однажды в сопровождении духовых инструментов и барабана.

Валь кивнул.

— Я тоже бывал у него. В даже только он один играет на басовой трубе.

Шум, который он издает, не поддается описанию.

— Тогда это совсем неплохо, и вполне возможно, что это именно то, что нам нужно. Да, это неплохая мысль.

Оттар продолжать играть с бутафорскими стрелами, а Барни, опершись о стену, слушал трубу, когда рядом остановился джип.

— Все готово, можно отправляться, — сообщил Даллас. — Хозяева склада ожидают нас, и с ними вызвались поехать двое рабочих, которые хотят убедиться, что Голливуд все еще стоит на месте.

— Хватит двоих, чтобы погрузить продукты? — спросил Барни. — К этому времени все остальные разойдутся по домам.

— Более чем достаточно.

— Тогда поехали.

— Один из больших грузовиков уже стоял на платформе, а вокруг слонялось с десятков людей. Дверь в контрольную рубку профессора Хьюитта была открыта, и Барни заглянул к нему.

— Значит, суббота, к вечеру, и постарайтесь подогнать как можно точнее.

— До микросекунды. Мы прибудем в Голливуд мгновение спустя после того, как платформа отправилась оттуда в свое предыдущее путешествие.

С большим трудом Барни осознал, что, несмотря на все происшедшее в течение последних месяцев, в Голливуде все еще был вечер субботы, вечер того самого дня, когда была начата операция. Субботние толпы затопили тротуары, площадь у супермаркета была забита автомобилями покупателей, а вдали от города, недалеко от вершины Бенедикт кэньон драйв, за частным полем для игры в гольф, на верхнем этаже своего особняка Л. М. Гринспэн по-прежнему страдал от сердечных спазм. На мгновение Барни заколебался, не позвонить ли ему и не сообщить ли Л. М. о ходе работы, затем решил, что не стоит. Пусть хозяин студии лежит себе в постели. Может быть, позвонить в больницу и узнать как дела у Йенса Лина, ведь прошло уже несколько недель — нет, лишь несколько минут. Скорее всего, его даже еще не успели доставить в больницу. Да, нелегко было привыкнуть к путешествиям во времени.

— Фу, какая жара, — сказал один из поваров. — Жаль, что я не догадался захватить темные очки.

Огромные двери съемочного павильона были открыты, и когда платформа мягко коснулась пола, пассажиры зажмурились от внезапно хлынувшего потока субтропического света. Северное небо над Ньюфаундлендом было всегда бледно-голубым и солнце там никогда не жгло, как здесь. Барни отодвинул рабочих в сторону, освобождая дорогу для огромного дизельного грузовика, который с ревом съехал на бетонный пол павильона. С праздничным настроением они вскарабкались в кузов, и грузовик тронулся в путь по пустым улочкам студии.

У ворот склада праздничное настроение испарилось.

— Извините, сэр, — заявил стражник, небрежно помахивая дубинкой на кожаном ремне, — я вас не знаю, но даже если б знал, все равно не пустил бы вас в этот склад.

— Но этот документ...

— Я видел документ, но у меня есть приказ — никого не пускать.

— А ну-ка, дайте мне топор! — крикнул один из рабочих. — Я живо открою эту дверь.

— Убей! Убей! Убей! — завопил другой. Они провели слишком много времени в одиннадцатом столетии и приобрели свойственное викингам стремление решать большинство проблем простыми методами.

— Не подходите ко мне! — приказал стражник, делая шаг назад и кладя руку на кобуру револьвера.

— Ну, хватит шуток, — распорядился Барни. — Посидите спокойно, пока я улажу этот вопрос. Где телефон? — спросил он у стражника.

Барни позвонил в контору, надеясь, что там кто-то еще есть, попросил прежде всего Административный корпус и попал в точку. Сэм, личный бухгалтер Л. М., все еще был в конторе, он, конечно, подчищал бухгалтерские книги.

— Сэм, — сказал он, — рад снова говорить с тобой, как у тебя дела... что? извини, я забыл. Для тебя прошло всего два часа, а для меня несколько месяцев. Нет, что ты, в рот не брал, я же снимал фильм. Совершенно верно, почти готов... Сэм, нет... Сэм, не нервничай... Это совсем не однодневный фильм, так же как сценарий не был одночасовым. Мы работали в поте лица. Послушай, потом я тебе все объясню, но сейчас ты должен мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с одним из стражников студии, исключительно толстокожим парнем, наверно, он у нас недавно. Вели ему отпереть дверь продовольственного склада, нам нужно забрать всю крупу и все консервы. Нет, мы еще не проголодались, это товары для обмена с туземцами. Плата за съемки массовых сцен... Сэм, что ты говоришь... Сэм, у нас нет времени на размышления... послушай, если мы можем заплатить им овсяной крупой вместо зелененьких, какая тебе разница?

Было совсем не легко говорить с Сэмом. Он не любил тратить деньги даже на овсянку — впрочем, он всегда был трудным человеком, — но наконец Барни его убедил. Сэм сорвал злость на стражника, который вышел из телефонной будки побагровевший от злости.

К половине шестого грузовик был нагружен, а без четверти шесть уже стоял на платформе машины времени. Барни проверил, все ли вернулись с грузовиком, и просунул голову в кабину профессора.

— Отправляйтесь, проф, только подождите, пока я не сойду с платформы.

— Значит, вы не вернетесь с нами?

— Совершенно верно. У меня здесь дела. Вы разгрузите платформу, затем возвращайтесь за мной примерно через пару часов, скажем,

около десяти. Если меня к этому времени не будет здесь, я позвоню вам по телефону, что у склада, и введу в курс дела.

Хьюитт почувствовал себя уязвленным.

— По-видимому, вы считаете, что я таксист при машине времени, а я отнюдь не уверен, что это дело мне по душе. Мне казалось, что я доставлю вас в одиннадцатое столетие, где вы снимете фильм, после чего мы возвратимся обратно. Вместо этого я только и делаю, что катаю туда-сюда — из одиннадцатого в двадцатое столетие...

— Успокойтесь, профессор, мы уже вышли на финишную прямую. Вы думаете, я согласился бы потерять два часа, если бы это не было совершенно необходимо? Мы сделаем еще один прыжок во времени, окончим картину, и работа завершена. Все будет готово, останется разве что аплодировать.

Стоя рядом с воротами павильона, Барни увидел, как платформа исчезла в прошлом. Обратно к дикарям первобытной Канады, к потрескавшимся губам и холодным дождям. Пусть себе едут. Сам же Барни собирался отключиться часа на два. Конечно, за это время ему придется провернуть кое-какие дела, но значит ли это, что он не имеет права немного развлечься? Сейчас еще не время отдыхать по-настоящему, так как фильм еще не в коробке на столе у Л. М., но конец был уже виден, и Барни чувствовал усталость от непрерывной многомесячной работы. Первое, что он собирался предпринять, — это заказать себе первоклассный обед в ресторане Чейзена. Уж что-что, а это он может себе позволить. В любом случае не было смысла ехать в «Заплесневевший грот» раньше чем к девяти вечера.

В его возвращении в Калифорнию двадцатого века было что-то нереальное, фантастическое. Казалось, события развиваются слишком быстро, вокруг слишком много кричащих красок, и от выхлопных газов разболелась голова. Деревенщина! Обед, начатый с виски и обильно сдобренный шампанским с бренди, под конец помог избавиться от головной боли, и когда Барни в начале десятого вылезал перед клубом из такси, к нему вернулось хорошее настроение. Он даже ухитрился не обидеться при виде зеленого входа с наклеенными на нем красными черепами и скрещенными костями.

— Остерегайтесь, — простонал загробный голос, когда Барни распахнул входную дверь. — Остерегайтесь, ибо всякий, кто входит в «Заплесневевший грот» делает это на свой страх и риск. Остерегай-

тесь... — Магнитофонная запись оборвалась, когда Барни закрыл дверь и на ощупь двинулся вперед по тускло освещенной, застланной черным бархатом лестнице. Занавес из светящихся пластмассовых костей был последней преградой перед входом в святая святых самого клуба. Барни бывал здесь и раньше, так что странность обстановки не произвела на него никакого впечатления. Она не впечатлила его и в первый раз. Тогда они были лишь немного лучше — или хуже — дома призраков на карнавале. Мигали зеленые огни, в углах висела резиновая паутина, а стулья были исполнены в виде гигантских мухоморов. Он был единственным посетителем.

— «Кровавую Мэри», — сказал он официанту, одетому вампиром. — а что, Спайдермэн уже пришел?

— По-моему, он в раздевалке, — пробормотал вампир сквозь пластмассовые клыки.

— Скажите ему, что его хочет видеть Барни Хендриксон из «Клаймэктика».

Спайдермэн Спиннеке прибыл раньше заказанного коктейля — тощая сутулая фигура в черном, темные очки.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал он, скользнув влажными пальцами по ладони Барни. — Как кинобизнес? — Он опустил на стул.

— Да так, перебиваемся с хлеба на воду. Скажи мне, Спайдер, это верно, что ты озвучил пару фильмов?

— Да, я написал музыку для одного пустячка под названием «Сумасшедший твист молодых битников». Надеюсь, что публика быстро забудет о нем. А почему ты спрашиваешь? Неужели ты заинтересовался бедным старым Спайдермэном?

— Может быть, и так, Спиннеке, может быть, и так. Скажи, ты не сумеешь написать музыку для картины и записать ее в исполнении своей группы?

— Для нас все возможно, старик. Но для этого нужно время, а у нас есть обязательства.

— Пусть время тебя не беспокоит, я все устрою так, что ты не пропустишь ни единого выступления. Я подумал, что ты найдешь подходящее звуковое сопровождение к картине, которой я сейчас занимаюсь. Захватывающий рассказ о викингах. Слышал о них когда-нибудь?

— Конечно. Волосатые парни с топорами, которыми они рубили встречных на куски.

— В общих чертах да. Примитивный народ, сильные люди. У них есть нечто вроде медной трубы, и это навело меня на мысль. Только духовые инструменты с барабанами соответствуют примитивной свирепости дикарей.

— Неплохо.

— Так как же, сумеешь справиться?

— Ну конечно.

— Превосходно. Вот тебе сотняга в качестве аванса. — Барни извлек из бумажника пять двадцати долларовых бумажек и бросил их на стол. Костлявые пальцы Спайдермэна неслышно скользнули по черной скатерти и проглотили их. — Теперь бери своих ребят и пошли в студию. Там я обо всем расскажу. Через час прикатите обратно.

Что им предстояло сделать в течение этого часа, Барни им не сказал.

— Не выйдет. Дуди и я хотим сейчас немного поразмяться, а к одиннадцати придут остальные ребята. потом мы выступаем до трех ночи. До этого я не могу уйти.

«Кровавая Мэри» легко прошла по пищеводу. Барни посмотрел на часы и быстро убедил себя, что нет смысла уезжать и потом снова возвращаться. Три часа утра, воскресенье — все еще остается масса времени, потому что фильм должен быть представлен только к утру понедельника. Все будет в порядке. Спайдермэн скрылся где-то в укромном уголке, и в десять вечера Барни позвонил профессору Хьюитту. Назначив новое время для randevu — три часа утра. Барни вернулся к своему столу и постарался отключиться, насколько это было возможно при звуках басовой трубы, духовых инструментов и барабанов с усилителями. Неоценимую помощь оказали ему дополнительные порции «Кровавой Мэри».

В два часа ночи Барни встал и вышел подышать свежим воздухом, потому что атмосфера в клубе казалась осязаемой от сигаретного дыма и вибрировала от дрожащих ритмов. Ему даже удалось нанять два такси, водители которых обещали прибыть к клубу сразу после трех. Все шло хорошо, очень хорошо.

Было около четырех, когда такси подъехало к входу в павильон.

Профессор Хьюитт прохаживался взад и вперед перед дверью, то и дело посматривая на часы.

— Вы необыкновенно пунктуальные, — ядовито заметил он.

— Не так уж плохо, профессор, старина, — сказал Барни, похлопав его по спине, затем повернулся, чтобы помочь вытащить из такси барабан-бас. После этого, построившись цепочкой, все вошли в павильон под звуки «Полковника Боги», извлекаемые Дуди из тромбона.

— А это что за плот? — потускневшие от усталости глаза Спайдермэна уставились на платформу.

— Средство транспорта. Влезай. Наша поездка займет всего несколько минут, даю обещание.

При этих словах Барни поднял руку, чтобы замаскировать хитрую улыбку.

— На сегодня достаточно, — сказал Спайдермэн, оттаскивая тромбон от вибрирующих губ Дуди. Не заметив этого, Дуди продолжал играть еще не меньше пяти секунд, пока не заметил, что больше не издает ни единого звука. — Дошел до ручки, — объяснил Спайдермэн.

Хьюитт фыркнул, когда музыканты в погребальных одеждах вскарабкались на платформу, затем вошел в контрольную рубку, чтобы включить времематрон.

— Это что, зал ожидания? — поинтересовался Дуди, влезая вслед за профессором в тесную кабину.

— Немедленно убирайся отсюда, болван! — рявкнул профессор. Дуди что-то пробормотал и попытался исполнить просьбу. Повернувшись, он задел своим тромбоном несколько электронных ламп. Две из них вспыхнули и замигали.

— Ух ты! — сказал Дуди и выронил тромбон. Его медный бок упал на обнаженные провода, ведущие к лампам, и мгновенно замкнул их. Посыпались искры. Свет в контрольной кабине погас.

Барни отрезвел меньше чем за секунду. Он вытащил ошеломленного музыканта из контрольной кабины и загнал его вместе с остальными на дальний конец платформы.

— Как дела, профессор? — тихо спросил он, вернувшись к контрольной кабине, но не услышал ответа. Поглядев на то, как Хьюитт снял заднюю стенку аппарата и начал вышвыривать одну за другой перегоревшие лампы через открытую дверь, он решил не переспрашивать.

Услышав наконец неохотное «Да!» в ответ на вопрос, не понадо-

бится ли по крайней мере два часа на починку времееатрона, Барни отправил музыкантов по домам.

К девяти утра в воскресенье профессор Хьюитт признался, что ремонт займет, очевидно, большую часть дня, не считая времени, которое будет потрачено на поиски новых электронных ламп в воскресенье в Лос-Анжелесе. Барни с фальшью в голосе ответил, что это не страшно, что у них еще много времени. В конце концов, картина должна быть представлена только к следующему утру.

Поздно вечером в воскресенье Барни впервые за все это время заснул, однако уже через несколько минут, вздрогнув, проснулся и больше не мог сомкнуть глаз.

В пять утра в понедельник профессор заявил, что монтаж полностью закончен, и он собирается отдохнуть часок. После этого он отправится на поиски недостающих электронных ламп.

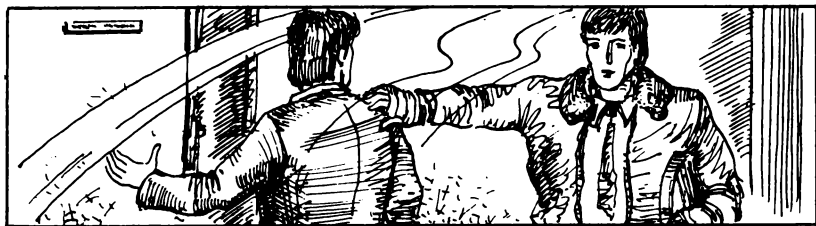
В девять утра Барни позвонил в контору студии и узнал, что прибыли ревизоры из банка и ожидают его. Он икнул и поспешно повесил трубку.

В девять тридцать позвонил телефон, и, когда Барни снял трубку, телефонистка сообщила ему, что вся студия перевернута вверх дном — разыскивают его — и что Л. М. лично спрашивал ее, не знает ли она, где находится мистер Хендриксон. Не отвечая, Барни повесил трубку.

В десять тридцать Барни, понял, что положение безнадежно, Хьюитт все еще не вернулся и даже не позвонил. И даже если бы он и прибыл сейчас, все равно было уже слишком поздно. Картину невозможно было закончить к назначенному сроку.

Все пропало. Он попытался спасти положение и потерпел неудачу. Идя к кабинету Л. М., он думал о том, что это похоже на последние шаги приговоренного к смерти — именно так и было на самом деле.

Он остановился перед дверью кабинета, не решаясь войти: в голове мелькнула мысль о самоубийстве как возможном выходе из положения. Затем он решил, что у него на это не хватит храбрости, и толкнул дверь.

ГЛАВА 16

— Не входи туда, — сказал голос у него за спиной, и протянутая сзади рука оттащила его от двери, которая автоматически захлопнулась перед его носом.

— Да как вы осмелились! — вскипел Барни, поворачиваясь к своему обидчику.

— Все средства хороши, чтобы помешать тебе сделать ошибку, дурень, — сказал незнакомец и широко улыбнулся, глядя, как Барни отшатнулся от него с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами.

— Великолепно, какая игра! — сказал человек. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — едва выговорил Барни, глядя на самого себя в своих лучших брюках из рогожки, кожаной куртке летчика и с коробкой фильма под мышкой.

— Ты очень наблюдателен, — заметил второй Барни, ядовито улыбаясь. — Подержи-ка на одну секунду. — Он сунул коробку с фильмом в руки Барни и извлек из заднего кармана бумажник.

— Что?.. — спросил Барни. — Что?.. — Его взгляд остановился на наклейке, где было написано «Викинг Колумб. Часть I».

Второй Барни достал из своего бумажника сложенный лист бумаги и вручил его Барни, который только тут заметил, что правая рука его была забинтована и местами сквозь бинт проступили пятна крови.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — спросил Барни, в ужасе глядя на повязку. В следующее мгновение коробка с фильмом исчезла из его рук и вместо нее пальцы стиснули лист бумаги.

— Передай это профу, — сказал его двойник, — и перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он распахнул дверь кабинета Л. М., пропуская мальчика-посыльного, катившего перед собой тележку, нагруженную дюжиной коробок с фильмом. Посыльный остановился, посмотрел сначала на одного, потом на другого, пожал плечами и исчез в приемной. Второй Барни последовал за ним, и дверь захлопнулась.

— Рука, что случилось с рукой? — слабым голосом спросил Барни, обращаясь к закрытой двери. Он протянул руку, чтобы оторвать ее, но вздрогнул и передумал. Его внимание привлек лист бумаги, который он все еще сжимал в левой руке. Барни развернул его. Это была половина страницы обыкновенной писчей бумаги, оторванная от другой и чистая на обороте. Да и на этой стороне тоже ничего не было написано, просто чертеж, поспешно набросанный шариковой ручкой.

Чертеж ничего не значил для Барни. Он сложил его, сунул в бумажник — и тут внезапно вспомнил о коробках с пленкой на тележке.

— Так я закончил фильм! — крикнул он. — Фильм готов, и я только что доставил его в кабинет Л. М. в назначенное время!

Две секретарши, пробежавшие мимо, посмотрели на него и прыснули; он проводил их свирепым взглядом и пошел прочь.

Так что же сказал ему второй Барни? Перестань заниматься глупостями и закончи фильм. Сумеет ли он кончить его? Судя по всему, сумеет, если эти коробки не были пустыми. Но как он может окончить его теперь, после роковой минуты, и все-таки доставить его в назначенный срок?

— Ничего не понимаю, — бормотал он про себя, шагая к павильону.

Даже при виде профессора, погруженного в работу над времяатроном, вихрь его мыслей не улегся. Он поднялся на платформу и остановился, пытаясь осознать, что же случилось или что должно случиться, однако усталость и шок — следствие разговора с самим собой — временно отразились на его мыслительных способностях.

— Ремонт окончен, — сказал профессор Хьюитт, вытирая руки о тряпку. — Теперь мы можем опять вернуться в 1005 год.

— Поехали, — сказал Барни, протягивая руку к своему бумажнику.

Несмотря на то что для Ньюфаундленда день был солнечным, он казался мрачным после калифорнийского солнца, и воздух был значительно прохладнее.

— Когда мы покинули студию, профессор? — спросил Барни.

— В 12.03, в понедельник. И пожалуйста, без жалоб. Мне удалось отремонтировать времееатрон за удивительно короткое время, если принять во внимание тот ущерб, который был причинен этим микроцефалом, идиотом от музыки.

— Никаких жалоб, профессор. Мне начинает казаться, что у нас еще есть шанс закончить съемки картины вовремя. Я только что встретил в студии самого себя и сам видел, как я доставил коробки, на которых было написано «Викинг Колумб».

— Это совершенно невозможно!

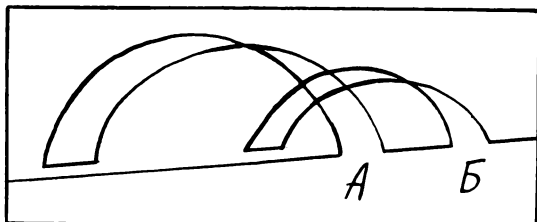
— Легко сказать, однако, может быть, вас ожидает такой же шок, который испытал я сам. Я сказал мне, или он сказал мне, или черт знает кто сказал, чтобы я передал вам вот это. Вам это о чем-нибудь говорит?

Профессор взглянул на лист бумаги и широко улыбнулся.

— Ну конечно, — сказал он. — Как я мог забыть об этом! Это же совершенно очевидно, все факты были у меня, так сказать, под носом, и я ухитрился не заметить их. Насколько все это просто.

— Может быть, теперь вы снизойдете до объяснения? — нетерпеливо спросил его Барни.

— На этом чертеже представлены два путешествия во времени, причем интереснее всего малая дуга справа, потому что именно она объясняет, откуда взялся второй Барни Хендриксон с коробками отснятого фильма. Да, можно все еще закончить и доставить готовый фильм до назначенного срока.

— Как? — спросил Барни, напряженно глядя на диаграмму, ровным счетом ничего не понимая.

— Теперь вы окончите съемки, и время, которое вам потребуется после назначенного срока, не имеет никакого значения. Когда карти-

на будет завершена, вы будете находиться в точке Б этого чертежа. Точка А — это тот момент времени, когда нужно представить готовый фильм. Вы просто возвращаетесь к моменту перед А, доставляете фильм и затем попадаете обратно в Б. До чего же потрясающе просто!

Барни стиснул пальцами лист бумаги.

— Поправьте меня, если я что-нибудь неправильно понял. Вы хотите сказать, что я могу окончить фильм после назначенного срока и затем вернуться вовремя перед этим сроком и доставить фильм?

— Совершенно верно.

— Мне это кажется безумием.

— Только глупцам разумное кажется безумным.

— Я предам забвению ваше замечание, если вы ответите мне на один вопрос.

Этот лист бумаги с чертежом, — Барни потряс листом перед носом профессора, — кто начертил его?

— Откуда я могу знать, ведь я только что его увидел.

— Тогда подумайте вот над чем. Мне передали это листок утром в понедельник перед входом в кабинет Л. М. Теперь я показываю его вам. Потом я собираюсь спрятать его в бумажник и носить с собой до тех пор, пока съемки фильма не будут завершены. Затем я перемещаюсь назад во времени для того, чтобы доставить картину Л. М. У дверей его кабинета я встречаю прежнего себя, достаю из бумажника чертеж и передаю его себе, чтобы он был положен в бумажник, и так далее. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

— Конечно. Мне кажется, нет никаких оснований для беспокойства.

— Ах, никаких оснований? Но ведь если все это так, значит, никто не делал чертежа! Он просто путешествует в моем бумажнике, и я передаю его самому себе. Ну-ка, объясните это! — закончил он, торжествуя.

— В этом нет никакой необходимости, объяснение кроется в самом чертеже. Этот лист бумаги представляет собой самостоятельное существующее временное кольцо. Никто не делал этого чертежа. Он существует потому, что существует, и это вполне достаточное объяснение. Если вы хотите понять, что к чему, позвольте проиллюстрировать на примере. Вам известно, что у любой бумаги есть две

стороны. Однако если вы возьмете полосу бумаги, повернете один ее конец на 180° и соедините концы, то перед вами окажется кольцо Мебиуса — полоски только с одной стороной. Она существует. Сколько бы мы не твердили, что это невозможно, ничего не изменится. Факт налицо. То же самое можно сказать о вашем чертеже — он существует.

— Но... откуда он взялся?

— Если вам так уж нужно это знать, то можно сказать, что он взялся из того самого места, куда делась пропавшая сторона кольца Мебиуса.

В мозгу Барни мысли завязались в тугой узел, и концы их свободно болтались. Он смотрел на чертеж до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Кто-то должен был сделать его. И каждый кусок бумаги должен иметь две стороны...

Дрожащими пальцами он уложил чертеж в бумажник, спрятал его в карман и подумал, что, может быть, ему удастся забыть обо всем что произошло.

— Мы готовы к прыжку во времени, как только будет дана команда, — сказал Даллас.

— К какому прыжку во времени? — спросил Барни и, моргая, уставился на стоящего перед ним трюкача.

— Прыжку в следующую весну, 1006 года, о котором мы говорили полчаса назад. Продукты переданы Оттару, группа все упаковала и погрузила и готова сняться с места, как только последует команда. — И он указал на длинную цепочку грузовиков и трейлеров.

— Ах да, в следующую весну, ты прав. Скажи, Даллас, ты знаешь, что такое парадокс?

— Испанский цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. А кто же тогда бреет самого цирюльника?

— Примерно в этом духе, только еще похлеще.

Внезапно Барни вспомнил о забинтованной руке. Подняв к лицу свою правую верхнюю конечность, он внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

— Что случилось с моей рукой?

— Мне кажется, она в полном порядке, — сказал Даллас. — Может, хлебнешь глоточек?

— Это не поможет. Я только что встретил самого себя с окровавленной повязкой на руке, и этот «я» не хотел даже сказать, как это произошло и серьезно ли это. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Очевидно, тебе нужно приложиться разочка два.

— Независимо от того, что думаешь, ты или твой кореш из каменного века, алкоголь не разрешает всех вопросов. Значит я — уникальное явление в природе, ибо я — садомазохист. Все остальные, жалкие кретины, ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. А вот я получаю удовольствие от того, что являюсь садистом по отношению к себе самому. Ни один нервнобольной не может похвастаться подобным заявлением. — Он вздрогнул. — Пожалуй, мне стоит промочить горло каким-нибудь горячительным.

— Бутылка у меня с собой.

Горячительное оказалось рыночным сортом дешевого виски, на вкус напоминало муравьиную кислоту, и его струя настолько обожгла пищевод Барни, что заставила его забыть о временных парадоксах и собственных садомазохистских наклонностях.

— А ну-ка, Даллас, отправляйся и посмотри, ладно? — сказал он. — Прыгни в март 1006 года и узнай, появились ли уже индейцы. Если Оттар скажет, что еще не появились, то прыгай на неделю вперед, и так до тех пор, пока не увидишь их, а тогда сообщи мне.

Барни отошел в сторону, платформа на неуловимое мгновение исчезла, затем снова опустилась на траву в нескольких футах поодаль. С нее спрыгнул Даллас и подошел к Барни, проведя ладонью по черной щетине бороды.

— Проф считает, что мы отсутствовали десять часов, — сказал Даллас. — Это значит, сверхурочные после...

— Ну ладно, ладно! Что вы узнали?

— Они возвели стену из бревен и получилось точь-в-точь как форт в картине про индейцев. В начале марта все было спокойно, но во время нашей последней остановки, двадцать первого, они заметили пару индейских лодок.

— Неплохо. Ну что же, давайте тронемся. Скажи профу, пусть принимается за переброску всей съемочной группы в двадцать второе марта. Все готовы? Все налицо?

— Бетти проверила списки и говорит, что все о'кей. Мы с Тексом

устроили поголовную проверку, все здесь, сидят в трейлерах, кроме шоферов, конечно.

— Какая там погода?

— Солнечная, но прохладно.

— Сообщи об этом людям, пусть оденутся потеплее. Я не хочу, чтобы вся группа схватила насморк.

Барни пошел к своему трейлеру за пальто и перчатками. Когда он вернулся к головной машине, началась переброска. Он поднялся на платформу и оказался в 1006 году. Стояла великолепная северная весна. Слабый солнечный свет не мог справиться с холодом, и в низинах и на северной стороне бревенчатой стены в долине лежал снег. Поселение викингов теперь ничем не отличалось от форта в одном из вестернов. Барни подал сигнал водителю пикапа, который только что приехал на машине времени.

— Подбрось-ка меня к ним, — попросил он.

— Следующая остановка форт Апашей, — сострил шофер.

Несколько викингов уже шли к холму, куда прибыли машины съемочной группы. Пикап проехал мимо них и остановился около узкого входа, где из стены было вытащено бревно и образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Когда пикап затормозил, из щели вылез Оттар.

— Придется сделать ворота в этом месте, — сказал ему Барни. — Большие двойные ворота, с деревянным брусом внутри вместо засова.

— Никуда не годится, слишком широко, слишком легко пробраться внутрь.

Вот как надо пролезать.

— Эх, не видел ты хороших фильмов...

Но Барни вдруг осекся при виде Слайти, которая протиснулась в щель вслед за Оттаром. Она была неподкрашена, одета в платье не первой свежести, на плечи ее была накинута шкура карибу. В руках Слайти держала ребенка.

— Что ты здесь делаешь? — раздраженно спросил Барни, чувствуя, что количество сюрпризов, выпавших на его долю за один день, было более чем достаточным.

— Я провела здесь некоторое время, — ответила Слайти и всунула собственный палец в рот младенца, а тот стал причмокивать.

— Послушай, ведь мы только что прибыли, откуда же взялся ребенок?

— И впрямь чудно! — начала она, хихикнула в подтверждение своих слов. — После того как мы прошлым летом приготовились к отъезду, я почувствовала себя в трейлере такой одинокой, что решила отправиться на прогулку. Знаешь ли, подышать свежим вечерним воздухом.

— Нет, не знаю и, кажется, не желаю знать. Ты хочешь сказать, что вместо того, чтобы вернуться со всей группой, ты провела весь год здесь?

— Именно это и произошло, я так удивилась. Я пошла на прогулку, встретила там Оттара, одно за другим, сам знаешь.

— На это раз знаю.

— И не успела я понять, что случилось, как все уже исчезли. Я перепугалась.

Сказать по совести, я плакала, наверно, несколько недель и забременела, потому что у меня не было с собой противозачаточных пилль.

— Значит, это твой? — спросил Барни, указывая на младенца.

— Да, правда симпатичный? Мы даже еще не придумали ему имени, но я его назову Снорри-Храпун, как того гнома в «Белоснежке», потому что во время сна он вечно храпит.

— Никакого гнома по имени Снорри не было, — сказал Барни, мгновенно оценив ситуацию. — Послушай, Слайти, теперь уже назад не поедешь, ничего не переменишь, я имею в виду ребенка и все остальное, и в конце концов ты сама виновата, что не осталась в трейлере.

— Что ты, я никого не виню, — сказала она. — Когда я поприехала, все это оказалось не так уж плохо, да и Оттар все время говорил мне, что вы вернетесь следующей весной, и оказался прав. Единственно, чего мне хочется, так это поесть как следует. Здесь едят так, что боже упаси! Мне кажется, большую часть зимы я питалась исключительно виски и бисквитами.

— Сегодня вечером у нас будет большая вечеринка в честь тебя, Оттара и ребенка. Бифштексы и вино, полный комплект.

Снорри поднял рев.

— Сейчас же посажу Чарли Чанга за работу, — сказал Барни. —

Мы включим ребенка в сценарий. Этот фильм будет полон сюр-призов.

Собственное замечание напомнило ему о раненой руке, он посмотрел на нее, еще раз подивился, где это могло случиться и при каких обстоятельствах, затем засунул ее глубоко в карман для большей безопасности.

ГЛАВА 17

Копье с каменным наконечником пробило насквозь борт моторной лодки и вонзилось в деревянный настил на дне.

— Я так и оставил его здесь, чтобы не затыкать дыру, — объяснил Текс. — Еще несколько дротиков упало рядом с ними, но мы уже отплывали от берега.

— Они, наверно, были уж очень поражены или что-нибудь вроде этого, — сказал Барни. — Может быть, их напугал звук мотора.

— Мы подошли на веслах.

— Все равно, должна быть какая-то причина. Дорсетские индейцы — очень миролюбивое племя, вы сами могли в этом убедиться в прошлый раз.

— Может быть, им не понравилось, что их родственников порубили на куски, когда они прибыли с миролюбивыми намерениями, — высказал предположение Даллас. — На этот раз мы не стремились к драке, а они с самого начала встретили нас копьями. Если бы мотор не завелся с первого раза, нам пришлось бы организовывать похороны на море, или попасть в котел к туземцам, или что-нибудь в том же духе. Мы с Тексом на обратном пути обсудили этот вопрос и решили, что должны получить за битву фронтовую прибавку...

— Отметьте это в своих табелях, и я постараюсь сделать что смогу, но сейчас не приставайте ко мне с такими глупостями. — Барни попытался выдернуть копье из лодки, но оно засело крепко. — У меня есть дела поважнее. Картину почти закончили, кроме совершенно необходимого и исключительно важного эпизода — битвы с индейцами. Мы должны снять эту битву, и, согласитесь, будет несколько затруднительно снимать битву с индейцами без индейцев. В нескольких милях от берега, на льду, находится две тысячи индейцев,

я посылаю вас с товарами, подарками и бисером, чтобы вы могли нанять эти две тысячи, а что от вас получаю? Одни оправдания!

Доводы Барни не произвели сколько-нибудь заметного впечатления на трюкачей, и Даллас кивнул на копьё. Вдруг воздух огласился медным воплем.

— Почему им надо завывать обязательно здесь? — рявкнул Барни.

— Насколько я помню это ваше собственное распоряжение, — сказал ему Текс. — Насчет того, что берег — единственное место, где они не будут мешать людям своим дуденьем.

Одетая в черное процессия гуськом, под грохот барабана спустилась на берег. Впереди шел Спейдермэн. Музыканты держали в руках инструменты и складные стулья и были закутаны в экзотические шарфы, оленье меха и шкуры карibu.

— Вытаскивайте лодку на берег и пошли отсюда, — распорядился Барни.

— Я — за, — проворчал Даллас. — Их репетиции кого хочешь прикончат.

Спайдермэн, заметив Барни, затрусил к нему по песчаному берегу, прижимая к груди свою трубу. Его красный нос резко выделялся на болезненно-бледном лице.

— Барни, нам необходим зал для репетиций! — взмолился он. — Этот свежий воздух угробит нас как пить дать. Кое-кто из моих парней не вылезал из помещения по несколько лет.

— Ничего, пусть прочистят легкие.

— Им больше нравятся прокуренные.

— Ладно, попробую...

— Враг на горизонте! — крикнул Текс. — Взгляните-ка — отряд особого назначения!

Это было удивительное зрелище. Из-за островов в устье залива одна за другой входили лодки дорсетских индейцев, все больше и больше, пока вода не почернела от них. По мере того как лодки приближались, видно было, как над каждой лодкой что-то мелькает в воздухе, и слышалось нарастающее гудение.

— Не похоже на дружеский визит, — заметил Текс.

— Может быть, у них мирные намерения, — сказал Барни без малейшего энтузиазма.

— Хочешь пари? — презрительно предложил Даллас.

— Ну хорошо, тогда мы занимаем... как это называется... оборонительную позицию. Что вы предлагаете?

Текс ткнул пальцем в Далласа:

— Он старший, поэтому пусть отдаст приказания.

— Хорошо! — рявкнул Даллас. — Убрать всех гражданских с берега, сообщить Оттару, чтобы он запер свой флот, а все киношники пусть отправляются в лагерь. Там мы выстраиваем автомашины кольцом, трейлеры — внутри и раздаем оружие все мужчинам, которые были на военной службе. Затем сидим и ждем. Текс, загоняя гражданских в лагерь.

— Вроде неплохо, — согласился Барни. — Но вы, кажется, забыли, что мы приехали сюда для съемки фильма? пусть Джино со своей камерой расположится на вершине вон того холма, с которого видно все происходящее. И мне понадобится другой оператор с ручной камерой внутри форта, который мог бы снять нападающих индейцев, когда они приблизятся вплотную. — Он перебрал в уме всех возможных кандидатов на должность второго оператора и пришел к неизбежному, хотя и неприятному выводу, что он был единственным, кто мог с этим справиться. — Наверно, мне придется остаться там с Оттаром и его молодчиками.

— Если тебе так уж хочется, — сказал Даллас, задумчиво глядя, как музыканты повернулись и быстрым шагом двинулись обратно. — Джино со своей камерой расположится в кузове грузовика. Грузовик поставим на вершине холма, и в кабине будет наготове шофер. Поскольку грузовик окажется между берегом и лагерем, его будет прикрывать Текс с дробовиком, я поручаю ему командование. Если он скажет — отступить, грузовик отъедет в тыл. А я пойду с тобой в форт Оттара.

— Ну что ж, неплохо придумано. Пошли.

По мере того как все больше и больше лодок появлялось из-за островов, движение передних замедлялось, словно индейцы накапливали силы для атаки. Но так или иначе, а это дало возможность людям на берегу подготовиться к обороне. Когда в лагере претворили в жизнь указания Далласа, он и Барни вскочили в джип и затряслись по кочкам, держа курс на поселение викингов. Даллас вооружился

револьвером, за плечом у него был пистолет-пулемет, на ремнях он крест-накрест повесил гранаты, а на заднем сиденье джипа уложил какие-то зловещего вида металлические ящики. Как только джип въехал в форт, за ними закрылись огромные двустворчатые ворота и длинный деревянный засов опустился на место. Стоя на подмостках для стрельбы, Барни увидел, как на вершину холма задним ходом въехал грузовик.

— Отчего такой шум? — спросил Оттар.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал плечами Барни. — Смотри, они наступают!

По заливу будто волна прокатилась — это лодки из кожи сомкнутым строем двинулись вперед.

Барни установил свою 35-миллиметровую камеру на верху бревенчатой стены и начал снимать наступающие широким фронтом лодки. В это мгновение облака разошлись и солнечные блики заиграли на лопастях бесчисленных весел и на летящих брызгах. Это была мрачная, впечатляющая картина. Черные лодки и одежды гребцов создавали впечатление армады тьмы. По мере того как лодки приближались, какой-то необычный, внушающий страх шум остановился все сильнее и сильнее, и Барни прилип к камере и продолжал снимать, радуясь, что он так сильно занят. Он был уверен, что, если бы не работа, он обратился бы в паническое бегство.

— Я когда-то уже слышал такой шум, — сказал Даллас. — Что-то вроде свиста, только не такой громкий.

— Не припомнишь ли, где? — спросил Барни, поворачивая объективы на туррели, чтобы снять крупным планом одну из лодок первого ряда. Она была уже совсем близко.

— Ну да, в Австралии. У них там есть туземцы, так называемые аборигены, и один из туземных шаманов вращал над головой жезл, привязанный за веревку, и от этого получался такой шум.

— А, конечно. Многие примитивные племена используют подобный бич. Считается, что он обладает волшебными свойствами. Теперь я начинаю понимать, почему при этом получается такой звук. Очевидно, в каждой лодке есть специальный индеец, который вращает бич над головой.

— Мое волшебство одержит верх над их волшебством, — сказал Оттар, взмахивая топором.

— Не напрашивайся на неприятности, — предупредил Барни. — Мы должны, если это только возможно, избежать кровопролития.

— Что?! — воскликнул потрясенный Оттар. Дух викинга взыграл в нем. — Они хотят восвать — пожалуйста. У нас нет трусов.

Он свирепо уставился в лицо Барни, ожидая ответа.

— Они высаживаются, — сказал Даллас, вставая между двумя мужчинами.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли. Как только лодка касалась берега, гребцы вытаскивали ее на песок и брали из нее копья, луки и мягкие колчаны, полные короткими стрелами с каменными наконечниками. Барни сконцентрировал все внимание на крупноплановых съемках. Джино, стоявший на холме, должен был заснять всю панораму и все вооружение в деталях.

— Оттар, — сказал Даллас, — прикажи своим людям укрыться и не высовывать головы.

Оттар что-то проворчал, но отдал соответствующее распоряжение. Викингам было нелегко примириться с необходимостью обороны, но даже викинги не были самоубийцами. Количество атакующих превышало количество обороняющих форт по крайней мере в двадцать раз, и драчливым норвежцам приходилось принимать в расчет такое превосходство.

Над головой просвистели первые стрелы, и дротик воткнулся в стену прямо под камерой Барни. Он быстро присел, просунув объектив щель между бревнами. Это значительно сузило его поле зрения, однако было несравненно полезнее для здоровья.

— Оружие трусов, — пробормотал Оттар. — Трусливые собаки. Разве так сражаются?!

Со злости он грохнул топором о щит. Викинги презирали лук и стрелы и верили только в рукопашную схватку, которая наводила ужас на противников.

Когда все лодки достигли берега и были разгружены, боевые действия зашли в тупик. Дорсетские индейцы окружили бревенчатую стену, пытаясь проникнуть внутрь. Некоторые из них пробовали карабкаться на стены, однако смертоносные топоры викингов, молниеносно отсекавшие головы и руки, охладили их пыл. Нападающие раз-

махивали оружием и кричали тонкими пронзительными голосами, которые заглушал свист рассекающих воздух бичей. За спинами воинов, в тылу, стояла маленькая группа индейцев. Даллас указал на нее.

— Кажется, это вожди или кто-то вроде этого. Одеты по-другому, в меховые куртки с лисьими хвостами.

— Они больше смахивают на шаманов, — отозвался Барни. — Интересно, что они замышляют?

Индейцы развили бурную деятельность, похоже было, что они выполняли указания людей в меховых одеждах. По их требованию воины бежали к ближайшему лесу и возвращались, нагруженные сучьями.

— Неужели они хотят проломить стену? — спросил Барни.

— Наверно, еще хуже, — задумчиво ответил Даллас. — Скажи, эти дорсетские парни знакомы с огнем?

— Должно быть. Йенс говорил мне, что в развалинах их домов были найдены очаги и зола.

— Именно этого я и боялся, — мрачно заметил Даллас и указал на основание стены, где уже возвышалась гора сухих веток и сучьев.

Все копья, мечи и топоры викингов оказались совершенно бесполезными; гора продолжала расти. Еще через минуту из группы вождей в тылу вырвался человек и побежал через кричащую толпу воинов с горящим факелом в руке. Копья, бросаемые викингами, градом сыпались вокруг него, но, приблизившись к горе из сучьев, он размахнулся и швырнул факел. Описав в воздухе огненную дугу, пылающий факел упал на вершину сушняка, тот затрещал и вспыхнул.

— Я могу положить конец этому прямо сейчас, — сказал Даллас, наклоняясь, чтобы открыть стальные ящики, стоявшие перед ним.

— Нет, — сказал Оттар, опустив руку ему на плечо. — Они хотят драться — пожалуйста. Мы сами справимся с костром.

— Может быть, но при этом вас всех прикончат.

— Ну что ж, мы тоже кое-кого прикончим, — сказал Оттар, со злобещей улыбкой прыгнув с подмостков. — Кроме того, Барни, нужны хорошие кадры битвы с индейцами.

Барни заколебался, однако он не мог не обратить внимания на спокойный, невозмутимый взгляд Далласа.

— Конечно, мне нужна картина, — выпалил он. — Но не ценой жизни людей.

Пусть Даллас прекратит все это.

— Нет, — твердо сказал Оттар. — У тебя будет хорошая битва, для твоего фильма. — Он громко рассмеялся. — Не будь таким грустным, мой старый друг, мы сразим и за себя тоже. Скоро вы уедете, и, когда мы останемся здесь одни, нам хочется, чтобы эти варвары уже знали, что такое викинги в бою.

В следующее мгновение он исчез.

— Он прав, — заметил Даллас. — Но если дела у них пойдут плохо, мы должны быть готовы прийти на помощь. — Он открыл самый большой ящик и достал оттуда громкоговоритель и моток изоляционного провода. — Я хочу установить эту штуку вдоль стены, как можно дальше отсюда, насколько хватит провода.

— Что это?

— Громкоговоритель для крердлерной установки. Посмотрим, как будут чувствовать себя индейцы, когда услышат этот рев.

Оттар собрал всех своих воинов перед воротами, доверив охрану стен женщинам и подросткам. Двое женщин стояли у ворот, готовые распахнуть их по сигналу Оттара, и Барни, потрясенный, увидел, что одной из этих женщин была Слайти. А он-то думал, что Слайти находится в безопасности, в лагере! Он крикнул, чтобы она вернулась, в то самое мгновение, когда Оттар поднял над головой топор, и его слова потонули в реве сотни глоток викингов. Ворота широко распахнулись, и из их вырвался отряд норвежских воинов. Женщины поспешно заперли ворота на засов.

Это была схватка, которую викинги больше всего любили и которой больше всего наслаждались. Ревущей компактной массой, они рванулись вперед и врезались в ряды дорсетских индейцев. Огромное численное превосходство индейцев сейчас не имело значения, потому что они не могли сражаться с этими северными мясниками, защищенными щитами и металлическими шлемами. Действительно, схватка походила на бойню — короткие мечи и боевые топоры викингов разили индейцев направо и налево.

Дорсетские воины повернулись и обратились в бегство: им больше ничего не оставалось. Они бежали под неумолимым натиском залитых кровью убийц. Однако когда противники разделились на две группы, между ними образовалось свободное пространство, и харак-

тер битвы изменился. Дротики полетели в толпу викингов, и стрелы градом посыпались на их щиты. Вот упал один северянин — копьё пронзило ему ногу, — за ним другой. Индейцы начали понимать, что происходит, и держались на расстоянии, осыпая викингов дождем дротиков и стрел. Викинги не могли приблизиться к противнику, а они умели драться только лицом к лицу. Было ясно, что через несколько мгновений положение северных воинов станет безнадежным. Они будут окружены и перебиты один за другим.

— Если ты можешь что-то сделать, — сказал Барни, — то сейчас самое время, Даллас.

— Ясно. У меня только одна пара затычек для ушей, так что я бы на твоём месте заткнул уши пальцами.

Барни открыл было рот, чтобы ответить, но в это мгновение Даллас повернул выключатель, и его голос и все остальные звуки были моментально поглощены совершенно невообразимым, убийственным ревом, который внезапно вырвался из громкоговорителей. Барни инстинктивно заткнул уши и прижал ладони к голове. Даллас, удовлетворительно кивнул, извлек из второго ящика дымовые гранаты и гранаты со слезоточивым газом и начал с профессиональной меткостью бросать их в индейцев.

По-прежнему крепко прижимая ладони к ушам, с лицом, искаженным болезненной гримасой, Барни поднял голову и посмотрел вниз. За несколько секунд положение на поле боя резко изменилось. Кердлер и гранаты были так же незнакомы викингам, как и индейцам, однако викинги при этом тотчас же собрались в ещё более тесную группу и ошестинились мечами и копьями для круговой обороны. Реакция дорсетских индейцев была совершенно иной. Ими овладела паника. Ужасающий рев разрывал им барабанные перепонки. Столбы удушающего дыма вырастали вокруг них, они ничего не видели и не могли дышать. Забыв обо всем, они обратились в паническое бегство. Всего минуту назад они были атакующей армией. Теперь же берег был усыпан сотнями бегущих фигур и темными точками трупов, лежащих здесь и там. Все было кончено. Отталкивая друг друга, индейцы прыгали в лодки. Только несколько оставшихся индейцев бродили среди облаков слезоточивых газов на берегу.

Воины Оттара стояли плечом к плечу, готовые сразиться с лю-

бым врагом, будь то люди или сверхъестественные силы. Даже те, кого ослепили бомбы со слезоточивым газом, были готовы к бою, как и их товарищи. Храбрые викинги представляли поистине внушительное зрелище.

Когда Даллас, включил кердлер, тишина, казалось, запульсировала. Уши Барни онемели, все еще наполненные невероятным, убийственным ревом. Он медленно уронил руки и выпрямился. Дорсетские индейцы побеждены и обращены в бегство, в этом не было сомнения. Викинги опустили щиты и с победоносными криками размахивали оружием. Голос Далласа, стоявшего рядом, доносился откуда-то издалека, как будто сквозь несколько слоев ваты. Даллас пальцем указывал на грузовик, все еще стоявший на вершине холма.

— Они даже не подумали напасть на грузовик или на лагерь, так что Джино, наверно, крутил свою машину не переставая. — Затем взгляд Далласа упал на ликующих северян, которые оттаскивали горящий сушняк от стены. — Ну, вот тебе и битва с индейцами, вот тебе и твой фильм.

Барни отвернулся от убитых и раненых и начал спускаться с холма.

ГЛАВА 18

— Вот закат, которого мы ждали, Барни, — сказал Чарли Чанг. — Только взгляни на эти краски!

— Тогда снимаем, — сказал Барни, глядя на своих людей, собравшихся на склоне холма. — Ты готов, Джино?

— Еще минутки две-три, — попросил оператор, глядя в видеоисключитель съемочной камеры. — Как только облака немного отнесет в сторону и я смогу снимать прямо на солнце.

— О'кей, — сказал Барни и повернулся к Оттару и Слайти, одетым в лучшие костюмы викингов. На щеке Оттара был резиновый шрам и виски покрашены в седой цвет. — Итак, это последняя сцена фильма, самая последняя сцена. Я все время ждал, чтобы появились необходимые краски. Все остальное уже готово и уложено в коробки. Эта сцена будет показана в таком порядке: первый эпизод, второй, третий, но мы будем снимать ее иначе: первый, третий и второй. В самом конце ваши силуэты должны быть видны на багровом фоне заката. В первом эпизоде вы поднимаетесь по склону холма, медленно, рука об руку, и останавливаетесь на вершине в том месте, где прочерчена линия. Вы стоите на вершине холма и смотрите в море до тех пор, пока я не крикну: «Дальше!» Тогда Слайти кладет руку на плечо Оттара. Это конец первого эпизода. Затем Оттар обнимает Слайти за талию и держит руку на талии, пока мы не отступим назад и не снимем ваши фигуры вдалеке на фоне заката. Понятно?

Оба кивнули.

— Готово, — крикнул Джино.

— Одну секундочку. Когда я крикну «стоп», вы остаетесь на холме, мы подкатываем камеру и снимаем следующий эпизод, который весь состоит из разговора. Тоже понятно?

Все прошло без сучка без задоринки. К тому времени Оттар стал почти профессионалом — по крайней мере, он выполнял указания Барни без пререканий. Они рука об руку поднялись на вершину холма и остановились, глядя на закат. По склону холма были проложены доски, чтобы камера двигалась медленно и плавно, и рабочие, подгоняемые криками Барни, осторожно откатали камеру от вершины холма, так чтобы фигуры влюбленных постепенно исчезали на багровом фоне.

— Стоп! — крикнул Барни, когда тележка с камерой уперлась в конец дорожки. — Главным героям оставаться на месте. Снимаем дальше, пока еще не стемнело.

Все забегали туда-сюда, но без суеты, каждый знал свое дело. Камеру перекатали обратно к вершине холма, где звукооператоры уже устанавливали магнитофон и микрофоны. Слайти, нахмурившись, зубрила свой реплики, а девушка из сценарного отдела читала Оттару его слова. Солнце уже почти касалось поверхности моря, и небо окрасилось ярким пламенем.

— Готово, — сказал Джино.

— Камера! — скомандовал Барни, — и чтобы никто не произнес ни звука, ни единого звука.

— Вон там, — сказал Оттар, протягивая руку вперед, — там, за океаном, наш дом. Ты не скучаешь по нему, Гудрид?

— Долго я скучала по нему, но больше не думаю об этом. Мы боролись и умирали за эту землю, и теперь она наша. Винланд... это новый мир, он стал нашим домом.

— Стоп. Отлично, начинайте печатать. По-моему, на этом мы кончили.

Все восторженно закричали, Слайти поцеловала Барни, а Оттар стиснул его руку своей лапой. Это был волнующий момент, потому что картина была в основном кончена, оставалось только проявить, отпечатать и смонтировать заключительные сцены — и фильм будет готов. Вечеринка, намеченная на тот же день, обещала стать настоящим большим праздником.

Так оно и случилось. Даже погода пошла им навстречу и позволила, не включая электронагревателей, поднять одну из брезентовых стен столовой. На столе были индейка и шампанское, четыре сорта десерта и неограниченное количество алкогольных напитков. Все

члены съемочной группы, большая часть викингов и несколько норвежских женщин приняли участие в празднике. Да, это была веселая вечеринка.

— Я не хочу уезжать, — рыдала Слайти, роняя слезы в шампанское.

Барни успокаивающе похлопал ее по свободной руке, а Оттар с чувством стиснул ей бедро.

— По сути дела ты никуда не уезжаешь и не оставляешь своего ребенка, — в сотый раз объяснял Барни. Он сам удивлялся собственному терпению, но в этот вечер все было необычно. — Ты знаешь, что Кирстен сойдет с ума, если ты будешь отсутствовать даже короткое время, но в этом нет необходимости. Кроме того, согласишься, что появление ребенка в Калифорнии, когда на прошлой неделе ты даже не была беременна, будет трудно объяснить. Особенно в время рекламной кампании, которая будет организована для фильма. Таким образом, все, что от тебя требуется, — это подождать до выхода фильма на экраны. К этому времени ты решишь, что делать со своим ребенком. Не забудь, что в Калифорнии ты даже не замужем, а у них для таких ситуаций особо строгие законы. Как только ты решишь вернуться, профессор обещал доставить тебя обратно. После твоего отъезда пройдет не больше минуты. Что может быть проще?

— Пройдет много месяцев, — рыдала Слайти, и Барни начал было объяснять ей все в сто первый раз, когда Чарли Чанг тронул его за руку и передал еще один коктейль.

— Я только что беседовал с профом о природе времени, — сказал Чарли.

— Не желаю говорить о природе времени, — сказал ему Барни. — После всего, что случилось за последние две недели, я бы с радостью согласился совсем забыть о времени.

Для всех них это было нелегко. Немногим более четырех дней прошло в Калифорнии — по часам на контрольной панели времееатрона сейчас там вечер четверга — и это были действительно трудные дни.

Все это время они мотались туда-сюда из одиннадцатого века в двадцатый, монтируя фильм и производя его озвучивание в лабораториях студии. Спайдермэн со своими ребятами записывал музыкальное сопровождение в одном из павильонов. То и дело приходилось перепрыгивать назад в прошлое на один-два дня, чтобы

использовать студийное оборудование чуть не все двадцать четыре часа в сутки, и не раз случалось, что одни и те же люди пересекали собственные временные траектории. Барни, сколько ни старался, никак не мог забыть трех профессоров Хьюиттов, оживленно беседующих друг с другом. Он отхлебнул из стакана.

— Нет, ты послушай, — настаивал Чарли Чанг. — Я знаю, что все мы немного чокнутые оттого, что нам то и дело приходится пожимать руки самим себе, но я не это имею в виду. Я хочу спросить, почему мы снимаем фильм именно в этом месте Лабрадора?

— Потому что именно сюда нас доставил профессор.

— Совершенно верно. А почему профессор доставил нас именно сюда?

— Потому что это одно из трех мест, которые они с Йенсом осматривали в поисках поселений, — медленно ответил Барни. Сегодня вечером его терпение было поистине безгранично.

— Тоже верно. А теперь скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Йенсу пришлось в голову искать следы поселений именно здесь? Ну-ка, ответьте ему, профессор!

Хьюитт поставил на стол свой стакан и промокнул губы салфеткой.

— Мы решили осмотреть это место из-за раскопок, которые в начале 60-х годов проводил в этом месте Хольге Ингстад. Он обнаружил остатки девяти строений, и радиоактивный анализ древесного угля показал, что поселение существовало в самом начале одиннадцатого века, примерно в 1000 году.

— Теперь ты понимаешь, что это значит? — спросил Чарли.

— Объясни мне, — рассеянно ответил Барни, мурлыча про себя песенку «Викинги всегда идут вперед» — музыкальную шапку фильма, которую Спайдермэн наигрывал где-то за их спинами.

— Сейчас 1006 год, — сказа Чарли. — И в поселении Оттара построено девять зданий, причем два из них — всего лишь бревенчатые коробки, мы их сожгли для съемки фильма. Итак, здесь, в Эпавесском заливе, находится поселение норвежцев одиннадцатого столетия, потому что следы этого поселения были обнаружены в двенадцатом веке. Таким образом, можно сказать, что во времени существует кольцо без начала и без конца. Мы прибыли сюда, чтобы оставить следы, находка которых заставит нас прибыть сюда, чтобы оставить следы, находка которых...

— Достаточно, — сказал Барни, поднимая руку. — Я уже слышал об этих кольцах времени. Через минуту ты будешь говорить мне, что все старые норвежские саги о викингах — суцая правда именно благодаря нашему фильму или что Оттар не кто иной, как Торфинн Карлсефни, викинг, который основал первое норвежское поселение в Винланде.

— Конечно, — раздался голос Оттара. — Это я и есть.

— Что ты хочешь этим сказать? — быстро мигая, спросил Барни.

— Я и есть Торфинн Карлсефни, сын Торда Лошадиная Голова, сына Торхильда Рупа, дочери Торда...

— Тебя зовут Оттар.

— Конечно, Оттар — имя, так меня зовут люди, короткое имя. Но мое настоящее имя — Торфинн Карлсефни, сын Торда...

— Я припоминаю некоторые саги о Карлсефни, — сказал Чарли. — Когда я работал над сценарием, мне пришлось перечитать целую гору материалов. В одной из саг сказано, что он прибыл в Винланд, по дороге остановившись в Исландии, и женился на девушке по имени... Гудрид.

— Но ведь так зовут Слайти в нашей картине! — с трудом выговорил Барни.

— Подождите, это еще не все, — продолжал Чарли глухим голосом. — Я вспоминаю, что у Гудрид в Винланде родился ребенок, которого они называли Снорри.

— Снорри, — прошептал Барни и почувствовал, как у него волосы встают дыбом. — Один из семи гномов «Белоснежки»...

— Я не понимаю, почему все вы так обеспокоены случившимся, — заметил профессор Хьюитт. — Вот уже несколько недель нам известно о существовании временных колец. То, что мы сейчас обсуждаем, это уже детали, речь идет всего лишь об одном таком кольце.

— Но что же это означает, профессор, что все это означает? — воскликнул Барни. — Если это именно так, значит, единственная причина, по которой викинги решили поселиться в Винланде, заключается в том, что мы решили снять фильм, показывающий, как викинги поселились в Винланде.

— Ну что ж, эта причина не хуже любой другой, — спокойно заметил профессор.

— Пожалуй, только к этому нужно привыкнуть, — пробормотал Барни.

Потом все говорили, что вечеринка надолго запомнится, и она

продолжалась всю ночь до самого рассвета, так что на следующий день удалось сделать очень немногое. Однако напряжение заметно упало, и уже не было необходимости в том, чтобы работали все до одного. Люди разбились на маленькие группы и двинулись кто куда. Некоторые решили отдохнуть на Санта-Каталине, хотя большая часть людей хотела поскорее отправиться домой. Они исчезли, радостно размахивая над головой табелями рабочего времени, и в бухгалтерии «Клаймэктик студиоз» свет горел всю ночь.

Когда фильм был полностью окончен и была сделана копия, которую Барни аккуратно уложил в металлические коробки, в лагере оставалась всего лишь горстка людей — в основном шоферы, которые должны были транспортировать машины в двадцатое столетие.

— Бóюсь, что нам нескоро удастся подышать таким же свежим воздухом, — сказал Даллас, глядя с холма на поселение викингов на берегу залива.

— Пожалуй, я буду скучать о чем-то гораздо большем, — ответил Барни. — Только теперь начинаю понимать, что все это время я ни о чем, кроме картины, не думал, а сейчас, когда она готова, у меня такое чувство, что произошло что-то намного более значительное, чем нам представлялось раньше, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю. Но не забудь, что наши парни видели Париж только потому, что правительство послало их воевать с немцами. Что происходит, то происходит; вот и все.

— Наверно, ты прав, — заметил Барни. — Только не говори об этом вслух.

Уж слишком это похоже на профессорские временные кольца.

— Что случилось с твоей рукой? — внезапно спросил Даллас.

— Похоже на занозу, — ответил Барни.

— Я попрошу медсестру ее выдернуть, пока она еще не закрыла свою лавочку.

— Ладно, только пусть поторопится, через десять минут трогаемся.

Медсестра с шумом распахнула дверь трейлера и подозрительно огляделась.

— Извините, но все уже заперто.

— Вы меня тоже извините, — твердо сказал Барни, — но придется отпереть. Необходима срочная медицинская помощь.

Взглянув на руку, сестра презрительно фыркнула, однако открыла медицинский шкафчик.

— Никак не могу подцепить занозу пинцетом, — сказала она со скрытым злорадством в голосе, — поэтому придется немного разрезать скальпелем.

Операция заняла всего минуту, и Барри, который думал о более важных вещах, даже не почувствовал боли, пока сестра не помазала крошечную ранку йодом.

— Ой, — сказал он.

— Ну-ну, мистер Хендриксон, такая безделица не может причинить боль, во всяком случае не такому большому мужчине, как вы. — Она открыла дверцу второго шкафчика. — К сожалению, все пакеты первой помощи кончились, поэтому мне придется временно перевязать руку простым бинтом.

Она быстро обмотала ладонь двумя слоями бинта, и Барни вдруг рассеялся, вспомнив что-то.

— Заноза! — сказал он и, посмотрев вниз, впервые заметил, что на нем были его лучшие брюки из рогожки и кожаная куртка. — Готов поспорить, что у вас в шкафчике есть ртуть, я просто убежден в этом.

— Какие странные вещи вы говорите! Конечно, есть.

— Тогда намотайте побольше бинта, чтобы повязка выглядела огромной. Я покажу ему, что садистский...

— Что? Кому ему?

— Мне, вот кому. Вот как я обращался с самим собой, и теперь я собираюсь отплатить себе. Подумать только, что я осмелился так обращаться с собой!

Сестра замолчала и проворно обмотала руку Барни бинтом, сделав нечто вроде кульги, как он и просил. Даже когда Барни схватил пузырек с ртутью и щедро полил повязку красной жидкостью, которая закапала на чисто вымытый пол, она не произнесла ни единого слова.

Когда Барни спустился по лесенке, что-то радостно бормоча себе под нос, за его спиной щелкнул замок.

— Ты ранен? — спросил Оттар.

— Не совсем, — сказал Барни и протянул левую руку, которую Оттар тотчас стиснул. — Ну, не волнуйся и берегись индейцев.

— Я не боюсь их! Мы наготовили много твердой древесины, наживем целое состояние в Исландии. Ты прийдешь Гудрид обратно?

— По местному времени и двух минут не пройдет, но что будет потом, пусть она сама решает. Ну, пока, Оттар.

— До свиданья, Барни. Приезжай снимать новый фильм и плати «Джеком Даниэльсом».

— Может быть, я так и сделаю.

Это был последний прыжок во времени. Платформа стояла на площадке с вытоптанной травой и многочисленными следами автомобильных шин. Коробки с фильмом лежали в пикапе, единственной машине, которая оставалась на платформе. Даллас сидел за рулем, рядом с ними сторбилась Слайти с заплаканными глазами и вмятом платье.

— Поехали! — крикнул Барни профессору Хьюитту и в последний раз вздохнул полной грудью свежий морской воздух.

Профессор перебросил всю группу вместе с грузовиками и трейлерами в пятницу, и только Барни с коробками фильма прибыл в понедельник на этой же неделе.

— Дайте мне побольше времени, профессор, — попросил Барни. — Мне нужно быть в кабинете Л. М. в десять тридцать.

Сразу же после прибытия он позвонил и подождал в павильоне посыльного с тележкой. Когда они погрузили фильм на тележку, было уже двадцать минут одиннадцатого.

— Кати теперь к кабинету Л. М., — распорядился Барни. — Я пойду вперед с коробкой номер один.

Он быстро зашагал по коридору и, обогнув угол, увидел знакомую фигуру, уныло, как подбитая собака, поднимающуюся по ступенькам. Барни злорадно усмехнулся, проследовав за самим собой через вестибюль до дверей кабинета Л. М., но тот Барни ни разу не повернул головы. Барни подождал, когда тот толкнет дверь, затем протянул руку через его плечо и отдернул его руку.

— Не входи туда, — сказал он.

— Да как вы осмелились! — крикнул ранний Барни, повернулся, взглянул ему в лицо и отшатнулся, выпучив глаза и дрожа всем телом, словно плохонький актер в третьесортном фильме ужасов.

— Великолепно, какая игра! — воскликнул Барни. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — по-идиотски забормотал тот в ответ.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Барни. И тут он вспомнил про чертеж.

Как бы хорошо избавиться от него. — Подержи-ка на одну секунду. — сказал он, сунув коробку с фильмом в руки своего двойника. Он не мог достать бумажник из кармана забинтованной рукой, поэтому ему пришлось пустить в ход левую руку. Второй Барни держал коробку и только бормотал что-то себе под нос, пока Барни не сунул ему в руку чертеж и не забрал коробку с фильмом.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — в ужасе спросил второй Барни.

«Пожалуй, ему надо сказать», — подумал Барни, но тут он увидел посыльного с тележкой и распахнул дверь.

— Передай это профу, — сказал Барни, пропуская посыльного, и не смог удержаться от того, чтобы не уколоть в последний раз: — И перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он прошел вслед за посыльным не оглядываясь, и дверь за его спиной захлопнулась. Барни не сомневался, что дверь не откроется, и наслаждался тем, что впервые в жизни был в чем-то абсолютно уверен. Эта уверенность помогла ему пройти мимо мисс Заккер, которая пыталась сказать ему что-то о представителях банка; Барни только отмахнулся от нее и открыл дверь в святилище, пропуская посыльного с нагруженной тележкой. Сидевший за своим письменным столом бледный Л. М. взглянул на него, и шесть седовласых людей с непроницаемыми лицами тоже взглянули в сторону двери, чтобы увидеть того, кто осмелился прервать их разговор.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Барни спокойным, уверенным голосом. — Но я убежден, что мистер Гринспэн вам уже все объяснил. Мы были за рубежом и только что прибыли обратно с копией фильма, о котором говорил вам мистер Гринспэн. Здесь миллионы, господа, эта картина открывает новую эру в кинематографическом искусстве и обещает невиданные прибыли для «Клаймэктик студิโอ».

Посыльный остановился, коробки с фильмом звякнули, и Сэм, сидевший где-то в самом темном углу кабинета, испустил едва слышимый вздох.

ГЛАВА 19

— Надеюсь, вы извините меня, если я не буду вставать, — сказал Йенс Лин. — Доктор очень строго относится к послеобеденному отдыху.

— Конечно, конечно, — заверил его Барни. — Рана все еще болит?

Йенс лежал в шезлонге в саду своего дома и выглядел намного хуже и бледнее, чем во времена их последней встречи.

— Не очень, — ответил Йенс. — Она уже заживает. Я могу двигаться; я даже вчера был на премьере. И вынужден признать, что фильм во многих отношениях мне нравится.

— Тебе следовало быть репортером. Один из критиков обвинил нас в попытке снять натуралистический фильм, в попытке, которая потерпела полную неудачу. Он заявил, что статисты в фильме совершенно очевидно взяты из Голливуда и что ему удалось узнать некоторые места калифорнийского побережья, где якобы производились съемки фильма.

— Ну что ж, я понимаю его. Хотя я сам присутствовал при съемках фильма, но, сидя в зрительном зале, я испытывал какое-то чувство нереальности. Наверно, мы так привыкли к чудесам в кино и к тому, что действия фильма происходит в самом необычном месте, что нам все фильмы кажутся нереальными. Но слушай, если критики относятся к фильму отрицательно, значит, он потерпел неудачу?

— Ни в коем случае! Критики всегда выступают против фильмов, которые делают большие кассовые сборы. Мы уже получили в десять раз больше, чем затратили, а деньги все еще текут рекой. Эксперимент оказался на редкость успешным, и сегодня у нас на заседании обсуждаются съемки следующей картины. Мне просто захотелось навестить тебя и... ты знаешь.. я надеюсь, что ты не...

— Нет, я не сержусь на тебя, Барни. Все это уже прошло. Это я должен извиниться перед тобой за то, что вспылил. Сейчас я вижу все совершенно в другом свете.

Барни расплылся в улыбке.

— Это для меня самая лучшая новость. Должен признаться, Йенс, я чувствовал себя виноватым. Я даже принес с собой дары мира, хотя, собственно говоря, эту штуку раздобыл Даллас, он попросил меня передать ее тебе.

— Боже мой, — сказал Йенс, заглядывая в небольшой пакет и извлекая оттуда зазубренный продолговатый кусок дерева.

— Эту штуку дорсетские индейцы укрепляют на концах бичей. Когда они напали на лагерь Оттара, они крутили их над головами.

— Ну конечно, вот что это такое. — Йенс взял со стола толстый том. — Очень любезно с твоей стороны подумать обо мне. Когда увидишь Далласа, передай ему мое спасибо. У меня тут уже побывало несколько человек из нашей съемочной группы, и они рассказали о событиях, происшедших после моего отъезда. Кроме того, я немало прочел об этом.

Йенс указал на книгу, и Барни вопросительно поднял брови.

— Это исландские саги на старонорвежском языке — именно на этом языке они были написаны. Конечно, почти все саги — лишь устные предания, которые двести лет передавались из поколения в поколение, прежде чем были записаны, однако их точность просто удивительна. Я прочитаю тебе отрывок из саги Торфинна Карлсефни и рассказ о гренландцах. Вот: «К концу этого времени было обнаружено множество варваров с юга, затопивших все подобно реке... они вертели в руках шесты, издавая громкие крики». Шесты, о которых здесь говорится, и были бичами с такими, как эта, штуками на концах.

— Ты хочешь сказать, что Оттар... Торфинн... и все, что действительно случилось с ним, записано в этих сагах?

— Именно все. Конечно, некоторые места опущены и чуть-чуть искажены, но ведь двести лет, пока саги передавались из уст в уста, — долгий срок. Зато путешествие, строительство поселения, нападение индейцев, даже мороженое и бык, напугавший индейцев во время их первого визита, — все это здесь есть.

— А там говорится... что с ним случилось потом?

— Из того, что там написано, ясно, что Оттар вернулся в Исландию или рассказал историю своих приключений другим норвежцам, которые побывали в Винланде. Насчет его дальнейшей жизни существуют различные версии, но все источники сходятся на том, что он стал богатым человеком и прожил долгую счастливую жизнь.

— Я рад за Оттара, он это заслужил. Скажи, а там говорится, вернулась ли к нему Слайти?

— Гудрид норвежских саг? Ну конечно. Я читал заметку об этом в одной из газет.

— Да, несомненно, ее написал не рекламный агент Слайти. Она-де бросает кинематографию ради человека, которого любит, и самого лучшего ребенка в мире и удаляется с ними на ранчо, где водопроводная система не самого современного образца, но тем не менее все очень мило и где совершенно восхитительный чистый воздух.

— Совершенно верно.

— Бедная Слайти. Интересно, имеет ли она представление, в каком месте — или в каком времени — находится это ранчо?

Йенс улыбнулся.

— Ты думаешь, это хоть сколько-нибудь важно?

— Пожалуй, ты прав.

Йенс извлек из книги фотокопию газетной статьи.

— Я сберег это для тебя, надеясь, что ты зайдешь. На нее напал один из моих студентов и решил, что это позабавят меня. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс», по-моему в 1935 году.

«Заседание прервано в результате скандала», — прочитал Барни. — «Заседание конгресса Археологического общества было прервано; два делегата подрались в вестибюле... угрозы судебного иска за клевету... заявил, что доктор Перкинс пытался ввести в заблуждение научный мир, показав собравшимся осколок стеклянной бутылки, который он якобы нашел при раскопках поселения викингов в Ньюфаундленде. Было объявлено, что это обман, потому что такого рода стеклянный сосуд никогда не встречался в северных культурах, для них он слишком хорош и, более того, очень напоминает сосуд, используемый для разлива широко известного сорта американского виски...»

Барни улыбнулся и отдал фотокопию.

— Похоже, что Оттару было нелегко избавиться от пустой посу-

ды... — Он поднялся со стула. — Мне неудобно вот так убежать, но я опаздываю на совещание.

— И еще одна деталь. В сагах то и дело упоминается имя человека, который имел, по-видимому, огромное влияние на развитие норвежских поселений в Винланде. Он действующее лицо каждой саги, он принимал участие в одном или нескольких путешествиях и даже продал Торфинну корабль, на котором тот совершил путешествие в Винланд.

— Ну да, это должно быть... как его там... Торвальд Эрикссон — тот парень, у которого Оттар купил корабль.

— Нет, у него другое имя. Его зовут Бьярни Херлофссон.

— Все это очень интересно, Йенс, но мне действительно нужно бежать.

Барни уже вышел на улицу, когда вдруг до его сознания дошло, что после двухсот лет устных рассказов имя Барни Хендрикссон может звучать именно так.

— Они даже меня туда всунули! — охнул он.

— Проходите, мистер Хендрикссон, — сказала мисс Заккер и даже слегка улыбнулась.

Она была идеальным барометром, и Барни знал, что его акции в «Клаймэктик» находятся на небывалой высоте.

— Мы вас ждем, — сказал Л. М., когда Барни вошел в кабинет. — Сигару?

Барни положил предложенную сигару в нагрудный карман и кивнул сидящим вокруг стола.

— Ну как, нравится? — спросил Л. М., тыча в голову тигра на стене. — Остальное у меня дома, делают чучело.

— Великолепно, — сказал Барни. — Но мне ни разу не приходилось видеть такого тигра.

Голова была почти в ярд длинной, а два огромны кошачьих клыка, каждый не меньше двенадцати дюймов, нависали над нижней челюстью.

— Это мечезубый тигр! — гордо произнес Л. М.

— А вы уверены, что не саблезубый?

— Подумаешь! Сабля тоже разновидность меча, правда? Эти двое, трюкачи...

Как их там зовут? Дайте мне список. Они организовали что-то вроде сафари, охоту на первобытных зверей, и «Клаймэктик» получает процент с прибылей без всяких затрат, если не считать, что они пользуются некоторым нашим оборудованием.

— Здорово придумано, — сказал Барни.

— Ну все, — сказал Л. М., постучав по столу своей золотой зажигалкой. — Я человек компанейский, не хуже других, а может и лучше, но пора приступить к делу. «Викинг Колумб» имел потрясающий успех. Мы должны ковать железо пока горячо и создать картину которая имела бы еще более потрясающий успех. Вот почему мы здесь собрались. Как раз перед вашим приходом, Барни, Чарли Чанг заметил, что картины на религиозные темы снова начинают пользоваться спросом.

— Я не собираюсь это оспаривать, — сказал Барни, но тут же вскинулся: — Л. М., неужели вы...

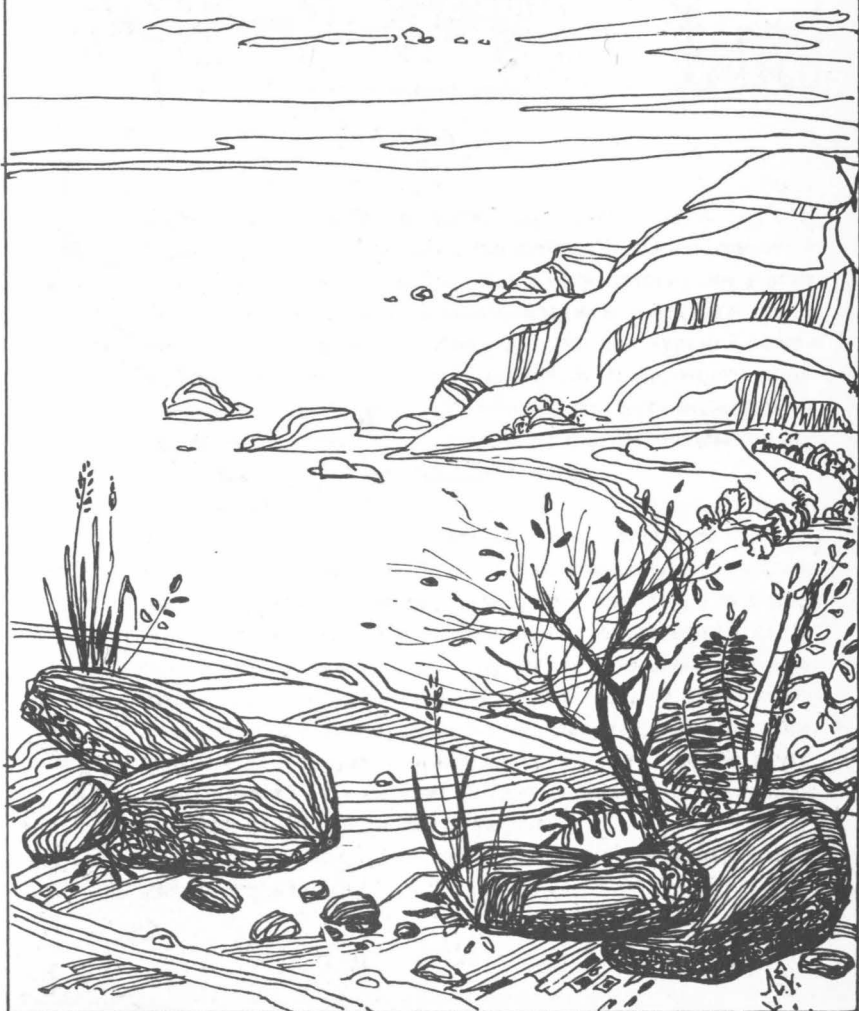
Л. М. улыбнулся, не слушая его.

— И это, — продолжал он, — наводит меня на мысль о создании самой выдающейся картины на религиозные темы всех времен, картины, успех которой гарантирован.

ПОЛ АНДЕРСОН

Сломанный меч

ГЛАВА I

Жил некогда человек по имени Орм Сильный. Отец его, Кетиль сын Асмунда, крестьянствовал, владел усадьбой на севере Ютландии. Кетилевы предки проживали в этих краях с незапамятных времен и землицы имели вдосталь. Жена же Кетилия, Асгерд, была побочной дочерью Рагнара Власяницы. Так что Орм происходил из хорошего рода. На богатое наследство ему, однако же, рассчитывать не приходилось, ибо был он самым младшим, пятым, из доживших до зрелых лет сыновей Кетилия.

Орм стал мореходом и, что ни лето, ходил на лихой викингский промысел. Отец его умер, когда он был совсем еще мальчишкой. Хозяйством стал заправлять старший из братьев, Асмунд. Так продолжалось до тех пор, пока Орм, которому в то время шел двадцатый год, не сказал ему: — Вот уже сколько лет ты один владеешь тем, что по праву принадлежит всем нам. Другие тоже хотят получить свою долю. Но если мы, дав приданое сестрам, потом еще поделим отцову землю на пять частей, крепкими хозяевами нам уже не бывать. О нас и памяти-то никакой не останется, когда умрем.

— Это верно, — согласился Асмунд. — Давайте лучше работать вместе.

— Не желаю я быть тут, у вас, пятой спицей в колеснице, — заявил Орм. — У меня вот такая задумка. Дай мне три снаряженных драккара, с припасами и прочим, да оружие для тех, кто захочет пойти со мной. Тогда я добуду себе земли где-нибудь еще, а моя доля в хозяйстве тебе достанется.

Обрадовался Асмунд, тем более, что два других его брата решили отправиться с Ормом. Перед весной купил он три драккара, снарядил их. В желающих попытать счастья за морем среди парней из местной голытьбы недостатка не было. И вот, как только чуть распогодилось, не дожидаясь, когда утихнут зимние шторма, Орм отплыл из Лим-фьорда. Больше Асмунд никогда его не видел.

Ормовы драккары быстро шли на север; гребцы вовсю налегали на весла. И вот уже остался позади родной Химмерланд со знакомыми причалами да густыми лесами под высоким небом. Когда же мореходы обогнули Ско, подул попутный ветер, и были поставлены паруса. Не забыли они и укрепить на носу драккаров драконьи головы: ведь корабли уходили прочь от родных берегов. Ветер пел в снастях, вода за бортом пенилась, кричали носившиеся вокруг мачт чайки. На радостях Орм сложил вису:

*Белогривые кони
Серой масти свинцовой,
Как бичом погоняемы
Зимним ветром суровым,
Нынче мчатся на запад
С громким ржаньем и храпом
И несут на спине
То, что надобно мне.*

Выйдя задолго до обычного времени, он поспел в Англию раньше других викингов и, понятно, собрал богатую добычу. Когда же лето закончилось, Орм отправился на стоянку в Ирландию. Больше он уже никогда не покидал западных островов: летом промышлял, как положено викингу, зимой же продавал захваченную добычу и на вырученные деньги прикупал все новые драккары.

Наконец, стал он подумывать о том, чтобы обзавестись собственным домом. Со своей небольшой флотилией он присоединился

к могучему флоту Гуторма, и поначалу тем немало выгадал, а потом немало пострадал. Это случилось когда король Альфред победил данов в битве при Этандуне. Все же Орму и некоторым из его дружины удалось вырваться из окружения и уйти. Позднее он слышал, что Гуторму и другим окруженным данам сохранили жизнь, поскольку они согласились принять крещение. Орм догадался, что между его народом и народом Альфреда вот-вот установится мир, пусть и неполный, и ему не удастся с прежней безнаказанностью шуровать в английских селениях.

Поэтому он отправился в землю, прозванную позднее Областью Датского Права, и принялся приискывать себе подходящую усадьбу.

Ему удалось найти отличное владение подле небольшой гавани, где можно было держать драккары. Да вот беда: владевший усадьбой англ, человек небедный и не без влияния, не желал ее уступить. Тогда Орм приказал своей дружине ночью окружить и поджечь его дом. Сам хозяин, его братья и большинство керлов погибли в огне. Говорили, однако же, что мать того англа, ведьма, спаслась, поскольку ормовы люди позволили выйти из горящего дома женщинам, детям и рабам, и наложила на Орма проклятие: его-де первенец будет воспитан вне мира людей, а сам он вместо сына взрастит волка, который однажды пожрет его.

Поскольку в тех местах было уже полным-полно данских поселенцев, оставшиеся в живых родичи убитого англа не решились мстить, а приняли предложенную Ормом виру и плату за землю, так что он стал законным владельцем усадьбы. Он заново отстроил дом и службы, значительно их расширив, а так как ни в золоте, ни в преданных воинах, ни в славе у него недостатка не было, Орм вскоре стал уважаемым в округе ярлом.

Прошел год, и Орм решил, что пришла пора ему жениться. Тогда он отправился со множеством воинов в дом англского олддермена Этельстана просить для себя его дочь Эльфриду, слывшую первой красавицей в королевстве.

В ответ на его предложение Этельстан принялся было мямлить что-то невразумительное, но Эльфрида прямо сказала Орму:

— Не желаю я выходить за нехристя поганого, да и не могу. Ты, конечно, можешь взять меня силой, но, клянусь, радости тебе от того будет немного.

Орм вдруг почувствовал, что эта хрупкая девушка с мягкими каштановыми волосами и ясными серыми глазами сильнее его, здорового детины с вечно красной от морских ветров и солнца рожей и выгоревшей почти до белизны спутанной гривой. Подумал он, подумал и говорит:

— Я поселился в земле, где почитают Белого Христа. Может, мне и стоит помириться с ним и его народом. Да что там — многие даны уже так и сделали. Я приму крещение, если ты согласишься пойти за меня, Эльфрида.

— Так просто веру не меняют! — вскричала девушка.

— Ты только подумай, — не без задней мысли начал Орм. — Если не выйдешь за меня, я останусь некрещенный. А ведь, если попы не врут, этим самым будет погублена моя бессмертная душа. Бог с тебя спросит за то, что ты позволила ей погибнуть. И к тому же я подпалю твой дом, а тебя сброшу с утеса, — шепнул он Этельстану.

— Да уж, дочка, нельзя дать погибнуть человеческой душе, — тут же затараторил тот.

Эльфрида не стала долго противиться свадьбе: Орм был недурен собой и повадку имел приятную, к тому же Этельстанова семья нуждалась в сильном и богатом союзнике, каковым он мог стать. Так что Орм крестился и вскоре взял за себя Эльфриду. Он привез ее в свой дом, и зажили они в довольстве, хотя и не всегда в согласии.

К тому времени в округе не осталось ни одной церкви, все их пожгли викинги. По настоянию Эльфриды Орм взял к себе в дом священника и собирался даже во искупление своих грехов построить церковь. Но, будучи человеком осмотрительным и не желая оскорбить никого из Могучих, Орм продолжал приносить им жертвы: в середине зимы Тору, а весной Фрейру, чтобы они ниспослали мир и хороший урожай, а также Одину и Эгиру, чтобы даровали удачу на море.

Всю зиму они со священником ссорились из-за этого, а весной, незадолго до того, как Эльфриде родить, Орм совсем вышел из терпения. Он выставил священника за дверь и сказал, чтобы тот проваливал подобру-поздорову. Эльфрида горько упрекала его за это, пока он не закричал, что не может больше слушать ее бесконечные попреки, и придется ему, мол, уехать, раз в собственном доме нет

покоя. Он вышел в море раньше, чем собирался, и провел лето, промышляя в Шотландии и Ирландии.

Едва его драккары ушли из гавани, как у Эльфриды начались роды. Она родила здорового крупного мальчика. По желанию Орма она назвала сына Валгардом (в ормовой семье всегда особенно любили это имя). Но теперь нигде поблизости не было священника, чтобы окрестить младенца, ближайшая же церковь находилась в двух, а то и трех днях пути. Эльфрида, не мешкая, послала туда раба.

Потом она, счастливая и гордая своим сыном, запела ему колыбельную, как певала ей самой в детстве мать:

*Баю-бай, мой птенчик,
В королевстве нашем,
Даже в целом мире
Нету тебя краше.
Солнце клонится к закату,
Свой дневной закончив путь,
И тебе пора уснуть.*

*Баю-бай, мой маленький,
Глазёньки закрой.
Видишь: звезды всходят
Над седой горой.
Воротилось с пастбищ стадо,
Буйный ветер стих чуть-чуть,
И тебе пора уснуть.*

*Баю-бай, мой крошка,
Баю-бай, хороший,
Знай, на нас с тобою
Благословенье Божье.
Бог-отец, Мария
И их Сын благой
Охраняют твой покой.*

ГЛАВА II

Эльфийский Князь Имрик скакал в ночи на быстром своем коне, желая поглядеть, что происходит в мире людей. Было по весеннему прохладно, светила почти полная луна, на траве серебрился иней, звезды горели на небосклоне холодным ярким светом, как зимой. Ночь выдалась почти безветренная, лишь изредка едва уловимое дуновение трогало покрытые набухшими почками ветви деревьев, и они издавали звук, похожий на вздох. Казалось, в мире нет ничего, кроме скользящих по земле теней, да холодного белого света. Перезвон серебряных подков имрикова коня гулко отдавался в тишине.

Всадник свернул в рощу. Там среди стволов могучих деревьев лежала непроглядная тьма, но эльф издали увидел какой-то красноватый отблеск. Подъехав ближе, он углядел, что свет пробивается сквозь щели в глинобитной хижине, стоящей под громадным с могучими узловатыми ветвями дубом, с которого, вспомнил Имрик, в прежние времена друиды собирали омелу. Он сошел с коня и постучал в дверь.

Ему открыла сторбленная старуха, на вид такая же древняя, как дерево, под которым она поселилась. Она молча уставилась на эльфа в серебрившемся в лунном свете шлеме и кольчуге, потом на его коня, мастью схожего с утренним туманом. Скакун этот принялся уже щипать покрытую инеем траву.

— Здравствуй, мать, — промолвил Имрик.

Старуха проворчала, что, мол, какой-то эльф не смеет звать матерью ее, родившую могучих сыновей смертному, однако, пригласила гостя в дом и проворно налила ему рог пива. В еде и пиве у нее недостатка не было: окрестные крестьяне, не скупясь, платили ей за

ворожбу. Пришлось Имрику войти в ее лачугу, а потом еще смахнуть с единственной имевшейся там скамьи целую кучу костей и других отбросов, чтобы можно было сесть.

Он глядел на старуху своими странными, чуть раскосыми эльфийскими глазами, дымчато-голубыми, без белка и без видимого зрачка. В его глазах бродили лунные блики и тени древнего знания. Имрик жил уже очень долго. Но внешне оставался вечно юным красавцем, высоколобым и высокоскулым, с узким подбородком и тонким точеным носом, как и положено знатному эльфу. Из-под рога того шлема на широкие, покрытые алым плащом плечи его струились мягкие, как шелк, серебристо-золотые волосы.

— В последнее время, пару веков уже, эльфы нечасто показываются в мире людей, — заметила ведьма.

— Это правда. Мы были слишком заняты своей войной с троллями, — проговорил Имрик, и голос его звучал подобно отдаленному шуму ветра в ветвях деревьев. — Но теперь заключено перемирие, и я решил полюбопытствовать, что произошло за последнее столетие.

— Много что произошло, да хорошего мало, — сказала ведьма. — Из-за моря налетели даны, убивают, грабят, жгут все подряд. Они уже захватили большую часть Западной Англии. Нужно ли продолжать?

— Это совсем неплохо, — заметил Имрик, оглаживая свои усы. — Прежде них то же самое делали англы и саксы, а еще раньше — пикты и скотты, римляне, бритты и гойдели, а прежде них ... Но это слишком долгая история, и данами дело не кончится. Я наблюдаю вторжения все новых завоевателей чуть ли не с самого начала и не вижу в них ничего дурного. Они делают жизнь не такой монотонной. Хотелось бы посмотреть на этих новых пришельцев.

— Для этого тебе не надо далеко ходить, — сказала ведьма. — Один из них, по прозвищу Орм Сильный, живет тут недалеко, на побережье. Туда можно за одну ночь доскакать на смертном коне.

— Для моего коня такое расстояние нипочем. Я еду.

— Погоди-ка, эльф. — Ведьма принялась бормотать что-то, а тусклый свет угасающего огня в очаге отражался в ее глазах, так что казалось, будто среди теней и дыма двинутся два красных уголька. Вдруг она радостно захихикала. — Да, поезжай, поезжай к ормову

дому у моря. Сам-то он ушел в море по своим воровским делам, а вот жена его с радостью примет тебя. Она недавно родила сына, которого, кстати, еще не крестили.

При этих словах Имрик наострил свои длинные остроконечные уши. — Правду ли ты говоришь, ведьма? — спросил он лишенным всякого выражения голосом.

— Клянусь Сатаной. Уж я-то знаю, что происходит в этом проклятом доме. — Завернувшись в свои лохмотья, старуха опустилась на корточки перед догорающими угольями очага и принялась раскачиваться взад-вперед. По стенам побежали огромные бесформенные тени. — Да ты сам съезди, посмотри.

— Опасаюсь я тронуть ребенка данского ярла. Он, наверное, под покровительством асов.

— Нет. Орм — христианин, хотя и не особенно истовый. Сынок же его пока что не приобщен ни к каким богам.

— Лгать мне не безопасно, — проговорил Имрик.

— Мне нечего терять, — ответила ведьма. — Орм сжег моих сыновей в их собственном доме, и мой род угаснет вместе со мной. Не боюсь я ни богов, ни дьяволов, ни эльфов, ни троллей. Но сказала я истинную правду.

— Поеду, посмотрю, — сказал Имрик и встал, звякнув кольчужгой. Запахнувшись в свой алый плащ, он вышел из хижины и вскочил на коня.

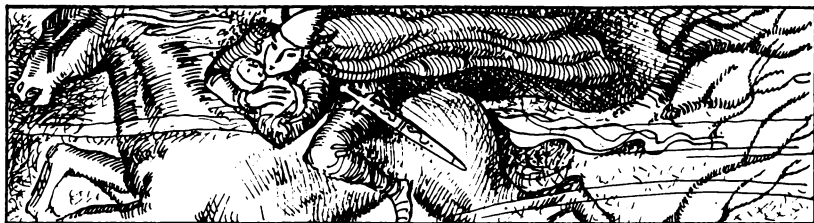
Быстрее ветра вынес его конь из леса и помчал по широким полям, мимо темных деревьев, всхолмий, да спящих под белым инеем лугов. То тут, то там попадались темневшие под звездным небом хутора. Имрик чувствовал присутствие каких-то существ, но это были не люди. Он различил отдаленный волчий вой, зеленоватый отблеск глаз дикой кошки, шуршанье крошечных лапок у корней дуба. Звери заметили скачущего по их владениям эльфийского князя и попытались куда-то в темноту.

Наконец Имрик достиг ормовой усадьбы. С трех сторон мощный камнем двор ограждали бревенчатые хлева, амбары и всякие другие небольшие постройки, а с четвертой высился хозяйский дом с резными щипцами в виде драконьих голов. Но Имрику нужен был не он. Эльф искал глазами хозяйкину светлицу, которая должна быть расположена напротив главного дома. Почуввав чужака, псы

ощетинились и зарычали было, но Имрик обратил на них свой ужасный, казалось, невидящий взор и сделал особый знак. Собаки отползли прочь, едва поскуливая.

Имрик вихрем подскочил к светлице. При помощи своего волшебного искусства он отложил засовы на ставнях и заглянул внутрь. В лунном свете он увидел на ложе спящую Эльфриду с рассыпавшимися по подушке длинными волосами, но сразу же забыл о ней, когда углядел лежащего рядом новорожденного младенца.

Эльфийский князь рассмеялся в душе, хотя лицо его оставалось невозмутимым, как маска. Он прикрыл ставни и поскакал обратно на север. Эльфрида вдруг вздрогнула, проснулась и первым делом проверила, тут ли ребенок. Ей приснился страшный сон.

ГЛАВА III

В те времена Дивный народ еще обитал на земле, но уже тогда его владения были окутаны завесой какой-то странности, как будто они не вполне принадлежали к здешнему миру. Подчас то, что обычно казалось просто одиноким холмом, озером или рощей, вдруг являло глазу древнее великолепие эльфийского обиталища. Оттого-то люди и избегали, например, заходить на северное всхолмье, издавна прозванное Эльфийскими холмами.

Имрик подскакал к Эльфхолму, представлявшемуся простым смертным обычным утесом, но явившемуся ему, эльфу, высоким замком с увенчанными изящными шпилями башнями, бронзовыми воротами и мощными мрамором двориками, со множеством переходов и палат, украшенных прекрасными, магического плетения гобеленами, расшитыми крупными самоцветами. Обитатели замка собрались на лужайке за наружной стеной, где при свете луны были устроены танцы. Миновав их, Имрик въехал в Эльфхолм через главные ворота. Заслышав перезвон подков хозяйского коня, рабы-гномы поспешили принять у князя поводья. Эльф спешил и сразу же отправился в донжон.

Свет множества тонких восковых свечей затейливо играл, отражаясь от золоченых украшенных драгоценными камнями мозаик. По залам струилась музыка: нежные звуки арф и пронзительное пение труб и флейт сливались с похожими на журчание горного ручья голосами эльфийских певцов. Узоры на коврах и гобеленах, казалось, двигались как живые. Даже стены и полы замка, а также его сводчатые потолки, очень высокие и потому вечно окутанные сумраком, обладали тем же свойством: странной, едва уловимой для глаза переменчивостью.

Имрик добрался до лестницы, ведущей в подземелье, и стал спускаться вниз. Здесь стояла полнейшая тишина, нарушавшаяся лишь бряцаньем его собственной кольчуги. К тому же было очень темно: лестница освещалась лишь несколькими воткнутыми в стену факелами. Из подземелья повеяло таким холодом, что у Имрика занялось дыхание. Время от времени из сырых, наспех высеченных в скале, переходов слышался металлический звон и стенания. Но Имрик не обращал на это внимания. Как все эльфы, он двигался по-кошачьи быстро, легко и бесшумно и без труда достиг надобной части отведенного под темницы подземелья.

Наконец он остановился у окованной латунной полосой дубовой двери, давно позеленевшей от сырости и потемневшей от времени. Ключи от трех замыкавших ее замков были только у него, Имрика. Проговорив нужные слова, он отпер замки и толкнул дверь. Она поддалась с натужным скрипом, ведь ее не отворяли целых триста лет.

В открывшейся взору эльфа темнице сидела женщина тролльей породы. Из одежды на ней была лишь мощная, наподобие якорной, бронзовая цепь, которой ее приковали за шею к стене. Тусклый свет укрепленного в коридоре возле двери в ее темницу факела освещал ее массивное, приземистое, мускулистое тело. У троллицы не было волос, а кожа имела зеленоватый оттенок. Она повернулась к Имрику и оскалилась, обнажив мощные, совсем волчьи, клыки. Но глаза ее оставались пустыми, как два черных омута, в которых могла бы безвозвратно кануть душа. Имрик держал троллицу пленницей уже девятьсот лет, и она давно лишилась рассудка.

Князь эльфов взглянул на нее, избегая, однако же встретиться с ней взглядом, и тихо промолвил:

— Нам опять надо сделать усилка*, Гора.

— Ух-ты, он снова пришел, — проговорила троллица голосом, подобным рокоту, доносящемуся из земных глубин. — Привет тебе, пришедший из ночи и хаоса, кто бы ты ни был. Неужели никто так и не заставит космос перестать ухмыляться?

— Поспеши, — сказал Имрик. — Мне надо подменить ребенка еще до рассвета.

* Подменыш, обладающий нечеловеческой силой, которого нечисть подкладывает вместо человеческого ребенка.

— Поспеши да поспеши... Осенние листья спешат облететь с ветвей под ветром и дождем, снег спешит упасть с небес, жизнь спешит навстречу смерти, а боги — навстречу забвению. — Голос безумной троллицы гулко отдавался в подземных переходах. — Все прах, все тлен, все развеет не имеющий смысла ветер; лишь безумцы могут смеяться над музыкой сфер. Глядите-ка, рыжий петух на навозной куче!

Имрик взял висевший на стене бич и стегнул троллицу. Она сразу сникла и послушно легла на пол. Эльф торопливо проделал то, что от него требовалось (холодная липкая плоть Горы внушала ему отвращение). Затем он девять раз обошел вокруг скорчившейся троллицы в направлении, противоположном движению солнца на небосводе, напевая песнь, повторить которую не смог бы ни один смертный. Когда он запел, Гора вдруг затряслась и застонала от боли, чрево ее взбухло, а когда он обошел вокруг нее девятый раз, она издала такой вопль, что у Имрика зазвенело в ушах, и произвела на свет человеческого младенца.

На вид ни один человек не смог бы отличить его от сына Орма, данского ярла. Правда, этот крошка сразу после рождения злобно взвыл и укусил свою мать. Имрик перевязал ему пуповину и взял его на руки, причем младенец сразу утомился.

— Мир — всего лишь гниющая плоть на черепе мертвеца, — пробормотала Гора, и, не переставая дрожать, улеглась, звякнув цепью, на пол. — Давать жизнь — все равно что плодить могильных червей. Мертвая голова уже лишилась губ, скалится голыми зубами, а глаза у нее давно выклевали вороны. Скоро останется одна голая кость, сквозь которую будет гулять ветер. — Когда Имрик закрывал за собой дверь, она вдруг взвыла: — Он ждет меня на всхолмье, где ветер разогнал туман, он ждет уже девять сотен лет. Пропел черный петух...

Имрик запер дверь и поспешил вверх по ступеням. Создание двойников не доставляло ему радости, но возможность заполучить человеческого младенца выпадала слишком редко, такой случай нельзя было упустить.

Выйдя на двор, он заметил, что погода начала портиться. По небу поползли грозные темные тучи, напутавшие, казалось, саму луну, которая безуспешно пыталась от них бежать. На востоке они

вздymались громадной черной горой, исчерченной рунами молний: надвигалась гроза. Бешено завывал ветер.

Имрик вскочил в седло и погнал коня на юг, через холмы и долины, мимо утесов и терзаемых бурей деревьев. Время от времени всадника высвечивал пробивающийся сквозь тучи лунный свет, и тогда он был похож на ночного призрака.

Развевавшийся у него за спиной плащ походил на крылья гигантской летучей мыши, доспехи и глаза блестели в свете луны. Когда же он проезжал низины в Области Датского Права, у самых его ног кипели буруны, а в лицо летели клочья пены. Вновь и вновь бесконечные потоки воды освещались молнией. В наступившей за этим полной темноте тем громче звучал раскат грома, и казалось, что в небесной механике что-то сломалось и два гигантских колеса с размаха ударились одно о другое. Имрик все погонял и без того бешено скачущего коня. Ему не хотелось встретиться ночью с Тормом здесь, на пустоши.

Доскакав до ормовой усадьбы, он снова открыл окно в светлицу. На сей раз Эльфрида бодрствовала. Она держала ребенка на руках, шепча ему что-то ласковое. Ворвавшийся сквозь распахнувшееся окно ветер взметнул ее волосы вверх, прямо ей в лицо, так что какое-то мгновение она ничего не могла видеть. Позднее она решит, что засов на ставнях отложился тоже от ветра.

Сверкнула молния, раздался раскат грома, похожий на удар молота по наковальне. Эльфрида почувствовала, что младенец вдруг исчез, а ее руки обнимают пустоту. Она попыталась подхватить упавшего, как ей казалось, ребенка, и тут же снова ощутила вес дорогого тельца, как будто кто-то вложил его прямо ей в руки.

— Слава Богу! — прошептала она, переводя занявшееся от пережитого ужаса дыхание. — Мне удалось-таки вовремя поймать тебя, а то бы упал.

Имрик с торжествующим смехом гнал коня домой. Вдруг он услышал, что сквозь шум бури его смеху вторит какой-то иной звук. Он натянул поводья, и в груди у него отчего-то похолодело. Проникший сквозь разрыв в тучах последний луч лунного света на мгновение выхватил из темноты скакавшего поперек имрикова пути всадника. Этого мгновения было достаточно для того, чтобы эльф (который с трудом сдерживал своего рвущего поводья скакуна) по-

нял, кто этот скачущий на быстром, как ветер, восьминогом коне седобородый ездок в широкополой шляпе, с копьем в руке: в лунном свете ярко сверкнул его единственный глаз*.

Всадник тот протрубил в рог, созывая своих эйнхериев, павших воинов, и окрестность наполнилась конским топом, частым, как стук града по крыше. Но вот вся охота вместе со сворой завывающих псов промчалась мимо, и на землю обрушился дождь.

Имрик стиснул зубы. Встреча с Дикой Охотой сулит недоброе увидевшему ее, к тому же, Одноглазый Охотник наверняка не случайно оказался у него на пути. Но — приметы приметами, а сейчас надо спешить домой. Крутом сверкали молнии, а Тор ведь, известно, может метнуть свой молот в любого, кто оказался в грозу без крова. Прижимая к себе завернутого в плащ ормова сына, эльф дал коню шпоры.

Откинув с лица волосы и снова «прозрев», Эльфрида прижала к себе голосящего что есть мочи младенца. Надо его покормить — а то ведь не утомонится. Ребенок сосал хорошо. Но отчего-то вдруг стал больно прикусывать ей грудь.

* Имеется в виду Один, верховный бог древних скандинавов.

ГЛАВА IV

Имрик нарек похищенного им ребенка Скафлоком и поручил его заботам своей сестры Лиа. Она была так же необыкновенно хороша, как брат, с тонким, цвета слоновой кости, точеным лицом, прекрасными серебристо-золотыми волосами, струящимися из-под украшенной камнями диадемы и такими же, как у Имрика, сумеречной синевы глазами с бродящими в них лунными бликами. Стройная и изящная, Лиа носила легкие, паутиной тонкости платья, и когда она танцевала при луне, в жилах смотрящих загоралось белое пламя. Улыбаясь Скафлоку своими бледными полными губами, она кормила его молоком, которым с помощью особых эльфийских чар умела наполнить свою грудь. Молоко это сладким огнем ласкало ему гортань, согревая все тело.

По случаю наречения имени младенца был устроен пир, на который съехались многие владетели Альфхейма, привезшие виновнику торжества роскошные подарки: затейливо украшенные кубки и перстни, оружие гномьей работы, кольчуги, шлемы и щиты, одеяния из парчи, золотой и узорной, а также из атласа. Поскольку эльфы, подобно богам, великанам, троллям и прочим существам такого рода, не знали старости, дети у них рождались редко, раз в несколько столетий, и рождение ребенка всегда было большим событием. Но и оно не могло сравниться по важности с усыновлением человеческого младенца.

В разгар пира возле Эльфхолма послышался громоподобный конский топ, от которого задрожали стены замка, а бронзовые ворота зазвенели. Запели трубы стражей, но никто даже не попытался заступить дорогу вновь прибывшему. Имрик сам встретил его у ворот с низким поклоном.

Нежданный гость этот был могуч станом и красив лицом, с глазами, сверкающими даже ярче, чем его доспехи. Под тяжелой поступью его коня дрожала земля. — Приветствую тебя, Скирний, — проговорил Имрик. — Своим приездом ты оказал нам честь.

Посланец асов, не сходя с коня, пересек залитый лунным светом брусчатый двор. При каждом шаге коня нетерпеливо звякал в притороченных к поясу того всадника ножнах сверкающий, подобно солнцу, меч, данный ему Фрейром, когда Скирний отправлялся в Этунхейм за Герд. В руках он держал еще один меч, длинный и широкий, не тронутый ржавчиной, хотя и потемневший от долгого лежания в земле. Меч этот был переломлен пополам.

— Я привез твоему приемному сыну, Имрик, подарок по случаю наречения его имени, — промолвил Скирний. — Хорошенько береги меч. Когда мальчик вырастет и сможет управиться с таким клинком скажи ему, что починить меч может великан Бельверк. Придет день, и Скафлоку будет большая нужда в хорошем оружии. Вот тогда-то и пригодится ему дар богов.

Он с грохотом швырнул меч наземь, повернул своего коня и, проскакав по по гулкой брусчатке, исчез в ночи. Эльфы напряженно молчали. Они понимали, что, делая такой подарок, асы, должно быть, преследуют какие-то свои цели. Однако Имрику не оставалось ничего другого, как повиноваться воле богов.

Эльфам нельзя прикасаться к железу, поэтому князь кликнул рабов-гномов и приказал им поднять меч. Затем он сам провел их на нижний ярус подземелья. Меч был положен в нишу в стене возле темницы Горы и замурован. Имрик пометил то место рунами, и долгое время избегал подходить к нему близко.

В последовавшие за тем несколько лет боги больше не давали о себе знать.

Скафлок быстро подрастал. Это был крупный здоровенький веселый голубоглазый мальчик с русыми волосами. Он любил беготню и всякие шумные игры куда больше, чем немногие жившие в замке эльфийские ребяташки, и к тому же сильно обгонял их в росте, достигнув зрелости прежде, чем они успели подрасти хоть на вер-

шок. У эльфов не принято выказывать детям особую любовь, но Лиа души не чаяла в Скафлоке. Баюкая малыша, она пела ему баллады, в мотиве которых, казалось, звучал шум ветра, рокот прибоя и шелест листьев. Она обучила его этикету эльфийской знати, а также различным корибантическим танцам, какие опьяненные волшебным светом луны эльфы танцуют босиком на росистой траве. От нее же Скафлок узнал и часть подаренного ему Дивным народом тайного знания, например, песни, способные ослепить или обескуражить противника или заманить его в нужное место, особые песни для того, чтобы двигать скалы и деревья, а также беззвучные песни, под которые пляшет зимними ночами северное сияние.

У Скафлока было счастливое детство, проведенное, по большей части, в играх с маленькими эльфами и их товарищами. (В основном то были различные существа, не принадлежащие к миру смертных, ведь места эти были заколдованные, и забредший туда человек или зверь частенько не возвращался.) Не все обитатели окрестностей замка были дружелюбны, а встреча с иными просто грозила бедой. Имрик выделил из своей дружины воина, чтобы тот охранял Скафлока во время прогулок.

В тумане, клубящемся подле водопадов, кружили феи вод, звенели их подхваченные эхом голоса. Сквозь дымку Скафлок мог различить их изящные, блестящие от воды, окруженные радужным ореолом фигурки. Как и других обитателей Дивной страны, фей влек свет луны, и в лунные ночи они покидали свое обиталище и усаживались на поросших мхом берегах потока, нагие, с вплетенными в косы водорослями и венками из водяных лилий на шее, и эльфийские дети могли с ними поговорить. Феи рассказывали им много интересного о реках и водящейся в них рыбе, о лягушках, выдрах и зимородках (они знали, например, о чем те говорят друг с другом, когда плывут рядышком вдоль усеянного галькой, залитого солнечным светом дна ручья), о тайных омутах со стоячей, зеленого цвета водой, о том, как шумит, низвергаясь с высоты, вода в радужных водопадах и как она бурлит потом в водоворотах у их подножия.

К другим водоемам, особенно к топям и каровым озерам со стоячей черной водой, Скафлоку подходить не разрешали: от их обитателей всего можно было ожидать.

Часто мальчик ходил в лес поговорить с жившими там крошеч-

ными, смиренного нрава карликами. В одежде они предпочитали серый и коричневый цвет, а на голове любили носить длинные мягкие колпаки. Свои простые, но удобные жилища этот низкорослый народец устраивал под высокими деревьями. Карлики всегда были рады поболтать с эльфийской детворой, но взрослых эльфов опасались, и даже дома свои строили таким образом, чтобы те не могли в них протиснуться, если, конечно, не уменьшатся до размеров самих карликов (чего надменные эльфийские вельможи делать отнюдь не желали).

Обитали в окрестностях замка и гоблины. Прежде они были хозяевами этой земли, но Имрик напал на них и захватил их владения. Многие гоблины были перебиты, иные разбрелись кто куда, а те, что остались, так и не смогли возродить свое бывшее могущество. Они жили в пещерах и отличались крайней скрытностью. Скафлоку, однако, удалось подружиться с одним из них, и тот рассказал ему немало любопытных гоблинских преданий.

Однажды Скафлок услышал, что в отдалении кто-то выводит на дудочке какую-то необычную, даже жутковатую, мелодию. Сгорая от любопытства, он поспешил на звук. Двигался он совершенно бесшумно и поэтому сумел вплотную подойти к таинственному музыканту прежде, чем тот смог его заметить. Это было странное существо, похожее на человека, но с козлиными ногами, ушами и рогами. Играл незнакомец на инструменте, представлявшем собой несколько связанных вместе тростниковых трубочек. Глаза у него были такие же скорбные, как мелодия, которую он исполнял.

— Ты кто? — спросил удивленный Скафлок.

Незнакомец перестал играть и, похоже, собирался пуститься наутек. Но потом немного успокоился и уселся на лежавшее рядом бревно.

— Я — фавн, — ответил он. Выговор у него был какой-то странный.

— Что-то я о таких не слыхал, — заметил Скафлок, садясь на траву.

Фавн грустно улыбнулся. Были сумерки, и под его головой уже зажглась первая звезда.

— А таких здесь больше и нету, я один. Изгнанник я.

— И откуда же ты пришел?

— С юга. Когда пал великий Пан, и в Элладе воцарился новый бог, чье имя я не могу произнести, в нашей земле не осталось места для прежних богов и божеств. Жрецы нового бога вырубili священные рощи и построили церкви. Они не слышали криков гибнущих дриад. А я слышал. Казалось, их стоны никогда не утихнут, а останутся в согретом солнцем воздухе навсегда. Они и сейчас звучат у меня в ушах. Мне этого никогда не забыть. — Фавн покачал курчавой головой. — Я бежал на север. Но теперь я думаю, не мудрее ли поступили те из моих товарищей, которые остались, чтобы продолжить борьбу и погибли, сраженные заклинаниями неприятеля. Это было давным-давно, и с тех пор я остался совершенно один. — В его глазах заблестели слезы. — От нимф, фавнов, да и самих богов и праха не осталось. Белоснежные храмы опустели, и постепенно ветшают. А я брожу один-одинешенек тут, в чужой стране, чьи боги меня недолюбливают, а люди сторонятся, в земле туманов, дождей, суровых зим и вечно штормящего серого моря, где бледные солнечные лучи едва пробиваются сквозь тучи. Не видать мне больше ни ласкового лазурного моря, ни маленьких скалистых островков, ни милых сердцу теплых рощ, где нас ждали нимфы, ни гнущихся под тяжестью спелых плодов смоковниц, ни величавых богов на высоком Олимпе.

Фавн вдруг умолк и замер, поставив торчком уши и напряженно к чему-то прислушиваясь, потом вскочил и в мгновение ока исчез в кустах. Оглянувшись, Скафлок увидел приставленного к нему для охраны эльфийского воина (тот решил, что пора отвести ребенка домой).

Но часто Скафлок гулял один. Он не боялся дневного света, которого избегали жители Дивной страны, а от смертных тварей никакая опасность ему не грозила. Поэтому ему удалось исследовать окрестности куда лучше, чем другим жившим в Эльфхолме детям, и узнал он о тех местах столько, что иному человеку за целую жизнь не одолеть.

Из диких зверей наиболее дружелюбны эльфам были лиса и выдра. Считалось даже, что между ними существует какое-то родство. Во всяком случае, у этих зверей был свой язык, и эльфы его понимали. Лисы поведали Скафлоку тайны лесов и лугов, показали, как можно незамеченным пройти в испещренной солнечными бли-

ками тени деревьев, рассказали, как многое можно узнать по тысячам едва уловимых примет, если как следует смотреть, слушать, обонять, осязать. От выдр он узнал бездну интересного об озерах и ручьях, научился плавать так, что мог поспорить в этом искусстве со своими учителями, а также незаметно красться, даже когда трава или камни не скрывали его тела и наполовину.

Узнал он и других лесных животных. Скафлок выучил язык птиц и мог любую из них позвать на ее языке, причем на зов прилетали и садились ему на руку даже самые пугливые из лесных пичуг. Медведи радостно урчали, когда он забирался к ним в берлогу. Олени, лоси, зайцы и тетерева стали бояться его, когда он пристрастился к охоте. Но не все: с некоторыми из них он водил дружбу. Вообще, всяких приключений, связанных с лесным зверьем, у него было столько, что всего не перескажешь.

Годы шли чередой, увлекая Скафлога в свою круговерть. Ему нравилось встречать весну, когда пробивалась первая, робкая еще зелень, когда пробуждающиеся леса оглашались голосами возвратившихся птиц, реки взламывали подтаявший лед, а на мху расцветали крошечные белые цветы, похожие на нерастаявшие снежинки. Летом же он, нагой, загорелый, с выцветшими на солнце волосами неся, бывало, вверх по вздымающемуся к небу склону холма в погоне за бабочкой, а потом, просто чтобы дать выход переполнявшей его грудь радости, скатывался вниз по траве; а светлыми, пронизанными воспоминаниями о минувшем дне ночами гулял, слушая пение сверчков и глядя на звезды, по траве, униженной капельками блестящей в лунном свете росы. Осенью он не спешил укрыться от дождей и бурь под кровом замка; он любил плести венки из пламенеющих осенних листьев, любил и просто постоять, вдыхая студеной воздух, наполненный гомоном улетающих на юг птичьих стай. Зимой он носился среди кружащихся в воздухе снежинок, случалось ему и укрываться от пурги под буреломом, и подолгу слушать бешеный рев бури и жалобу терзаемых ею деревьев, а иногда в заснеженных полях ему доводилось услышать, как трещит от мороза лед на озере и как вторит этому звуку живущее на всхолмье эхо.

ГЛАВА V

Когда же Скафлок из ребенка превратился в голенастого подростка, Имрик занялся его образованием, сначала понемногу, потом все больше и больше, стремясь научить его всему, что положено знать и уметь альфхеймскому воину. Век человека недолог, поэтому люди усваивают знания и навыки куда быстрее, чем Дивный народ, так что скафлоковы познания росли даже быстрее, чем он сам.

Он научился управлять с альфхеймскими конями, невиданной красоты белыми и воронными жеребцами и кобылицами, быстрыми, как ветер, и столь же неутомимыми, и вскоре уже мог за ночь проскакать от Кейтнесса до Края Земли, так что только ветер свистел в ушах. Научился он также владеть мечом, копьем, луком и боевым топором. Правда, в быстроте и ловкости он уступал эльфам, но со временем стал сильнее любого из них и, если нужно, мог по многу дней подряд не вылезать из доспехов. К тому же, Скафлок обладал необычайной природной грацией, любой другой смертный показался бы рядом с ним неуклюжим увальнем.

Он много охотился, то в одиночку, то вместе с Имриком и его дружиной. Немало большерогих оленей поразил он стрелой, немало клыкастых вепрей пригвоздил к земле копьем. Устраивались ловли и на другую, более осторожную, дичь, на единорогов и грифонов (забавы ради Имрик завез их в эти места с края света).

Усвоил Скафлок и величавую повадку эльфов, и их хитроумные речи, а вместе и их коварный нрав. Танцуя нагой в лунном свете под звуки арф и флейт, он доходил до такого же самозабвения, как самые неистовые из них. Он и сам умел играть на разных инструментах и петь дивные эльфийские напевы, сложенные прежде, чем на земле появились первые люди. Он так хорошо овладел искусством

скальда, что мог с легкостью говорить стихами. Он выучил все языки народов Дивной страны, и три людских наречия впридачу. Он прекрасно разбирался в редких эльфийских яствах и огненных напитках, бродивших в опутанных паутиной бутылках в погребках Эльфхолма, но отнюдь не утратил вкуса к простой охотничьей пище, черному хлебу да солонине, напоенным солнцем и соками земли лесным ягодам и студеной родниковой воде.

Когда же его щеки покрыл первый юношеский пушок, на него стали заглядываться эльфийские женщины. Эльфы не признавали брака, поскольку богов они не чтили, а дети у них рождались редко. Естество же было таково, что женщины у них были более любвеобильны, чем у людей, а мужчины, напротив, менее. Так что Скафлок был отнюдь не обижен вниманием женского пола, и это принесло ему немало приятных минут.

Самой трудной и небезопасной частью его образования было обучение искусству магии. Этим делом Имрик занялся, когда мальчик настолько подрос, что ему можно было доверить большее, нежели простенькие детские заклинания, и всему учил его сам. Хотя, имея человеческое естество и очень недолгий век, Скафлок не мог проникнуть в такие глубины чародейского искусства, как его приемный отец, ему удалось постичь магическое знание, каким владеют большинство эльфийских ярлов. Первым делом он научился избегать смертельного для эльфов, троллей и гоблинов соприкосновения с железом. Хотя потом ему сказали, что железо не причинит ему никакого вреда, да и он сам узнал это на опыте, коснувшись гвоздя в одном крестьянском доме, эта привычка у него сохранилась надолго. Затем он изучил руны, при помощи которых заживляют раны, излечивают болезни, отводят беду и навлекают несчастье на голову врага. Узнал он и песни, которыми поднимают и утихомиривают бурю, обеспечивают урожай или неурожай и вселяют в душу смертного гнев или покой. Потом он научился выплавлять из руд неизвестные людям сплавы, которые в Дивной стране используются вместо стали. Изведал он и магические свойства плаща-невидимки, а также волшебных шкур, необходимых для того, чтобы обернуться тем или иным зверем. Под конец обучения ему открыты были особенно сильные руны, песни и заклинания, такие, что воскрешают мерт-

вых, открывают будущее и позволяют повелевать самими богами. Без крайней нужды их, правда, не употребляют, ведь они способны потрясти до основания все существо самого мага, а то и вовсе погубить его.

Скафлок часто приезжал на берег моря. Он мог часами смотреть на волны, без усталости бегущие из туманной дали, оттуда, где вода сходится с небом, слушать их неумолчный рокот, вдыхать соленый морской воздух, дивясь переменчивому нраву моря. Любовь к морю была у него в крови, ведь его предки были мореходами. Он разговаривал с тюленями на их родном лающем языке, а чайки приносили ему вести со всех концов света. Иногда, когда он приходил вместе с другими воинами, из прибрежной пены выходили, выжимая на ходу свои длинные зеленые волосы, морские девы, и начиналось веселье. У дев этих была прохладная влажная плоть, от них пахло бурными водорослями, и после таких случаев во рту у Скафлока оставался какой-то странный привкус, рыбный что ли? Но ему все равно нравились морские девы.

В пятнадцать лет он был ростом почти с Имрика, широкоплечий, мускулистый, загорелый, с льняными волосами и несколько грубоватым открытым, скуластым лицом, большеротый и улыбчивый, с большими синими широко поставленными глазами. Человек, не прошедший такой школы, как он, верно, заметил бы в его облике нечто необычайное: в глазах его таилась тень сопричастности недоступному для простых смертных, движения были точны и стремительны, как у пантеры.

Имрик сказал ему:

— Ты уже большой, пора тебе получить собственное оружие. Не все же пользоваться моим старым. К тому же, государь призывает меня к себе. Мы отправляемся за море.

Радости Скафлока не было конца. Вопя благим матом, он прошелся по двору замка колесом, потом вскочил на коня и поскакал по землям людей, творя волшебство просто от необходимости что-то предпринять. Горшки вдруг заплясали в печах, колокола на колокольнях зазвонили, топоры принялись сами собой рубить дрова, а у одного крестьянина коровы вдруг оказались на крыше дома, сено разбросал по всему графству неизвестно почему поднявшийся ветер, а потом с неба прямо на двор дождем посыпались золотые. Закутавшись в плащ-невидимку, Скафлок целовал девушек, работающих в

сумерках в поле, растрепывал им косы, а парней их сталкивал в канаву. Потом несколько дней во всех церквях служили мессы, чтобы положить конец разгулу колдовства. Но к тому времени Скафлок был уже в море.

Имриков черный драккар стремительно летел по волнам: парус его наполнял поднятый самим же Имриком попутный ветер. В плавании князя сопровождала надежная, тщательно подобранная дружина, лучшие из лучших эльфийских воинов, ведь на пути могли повстречаться тролли или кракены. Стоя на украшенной драконьей головой носу драккара, Скафлок в радостном нетерпении глядел вперед. Еще ребенком он получил от Дивного народа дар видеть в темноте так же хорошо, как и при свете дня. Он понаблюдal за морскими черепахами, казавшимися серебристо-серыми в свете луны, поприветствовал знакомого тюленя. Однажды на поверхность моря неподалеку от драккара с шумом вырвался кит. Глазам Скафлока, как и раскосым, дымчатого цвета эльфийским очам, было открыто то, что мореходы из смертных могли углядеть наяву только на какое-то мгновение, а чаще видели лишь в воображении: резвящиеся в пене поющие морские девы, затонувшая башня Ис и спешащие ринуться в разгоревшуюся где-то на востоке битву валькирии (в бело-золотом сиянии воительницы промчались над головами мореходов, издав свой грозный боевой клич, похожий на крик ястреба).

Ветер пел в снастях, бурлила вода за бортом драккара. Еще до рассвета мореходы достигли желанного берега, и корабль был вытaщен на берег и особыми чарами скрыт от посторонних глаз.

Весь следующий день эльфы провели, укрывшись от солнечного света под устроенным на драккаре навесом. Скафлок же отправился осмотреть окрестности. Взобравшись на дерево, он с изумлением увидел, что вся земля к югу от того места сплошь распахана. Дома здесь были непохожи на английские. Среди них выделялась мрачная, серого камня усадьба. Скафлок с жалостью подумал о том, какую убогую, лишенную всякого разнообразия жизнь влачат обитатели этого унылого дома. Он ни за что не хотел бы так жить.

Когда наступила ночь, эльфы оседлали привезенных с собой коней и быстрее ветра помчались прочь от берега моря, вглубь той страны. К полуночи они достигли гористой местности, где в лунном свете серебрились, отбрасывая глубокие черные тени, скалы и утесы,

а вдали угадывался зеленоватый отблеск ледников. Эльфы с развевающимися плащами и плюмажами и высоко поднятыми копьями скакали по узкой горной тропе. Позвякивали уздечки коней, гулкий стук подков о камни подхватывало ночное эхо.

Вдруг где-то наверху запел грубоватого тона рог, потом ото-звался другой, но уже ниже избранной ими тропы. Эльфы услы-хали звон металла и топот ног, а достигнув входа в пещеру, к которой вела тропа, увидели, что путь им преграждает отряд воо-руженных гномов.

Ростом гномы, народ довольно-таки кривоногий, едва доходили Скафлоку до пояса, зато были широкоплечи и длинноруки. На их смуглых, бородатых лицах читалась злоба, глаза гневно сверкали под кустистыми бровями. Мечи, топоры и щиты у них были железные. И все же в прошлом эльфам не раз случалось побеждать гномов: они гораздо лучше метали дротики и стреляли из лука, были ловчей и сноровистей, и к тому же гораздо на выдумывание всяких воен-ных хитростей.

— Вам что нужно? — спросил густым басом один из гномов, видно, предводитель. — Разве мало бед и лишений принесли моему народу эльфы и тролли, совершая опустошительные набеги на наши земли и уводя гномов в рабство? На сей раз у нас войска больше, чем у вас. Если сделаете еще хоть один шаг, все будете перебиты.

— Мы пришли с миром, Мотсогнир, — ответил Имрик. — Хо-тим купить у вас кое-каких ваших изделий, и больше ничего.

— Меня тебе не обмануть, Имрик, я слишком хорошо знаю твое вероломство, — жестко бросил Мотсогнир. — Может, ты просто хо-чешь застать нас врасплох.

— Я могу оставить вам заложников, — предложил эльфийский князь, и король гномов согласился, хотя и с большой неохотой. Не-сколько прибывших с Имриком эльфов были разоружены и окруже-ны гномами, остальных же Мотсогнир провел в свои пещеры.

Там, в красноватом дымном сумраке, неустанно трудились у своих наковален гномы. От непрестанного стука их молотов, у Скафлока скоро звон пошел в голове. Нигде в целом мире не умели делать таких великолепных вещей, как в стенах этой пещеры. Здесь создавались украшенные драгоценными камнями чаши и кубки, тонкой работы перстни и ожерелья из червонного золота, из добы-

тых же в сердце горы металлов ковалось оружие, достойное богов, да что там достойное — сами боги и впрямь не брезговали гномьей работой. Умели гномы также делать оружие, обладающее особой злой силой. Могучи были руны и заклятия, наносимые гномами на клинок, непостижима для непосвященных была древняя магия их искусства.

— Я хотел бы, чтобы вы сковали доспех и оружие моему приемному сыну, — проговорил Имрик.

Мотсогнир пристально взглянул на возвышающегося над ним Скафлока своими крохотными, как у крота, глазами, сияясь лучше его разглядеть в сумраке подземелья. — Ты опять взялся за старое, Имрик, усилий делаешь? Смотри не переусердствуй. Ну да ладно. Раз парень этот человек, ему, наверное, нужно стальное оружие.

Скафлок колебался. Привитое с детства отвращение к железу так сразу нелегко преодолеть. Но он ведь и раньше догадывался, к чему дело идет. Бронза недостаточно прочна, а оружие из тайных эльфийских сплавов для него слишком легко, силы-то у него все прибывает.

— Да, непременно, стальное, — проговорил он твердым голосом.

— Вот и славно, — проворчал Мотсогнир, поворачиваясь к своей наковальне. — Знаешь, мальчик, вы, люди, хоть и слабы, и век имеете короткий, и знанием особым не владеете, все равно сильнее, чем эльфы, тролли, великаны, да и сами боги. И дело тут не только в том, что для вас не страшно прикосновение холодного железа. Эй! Синдри, Текк, Драупнир, быстро сюда! Пособите мне.

Гномы принялись за работу. Полетели снопы искр, жалобно запел под ударами молотов горячий металл. И таково было искусство тех кузнецов, что Скафлок и глазом не успел моргнуть, как на него надели готовые доспехи: крылатый шлем и блестящую кольчугу. Щит, как и положено, забросили за спину, опоясали Скафлока мечом, дали в руку боевой топор. Все было из сверкающей голубоватой стали. От радости Скафлок завопил благим матом, потом, воздев новое оружие к небу, издал эльфийский боевой клич.

— Ух-ты! — крикнул он, со звоном швыряя меч обратно в нож-

ны. — Пусть тролли, гоблины или великаны только попробуют приблизиться к Альфхейму! Мы поразим их как молния, и тогда пожар войны разгорится в их собственных владениях. — И сложил стихи:

*Вот пошла потеха:
Звон мечей раздался,
Он на взгорье эхом
Звонким отозвался.
Вот над бранным полем
Тетивы запели,
Смертоносным роем
Стрелы полетели.
И, на миг взметнувшись
У нас над головами,
Топоры тяжелые,
Упав, кольчуги рвали,
Иногда же, ринувшись
Отвесно с высоты,
Кололи, как скорлупки,
Шлемы и щиты.
Вот пошла потеха:
Вялости чистовой.
Понеслись над битвою
Дротики со свистом.
На врага воители
Ринулись отважно:
Хоть одного сразить бы,
Что потом — неважно.
Топот, лязг да крики,
Нарастал шум битвы,
Уж живые рубятся
На телах убитых.
И те, что нынче живы,
Здесь кровь свою прольют.
Богатая пожива
Волкам и воронью.*

— Неплохо сказано, хотя и несколько ребячески, — холодно заметил Имрик. — Смотри, не коснись кого-нибудь из эльфов этими своими новыми игрушками. Ну нам пора. — Он дал Мотсогниру мешок золота. — Вот тебе плата за работу.

— Лучше бы ты оставил золото себе, а в уплату нам отпустил на волю рабов-гномов, — проговорил тот.

— Не могу, мне в них большая нужда, — заявил Имрик и удалился.

На рассвете его отряд укрылся в пещере, а на следующую ночь продолжил свой путь, достигнув, наконец, пущи, где стоял замок короля эльфов.

Твердыня эта была защищена такими чарами, что Скафлоку не удалось до конца их развеять. Он лишь смутно видел в лунном свете силуэты высоких изящных башен, ощущал вокруг себя синеватый сумрак со множеством мерцающих, танцующих в нем звездочек, слышал музыку, пронзающую плоть и проникающую в самую душу, но ясно видеть происходящее стал лишь тогда, когда их провели в тронный зал.

Там, на созданном из бесплотной тени троне, восседал в окружении своих величавых вельмож король эльфов. Корона и скипетр у него были золотые, а мантия пурпурного цвета, прекрасно гармонизировавшего с сумеречными тонами трона. Волосы и борода короля были белы, как снег, лицо же избороздили морщины (по какой-то причине он, один из всех эльфов, не сохранил юношеский облик). Если бы не горящие огнем глаза, лицо его могло бы показаться высеченным из мрамора. Имрик поклонился, а воины из его свиты преклонили колена перед своим повелителем. — Приветствую тебя, Имрик, князь британских эльфов, — молвил король голосом, похожим на песнь ветра.

— Приветствую тебя, государь, — ответил тот, спокойно встретив ужасный взор короля.

— Мы собрали наших вассалов на совет, поскольку до нас дошла весть, что тролли вновь готовятся к войне. Нет никаких сомнений в том, что напасть они намереваются на нас. Поэтому следует ожидать, что в ближайшие годы перемирие будет нарушено.

— Это к лучшему, государь. Не все же нашим мечам плесневеть в ножнах.

— Нет никакой уверенности в том, что это к лучшему, Имрик. В прошлый раз эльфы отразили троллей и вторглись бы в их земли, если бы не было заключено перемирие. Король троллей Иллред отнюдь не глуп. Он не стал бы готовиться к новой войне, если бы ему не удалось значительно увеличить свою мощь против прежнего.

— Я подготовлю княжество к войне, государь, и пошлю к троллям лазутчиков.

— Прекрасно. Может быть, им удастся разузнать что-нибудь важное. Наши собственные лазутчики пока ничего не добились. — Тут король обратил взор на Скафлока, у которого при этом отчего-то похолодело сердце, хотя он и сумел храбро, не отводя глаз, встретить его взгляд. — Имрик, до меня дошла весть, что ты снова сделал усилие и подменил им человеческого младенца, — тихо проговорил властелин эльфов. — Надо было тебе прежде спросить дозволения у меня.

— На это не было времени, государь, — возразил князь. — Ребенка окрестили бы прежде, чем мой гонец успел вернуться с твоим ответом. В наше время похитить младенца — нелегкое дело.

— И к тому же рискованное.

— Верно, государь, рискованное. Но риск оправдан. Думаю, что мне не нужно тебе напоминать, что люди способны на многое из того, что недоступно эльфам, троллям, гоблинам и прочим. Они могут пользоваться любыми металлами, могут прикасаться к святой воде, ходить по освященной земле, произносить имя нового бога. Поистине, кое в чем они превзошли самих старых богов. Нам, эльфам, необходим такой союзник.

— Двойник, которого ты подложил вместо ребенка, тоже обладает всеми этими возможностями.

— Это верно, государь. Но тебе, конечно же, ведомо, что все естество подобных полукровок пронизано злом. Такому нельзя доверить магическое знание, тогда как человеку можно. К тому же, эльфы не подменяли бы младенцев, если бы людям было дано узнать об этом и они могли бы призвать на наши головы гнев своих богов.

До сих пор беседа текла в привычном для бессмертных спокойном русле, но тут вдруг в голосе короля послышались несвойственные ему обычно напряженные ноты: «Можно ли доверять этому че-

ловеку? Стоит ему только обратиться к новому богу, как мы утратим над ним всякую власть. Уже сейчас заметно, что он становится слишком силен».

— Нет, государь! — Не смущаясь блеском высочайшего эльфийского собрания, Скафлок выступил вперед и взглянул прямо в лицо королю. — Я безгранично благодарен Имрику за то, что он избавил меня от слепого верчения в бессмысленной круговерти, именуемой жизнью смертного. Я — эльф по всему, кроме рождения: я был вскормлен эльфийским молоком, говорю на эльфийском наречии и ложе свое делю с эльфийками. — Он вскинул голову. В его взоре сквозило чуть ли не высокомерие. — Если дозволишь, государь, я буду лучшим из твоих гончих псов. Но если пса прогнать прочь, он станет волком, и тогда туго придется стадам его прежнего хозяина.

Некоторые из эльфов долго не могли прийти в себя, поразившись прямолинейности этого заявления, но их повелитель только кивнул и с невеселой, правда, улыбкой сказал Скафлоку:

— Я верю тебе. И впрямь, в прежние времена усыновленные альфхеймскими эльфами люди показали себя прекрасными воинами. Что меня беспокоит, так это дар асов, данный тебе в младенчестве. У богов, похоже, есть в этом деле какой-то свой интерес, причем наверняка отличный от нашего.

По залу прошел ропот, некоторые сотворили рунные знамения. Но Имрик проговорил:

— Государь, что предначертано Норнами, даже богам не дано изменить. И было бы неразумно отказаться от помощи самого одаренного из принятых нами в свою среду людей ради ни на чем особенно не основанных опасений.

— Это верно, — согласился король, и совет перешел к обсуждению других вопросов.

Перед тем как эльфийским владетелям разъехаться по своим уделам, для них был устроен роскошный пир. У Скафлока голова пошла кругом от великолепия, увиденного при дворе. Он возвратился домой, исполненный глубочайшего презрения и жалости к смертным, и долгое время не желал их даже видеть.

Прошло еще лет шесть. Эльфы за это время совсем не изменились, Скафлок же еще подросток, так что кольчугу его пришлось расставить (с этим делом справились имриковы рабы из гномов). Он

перерос своего приемного отца, был шире его в плечах, и слыл первым силачом в княжестве. Ему нипочем было голыми руками побороть медведя или дикого быка, пешим загнать оленя. Никто в Альфхейме не мог натянуть его лук и управиться с его топором, хоть железный тот был, хоть нет.

Лицо Скафлока стало угже, он отпустил усы такого же пшеничного цвета, как его волосы. При этом с годами он не остепенился, а, напротив, остался все таким же сорвиголовой, даже как будто стал еще бесшабашней. Гуляка и задира, он был горазд на всякое озорство, например, мог устроить смерч лишь затем, чтобы у какой-нибудь девицы при этом задралась юбка. Маясь от избытка сил, он рыскал по стране в поисках все более опасной дичи. Выследив чудовищ гренделева семени, он убивал их прямо в их болотных логовах, порой получая страшные раны, которые без имрикова магического знания были бы неизлечимы, но отнюдь не теряя от этого вкуса к опасным приключениям. В другое время он мог по целым неделям лежать лежнем, мечтательно глядя на бегущие по небу облака. А нередко отправлялся гулять по лесам и водам, обратившись каким-нибудь зверем или птицей и обретя вместе с обличием иное, нежели у человека, видение мира: рыскал волком, нырял в ручей выдрой, парил в небе орлом.

— Трех вещей не пришлось мне изведать: страха, поражения и болезни, именуемой любовью, — похвалился он однажды.

Имрик взглянул на него как-то странно, и проговорил:

— Молод ты еще, видать, раз не испытал самого главного в человеческой жизни.

— Так ведь я больше эльф, нежели человек.

— Так то оно так, но лишь до поры до времени.

Как-то Имрик снарядил с дюжину драккаров и отправился в поход — промыслить кое-чего по-викингски. Пересекши восточное море, его дружина разграбила прибрежные гоблиньские селения, а потом двинулась вглубь материка. Там они взяли приступом и спалили троллий город, собрав богатую добычу и перебив всех его обитателей. Хотя война еще не была объявлена, подобные пробы сил производились обеими сторонами все чаще. Погрузившись на корабли, эльфийское воинство пошло на север, потом повернуло на восток и оказалось в странной, заснеженной, туманной местности, где постоянно царил холод, а в море плавали айсберги. Не удержи-

ваясь в тех местах, Имрик, Скафлок и их воины обогнули мыс и через пролив двинулись на юг. Там они сразились с драконами и местными демонами, опять же взяв неплохую добычу. Затем они пошли вдоль берега назад, на запад. Через какое-то время береговая линия повернула на юг, потом опять на север. Самым трудным для эльфов противником в том походе оказался встреченный ими на пустынном берегу отряд богов-изгнанников, исхудалых, обезумевших от одиночества, но все равно обладающих невероятной силой. После той битвы три эльфийских корабля пришлось сжечь: не хватало гребцов. Но победа была за Имриком.

Случалось мореходам видеть и людей, но дела людские эльфов не интересовали, их занимал только Дивный народ. Само же имриково войско было надежно сокрыто от людских глаз, а те, кому на какое-то мгновение удавалось его углядеть, принимали его за страшное видение. В том походе эльфийские воины извели не только сечи, но и гостеприимство дружественных народов, чьи купцы проявили большой интерес к их добыче. В таких землях они устраивали длительные стоянки. Домой мореходы вернулись через три года после отплытия, привезя несметное богатство и множество пленников. Весть об этом быстро разнеслась по Альфхейму и окрестным уделам, и Имрик со Скафлоком снискали себе великую славу.

ГЛАВА VI

Ведьма жила в лесу одна-одинешенька. У нее только и осталось в жизни, что воспоминания о былом. Постепенно они источили ее душу, оставив после себя лишь труху злобы да жажду мести. Старуха неустанно трудилась над тем, чтобы углубить свое магическое знание, стать могучей колдуньей. Вначале она действовала просто наугад, потом, когда научилась вызывать духов из недр земных и говорить с живущими в воздухе высоко над землей демонами, многое узнала от них. Однажды она отправилась на шабаш на Лысую Гору. Летела, как и положено, на метле, так что лохмотья вились по ветру. Празднество это оказалось совершенно жутким. Какие-то ужасающие, порожденные первозданным хаосом существа распевали у черного алтаря свои гимны, то и дело прикладывались к полным крови котлам. Но самым кошмарным было то, что в этих обрядах участвовали молодые женщины, не гнушавшиеся к тому же совершенно немислимыми совокуплениями с чудовищами.

Старая ведьма возвратилась домой обогащенная новым знанием. А еще на шабаше она обрела наперсницу в лице ручной крысы, которую по окончании праздника захватила с собой. Крыса эта питалась кровью из ее увядших грудей, прогрызая их своими острыми зубами, а ночью, когда хозяйка ложилась спать, сидела на подушке, вереща ей что-то на ухо. Наконец, ведьма решила, что ей достанет силы вызвать того, кто был ей так нужен.

Когда она произнесла заклинание, ударил гром, вокруг ее лачуги засверкали молнии, запахло паленой серой. Но явившийся ей дух был по-своему красив, ведь вступивший на порочный путь всегда видит в пороке красоту.

— Привет тебе, имеющий множество имен, Князь Тьмы, Гений

Зла! — пав ниц, вскричала ведьма. — Исполни мое желание, и я уплачу тебе обычную цену.

Тот, к кому она обращалась, проговорил тихим, медленным, терпеливым голосом:

— Ты далеко зашла по пути, ведущему в мои владения, но пока что ты не моя. Милосердие Того, что на небесах, безгранично. Ты окончательно погубишь свою душу лишь тогда, когда сама отвергнешь Его прощение.

— На что мне прощение? Разве оно поможет отомстить убийце моих сыновей? Я готова отдать тебе душу, если ты предашь врагов в мои руки.

— Этого я сделать не могу. Зато я в силах доставить тебе средство самой заманить их в ловушку. Но, чтобы справиться с этим делом, ты должна превзойти их хитроумием.

— Я справлюсь.

— Но подумай, разве ты не отомстила уже Орму? Ведь благодаря тебе вместо своего сына-первенца он взрастил усилка, который, скорее всего, принесет ему в будущем немало горя и бед.

— Но ормов истинный первенец поживает себе, припеваючи, в Альфхейме, подрастают и другие дети. Я же желаю истребить все его проклятое семя, как он истребил мое. Старые боги тут мне не помощники. Он, чье имя я лучше не стану произносить, тоже. Помогите же мне хоть ты.

Гость устремил на нее долгий, холодный, как зимняя ночь, взор. В глазах его, казалось, мерцали крошечные язычки пламени.

— Как тебе, наверное, ведомо, боги уже занялись этим делом, — тихо промолвил он голосом, похожим на шелест листьев на ветру. — Один, провидящий судьбы людей, никогда не торопится, но, в конце концов, задуманное им исполняется. И все равно я не откажу тебе в помощи. Я дам тебе власть и знание, и ты станешь великой ведьмой. Потом я подскажу тебе, как нанести удар. Все должно удасться, если только твои противники не окажутся мудрее, чем тебе мнится.

— В мире существуют три силы, неподвластные ни богам, ни демонам, ни людям, как бы могучи они ни были и каким бы магическим знанием ни обладали. Это Белый Христос, Время и Любовь.

— От первой из этих сил ты можешь ждать лишь помехи в исполнении своих желаний, поэтому надо позаботиться о том, что-

бы ни Он, ни его служители не вмешались в борьбу. Тут следует помнить о том, что Небо не стремится овладеть волей людей и заставить их поступать как угодно Ему, а позволяет им поступать по своей воле. Даже чудеса творятся затем, чтобы дать человеку возможность полнее проявить себя.

— Вторая сила, у которой даже больше имен, чем у меня — судьба, фатум, рок, вирд, Норны, необходимость, брахман, — всех не перечтешь, не поможет тебе, поскольку не услышит твоей просьбы — она вообще ничего не слышит. Тебе не дано понять, как она может существовать одновременно со свободой воли, о которой я говорил, как не дано тебе постичь и тайну сосуществования старых богов и нового. Но, чтобы научиться творить могучие чары, ты должна непрестанно думать над этим, пока до самых глубин своего естества не проникнешься мыслью о том, что истина способна принимать множество форм, столько же, сколько существует умов, пытающихся ее постичь.

— Третья же из Великих Сил принадлежит к миру смертных, она способна как помочь, так и навредить, и вот ее-то тебе надлежит использовать.

Произнеся известную клятву, ведьма узнала от своего гостя, где и как получить необходимое ей знание. На сем их беседа и закончилась.

Впрочем, не совсем. Когда ее недавний собеседник вышел из хижины, она посмотрела ему вслед и увидела, что он уже совсем не тот, что был, когда говорил с ней. Уходящий от нее кутался в плащ, в руке держал копье и, похоже, был крив на один глаз: точно разглядеть было трудно из-за того, что на голове у него вдруг оказалась широкополая шляпа. Старуха содрогнулась: в былые времена ей случалось слышать о существе, которое любит менять обличия, странствуя по земле, причем всегда говорилось именно о его коварстве и вероломстве. Но вот гость исчез в темноте. Может быть, ей только почудилось? Может быть, свет звезд сыграл с ней злую шутку? Она не стала долго думать об этом: все ее помыслы были заняты лишь понесенной утратой и страстным желанием отомстить.

Имриков усилил хоть и оказался не в меру злобен и горласт, в остальном в точности походил на похищенного младенца, и, хотя Эльфрида дивилась порой странному поведению своего сына, ей и в голову не приходило, что ребенка подменили. Она окрестила младенца, дав ему имя Валгард, как того хотел Орм. Она играла с ребенком, пела ему песенки, и ее материнское сердце радовалось. Вот только кормить его было одно мучение: он то и дело больно прикусывал ей грудь.

Орм обрадовался, когда, вернувшись домой, увидел, какой у него крепенький, здоровый сын. — Быть ему великим воином, — вскричал викинг. — Такому и с оружием управиться нипочем, и с конем, и с драккаром. — Он оглядел двор. — А куда подевались собаки? Где мой верный Грам?

— Грама больше нет, — ровным голосом проговорила Эльфрида. — Он бросился на Валгарда, хотел его разорвать. Я приказала убить сбесившегося пса. Другим псам наука пошла впрок. Когда я выношу ребенка на двор, они только рычат и прячутся куда-то.

— Странно, — сказал Орм. — У нас в семье все отлично ладят с собаками и лошадьми.

Но по мере того, как Валгард подрастал, стало ясно, что животные испытывают к нему неприязнь: завидев его, коровы разбегались в разные стороны, кони храпели и пятились, кошки фыркали и мигом забирались на дерево. Еще совсем маленьким ему пришлось научиться владению копьем, чтобы отбиваться от собак. У самого мальчика животные также не вызывали никаких добрых чувств: он, ругаясь на чем свет стоит, пинал их ногами, а когда вырос, пристрастился к охоте.

Был он замкнут и молчалив, непослушен и горазд на всякие дикие выходки. Рабы ненавидели его: в обращении с ними в полную меру проявился его зловредный нрав и тяга к всевозможным жестоким шуткам. Как ни боролась с этим Эльфрида, всякая любовь к Валгарду в ней постепенно угасла.

Орм же, напротив, был очень привязан к нему, хотя они и не всегда ладили. Когда ему случалось по-отцовски «поучить» мальчи-

ка, тот молча, не вскрикнув даже, принимал любой силы оплеуху. А когда во время урока боя на мечах ормов клинок летел вниз, готовый, казалось, раскроить Валгарду череп, тот и глазом не моргнул. Валгард вырос сильным, быстрым в движениях и легко научился управляться с оружием, как будто был создан для этого. Настоящих друзей у него не было, но зато немало нашлось таких, что признавали его своим вожаком.

Эльфрида родила Орму и других детей. У них было еще двое сыновей, рыжеволосый Кетиль и смуглый Асмунд, очень способные мальчишки, и две дочери, белокурая Астерд и Фрида, с годами все больше походившая на мать. Все они были дети как дети: то веселились, то горевали, когда были маленькие, играли подле матери, а как подросли, родительский двор стал им тесен. Их Эльфрида любила неизменной материнской любовью, за них все время болело ее сердце. Орму они тоже были по нраву, но его любимцем оставался Валгард.

Достигнув порога возмужания, Валгард по-прежнему отличался каким-то странным ко всему равнодушием и крайним немногословием. Внешне он был совершенно похож на Скаффлока, разве что волосы у него были чуть темнее, кожа блее, а взгляд жесток и несколько туповат. Вечно угрюмый и недовольный, он улыбался лишь тогда, когда удавалось пустить кому-нибудь кровь или доставить боль каким-нибудь иным способом, и даже тогда это была не улыбка вовсе, а какой-то звериный оскал. Будучи гораздо выше ростом и сильнее, чем другие парни его возраста, он не желал их дружбы, а хотел лишь верховодить и не раз подбивал их всем скопом творить всяческие безобразия. В хозяйстве он совсем не помогал (изо всех видов работы ему нравился только забой скота) и часто по долгу бродил где-то в одиночку.

Орм так и не собрался поставить церковь, как когда-то хотел. Но когда церковь все же была построена (на деньги, собранные окрестными крестьянами), он не стал запрещать своим домочадцам ходить к мессе. Эльфрида позвала священника поговорить с Валгардом. Но в ответ на увещевания мальчишка рассмеялся ему прямо в лицо. — Я не стану кланяться вашему богу, потому что это не бог, а слюнтяй какой-то, — заявил он. — И другим богам я тоже не собираюсь молиться. Если просить богов о помощи и впрямь дело стоя-

щее, в жертвах, что отец приносит асам, должно быть куда больше проку, чем в молитвах, с которыми вы пристаёте к этому вашему Христу. Если бы я был богом, то, наверное, прельстился бы кровавой жертвой и послал жертвующему удачу, а скрягу, который кроме сладких, как патока, молитв и дать-то ничего не желает, втоптал бы в грязь — вот так! — И с силой наступил священнику на ногу кованым башмаком.

Узнав об этой его выходке, Орм расхохотался, Эльфрида же заплакала — но она была не в счет. Так что священник даже не услышал извинений за понесенную обиду.

Больше всего Валгард любил ночь. Ему часто не спалось, и тогда он потихоньку выбирался из дома. Он мог до самого рассвета волком рыскать по округе, его гнала вперед и вперед какая-то лунная магия, таившаяся у него в голове. Он сам не знал, чего хочет, не мог найти объяснения постоянно обуревавшей его тоске, которая покидала его лишь тогда, когда он убивал, калечил, губил. В эти мгновения он только и мог ощутить радость. Он весело смеялся, а тролля кровь билась у него в висках.

Пришло время, и он стал заглядываться на работающих в поле девушек, у которых платья липли к мокрым от пота телам. У него появилось новое увлечение. Сильный, видный собой парень, к тому же весьма бойкий на язык (в случае нужды он всю применял унаследованный от отца-эльфа дар красноречия), Валгард умел добиться своего. Пришлось Орму не раз и не два платить соседям пени за «попорченных» рабынь да дочек.

Это-то бы еще ничего, но вот однажды Валгард повздорил на пирушке с Олавом сыном Сигмунда и убил его. Орм уплатил виру, и дело было улажено, но с той поры он понял, что его старший сын может натворить такого, что всей семье не поздоровится. В последние годы старый викинг все чаще оставался дома, а когда и ходил в море, то лишь мирным купцом. Но тем летом он отправился в викингский поход и взял с собой Валгарда.

Поначалу парень очень хорошо показал себя в деле, заслужив уважение дружины своей отчаянной смелостью в бою и мастерским владением оружием, хотя многим и не нравилось, что он безо всякого смысла убивает безоружных. Но потом на Валгарда стали накатывать приступы неистовства: перед боем у него вдруг начинались су-

дороги, изо рта шла пена, он принимался грызть край своего щита, а потом с диким воем бросался в битву. Его окровавленный меч мелькал в воздухе так стремительно, что глазу невозможно было уследить, он не ощущал боли от ран, а вид его искаженного лица порой настолько ошеломлял противника, что тот падал под ударом валгардова меча, не успев даже поднять оружие. Когда приступ проходил, Валгард какое-то время ощущал слабость во всех членах, но к тому времени он успевал нагромоздить прямо-таки горы трупов.

Пойти в дружину к берсерку — дело на большого любителя, никому, кроме самых отпетых головорезов, такое и в голову не придет. Впрочем, Валгарду только самые отпетые и были нужны. С той поры он каждое лето ходил на викингский промысел, с отцом ли или без него. Больше без него, поскольку Орм вскоре навсегда оставил это дело. К тому времени как Валгард достиг полного возмужания, его именем было уже впору детей пугать. Помимо дурной славы, добыл он в тех походах и золото, чтобы прикупить еще драккаров. Он значительно увеличил свою дружину, причем набрал такого сброда, что Орм запретил ему высаживать свое воинство на берег вблизи усадьбы.

Другие дети в семье пользовались, можно сказать, всеобщей любовью. Кетиль пошел в отца: веселый здоровяк, он был горазд и подраться, и побалагурить, а когда вошел в возраст, стал мореходом. Но на викингский промысел он ходил лишь однажды. Тогда они вдрызг разругались с Валгардом, и после этого он уже плавал сам по себе, мирным купцом. Асмунд, худощавый, спокойного нрава парень, не любил рати, хотя и отлично стрелял из лука. С годами он все больше брал на себя управление хозяйством. Асгерд стала премиленькой, хотя и несколько крупноватой, девицей с голубыми глазами, золотистыми волосами и сильными прохладными руками. Фрида еще не достигла взрослости, но было ясно, что в ней суждено повториться красоте ее матери.

Так обстояли дела в то время, когда ведьма решила, что пора, наконец, захлопнуть поставленную ею ловушку.

ГЛАВА VII

Однажды, ненастным осенним днем, когда в студеном воздухе пахло дождем, а листья на деревьях окрасились в золотые, медные и бронзовые тона, Кетиль с несколькими друзьями отправились верхами на охоту. Не успели они как следует углубиться в лес, как увидели громадного, редкой красоты белого оленя. Они даже глазам своим не поверили.

— Ух-ты! Дичина прямо королевская! — вскричал Кетиль, пришпоривая коня, и помчался вслед за убегающим зверем, по камням и буеракам, перескакивая через бурелом, продираясь сквозь кусты, взметая в воздух целые охапки осенних листьев, так что ветер свистел в ушах. Вначале летящие навстречу древесные стволы были еще видны, потом все слилось в одном каком-то мелькании. Как ни странно, собаки отчего-то не рвались преследовать дичь, и, хотя конь у Кетили был не из лучших, он вскоре далеко обогнал всю остальную охоту.

Белый олень все скакал впереди, его ветвистые рога четко вырисовывались на фоне неба. Сквозь голые ветви начал падать холодный дождь, но Кетиль почти не заметил этого: слишком велик был азарт погони. Не заметил он ни сколько времени прошло, ни сколько миль он проскакал, все казалось неважным, кроме одного: стремления настичь желанную добычу.

Наконец на небольшой полянке ему почти удалось поравняться с оленем. Уже темнело, и тот был едва различим, но охотник все равно прицелился и метнул дротик в белевшего на фоне деревьев зверя. Вдруг, в тот самый миг, олень стал уменьшаться, потом совершенно исчез, а на его месте оказалась крыса, которая тут же юркнула в опавшую листву.

Кетиль понял, что обогнал своих товарищей и заблудился. Вечерело, в лесу гулял пронзительно-холодный ветер. Конь дрожал от усталости, и не удивительно: в пылу погони они оказались в совершенно незнакомой Кетилю части леса, а значит, забрались далеко на запад от ормовой усадьбы. Странно, что, столько проскакав, конь вообще не упал, загнанный. Кетиль вдруг осознал всю жутковатую странность происшедшего, и по спине у него пробежал неприятный холодок.

И вдруг он заметил на краю поляны, под огромным дубом небольшой домик. Ему стало любопытно, кто это мог поселиться в такой глуши и чем они жили. Видно не крестьянским трудом, ведь земля подле дома была не возделана. Но, кто бы они ни были, хозяева этого деревянного домика с аккуратной соломенной крышей, верно, не откажут в ночлеге ему и его коню. Сквозь окна был виден свет, наверное, от огня в очаге. Он спешился, подобрал свой дротик и постучал в дверь.

Когда она отворилась, Кетиль увидел хорошо обставленную комнату, а за ней пустое стоило. Но стоило ему увидеть открывшую дверь женщину, как он уже не мог смотреть ни на что другое. Сердце его забилося так, как будто хотело вырваться прочь из груди. Так рвется на волю из клетки пойманная в силки дикая кошка.

Незнакомка была высока ростом, а облегающее, с большим вырезом на груди платье любовно подчеркивало каждую округлость ее роскошного тела. Темные распущенные волосы длиной ей до колен тяжелой волной ниспадали на плечи, обрамляя лицо, чей овал был совершенен, а цвет напоминал морскую пену. Полные губы красны, как кровь, нос точеный, ресницы длиннющие, брови красиво изогнуты. Но прекраснее всего были ее глаза, бездонные, зеленые, с золотистыми бликами. Они заглянули, казалось, в самую душу Кетилия. Потрясенный, он не мог понять, как это прежде никогда не задумывался о том, как может глядеть женщина.

— Ты кто? — спросила незнакомка тихим мелодичным голосом. — И чего ты хочешь?

У Кетилия отчего-то вдруг пересохло во рту, а в висках застучало так, что он ничего не слышал. Но он сумел-таки проговорить:

— Меня зовут Кетиль сын Орма. Я заблудился во время охоты. Хотел вот попросить ночлега для коня... Ну и для себя самого тоже.

— Добро пожаловать, Кетиль сын Орма, — проворковала она с улыбкой, от которой у него чуть сердце не выскочило из груди. — Сюда редко кто заходит, и я всегда рада гостям.

— Ты живешь одна?

— Вообще-то одна. А сейчас с тобой. — Она рассмеялась, и Кетиль, не сдерживаясь более, заключил ее в свои объятия.

Орм послал людей расспросить всех соседей, но никто не знал, куда подевался его сын. Прошло три дня с тех пор, как Кетиль пропал, и старик был убежден, что с ним случилось что-то неладное. — Может, он сломал ногу или повстречал разбойников, да мало ли что, — сказал он. — Асмунд, завтра мы отправляемся на поиски.

Валгард сидел, развалившись на скамье с рогом браги в руке. Он только два дня как возвратился из летнего похода. Как разместил драккары и дружину в купленной им усадьбе, неподалеку от ормовой, пришел пожить немного дома, больше потому, что там хорошо кормили-поили, нежели от желания повидать родню. Свет огня в очаге окрасил его угрюмую физиономию в кроваво-красный цвет. — Почему ты говоришь это одному Асмунду? — спросил он. — Я ведь тоже здесь. Вот он я.

— Мне казалось, что между вами с Кетилем нет особой любви, — ответил Орм.

Валгард ухмыльнулся и залпом осушил рог. — Так оно и есть. Но я все равно пойду искать его, и, надеюсь, именно мне удастся найти братца и привести его домой. Тогда он будет обязан мне жизнью, а для него это что кость в горле.

На это Орм только пожал плечами, а в глазах Эльфриды заблестели слезы.

К поискам Кетилия приступили на следующее утро, на рассвете. Собралось много народа, все верхами. У прихваченных с собой собак вместе с лаем изо рта вылетали облачка пара. Люди рассыпались по лесу и принялись его прочесывать в соответствии с намеченным планом. Валгард, как всегда пеший, отправился сам по себе. На всякий случай он взял с собой топор и надел шлем. Только вооружение

и отличало его на вид от хищного зверя, на которого в своей одежде из мохнатых шкур он весьма смахивал.

Втянув носом морозный воздух, он принялся кружить в поисках следов кетилева коня. Следопыт из него был отменный, у него к этому делу были прямо-таки нечеловеческие способности. Вскоре ему удалось напасть на след, хоть тот и был едва различим. Валгард ухмыльнулся. Он не стал трубить в рог, а в одиночку пустился по следу своим обычным стремительным, чуть прыгающим шагом, похожим на волчий мах.

Через некоторое время он оказался далеко на запад от дома, в той части леса, куда никогда прежде не забредал. Небо стало серым, облака низко летели над вершинами обнаженных деревьев. Ветер кружил в воздухе опавшие листья, которые были чем-то похожи на летящие в ад души грешников. Его завывания действовали Валгарду на нервы. Он кожей чувствовал, что что-то в том месте не ладно, но, будучи совершенно несведущ в магии, не мог понять, отчего это у него волосы на загривке встают дыбом.

Смеркалось. Усталый и голодный, Валгард был страшно далеко от дома. В нем закипала злоба на Кетилья, из-за которого он терпел такие тяготы. Теперь придется ночевать в лесу, а ведь уже предзимье. Ох, и задаст же он Кетилю, когда до него доберется!

Но что это? Сквозь сгущающиеся сумерки он углядел в отдалении какой-то отсвет. Значит, там человеческое жилье, и он сумеет-таки найти приют на ночь. Если, конечно, это не логово разбойников. «А хоть бы там и разбойники были, — добавил он про себя. — Разделаюсь с ними. То-то потеха будет».

Пока он добирался до небольшого домика, сквозь окна которого и пробивался свет, уже совсем стемнело. На лицо ему хлопьями падал мокрый снег. Валгард осторожно прокрался к окну и заглянул в щель между ставнями.

На скамье перед жарко горящим огнем в очаге с довольным видом восседал Кетиль. В одной руке он держал рог меда, а другой ласкал сидящую у него на коленях женщину.

Но, боги всемогущие, до чего же хороша кетилева подруга! У Валгарда аж дыхание занялось. Он и не знал, что такие женщины бывают на свете.

Он подошел к двери и забарабанил по ней обухом топора. Через

какое-то, довольно долгое, время дверь отворил Кетиль с дротиком в руке: он решил-таки посмотреть, кто пришел. На улице уже мело вовсю. На пороге перед ним возник, загородив собой весь дверной проем, обозленный Валгард. Кетиль ругнулся, но пропустил его в дом. Валгард медленно прошелся по комнате, оставляя за собой мокрый след: облепивший его снег начал таять. Взгляд его был устремлен на свернувшуюся клубочком на скамье женщину.

— Не больно-то ты гостеприимен, брат, — сказал он с коротким смешком. — Я столько миль прошел, чтобы тебя найти, а ты меня держишь в метель на улице, пока сам с подружкой забавляешься.

— Я тебя сюда не звал, — утрюмо проговорил Кетиль.

— Разве? — Валгард по-прежнему, не отрываясь, глядел на женщину, и когда та встретила с ним взглядом, по ее алым губам скользнула улыбка.

— Ты для меня желанный гость, — проворковала она. — Прежде мне не доводилось встречать таких богатырей.

Валгард снова хохотнул, потом обернулся к ошеломленному Кетиллю. — Звал ты меня или не звал, братец, а я остаюсь на ночь. На ложе, как я погляжу, хватит места только для двоих, а я так устал с дороги! Боюсь, придется тебе переночевать в стойле.

— Ради тебя я этого не сделаю! — вскричал Кетиль, и было видно, как побелели костяшки пальцев руки, в которой он сжимал дротик. — Кабы пришел отец, Асмунд, кто угоден из домашних, ради Бога. Но ты, пакостник, берсерк поганый, сам будешь спать на соломе.

Валгард ощерился и, взмахнув топором, прижал кетилев дротик к притолке и расщепил, так что острие его отвалилось.

— Ты сам уйдешь, братишка, или мне вышвырнуть тебя вон?

Вне себя от гнева, Кетиль ударил его древком дротика. Валгард пришел в бешенство. Он отпрыгнул прочь и рубанул топором с такой силой, что, раскроив Кетиллю череп, острие так и засело в нем.

Валгард, по-прежнему пребывавший в каком-то ослеплении, тут же бросился к женщине и, схватив ее в объятия, принялся целовать, да так, что рассадил в кровь губы и себе, и ей. Она при этом громко смеялась.

Наутро, проснувшись, Валгард увидел Кетиля, лежащего в луже крови и мозга, заглянул ему в глаза и почувствовал раскаяние.

— Что я натворил? — прошептал он. — Убил своего же родича.

— Ты убил того, кто был слабее тебя, — безразличным тоном проговорила женщина.

Но Валгард был не вполне утешен ее словами. Стоя над мертвым телом брата, он задумался о случившемся.

— Нам с тобой иногда бывало неплохо вместе, Кетиль, когда мы не ругались, — пробормотал он. — Помню, как весело было, когда мы нашли только что родившегося теленка, который никак не мог встать на ножки. А потом, когда мы пошли в море, как ветер дул нам в лицо, а волны искрились под солнцем! А как мы гуляли на Рождество, когда вокруг отцовского дома завывали метели! А как мы с тобой мальчишками ходили купаться, носились по двору, галдели. Теперь все кончено. Ты стал мертвецом, а я вступил на темный путь. Но спи спокойно, брат. Доброй тебе ночи, Кетиль!

— Если кому расскажешь про это, тебя убьют, — сказала женщина. — Его этим не вернуть. А в могиле не видать тебе ни поцелуев, ни объятий.

Валгард кивнул. Он поднял мертвеца и отнес его в лес. Топор он так и оставил в ране: притрагиваться к нему не хотелось. В лесу он завалил тело брата камнями.

Но когда вернулся в дом, где ждала его женщина, то вскоре забыл обо всем на свете. Красотой она затмила бы даже солнце. И к тому же в совершенстве владела искусством любви.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. На землю лег снег. Знать, зима будет долгой.

Через неделю Валгард решил вернуться домой. А то еще искать станут, да и дружинники могут передрасться в его отсутствие. Но женщина не желала пойти с ним.

— Здесь мой дом, я не могу бросить его, — сказала она. — Ты ступай, любимый, а как сможешь, приходи опять, я буду ждать тебя.

— Я скоро вернусь, — пообещал он. Ему и в голову не пришло утащить ее с собой силой, хотя обычно он так и поступал в подобных случаях. Она ведь отдалась ему по своей воле, подарила ему любовь, и этот дар был для него драгоценен.

Когда Валгард воротился в ормов дом, старый ярл ужасно обрадовался: он ведь уже подумал, что потерял еще одного сына. Но среди других домочадцев особого ликования по случаю его возвращения не наблюдалось.

— Я ходил далеко на север и на запад, но Кетиля не нашел, — сказал Валгард.

— Мы тоже, — проговорил Орм, вновь ощутив всю горечь утраты. — Должно быть, его нет в живых. Мы искали его несколько дней. Нашли только коня, бродил по лесу без седока. Надо готовить тризну.

Побыв дома всего несколько дней, Валгард снова ушел в лес, пообещав вернуться к тризне по Кетилю. Асмунд задумчиво глядел ему вслед.

Младшему брату казалось странным, что Валгард избегает говорить о случившемся с Кетилем, да к тому же, с чего это он вдруг собрался на охоту? Зима ведь на носу. Медведя сейчас не встретишь, другая же дичь в эту пору становится осторожной, по снегу к ней не подойдешь. Почему Валгард так долго пропадал в прошлый раз, и почему он опять уходит?

Подумал Асмунд, подумал, да и отправился вслед за Валгардом. После ухода того прошло уже два дня, но за это время снег не шел, да и не мело особенно, так что следы были четко видны на снегу. Асмунд шел на лыжах в белом безмолвии, где, казалось, не было ни одного живого существа, кроме него. Холод пробирал его до самых костей.

Валгард вернулся через три дня. Тризна уже началась. Народ на нее съехался со всей округи. Мрачный и молчаливый, берсерк тенью скользнул через запруженный людьми двор.

Эльфрида тронула его за рукав.

— Ты не видал Асмунда? — робко спросила она. — Он ушел в лес и до сих пор не вернулся.

— Не видал, — коротко ответил Валгард.

— Не приведи меня Господь потерять в один месяц двоих прекрасных сыновей и остаться с одним, худшим из всех, — сказала Эльфрида и отвернулась от него.

Вечером гости собрались в большом зале, где был приготовлен поминальный пир. Орм сидел на хозяйском месте, Валгард по правую руку от него, гости же — на скамьях, вдоль стен. Посреди, в тянущейся вдоль длинного зала выемке, был разложен огонь, так что пирующие едва видели сидящих напротив сквозь дым и чад. Женщины сновали взад-вперед, подливая пиво в быстро опустошаемые рога. Все, кроме хозяев, вскоре пришли в развеселое настроение

от обилия выпитого, многие в красноватом дымном полумраке стали заглядываться на ормовых дочек, обносивших гостей пивом.

Орм держался бодро, выказывая, как и подобает воину, презрение к смерти. Эльфрида не могла сдержать слез; они то и дело катились у нее по лицу, тихие и безнадёжные. Валгард молча осушал рог за рогом, пока у него не зашумело в голове. Хмель лишь усилил его уныние. Здесь, вдали от возлюбленной, вдали от ратных тревог, он только и мог думать, что о содеянном, перед глазами у него неотвязно стояло лицо Кетиля.

Пиво текло рекой. Все напились и гомонили на чем свет стоит. Но даже сквозь шум пирующие слышали, как хлопнула входная дверь. Засов не был заложен, но звук этот все равно привлек всеобщее внимание. В зал вошел Асмунд. Вот он вступил в освещенную часть зала, и всем стало его хорошо видно. Он был страшно бледен и, похоже, нетвердо стоял на ногах, а в руках держал что-то большое, завернутое в плащ. Его ввалившиеся глаза блуждали по залу, как будто кого-то разыскивая. Мало-помалу гомон утих, и в зале воцарилась тишина.

— Добро пожаловать, сынок! — крикнул Орм. — Мы уже начали беспокоиться за тебя... — Ответом ему было молчание.

Асмунд все стоял, глядя куда-то прямо перед собой, и те, кому удалось проследить его взгляд, поняли, что он смотрит на Валгарда. Наконец, он проговорил лишенным всякого выражения голосом: — Я добыл вам еще гостя на поминальный пир.

Орм не шелохнулся, но бородатое лицо его побелело. Асмунд поставил свою ношу на пол, но придерживал ее рукой, чтобы не упала.

— Ему холодно было лежать под курганом из камней, где я нашел его, — сказал Асмунд. По лицу его катились слезы. — Плохое это место. Потом я подумал, что вот, мы устраиваем пир в его честь, и неправильно будет, если он останется лежать там совсем один, не оплаканный никем, кроме ветра да звезд. Поэтому я принес Кетиля домой. Вместе с валгардовым топором, засевшим у него в голове.

Он отвернул край плаща, и свет от разведенного в центре зала огня упал на страшную рану и торчащий в ней топор, на покрытые инеем волосы Кетиля. На застывшем лице мертвеца Валгарду почудилась усмешка. В мертвых глазах отражалось пламя. Кетиль, давно

превратившийся в окоченелый труп, стоял, привалившись к Асмунду и смотрел на Валгарда.

Орм медленно повернулся к берсерку, посмотрел на него невидящим взглядом. В это мгновение у того у самого челюсть отвисла, как у мертвеца. Но замешательство тут же сменилось яростью. Валгард вскочил на ноги и заорал Асмунду:

— Ты лжешь!

— Все знают твой топор, — каменным тоном проговорил тот. — Люди добрые, хватайте, вяжите братоубийцу. На виселицу его!

— Дайте мне взглянуть на топор! — крикнул Валгард. — Это мое право.

Все сидели, как громом пораженные, никто даже не попытался удержать его. В полной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев в очаге, Валгард двинулся к двери, ведущей в сени. Проходя мимо составленного в козлы оружия, он схватил копье и бросился бежать.

— Врешь, не уйдешь! — Асмунд попытался обнажить меч и заступить ему дорогу. Валгард взмахнул копьем. Асмунд был без кольчуги, и копье прошло насквозь, пригвоздив его к стене, так что он остался стоять вместе с привалившимся к нему Кетилем, и оба они удивленно смотрели на своего убийцу.

Валгард бешено взвыл. У него начался приступ берсерковского неистовства. Глаза по-рысьи загорелись зеленым огнем, а на губах выступила пена. Шедший за ним Орм взревел и ринулся на него с выхваченным из козел мечом. Валгард отклонил его меч ладонью левой руки и вонзил старому викингу в горло нож, которым резал за столом мясо. Кровь забила фонтаном, окатив его с ног до головы. Орм упал. Валгард схватил его меч и повернулся к другим нападавшим, которые уже успели перекрыть ему выход из зала. Валгард рубанул того, кто был ближе всех. Своды зала содрогались от его воя.

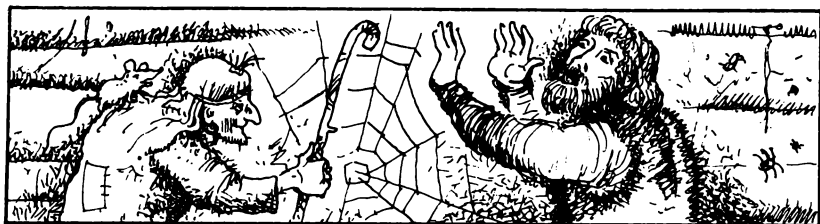
Зал бурлил. Одни поспешили укрыться в дальнем углу, другие бросились хватать помешанного. Еще трое, все из мелких хозяев, упали под ударами валгардова меча. Несколько других двинулись на него, неся перед собой столешницу от пиршественного стола, и сумели оттеснить его от козел с оружием. Гости стали вооружаться.

Но в такой толчее быстро это сделать не удавалось. Размахивая мечом, Валгард ринулся на тех, что стояли между ним и дверью, а они были безоружны. Им пришлось расступиться, причем некото-

рые были ранены, и Валгард вырвался прочь из зала. В сенях его ждал воин, вооруженный не только мечом, но и окованным железной полосой щитом. Валгард ударил, но меч, наткнувшись на железный край щита, сломался попалам.

— Слабоват у тебя клинок, Орм, — вскричал он. В тот миг, как противник бросился на него, он отступил назад и вырвал топор из кетилевой головы. Предвидя близкий успех, мечник забыл об осторожности. Первым ударом Валгард отбил в сторону его щит, вторым отрубил ему правую руку у самого плеча и без дальнейшей помехи выскочил на улицу.

Вслед ему полетели дротики, но он сумел-таки добраться до леса. Поначалу кровь его отца текла с него, потом она замерзла. Теперь псам будет не так легко идти по его следу. Даже когда погоня отстала, он продолжал бежать вперед и вперед, просто чтобы не околеть от холода. Дрожа всем телом и плача, он бежал на запад.

ГЛАВА VIII

Ведьма сидела одна в темноте и ждала. Наконец что-то тенью скользнуло в комнату из крысиной норы, и она увидела на темном полу свою любимую зверушку.

Исхудалая и замученная, крыса не могла говорить до тех пор, пока как следует не напилась крови из груди своей хозяйки. Потом она растянулась у ведьмы на коленях и взглянула на нее своими блестящими глазами-бусинками.

— Ну, как успехи? — спросила та.

— Ох, и умаялась же я! Путь неблизкий, сама знаешь, к тому же холод стоит жуткий. В обличи летучей мыши, борясь с ветром, долетела я до Эльфхолма. Там, пробираясь по имриковым палатам, не раз была на волосок от смерти. Проклятые эльфы страх какие ловкие, и, потом, они сразу поняли, что я не обычная крыса. Но мне все равно удалось прокрасться в Зал Совета и вывести их планы.

— И что же они замышляют? То, что я думала?

— Да. Скафлок отправится с войском в Тролльхейм и нападет на Иллредову усадьбу — авось, удастся убить самого короля или, по крайней мере, сорвать его планы подготовки к войне. Ведь Иллред уж открыто заявил, что перемирию конец. Имрик останется в Эльфхолме готовиться к обороне.

— Отлично. Старый князь — хитрющая bestия, но Скафлок наверняка угодит в ловушку. Когда он отплывает?

— Через девять дней. С пятьюдесятью драккарами.

— Эльфийские корабли быстры. Они достигнут Тролльхейма той же ночью. Если научить Валгарда поднимать нужный ветер, он сумеет добраться туда за три дня. Еще три дня надо дать ему на подготовку. Чтобы он прибыл к Иллреду незадолго до Скафлока,

мне следует задержать его здесь, хотя надо учесть, что ему еще понадобится время, чтобы дойти до усадьбы, где он разместил дружину. Заставить его поступать по-моему будет нетрудно, ведь его теперь объявят вне закона. Как раз сейчас он бежит сюда в полном отчаянии просить прибежища.

— Не слишком-то ты милосердна к Валгарду.

— Против него лично я ничего не имею, ведь по-настоящему он не ормова семени. Просто он стал моим орудием в суровой и весьма опасной игре. Погубить Скафлока будет куда труднее, чем убить Орма и обоих братьев или добраться до сестричек (этим я как раз собираюсь заняться). В чародействе я рядом с ним дитя неразумное, — ведьма усмехнулась в полумраке, — но, используя Валгарда как слепое орудие, я сумею выковать острие, что поразит Скафлока в самое сердце. Что до Валгарда, то благодаря мне он сможет достичь высокого положения у троллей. Он особенно возвысится, если тролли победят эльфов. Я надеюсь через Скафлока погубить Альфхейм, и тем самым умножить скорбь, которую он испытает от собственного падения.

Ведьма умолкла и стала ждать. Этим искусством за долгие годы она овладела в совершенстве.

Наутро, когда по сугробам и обледенелым ветвям деревьев начал уже разливаться безрадостный сероватый свет, в дверь женщины постучал Валгард. Она сразу же открыла, и он буквально упал в ее объятия. Полуживой от холода и усталости, весь в пятнах свернувшейся крови. Лицо его выражало полнейшее отчаяние, глаза дико блестели.

Она накормила его мясом, напоила пивом и отваром только ей ведомых трав, и вскоре он уже смог обнять ее.

— Теперь только ты у меня и осталась, — пробормотал он. — Ты, женщина, чья красота да сладострастие были причиной всего этого ужаса. Мне надо бы убить тебя, а потом наложить на себя руки.

— О чем ты? Что такого ужасного случилось, не понимаю, — с улыбкой проговорила она.

Он уткнулся лицом в ее душистые волосы.

— Я убил отца и братьев! Теперь вот прячусь от людей, что твой тать, и никогда не будет мне прощения.

— Ну, убил, и что из того? Это лишь показывает, что ты оказался сильнее тех, кто тебе грозил. Какая разница, кто они были?

Она взглянула ему в глаза своими прекрасными зелеными очами.

— Но если тебя все же беспокоит мысль о том, что ты сгубил своих родичей, то тут я могу тебя успокоить: такого греха на тебе нет.

— Как это? — Валгард захлопал глазами, потом тупо уставился на свою подругу.

— А так. Ты не сын Орму, Валгард по прозвищу Берсерк. Я ясновидица и знаю такие вещи. Больше того, могу сказать тебе, что по рождению ты и не человек даже. Корни твои столь древни и благородны, что ты и представить себе не можешь своего истинного наследия.

Валгардово могучее тело напряглось, как натянутая тетива. Схватив ее за руки с такой силой, что на запястьях неминуемо должны были оставаться синяки, он крикнул на весь дом:

— Что ты несешь?

— Ты усилоч. Тобой подменил эльфийский князь Имрик украденного им ормова первенца, — сказала женщина. — Ты сын самого Имрика, прижитый им от рабыни, дочери короля троллей Иллреда.

Валгард отшвырнул ее от себя. На лбу у него выступил пот.

— Ложь! — прошептал он, задыхаясь. — Все это ложь!

— Нет, это правда, — спокойно ответила женщина. Она шагнула к нему, но он, тяжело дыша, попятился прочь.

Решив, что щадить его незачем, женщина продолжала свои откровения:

— А почему, думаешь, ты так непохож на ормовых детей и вообще на детей человеческого племени? Откуда у тебя такое презрение к богам и людям, откуда чувство бесконечного одиночества, которое тебя покидает лишь, тогда когда тебе случится погубить какое-нибудь живое существо? Почему ни одна из женщин, с которыми ты делил ложе, не понесла от тебя? Почему животные и маленькие дети тебя боятся?

Валгард оказался уже в самом углу. Дальше отступать было некуда; женщина, не отрываясь, глядела ему в глаза.

— Всему этому есть простое объяснение. Ты — нелюдь.

— Но я же рос, как другие люди. Потом, я могу прикасаться к железу, освященной земле и прочему, да и колдовать не умею.

— Это работа Имрика, который лишил тебя наследия, променяв на ормова сына. Он и позаботился о том, чтобы ты был похож на украденного ребенка. С детства твоя жизнь была ограничена кругом мелочных людских забот, у тебя не было возможности развить таящуюся в тебе магическую силу. Для того, чтобы ты мог вырасти, состариться и умереть в краткие сроки, отпущенные человеку, чтобы не боялся, подобно эльфам, некоторых божественных и земных субстанций, Имрик лишил тебя принадлежащей тебе по праву рождения многовековой жизни. Но вложить в тебя человеческую душу он не мог. И, подобно ему, умерев, ты исчезнешь навсегда, как пламя задутой свечи. Не видать тебе ни рая, ни ада, ни палат прежних богов. И при этом твой век будет так же короток, как у человека.

Валгард заорал дурным голосом и, отшвырнув ее прочь, вылетел вон из дома. Женщина улыбнулась.

В лесу бушевала метель, становилось все холоднее, но Валгард вернулся в дом лишь после наступления темноты. Он весь как-то согнулся, поник от пережитого, но устремленные на возлюбленную глаза его горели.

— Теперь я верю тебе, — прохрипел он. — Что мне еще остается? В пургу случалось мне видеть призраков и демонов. Они смеялись надо мной, пролетая мимо. — Он уставился в темный угол комнаты. — Вокруг меня стущается тьма, жалкая игра, называемая жизнью, для меня кончена. Я потерял все: дом, родных, и самую душу. А может, у меня ее никогда и не было, души-то? Теперь я вижу, что был лишь тенью Могучих, которые вот-вот задуют свечу. Доброй ночи тебе, Валгард.

Он бросился на ложе и зарыдал.

Улыбнувшись чему-то своему, тайному, женщина легла подле Валгарда и поцеловала его. Губы ее жгли огнем, пьянили, как вино. Когда же он, молча, поднял на нее затуманенный взор, она нежно прошептала:

— Неужто я слышу такие речи от Валгарда Берсерка, величайшего из воинов, чье имя наводит ужас на всех прибрежных жителей от Ирландии до Гардарики? Мне думалось, ты обрадуешься тому, что узнал: ведь ты властен над своей судьбой и в силах, поработав своим могучим топором, переделать ее по своему вкусу. Тебе случалось жестоко мстить и за меньшие обиды, отчего же ты не желаешь рас-

квитаться с теми, что лишили тебя твоего истинного естества, заключив в темницу, называемую жизнью смертного?

Валгард почувствовал, что душевные силы мало-помалу возвращаются к нему. Он стал ласкать женщину, а решимость билась в нем все сильнее, все яростнее, и вместе с ней рос гнев на все на свете, кроме его возлюбленной. Наконец он спросил:

— Но что я могу поделать? Как мне отомстить за себя? Эльфы-то с троллями скрыты от моих глаз, если только сами не пожелают мне показаться.

— Я могу многому научить тебя, — сказала женщина. — Обрести тайное зрение, какое от рождения дается Дивному народу, тебе будет совсем нетрудно. Потом, если пожелаешь, сможешь расквитаться с обидчиками, а когда станешь могущественней любого из государей рода человеческого, поверь, будешь смеяться над тем, что люди отвергли тебя, превратив в изгоя.

Валгардовы глаза сузились.

— Как это?

— Тролли готовятся к войне со своим давним недругом, эльфами. Вскоре Иллред поведет на Альфхейм войско, причем, скорее всего, первый удар нанесет по имрикову княжеству, расположенному здесь, в Англии. (Ведь, прежде чем двинуться дальше на юг, ему необходимо обезопасить себе тыл и правый фланг.) Среди имриковых лучших воинов будет его приемный сын Скафлок, которому не страшно ни железо, ни святая вода с освященной землей и который обладает огромной силой и великим магическим знанием. Так вот, Скафлок этот есть порождение ормова семени, он занял принадлежащее тебе по праву рождения место. Если ты, не мешкая, отправишься к Иллреду, сообщишь ему, кто твоя мать, одаришь богатыми дарами и предложишь свои услуги, которые будут для него тем более ценны, что ты обладаешь недоступными троллям возможностями, сходными с человеческими, то сможешь занять высокое положение в его войске. Когда же падет Эльфхолм, ты сможешь убить Имрика со Скафлоком, а потом Иллред, скорее всего, сделает тебя князем эльфийских земель на Британии. Потом, как постигнешь магическое знание, сумеешь возвыситься еще более, сумеешь даже побороть имриковы чары и превратиться в настоящего эльфа или тролля и жить себе, не старясь, пока стоит наш мир.

Валгард хохотнул. По звуку его смех более всего походил на рык идущего по следу добычи голодного волка.

— Я — убийца, изгой, нелюдь. Мне нечего терять, а приобрести я могу многое. Быть посему. Я встану на сторону сил холода и тьмы, да не мечом только, но и сердцем. Может быть, в невиданных людскими битвах я сумею заглушить снедающего меня тоску. О, женщина, что ты сделала со мной? Ты сотворила зло, но я все равно благодарен тебе за это.

Он в исступлении бросился на нее, стал любить. Но потом, когда заговорил, голос его звучал холодно и деловито.

— Как мне добраться до Трольхейма?

Женщина открыла ларец и достала оттуда завязанный кожаный мешок.

— Отплыть тебе следует в определенный день, я скажу когда. Как выйдешь в море, открой мешок этот. В нем ветер, который отгонит твои корабли куда нужно. Дано тебе будет и тайное зрение, чтобы увидеть тролли твердыни.

— Но что станется с моими людьми?

— Они будут одним из твоих даров Иллреду. Тролли любят охотиться на людей. Своим особым чувством они узнают, что удалыцы твои такие отпетые негодяи, что ни один бог не пожелает помочь им в беде.

Валгард пожал плечами.

— Раз уж мне суждено стать троллем, большой беды не будет, если я сравняюсь со своими предками в вероломстве. Но каким еще даром смогу я улестить Иллреда? Золота, камней и прочих сокровищ у него, небось, у самого пруд пруди.

— Подари ему то, что радует больше злата. Ормовы дочери хороши собой, тролли же сластолюбивы. Если ты свяжешь девчонок и заткнешь им рот, чтобы не смогли сотворить крестное знамение и произнести имя Иисуса...

— Нет, только не их, — ужаснувшись, воскликнул Валгард. — Я рос с ними вместе. Я и так уж причинил им довольно зла.

— Именно их, — сказала женщина. — Иллерд возьмет тебя на службу лишь, если убедится, что ты окончательно разорвал свои связи с миром людей.

Валгард никак не соглашался. Тогда она приникла к нему всем

телом и, осыпая его поцелуями, принялась с заманчивыми подробностями рассказывать о том, какое великолепие ожидает его у троллей. Наконец, ей удалось его убедить.

— Как же я хочу узнать, кто ты, воплощение зла и красоты, — проговорил он.

Положив голову ему на грудь, она тихонько засмеялась.

— Ты меня позабудешь, когда изведешь ласки эльфиек.

— Никогда, никогда не забуду я тебя, любимая. Ведь ты переломила весь ход моей жизни и меня самого сделала совсем другим, чем раньше.

Женщина задержала Валгарда у себя столько, сколько считала нужным. Она делала вид, что творит чары, чтобы вернуть ему тайное зрение, нарочито неспешно рассказывала гостю о Дивном народе. Впрочем, во всем этом не было особой нужды: ее красота и искусство сладострастия и так держали его крепче цепей.

Когда же наступили сумерки, она наконец сказала:

— Пора тебе отправляться.

— Нам, — ответил он. — Нам пора. Ты должна пойти со мной. Я не могу жить без тебя. Его здоровенные ручищи нежно ласкали ее. — Если не пойдешь добром, утащу тебя силой.

— Будь по-твоему, — вздохнула она. — Если только твое желание останется неизменным, когда дано тебе будет тайное зрение.

Она встала, посмотрела сверху вниз на него, сидящего, погладила его по лицу. Губы ее тронула немного грустная даже улыбка.

— Быть в плену у ненависти — тяжелое бремя. Я и не чаяла снова узнать радость, Валгард, не ждала, что разлука с тобой будет так горька. Удачи тебе, любимый. А теперь смотри!

При этих словах она коснулась его глаз кончиками пальцев.

И Валгард посмотрел.

Как дым на ветру в мгновение ока исчезли и уютный домик, и высокая красивая женщина. С ужасом увидел он истинную сущность окружающего, ведь зрение его не было уже затуманенным чарами зрением смертного.

Он сидел в безобразно захлавленной костями, тряпьем и ржавыми колдовскими приборами глинобитной лачуге, освещенной лишь светом огня в очаге, где горел сушеный навоз. Подняв глаза,

он встретил мутноватый взгляд жуткого вида старой карги, чье лицо походило на сморщенную маску, кое-как натянутую на беззубый череп. На увядшей груди старухи висела крыса.

Обезумев от ужаса, Валгард с трудом поднялся на ноги. В устремленном на него взгляде ведьмы сквозило лукавство.

— Любимый, пойдем скорее на твой драккар, — прошамкала она, хихикая. — Ты же поклялся, что никогда не расстанешься со мной.

— Сколько я невинных душ погубил! Ужели тебя, мразь, жить оставлю? — прорычал он, выхватывая топор. Но удар его не достиг цели. Ведьма вдруг исчезла, а по полу побежали две крысы. Валгард запустил в них топором, но они уже успели скрыться в какой-то норе.

Вне себя от ярости, Валгард схватил какую-то палку и сунул ее в огонь, а когда занялась как следует, поднес к тряпью да к плетню, который составлял основу стен мазанки. Все время, пока лачуга горела, он стоял рядом, держа наготове топор: вдруг кто-нибудь выскочит. Но нет, никто так и не появился. Лишь ревело пламя, завывал ветер, да шипел сносимый им на пожарище снег.

Когда же от хижины остались одни головешки, Валгард крикнул:

— Из-за тебя я лишился дома и родных, потерял надежду, из-за тебя я теперь собираюсь отречься от прошлого и примкнуть к силам тьмы, из-за тебя я стал троллем. Знай же, ведьма, если ты еще жива, я послушаю твоего совета. Я стану князем английских троллей, а в одну прекрасную ночь, может быть, и государем всего Тролльхейма, и тогда я устрою на тебя травлю, используя все возможности, какие доставит мне такое возвышение. И ты, подобно людям, эльфам и всем прочим, кто встанет у меня на пути, узнаешь мой гнев. Я не успокоюсь, пока живьем не сдеру с тебя кожу за то, что ты разбила мне сердце призрачным видением красоты и счастья.

Он повернулся и припустился прочь, на восток, своим обычным, похожим на волчий мах бегом. Глубоко под землей, в норе, ведьма и ее наперсница радостно переглянулись. Все шло в точности по задуманному ими плану.

Валгардовы дружинники были сплошь отпетые головорезы, большого сброда было не сыскать даже среди викингов. На родине многих из них ждала виселица за совершенные преступления, а уж желанными гостями они не были ни для кого. Валгарду в свое время пришлось купить усадьбу, чтобы им было где зимовать. Жили они там со всеми удобствами, в усадьбе даже имелись рабы, чтобы им прислуживать, но их вздорный нрав и склонность ко всяческому буйству и здесь давали о себе знать, так что одному Валгарду удавалось удержать их от бесконечных свар и драк.

Узнав об убийствах, они сразу смекнули, что жители Области Датского Права скоро придут по их души, и поспешили собраться в дорогу и подготовить драккары к плаванию, но никак не могли договориться о том, куда следует идти зимней порой. По обыкновению, начались бесконечные споры, то и дело переходящие в драку. Если бы Валгард не вернулся, соратники его, наверное, так и не сдвинулись бы с места, пока не пришли бы враги и не перебили их всех.

Он объявился в большом зале усадьбы вскоре после захода солнца. К тому времени дружинники, все здоровенные и нечесанные амбалы, уже успели изрядно нагрузиться пивом, и гомон стоял такой, что в ушах звенело. Многие уже храпели на полу вместе с собаками, другие орали благим матом, всячески задирая друг друга, третьи, вместо того, чтобы разнять ссорящихся, наоборот, подначивали их. В неверном свете разложенного посреди зала огня сновали туда-сюда запутанные рабы и рабыни, которые давно уже выплакали все свои слезы.

Валгард шагнул к пустующему хозяйскому месту, высокий, страшный, мрачнее чем когда бы то ни было, со своим могучим топором (прозванным уже в народе Братобоем) на плече. Пирующие заметили его, и в зале постепенно воцарилось молчание, лишь потрескивали поленья в огне.

— Нам нельзя здесь долее оставаться, — проговорил Валгард. — Хоть вас и не было во время заварухи в ормовой усадьбе, здешний народец использует то, что случилось, как предлог, чтобы разделаться с вами. Но теперь это неважно. Я знаю место, где нас ждет богатство и слава. Мы отплываем туда послезавтра, на рассвете.

— А где оно, это место, и почему бы нам не отплыть прямо завтра? — спросил один из капитанов, старый уже, весь покрытый шрамами викинг по имени Стейнгрим.

— Что касается второй части вопроса, то у меня осталось одно дельце здесь, в Англии, и завтра нам надо будет им заняться, — сказал Валгард. — А пойдем мы в Финнмарк*.

Викинги зашумели, Стейнгрим же прокричал, перекрикивая гомон:

— Глупее я в жизни ничего не слыхивал. На кой черт сдался нам какой-то нищий, забытый богом Финнмарк, чтобы плыть туда через море, где и летом-то небезопасно? Чего там искать, кроме разве смерти в морской пучине или от чар знаменитых финнмаркских колдунов? А коли и выживем, кроме убогих мазанок, где можно впопалку спать на земляном полу, в тех местах другого приюта не сыщешь. А тут, совсем рядом, Англия, Шотландия, Ирландия, Оркнеи, а к югу пролива — Валланд, и везде полно всякого добра, стоит только руку протянуть.

— Я отдал приказ. Ваше дело — выполнять его, — промолвил Валгард.

— Лично я даже не подумаю выполнять такой приказ, — заявил Стейнгрим. — Ты, похоже, рехнулся, в этом чертовом лесу.

Валгард рванулся к нему стремительно, как дикая кошка, и в тот же миг его топор обрушился на стейнгримов череп.

Один из викингов с криком схватил копье, и попытался ударить им Валгарда. Тот увернулся от острия, вырвал древко у него из рук, а самого нападающего свалил наземь ударом кулака. Потом берсерк вырвал топор из разрубленного стейнгримова черепа, выпрямился во весь свой громадный рост и испытующе обвел взглядом дружину. В эту минуту, в дымном полумраке, он выглядел особенно зловеще.

— Может, кто-нибудь еще хочет поспорить со мной? — тихо проговорил он. Глаза его были как бы синеватые льдинки.

Все молчали, замерев в неподвижности. Валгард снова уселся на хозяйское место.

— Мне пришлось проявить строгость, поскольку наши прежние порядки, когда каждый творил, что хотел, в нынешних обстоятель-

* Область в Северной Норвегии.

ствах необходимо изменить. Если не хотим погибнуть, нам надо стать как один человек, причем головой его гоюсь быть только я и не кто другой. Теперь я вижу, что поначалу мой план может показаться неразумным. Но все равно Стейнгриму следовало меня выслушать. Дело в том, что, как мне стало известно, в Финнмарке этим летом построил себе усадьбу один богатей. Теперь там припасено все, что нам только может понадобиться. Сейчас, зимой, они не ждут нападения викингов, и мы легко завладеем и домом, и всем прочим. Что до самого плаванья, то опасность от штормов нам не грозит. Вы же знаете, я умею провидеть такие вещи. Чую, будет нам попутный ветер.

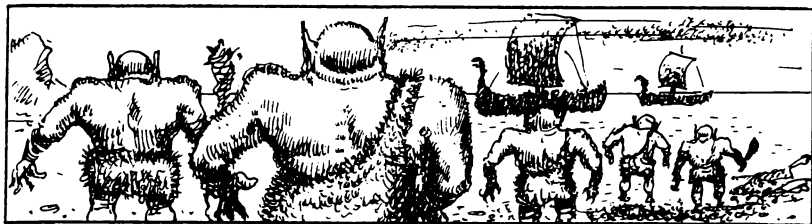
Викинги вспомнили, что под валгардовым водительством им и впрямь всегда сопутствовала удача. Потом, никто из них не был Стейнгриму родней или названным братом. Так что все закричали, что последуют за Валгардом, куда бы он ни отправился. Когда мертвое тело выволокли прочь из зала и пирушка возобновилась, Валгард призвал к себе капитанов драккаров.

— Тут, неподалеку, есть одна усадьба, которую нужно разграбить до отплытия из Англии, — сказал он им. — Дело совсем нетрудное, а добыча будет хороша.

— Что за усадьба? — спросил один из капитанов.

— Дом Орма Сильного. Хозяина-то нет в живых, и охранить его добро некому.

Даже валгардовым соратником, хоть они и были отъявленные душегубы, подумалось, что сотворить такое грех. Но никто из них не решился перечить своему предводителю.

ГЛАВА IX

Тризна по Кетилю превратилась в поминки и по Асмунду с Ормом. Пиршество проходило в печальном молчании. Орм был умным человеком, и многими признавался старейшиной. И вообще, и старого ярла, и сыновей его любили в округе, хотя старик и не был добрым христианином. Земля промерзла еще не очень глубоко, и на следующий день после побоища керлы принялись копать яму для погребения.

Ормов лучший драккар был вытасчен из сарая и спущен в яму. В него положили всякие драгоценные предметы, а также мяса и напитков (столько, чтобы хватило на долгое плавание). Туда же поместили заколотых коней и собак. Затем убитых Валгардом положили на корабль в лучшей одежде, с лучшим оружием и доспехами. На ноги им надели ритуальную обувь. Такого погребения желал сам Орм, который заставил жену поклясться, что исполнит его волю.

На эти приготовления ушло несколько дней. Когда же все было готово, на драккар взойшла Эльфрида. Она долго стояла и смотрела на Орма и Кетилья с Асмундом. Длинные распущенные волосы скрывали ее лицо от взглядов пришедших на похороны.

— Святой отец говорит, что это грех, а то бы я наложила на себя руки, чтобы успокоиться подле вас, — прошептала она. — Чего, кроме усталости, ждать от жизни, что мне уготована? Вы были такие славные мальчики, Кетиль и Асмунд, тяжело мне будет жить, не слыша вашего смеха. Кажется, еще вчера я пела вам колыбельные, качала вас на руках. Вы были такие крохотные! Потом, как-то вдруг, вы превратились в пригожих длинноногих юношей. Мы с Ормом не могли нарадоваться на вас. А теперь вот лежите мертвые, и снег не тает, падая на ваши застывшие лица. Как странно! — Она покачала головой. — Я до сих пор не верю, что вы оба убиты. Не верю.

Она улыбнулась Орму.

— Мы с тобой часто ссорились, но это ничего не значило, ведь ты любил меня, а я тебя. Ты был добр ко мне, Орм, и теперь, когда ты мертв, мир вдруг стал таким холодным, таким холодным! Об одном прошу я всемилостивого Господа: чтобы Он простил тебе то, что ты делал против Его заповедей. Ибо ты не ведал, что творишь, хоть и был великим мореходом, и мастером на все руки. Я помню, как ты мастерил мне разные полочки да сундуки, а детям игрушки. А если Господь не сможет взять тебя на небо, я попрошу Его, чтобы позволил и мне пойти в ад. Я буду с тобой, даже если ты отправишься к своим языческим богам. Прощай, Орм. Я люблю тебя и буду любить всегда.

Она наклонилась и поцеловала его.

— Холодны твои уста.

Эльфрида удивленно посмотрела по сторонам.

— Разве так ты меня целовал? Этот мертвец, что лежит на драккаре, не ты, Орм. Но где же тогда ты?

Ее увели прочь с погребального корабля. Мужчины приступили к работе: надо было засыпать драккар землей, потом соорудить домовину. Когда все было закончено, у моря вознесся к небу высокий курган, до самого подножия которого докатывались неустанно поющие погребальную песнь волны.

Священник не одобрял языческого погребения и не стал святить землю, но все же он сделал, что мог, и принял от Асгерд деньги, пообещав до конца дней своих служить мессы за упокой души убитых.

У Асгерд был жених, молодой парень по имени Эрленд сын Торкеля.

— Осиротела усадьба-то без хозяина с сыновьями, — сказал он своей нареченной.

— Да уж, — ответила девушка. Холодный, несущий крохотные сухие снежинки ветер с моря шевелил тяжелые пряди ее волос.

— Думаю, мне с друзьями лучше остаться у вас на время, пока все утрясется. Потом свадьбу справим, чего тянуть-то? А как поженемся, твои мать с сестрой могут у нас поселиться.

— Не до свадьбы сейчас! — гневно возразила Асгерд. — Пусть сначала Валгарда повесят, а шайку его истребят — лучше всего сжечь их всех прямо в ихней усадьбе.

Эрленд невесело усмехнулся.

— Ну, за этим-то дело не станет. Стрела войны* уж пошла гулять по рукам. Если только они не успеют раньше удрать (а я думаю, не успеют), земля наша скоро навсегда будет избавлена от этих подонков.

— Вот и хорошо, — сказала Асгерд.

Большинство собравшихся на пир гостей уже отправились по домам, но те, кто жил в усадьбе, а с ними Эрленд и с полдюжины его друзей остались за столом.

Когда стемнело, началась пурга, и в зале стало слышно, как бешено завывает ветер. Потом вдруг по крыше застучал град, как будто по ней бежала громко топоча, целая орава ночных татей. Длинный темный зал в тот вечер казался особенно мрачным. Людям отчего-то хотелось быть ближе друг к другу, и они уселись все вместе с одного конца длинного стола. Говорили мало, зато быстро пустели рога с пивом.

Эльфрида, не проронившая, кажется, ни слова за весь вечер, вдруг подняла голову, словно к чему-то прислушиваясь, и проговорила:

— Слышите, во дворе кто-то ходит?

— Нет, ничего не слышать, — сказала Асгерд. — Да и кому там быть в такую непогоду?

Фрида, которую страшил отсутствующий взгляд матери, тронула ее за рукав и робко промолвила:

— Не убивайся так. Ты ведь не одна-одинешенька осталась. У тебя есть еще две дочки.

— Да, верно, — Эльфрида как будто даже улыбнулась. — Ормово семя продолжится в вас, и наши с ним ночки не останутся совсем без следа. — Она обернулась к Эрленду: — Береги жену. Она ярлского рода.

— Как ее-то и не беречь? — удивился он.

Вдруг раздался громкий стук в дверь.

— Откройте! Не то вломимся силой!

* По обычаям древних скандинавов при убийстве ярла или конунга всем свободным людям в округе посылали стрелы, с начертанными на них рунами. Это служило знаком, что убийца объявлен вне закона и его надо убить.

Мужчины похватали оружие, потом послали раба отворять.

Едва он отложил засов, как тут же упал, сраженный ударом топора. В сени вошел Валгард, показавшийся всем еще выше и мрачнее, чем обычно. Плечи его были облеплены снегом. Двое дружинников прикрывали его спереди щитами.

— Пусть женщины и дети выйдут на двор, я не хочу их смерти, — проговорил он. — Но усадьбу я намерен спалить. Дом окружен моими людьми.

Пущенное в него копье со звоном отскочило от одного из окованных железом щитов. Гораздо сильнее, чем прежде, потянуло дымом.

— Тебе что, мало того, что уже натворил? — крикнула Фрида. — По мне, так лучше остаться здесь и сгореть вместе с усадьбой, чем получить жизнь из твоих рук.

— Вперед! — скомандовал Валгард и вслед за ним в зал влетело с дюжину викингов.

— Не бывать этому, пока я жив! — воскликнул Эрленд и, обнажив меч, ринулся на Валгарда. Тот с невероятной быстротой отбил его меч в сторону, и тут же вонзил Братобой Эрленду в бок, пониже ребер. Перескочив через упавшего противника, Валгард ухватил Фриду за запястье, а один из его дружинников потащил прочь из зала упирающуюся Астерд. Остальные, загородив их щитами, стали отступать к двери, и без труда пробились, порубав по дороге еще троих нападавших.

Когда валгардова шайка вышла из зала, мужчины как следует вооружились и попытались вырваться из дома. Но это им не удалось. Иные пали, сраженные сторожившими все ходы-выходы головорезами, другим пришлось отступить. Но Эльфриду, с криком метнувшуюся к двери, викинги пропустили.

Валгард уже успел связать руки Астерд и Фриде, оставив концы веревки свободными, чтобы ловчее было тащить девушек, если не пойдут добром. Крыша дома уже пылала. Эльфрида повисла у Валгарда на руке и крикнула, перекрывая рев пламени:

— Зверь проклятый, какое еще зло затеваешь ты против последних уцелевших родичей? Чем не угодили тебе сестры, от которых кроме добра ты ничего не видел? Как ты можешь творить такое с сердцем собственной матери? Отпусти их сейчас же!

Валгард холодно глянул на нее. Лицо его было неподвижно.

— Ты не мать мне, — проговорил он, наконец, и наотмашь ударил Эльфриду. Она без чувств упала на снег, он же дал знак своим воинам, чтобы гнали девушек к бухте, где стояли их драккары.

— Куда ты нас ведешь? — рыдая, спросила Фрида. Астерд, как раз изловчившись, плюнула Валгарду в лицо.

Валгард улыбнулся одними губами:

— Я не причиню вам зла. Напротив, ваша доля будет весьма завидна, поскольку я везу вас к королю.

Он вздохнул:

— Я ему завидую. Пока же вы нуждаетесь в постоянном присмотре — уж я-то знаю, каковы мои молодцы в таких делах.

Те из женщин, что не захотели сгореть живьем, вышли из дома и вывели детей. Викинги попользовались ими, но потом отпустили. Другие остались в усадьбе, чтобы разделить участь мужей. Подожжен был не только дом, но и прочие постройки (конечно, не прежде того, как налетчики забрали оттуда все ценное).

Валгард ушел сразу же, как убедился, что все бывшие в доме мертвы, поскольку знал, что, завидев пожар, во множестве сбегутся вооруженные соседи и одолеть их будет непросто. Викинги спустили драккары на воду и на веслах вышли в море. Встречный ветер гнал высокие волны, то и дело перехлестывавшие через борт, окатывая мореходов ледяной водой.

— Эдак нам до Финнмарка не добраться, — проговорил валгардов кормщик.

— Я думаю иначе, — сказал берсерк. На рассвете, как учила ведьма, он распустил тесемки на волшебном мешке. Ветер тут же переменялся на надобный, северо-восточный, причем из порывистого стал на удивление ровным. Как только были поставлены паруса, драккары прямо-таки рванулись с места и стремительно понеслись вперед.

Когда к пожарищу сбежался народ, от ормовой усадьбы остались один лишь дымящиеся головни. В безрадостном утреннем свете возле пепелища, плача, бродили несколько женщин и детей. Одна лишь Эльфрида не плакала. И не говорила ничего. Она сидела на вершине кургана и ничего не выражающим взглядом глядела в морскую даль, а ее волосы и одежда бешено развевались на ветру.

Три дня и три ночи мчались валгардовы драккары, неизменно погоняемые попутным ветром. Один из них пошел ко дну, начерпав воды при сильной волне (большая часть команды, правда, спаслась). На других приходилось без конца вычерпывать воду. Викинги принялись недовольно ворчать. Однако Валгард умел нагнать на своих воинов страху, и недовольство это так и не вылилось в открытый мятеж.

Сам главарь все больше стоял на носу своего драккара, запахнувшись в сплошь покрытый коркой морской соли и инея кожаный плащ, и задумчиво глядел на волны. Как-то раз один из воинов осмелился сказать ему что-то поперек, так он тут же зарубил беднягу, а тело выбросил за борт. Сам он совсем почти ничего не говорил, и это радовало викингов, шедших на одном с ним драккаре: ведь когда он все же к кому-нибудь из них обращался, то смотрел на того таким взглядом, что просто мороз по коже.

Сколько ни просили его Фрида и Астерд сказать, куда он их везет, он не ответил, однако, кормил-поил их вдосталь, позволил укрыться от непогоды под дощатым перекрытием полубака и оградил от приставаний своих молодцов.

Поначалу Фрида отказывалась от еды.

— Не желаю ничего брать от убийцы и вора, — говорила она, и по лицу ее катились слезы, смешиваясь с брызгами морской воды.

— Надо есть, чтобы сохранить силы, — возражала Астерд. — Еда эта не его собственность, ведь он украл ее у других. А нам может представиться случай убежать. Надо молиться, просить Господа об избавлении.

— Не вздумайте молиться, а то заткну вам рот, — сказал слышавший их разговор Валгард.

— Поступай, как знаешь, — ответила Фрида. — Молиться можно и в сердце, не обязательно вслух.

— Что так, что эдак, все равно не поможет, — ухмыльнулся он. — Сколько бабенок я завалил — не перечесать, и все просили своего Бога, чтобы избавил их от этой напасти. Так он ни одну не избавил, уж поверьте. И все же я не потерплю никаких разговоров о

богах на моем драккаре. — Хоть он и не верил, что небо поможет сестрам (ведь только лишенный души, сведущий в магии Дивный народ панически боялся силы, что могущественней его и к тому же недоступна его пониманию, так что даже связанные с ней имена и знаки внушают ему ужас), но не желал без нужды рисковать, а тем более слышать напоминание о том, чего сам он лишен навсегда.

Валгард задумался о чем-то своем, сестры же умолкли. Дружинники тоже все больше помалкивали, так что наступила тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в снастях, шумом рассекаемой драккаром воды да поскрипыванием различных деревянных соединений корабельного корпуса. По небу летели низкие серые тучи, из которых то и дело начинал сыпаться то снег, то град. В пустынном, на сколько хватало глаз, море валгардовы драккары шли вперед и вперед, преодолевая то килевую, то бортовую качку.

На третий день, перед закатом, когда тучи спустились так низко, что наступили чуть ли не сумерки, мореходы увидели на горизонте финнмаркский берег. Прямо у воды вздымались ввысь утрюмые утесы, о которые с ревом разбивался прибой. На вершинах их был лишь снег да редкие, искривленные ветром деревья.

— Местечко не из приятных, — содрогнувшись, проговорил валгардов кормщик. — И усадьбы, про которую ты толковал, что-то не видать.

— Правь на фьорд, что виднеется прямо по курсу, — скомандовал главарь.

Все время, пока драккары шли вглубь фьорда, по-прежнему дул попутный ветер. Наконец дорогу им преградили зловещего вида утесы. Мачты были сняты, гребцы налегли на весла, и драккары подошли к каменистому взморью. Поглядев вперед, Валгард увидел троллей.

Ростом они были пониже его самого, зато чуть ли не вдвое шире в плечах, с могучими, как древесные стволы, длиннющими руками и короткими, кривыми, косолапыми ногами с когтистыми пальцами. Под зеленой, скользкой, холодной кожей перекатывались сильные мышцы. В большинстве своем тролли были безволосы, и их огромные круглые головы с плоскими носами, здоровенными клыкастыми пастьми, заостренными ушами и глубоко сидящими под мощными надбровными дугами глазами сильно смахивали на голые черепа,

тем более, что лишённые белков глаза их казались просто черными провалами.

Несмотря на холоднящий ветер, многие из них шли по камням совершенно голые, лишь некоторые накупили на себя какие-то звериные шкуры. Вооружены они были дубинками, топорами, копьями, луками и пращами, причем всё было такого размера и тяжести, что человеку с таким оружием в жизни бы не управиться. Оружие было все больше каменное. Некоторые тролли имели, однако же, шлемы, кольчуги и оружие из бронзы или эльфийских сплавов. Валгард невольно содрогнулся от этого зрелища.

— Что, замерз? — спросил один из его воинов.

— Нет, так, ерунда, — пробормотал он. А про себя добавил: «Надеюсь, ведьма сказала правду, и эльфийки и впрямь не такие страшнелища, как эти. Однако воины из троллей, должно быть, отменные».

Вытащив драккары на берег, викинги стали в нерешительности топтаться возле них: что делать дальше, никто не знал. В наступивших сумерках Валгард увидел, как тролли спустились на взморье.

Схватка была короткой и совершенно жуткой, поскольку люди даже не видели тех, кто на них нападал.

Время от времени кто-нибудь из троллей получал сильный ожог, прикоснувшись ненароком к железу, но большинство ловко этого избегали. С жутким хохотом крушили они черепа, рвали людей на части гнали их как дичь по горам.

Валгардов кормщик увидел, что предводитель стоит себе, опираясь на топор, спокойно глядя, как гибнут его товарищи. Викинг взревел и ринулся на берсерка с криком:

— Это твоих рук дело!

— Конечно, моих, — ответил Валгард, отбивая его первый удар. Весьма скоро он отправил кормщика к праотцам. К тому времени все остальные викинги были уж перебиты.

К Валгарду приблизился предводитель троллей, под тяжкой поступью которого крошились камни.

— Нам сообщила о твоём прибытии одна летучая мышь, которая умеет превращаться в крысу — или наоборот, уж не знаю, — привычно пробасил он на данском наречии. — Премного благодарны тебе за потеху. А теперь поспеши, тебя ожидает король.

— Я отправлюсь к нему тотчас же, — сказал Валгард. Он уже заткнул сестрам рот и связал им руки за спиной. Потрясенные удивленным, они неверным шагом побрели за ним по глубокому ущелью, затем вверх по склону горы и мимо невидимой для них стражи вошли в пещеру, где помещался иллредов тронный зал.

Громадное, грубо высеченное в скале помещение это было, однако же, украшено множеством драгоценных предметов, добытых во время налетов на эльфийские, гномьи, гоблиньские и прочие поселения, в том числе и человеческие.

На стенах блестели драгоценные камни, тут и там висели тонкой работы шпалеры, столы из черного дерева и слоновой кости были устланы дорогими тканями и уставлены бесценными кубками. В свете разложенного в длинной выемке посреди зала огня Валгард увидел также множество роскошно одетых тролльских вельмож и их дам.

Рабы — эльфы, гномы и гоблины — обносили пирующих мясом и чашами с напитками. Это был особо торжественный пир, для которого помимо коров, лошадей и свиней, закололи множество украденных в землях людей и Дивного народа младенцев. Подавались также привезенные из южных стран вина. Не обошлось дело и без любимой троллями несколько визгливой музыки.

Потом Валгард увидел Иллреда. Король был могучего сложения старец с иссеченным морщинами лицом и длинной курчавой бородой зеленого цвета. Когда он обратил на вновь вошедших взгляд своих похожих на черные бездны глаз, по спине берсерка пробежал неприятный холодок и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы скрыть свой страх.

— Приветствую тебя, великий король, — проговорил он. — Меня зовут Валгард Берсерк. Я прибыл из Англии, желая поступить на службу в твоё войско. Как я слышал, ты мой дед по матери, так что хотелось бы получить полагающееся мне наследство.

Иллред кивнул увенчанной золотой короной головой.

— Мне это ведомо. Добро пожаловать в Тролльхейм, который отныне станет тебе домом. — Он перевел взгляд на девушек, которые, совершенно лишившись сил и мужества, уселись прямо на землю, прижавшись друг к другу. — А это кто такие?

— Это мой тебе подарок, — твердым голосом сказал Валгард. —

Дочери моего приемного отца. Надеюсь, они доставят тебе удовольствие.

В наступившей тишине раскатистый смех Иллреда прозвучал особенно громко.

— Прекрасный подарок. Давно уж не держал я в своих объятиях смертной девы. Воистину, Валгард, твой приезд — радость для меня, старика.

Он вскочил с трона, да так резво, что пол содрогнулся под его ногами, и подошел к девушкам. Обе они дико озирались по сторонам, и их мысли было совсем нетрудно угадать: «Где мы? В пещере темно, хоть глаз выколи, и, вроде, нет никого. Валгард говорит как будто в пустоту, но нет, кто-то ему все же отвечает...»

— Вам следует увидеть свой новый дом, — ощерясь, проговорил Иллред и коснулся их глаз. Девушки тут же обрели тайное зрение. Вид склонившегося над ними тролля был последней каплей, переполнившей чашу. Они стали дико кричать, да так, что крики их не мог сдержать даже кляп.

Иллред снова рассмеялся.

ГЛАВА X

Эльфы готовили набег на Тролльхейм со всей тщательностью: необходимо было нанести Иллреду чувствительный удар. Для этого дела были отобраны лучшие эльфийские воины, столько, сколько могло разместиться на пятидесяти драккарах, а Имрик и мудрейшие из его чародеев немало потрудились над тем, чтобы особо могучими чарами защитить флот от вражеских происков и вообще укрыть его от глаз неприятеля. Корабли должны были невидимыми проникнуть во фьорды тролльих владений в Финнмарке. Что же до действий войска после высадки, то тут все зависело от того, с каким сопротивлением оно столкнется и как далеко вглубь вражеских земель удастся продвинуться. Скафлок надеялся пробиться в самый иллредов дворец: самым желанным трофеем для него была бы голова тролльского короля. Он не мог дожидаться начала похода.

— Постарайся удержаться от безрассудства, — напутствовал его Имрик. — В этом деле оно будет совсем некстати. Пройди по вражеским землям огнем и мечом, но воинов своих береги, не губи их понапрасну. Для нас сейчас важнее добыть достоверные сведения о силах неприятеля, чем истребить хоть тысячу троллей.

— Мы и разведаем все как следует и троллей побьем, — усмехнулся Скафлок. Все его существо выражало нетерпение. В этот миг он был чем-то похож на горячего молодого коня, не в меру долго застоявшегося в стойле. Глаза его горели, из-под головной повязки выбивались непокорные пряди рыжеватых волос.

— Не знаю, не знаю, — мрачно проговорил Имрик. — Сердцем чую, что ничего хорошего из этого похода не выйдет. Уж не отменить ли мне его?

— Если даже тебе вздумается отменить поход, так все равно такого приказа никто не послушает. Мы пойдем на Тролльхейм с твоим ли соизволением, без него ли, — сказал Скафлок.

— Это верно. И потом, может, я ошибаюсь? Ну что же, отправляйся, удачи тебе.

Воины начали собираться у драккаров сразу после захода солнца. Свет только что взошедшей луны серебрил утесы Эльфийских холмов, лежащее у их подножия пологое взморье и облака, мчавшиеся на восток на крыльях ветра, наполнившего, казалось, своим пением самые небеса. Лунный свет играл на высоких, с белыми барашками волнах, с ревом разбивавшихся о скалы. Поблескивали в его призрачном сиянии оружие и доспехи эльфийских воинов, тогда как вытасценные на берег черно-белые драккары казались не настоящими судами, а причудливыми образами, порожденными игрой света и тени.

Скафлок стоял, запахнувшись в плащ, с развевающимися по ветру волосами, ожидая подхода последних своих воинов. К нему приблизилась Лиа. Прекрасные кудри ее, трепеща на ветру, обрамляли бледное в лунном свете лицо подобием золотого нимба.

— Хорошо, что ты пришла, — перекрывая шум ветра и моря, крикнул Скафлок. — Пожелай мне счастливого пути, спой песню, что приносит удачу.

— Я не могу даже обнять тебя на прощание, ведь мне и приблизиться нельзя к твоей железной кольчуге, — ответила она, и голос ее звучал подобно отдаленному шуму ветра, песне капли и звону серебряных колокольцев. — Чувствую я, что чары мои не помогут в грозящей тебе беде. — Она заглянула ему в глаза. — Я знаю наверное, что там, куда ты отправляешься, тебе расставлена ловушка. Доказательств, чтобы подкрепить мою уверенность, нет, да они и не требуются. Заклинаю молоком, которым кормила тебя младенцем, и поцелуями, какими одаривала зрелым мужем, не ездь туда. Останься на этот раз дома.

— Вот это было бы достойное деяние для эльфийского вождя, которому поручено вести воинов в поход! — гневно вскричал Скафлок. — Да еще в такой поход, где, возможно, удастся добыть голову вражеского главаря. Ни для кого на свете не приму я подобного срама.

— Я так и знала. — В глазах Лиа вдруг заблестели слезы. — Люди, чей век и без того страшно короток, совсем еще юными отчего-то спешат навстречу смерти, как в объятия возлюбленной. Несколько лет назад я качала твою колыбель, Скафлок, несколько месяцев назад, светлой летней ночью, впервые отдалась тебе, уже зрелому мужу. Что годы эти, что месяцы для меня, бессмертной, все равно, что единое мгновение. Через мгновение же твое мертвое тело достанется воронам. Мне никогда не забыть тебя, Скафлок, но, боюсь, сегодня я целовала тебя в последний раз.

И она запела:

*Прочь от берега волну
Гонит ветер ярый.
Мореходы тут как тут —
Скорей грузить драккары.
Уж бегут они бегом
От семьи и крова.
Не удержит их тепло
Очага родного,
Ласки женицин, детский крик,
И ничто на свете:
Надо в морс выходить,
Ведь попутный ветер.
Ветер, злобный чародей,
Пением унылым
Сколько ты увел мужей
Из объятий милых!
И, удачей помян,
Бросил их туда,
Где их будет обнимать
Лишь одна вода.
Но тебе все мало,
Бродяга ты безродный,
Новых уж зовешь ты в путь,
Чтоб и им потом уснуть
В глубине холодной.*

Скафлоку песня не понравилась: такая вряд ли могла принести удачу. Он повернулся к своим воинам и скомандовал, чтобы спускали корабли на воду и начинали грузиться. Когда же вышли в море, дурные предчувствия совершенно оставили его, и сердце вновь наполнилось радостным предвкушением предстоящей битвы.

— Этот ветер дует уже три дня кряду, — сказал один из его товарищей, по имени Голтан. — Похоже, дело тут не обошлось без чар. Наверное, какой-то чародей тоже отправился на восток.

— Как любезно с его стороны предоставить нам свой ветер, — засмеялся Скафлок. — А то пришлось бы потрудиться, чтобы поднять свой собственный. Однако, раз для плавания на восток ему понадобилось целых три дня, драккар у него, должно быть, человеческий. Мы доберемся куда скорее.

Были поставлены мачты, подняты паруса, и узкие, украшенные драконьими головами корабли понеслись по волнам. Они мчались едва ли не быстрее, чем носимые ветром снежинки или морская пена. За кормой драккаров кипела вода, они оставляли за собой в бурном море длинный кильватерный след. Эльфы славились в Дивной стране быстротой; пешком ли, на коне ли или на драккаре, они легко оставляли позади всех прочих ее обитателей. Еще до полуночи мореходы увидели на горизонте утесы Финнмарка.

Улыбнувшись своей белозубой улыбкой, Скафлок продекламировал:

*Сегодня рано мы в Тролльхейм
Явились в гости к троллям.
Пушай сейчас еще совсем
Не время для застолья.
Пушай забыли нас позвать,
Придя без приглашенья,
Не станем долго горевать,
Что нету угощенья.
Для троллей злющих под горой
Мы сами пир устроим:
Накормим их же требухой
И кровушкой напоим.
К тому же утолим их боль:*

*К большому сожалению,
Со дня рожденья каждый тролль
Страдает злой мигренью.
А чтоб болезнь ту исцелить
Один есть верный способ:
Ему головушку срубить
И псам голодным бросить.*

Товарищи его со смехом спустили парус, сняли мачту и взялись за весла. В полной боевой готовности эльфийские драккары вошли во фьорд. Вражеской стражи, однако же, нигде не было видно. Зато на пологом взморье стояли три вытащенных на берег человеческих драккара, а вокруг них лежали останки смертных воинов, буквально растерзанных на куски.

Обнажив меч, в развевающемся за спиной плаще, Скафлок спрыгнул на берег. Ему стало как-то не по себе.

— Странно все это, — проговорил он.

— Похоже, мореходы эти укрылись здесь от шторма, и на них напали тролли, — сказал Голтан. — Это было совсем недавно: посмотри, даже кровь еще не высохла, тела совсем теплые. Те, что их убили, наверное, сейчас докладывают об этом Иллреду.

— Вот это удача! — вскричал Скафлок. Прежде он и надеяться не смел, что сумеет застать врага врасплох. Он не стал трубить в рог, а дал воинам сигнал к выступлению мечом. Ни он, ни эльфы не стали особенно задумываться об убитых, ведь это были всего лишь смертные.

Попрыгав на отмель, мореходы вытащили свои драккары на берег. Отрядив несколько воинов охранять корабли, Скафлок повел остальных по тропе, ведущей прочь от побережья, вглубь материка.

Они прошли глубоким ущельем, защищенным такими чарами, что простой смертный был бы совершенно ослеплен ими, потом поднялись вверх по горному склону, покрытому блестящим в лунном свете снегом. Со всех сторон то место было окружено высокими, увенчанными островерхими пиками горами. Мчащиеся по небу рваные тучи то и дело заслоняли лик луны, так что казалось, будто она мигает. По-кошачьи ловкие эльфы без труда пробирались сквозь скалы и утесы к видневшемуся выше по склону входу в пещеру.

Приблизившись к нему, они увидели, что из пещеры вышел отряд троллей, наверное, это была отправляющаяся на пост береговая стража.

— Скорее, их надо отрезать! — перекрывая шум ветра, крикнул Скафлок и прыгнул вперед, подобно пантере. Вслед за ним на врага ринулись эльфы. Не успев опомниться, тролли были все до единого перебиты, услышав перед смертью лишь свист рассекающих воздух клинков. Правда, шум схватки был услышан оставшимся в пещере неприятелем, и, проникнув туда, скафлоково войско столкнулось со все возрастающим сопротивлением.

Еще больше шум битвы возрос в покато спускающемся вниз проходе. Лязг металла, боевые кличи эльфов, рев троллей — все отдавалось под его сводами многократным эхом. Впереди наступавших щит к щиту шли Скафлок с Голтаном, прорубая себе дорогу мечами.

Медлительные, бившиеся по большей части без доспехов, тролли один за другим падали под их ударами.

Один из вражеских воинов нацелил в Скафлока копье размером с небольшое деревце. Тот отразил удар щитом, отбил копье в сторону и, в свою очередь, рубанул нападавшего. Железное лезвие его меча прожгло тело тролля от плеча до самого сердца. Не успев выдернуть меч из тела врага, Скафлок увидел краем глаза, что прямо ему на голову низвергается здоровенная палица, явно грозя расколоть шлем и вышибить ему мозги. Он успел закрыться щитом, но пришедшийся по железной обшивке удар оказался насколько силен, что Скафлок, оглушенный, пошатнулся. Он припал на колено, однако же сумел выдернуть меч и отрубить противнику ногу. А поднявшись, сделал хитрый эльфийский выпад, и еще у одного тролля голова скатилась с плеч.

Наконец эльфы, на плечах отступающего противника, ворвались в какой-то просторный зал пещеры. Послышались радостные крики, ведь на просторе эльфийским воинам сражаться сподручнее. Они взялись за луки, что несли за плечами, и через головы рубившихся в первых рядах воинов во главе со Скафлоком во врага полетели длинные, с серым оперением стрелы. Ряды троллей смешались, распался и строй эльфов. Каждый искал и находил противника, чтобы сразиться один на один, и вскоре дерущиеся рассеялись уже по все-

му залу. У незащищенного панцирем тролля было мало шансов победить в единоборстве эльфа, который двигался и орудовал клинком с такой быстротой, что глазом уследить невозможно. Некоторые из эльфов тоже пали в этой схватке, кто с раскроенным черепом, кто еще как, многие были ранены. Но потери эти были ничто, по сравнению с понесенными троллями, для которых сражение стало настоящей бойней. И все же, королевские стражи упорно удерживали сводчатый проход, ведущий в пиршественный зал своего повелителя. Когда же эльфы, прикончив всех остальных врагов, попытались их оттеснить, то убедились, что сделать это совсем непросто: в узком проходе было совершенно негде развернуться, и преимущество оказалось на стороне противника. Нападавшие смешались и отступили, оставив на месте стычки немало убитых и раненых. Не особенно помогли и стрелы с дротиками: державшие оборону тролли выстроили стенку из щитов, укрывавших их от глаз до голени.

Тут Скафлок обратил внимание на то, что перегороженный противником проход чрезвычайно высок.

— Дайте, я покажу, что надо делать! — крикнул он. Весь в крови, больше зеленой, троллей, но и в своей, красной, тоже, с расщепленным уже шлемом и щитом, эльфийский предводитель, смеясь, бросил зазубренный меч в ножны и схватил копье. Потом разбежался и, оперевшись в пол концом копья, перемахнул через головы врагов в вожденный зал.

Благополучно приземлившись, он снова взялся за меч. Ступни ног, правда, немного отбил, вес-то у него был немалый, особенно в доспехах, но это не помешало ему тут же напасть с тыла на удерживающих проход троллей. Те, видимо, были из дежурных стражников, так что имели на себе хорошие доспехи. Но ног и некоторых участков предплечья доспехи эти, понятное дело, не закрывали. Тремя ударами Скафлок тут же сразил своим железным клинком трех троллей, заставив остальных повернуться к нему. Эльфы ринулись на смешавшегося врага и без труда прорвались прямо в иллредов пиршественный зал.

В дальнем конце его Скафлок увидел Иллреда. Сжимая в руке копье, тот сидел на своем троне, могучий и недвижимый, как скала. Он ринулся к вражескому королю, срубив на пути двух напавших на него троллей. И тут дорогу ему заступил человек.

На какое-то мгновение Скафлок застыл от изумления, увидев, что лицом бросившийся на него с топором злобного вида воин как две капли воды похож на него самого. От удивления он едва успел закрыться щитом. Топор нападавшего был, однако, не из бронзы или какого-нибудь легкого сплава, а железный и, к тому же, острый, не затупленный в сече, тогда как скафлоков щит сильно пострадал в предыдущих схватках. Острие пробило окаймлявшую щит железную полосу и, как в масло, вошло в деревянную окованную тонким листом железа основу, раскроив Скафлоку левую руку.

Он попытался было удержать топор зажатым в разрубе и поверх щита достать противника мечом, однако тот отскочил прочь, вырвав свое оружие из щита с такой силой, что Скафлок покачнулся. Враг изготовился снова напасть. Скафлок отбросил в сторону изломанный щит — от него все равно не было никакого прока — и отбил новый удар, который, встреченный его мечом, оказался очень громок и высек из стального клинка целый сноп искр. И на нем, и на противнике были шлем и кольчуга, но в остальном обстоятельства складывались не в пользу лишенного щита мечника, ведь топор гораздо тяжелее меча. И хотя Скафлок весьма преуспел в изучении древнего эльфийского искусства боя на мечах, выбранный им для похода клинок мало подходил для того, чтобы использовать эти хитроумные приемы. Он перешел к обороне, а противник все теснил и теснил его.

Тут нахлынула целая толпа дерущихся, и двое воинов-людей оказались разлученными. Скафлок вдруг увидел перед собой громадного тролля, свалить которого оказалось совсем непросто, незнакомец же стал отбиваться от нападающих на него эльфов, потом вырвался из их кольца и пробился назад, к Иллреду. Их тут же окружили оставшиеся в живых тролли. Вражеский отряд сделал стремительный рывок к задней двери зала и, пробившись, исчез за ней.

— Вперед! В погоню! — крикнул в азарте Скафлок, но Голтан и другие эльфийские военачальники удержали его:

— Пойти туда за ними было бы чистой воды безрассудством. Гляди, дверь эта ведет в темные, уходящие вниз переходы. Врагу ничего не стоит устроить там засаду. Лучше запрем-ка дверь на засов с этой стороны, чтобы Иллерд не смог насладиться на нас подземных чудовищ.

— Да, вы правы, — с неохотой согласился Скафлок. Он оглядел зал. Сперва взгляд его жадно скользнул по тролльим сокровищам, потом скорбно задержался на распростертых на залитом кровью полу телах убитых эльфов. При этом Скафлок не мог, однако, не порадоваться тому, сколь малы были понесенные его войском потери по сравнению с числом убитых троллей. Раненых врагов победители добивали: их стоны и крики становились все тише, тогда как своих раненых товарищей наскоро перевязывали: дома их раны излучат эльфийские чародеи.

Тут Скафлок увидел такое, что удивило его, пожалуй, не меньше, чем собственный двойник, сражавшийся на стороне врага: у подножия трона лежали две связанных, с заткнутыми ртами, смертных женщины.

Он подошел и достал нож. Незнакомки в ужасе отшатнулись.

— Не бойтесь, я только перережу веревки, — сказал он на данском наречии. Освободясь от уз, женщины встали с пола. Они дрожали и жались друг к другу. Тут Скафлоку был преподнесен еще один сюрприз: та, что повыше, с белокурыми волосами, проговорила сквозь слезы:

— Убийца, предатель, какое еще зло ты замышляешь?

От удивления Скафлок не знал, что сказать. Когда-то давно он изучал человечесьи языки, но говорить на них ему почти никогда не приходилось, так что у него был сильный эльфийский акцент, все слова он произносил как бы нараспев.

— Но что такого плохого я сделал? — спросил он с улыбкой. — Или тебе больше нравится лежать связанной?

— Ты еще и смеешься над нами, Валгард, — сказала светловолосая девушка. — Как будто мало того, что ты прежде натворил.

— Я не Валгард, — промолвил Скафлок. — Я даже с ним не знаком, если только это не тот смертный воин, с которым я недавно бился. Но вы, должно быть, не видели нашего поединка. В зале была такая толчея... Меня зовут Скафлок Альфхеймец. Я отнюдь не друг троллям.

— И правда, Асгерд, — вскричала младшая из девушек. — Погляди, это вовсе не Валгард. Он без бороды, и одежда на нем совсем другая, и выговор какой-то чудной...

— Так-то оно так... — отозвалась Асгерд, которую, по-видимо-

му, все еще обуревали сомнения. — А может быть, это побоище — всего лишь уловка. Может быть, это сделано лишь затем, чтобы устроить нам еще какую-нибудь западню. Откуда мне знать? Я знаю только, что Эрленд и наши родичи все побиты.

У нее вырвалось глухое, похожее на кашель рыдание.

— Нет! — Ее спутница положила Скафлоку руки на плечи, взглянула ему в лицо и улыбнулась сквозь слезы. Так весенней порой пробивается сквозь дождевые тучи солнце. — Нет, незнакомец, ты — не Валгард, хоть и схож с ним лицом. Вот и взгляд твой совсем не похож на его, холодный и бездушный, и губы другие: сразу видно, что ты часто улыбаешься, смеешься. Слава Б...

Закончить ей не удалось, Скафлок прикрыл ей рот ладонью, торопливо сказав:

— Не произноси пока этого слова. Мои воины тоже из Дивного народа, им нельзя слышать его. Но они не причинят вам вреда. Напротив, я прикажу доставить вас, куда пожелаете.

Она кивнула. Глаза ее при этом стали совершенно круглые. Скафлок отпустил руку и устремил на девушку долгий, внимательный взгляд. Незнакомка была не особенно высока ростом, но от ее юной, стройной фигурки, которую изорванное платье отнюдь не скрывало, все равно просто дух захватывало. Длинные, блестящие, бронзового цвета волосы ее имели какой-то даже красноватый оттенок, личико же с высоким лбом, задорно вздернутым носиком и мягкими полными губами было прелестно. Под темными бровями — большие, широко поставленные, с длинными ресницами, умненькие глаза. Серые. Когда Скафлок увидел, какого цвета у нее глаза, в его воспитанном эльфами уме толкнулось что-то похожее на воспоминание, но понять, что это было, он не смог, и оно исчезло, так и не став четкой мыслью.

— Кто ты? — спросил он, медленно выговаривая слова.

— Фрида дочь Орма из Области Датского Права, что в Англии, — ответила она. — А это моя сестра Асгерд. А кто ты?

— Скафлок, приемный сын Имрика из английских земель Альхейма. — Она отшатнулась, едва удержавшись, чтобы не сотворить крестное знамение.

— Послушай, вам нечего меня бояться, — вдруг посерьезнев, проговорил он. — Подождите здесь, пока я управлюсь с делами.

Эльфы занялись грабежом илледовых сокровищ. В боковых помещениях они нашли рабов-эльфов и освободили их. Покончив с этим, они вышли из тролльей пещеры и подпалили стоявшие возле нее дома и сарай. Хотя было еще ветрено, к тому времени распогодилось, и вскоре к звездному небу взметнулись высокие языки пламени.

— По-моему, Тролльхейма нечего бояться, — решил Скафлок.

— Об этом рано судить, — рассудительно заметил Валка Мудрый. — Просто мы застали их врасплох. Хотелось бы мне знать, сколько они собрали войска и как далеко отсюда его лагерь.

— Это мы выясним в другой раз, — просил Скафлок. — Надо идти к кораблям, а то не успеем домой до рассвета.

Астерд и Фрида стояли поодаль, удивленно наблюдая за эльфами. Дивны казались им высокие воители, двигавшиеся в ночи совершенно бесшумно, как вода или дым, если, конечно, не считать серебристого перезвона кольчуг. Вид эльфов с их бледными, цвета слоновой кости, узкими, высокоскулыми лицами, звериными ушами и пристальным и одновременно непроницаемым взором вообще внушает смертным страх.

Между этими странными существами прохаживался Скафлок, ступавший почти так же беззвучно, как они, видевший в темноте, как кошка, говоривший на их непонятном наречии. И все же лицом и статью он был человек, а не эльф. К тому же, вспомнила Фрида, руки его теплы, не то что у пару раз задевших ее в толчее эльфов.

— Он точно человек, — решила она.

— Он, чай, язычник, раз живет среди этих странных созданий, — сказала Астерд.

— Да, наверное... Но он так добр, он спас нас от... от... — При воспоминании о пережитом ужасе Фрида задрожала всем телом и плотнее завернулась в данный ей Скафлоком плащ.

Человек протрубил в рог, давая своим соратникам сигнал к отступлению. Выстроившись в колонну, эльфы в молчании двинулись вниз по склону горы. Скафлок шел рядом с Фридой, ничего не говоря, но то и дело поглядывая на нее.

Девушка была моложе его годами, и в ее длинноногой, с тонкой талией фигурке сохранилась еще какая-то милая неловкость, как у жеребенка. Она высоко несла голову, а волосы ее сверкали в холод-

ном лунном свете каким-то чеканным блеском, но Скафлоку отчего-то подумалось, что на ощупь они, должно быть, мягкие. А когда он помогал ей проходить особенно крутые участки каменистой тропы, ее крошечная ручка совершенно утопала в его здоровенной ладони.

Внезапно где-то на круче взревел по-бычачьи троллий рог, ему ответили еще два. Меж утесов забилося искореженное ветром эхо. Эльфы остановились как вкопанные, поставили торчком уши и принялись тянуть носом воздух: надо было определить, в какой стороне враг.

— Думаю, они где-то впереди, — сказал Голтан. — Хотят отрезать нас от берега.

— Это плохо, — проговорил Скафлок. — Но будет еще хуже, если мы пойдем назад тем узким ущельем: там тролли смогут перебить нас, кидая камни с окружающих его круч. Следует идти не по ущелью, а рядом с ним.

Он протрубил сигнал к бою в лур*, который нес для него один из воинов. Эльфы первыми сделали такие гигантские изогнутые рога и в то время все еще пользовались ими, тогда как у людей луры не были в ходу с бронзового века. Скафлок сказал Фриде и Астерд:

— Боюсь, нам предстоит еще сеча. Мои воины будут охранять вас, если только вы не станете произносить опасных для них имен. Стоит вам сделать это, и они принуждены будут отпрянуть в сторону. Тогда тролли, которые сейчас далеко и не услышат сказанного, могут поразить вас стрелами.

— Ужасно умереть, не воззав к... Нему, тому, что на небесах, — промолвила Астерд. — Но мы все равно слушаем тебя.

Скафлок рассмеялся и положил руку Фриде на плечо.

— Как не победить, когда бьешься за таких красавиц?

Он приказал двум эльфам нести девушек, которые больше не могли поспевать за своими быстроногими спутниками, а несколькими воинам велел выстроить вокруг них стенку из щитов. Затем он повел построенное клином войско через горный кряж к морю.

Эльфы быстро двигались вперед, ловко перескакивая с одного скалистого выступа на другой. Позванивали кольчуги, блестело в лунном свете оружие.

* Рог, музыкальный инструмент у древних скандинавов.

Когда же они увидели на фоне Млечного пути черный стеной претраждающее им дорогу вражеское войско, то издали боевой клич, ударили мечами в щиты и вступили в бой.

Но у Скафлока при виде троллей рати аж дыхание занялось. Она была огромна. Он прикинул, что на каждого его воина приходилось примерно по шесть троллей. Если Иллреду удалось собрать такую силу за столь малый срок, то сколько же у него всего воинов!

— Ну что же, — сказал он вслух, — каждому из нас надо убить по шесть троллей.

Эльфы взялись за луки. Неповоротливые тролли не смогли укрыться от вновь и вновь летящих в них, застыв свет луны, туч стрел. Многие были убиты на месте. Но, как обычно бывает, большая часть стрел все же не достигла цели: одни из них попали в скалы, другие засели в тролльих щитах. Весьма скоро запас стрел иссяк.

Эльфы ринулись на врага, и в ночи завязалась сеча. Рев тролльих рогов, глухое пение эльфийских луров, похожие на волчий вой вопли троллей, напоминающие ястребиный крик кличей эльфов, грохот тролльих топоров об эльфийские щиты, лязг, с каким мечи эльфов падали на шлемы троллей, — все слилось в единый неумолчный шум битвы, достигший, казалось, самих звезд.

В воздухе мелькали топоры и мечи, копья и палицы, кроша щиты, раскалывая шлемы, разрывая кольчуги. Красная эльфийская кровь смешалась с зеленой троллей. А над головами бьющихся плясало танец смерти Северное сияние.

Среди прочих сражающихся выделялись своим громадным ростом два почти совершенно схожих между собой воителя. И валгардов топор, и скафлоков меч оставляли глубокую кровавую борозду на волнующейся ниве битвы. Берсерк снова был в приступе неистовства: изо рта у него шла пена; поражая врага, он выл, как безумный. Скафлок рубился молча, но с не меньшим остервенением.

Окружив эльфов со всех сторон, тролли принялись сжимать вражеское войско как тисками. В такой тесноте обычная ловкость и быстрота эльфийских воинов не давала им никакого преимущества, тогда как тролля сила, напротив, оказалась очень кстати. Скафлоку уже начинало казаться, что на месте каждого сраженного им тролля из пропитанного кровью снега чудесным образом появляются два новых. Но он не сделал ни шага назад. Пот лил с него ручьем, пока

на одежде не образовалось ледяная корка, а он все отбивал вражеские удары своим новым щитом и, в свою очередь, то и дело пускал в ход клинок.

В пылу сражения к нему приблизился Валгард, совершенно взбесившийся и кипевший ненавистью ко всему эльфийскому, и в особенности к приемному сыну Имрика. Они встретились лицом к лицу и в неверном лунном свете, обменялись напрочь лишенными взаимной приязни взглядами.

Скафлоков меч со звоном обрушился на шлем Валгарда, на котором от того удара осталась здоровенная щербина. Валгард рубанул по щиту неприятеля с такой силой, что щепки полетели. Скафлок изловчился достать клинком до лица Валгарда и раскроил ему щеку так, что у усилка зубы оказались наружу. Берсерк взвыл и обрушил на него целый град ударов. Отбив в сторону меч, он лупил по скафлокову щиту до тех пор, пока Скафлоку не начало казаться, что левая рука у него вот-вот отвалится, а повязка, наложенная на полученную ранее рану, вся не вымокла от крови.

И все же Скафлок продолжал внимательно следить за своим противником, и когда тот выставил ногу слишком далеко вперед, что было сил рубанул его по лодыжке. Не будь его меч уже сильно затуплен в сражении, остался бы берсерк одноногим. А так он только ахнул и отступил назад. Скафлок ринулся за ним.

Тут на голову ему обрушился удар такой силы, что он, оглушенный, упал на колени: незаметно подошедший сзади Иллред саданул его своей тяжелой, с каменным набалдашником палицей. Валгард снова двинулся на него, занося топор. Хотя у Скафлока звенело в ушах, а боль сдавила голову железным обручем, он сумел-таки откатиться в сторону, и удар пришелся по земле. Охваченный ратным азартом, один из эльфов, охранявших девушек, шагнул вперед, чтобы разделаться с берсерком, прежде чем тому удастся выдернуть из земли глубоко засевший топор. Ударом палицы Иллред сломал тому воину шею, Валгард же, вырвав из земли топор, наугад рубанул им в брешь, образовавшуюся в строю щитоносцев, но, вместо того, чтобы сразить укрытого за «стенкой» щитов эльфийского воина, угодил в его ношу. Строй эльфов тут же снова сомкнулся и, ошетинаясь копьями, двинулся на Валгарда с Иллредом, которым пришлось отступить перед такой силой. Поднявшись на ноги, Скафлок

дал щитоносцам сигнал к отступлению и повел их прочь. Убитых эльфы оставили на поле битвы. Иллред поспешил вернуться под охрану своей стражи, так что Валгард остался на месте схватки один. Приступ берсерковского неистовства у него прошел.

Весь заляпанный кровью, шатаясь, стоял он над мертвым телом Астерд.

— Я не хотел этого, — сказал он. — Заколдованный он что ли, топор-то этот? А может, это на мне лежит какое проклятье? — Он в замешательстве потер рукой глаза. — Хотя... Они, вроде, не родня мне... — Все еще ощущая слабость после недавнего приступа, Валгард опустился на землю подле Астерд. Шум битвы уже затихал в отдалении. — Теперь мне остается убить только Скафлока и Фриду. Тогда не останется в живых никого из тех, кого когда-то я считал родными, — пробормотал он, глядя тяжелые косы мертвой девушки. — Хорошо бы это сделать с твоей помощью, Братобой. Можно убить и Эльфриду, коли жива еще. Почему бы нет? Она ведь не мать мне. Моя мать — здоровенное чудовище, что сидит на цепи в темнице у Имрика. Эльфрида, качавшая мою колыбель, не мать мне...

Как ни храбро сражались эльфы, им все равно приходилось туго. Бившейся в первых рядах Скафлок, не забывал следить за тем, чтобы действия его воинства были четки и слаженны, направляя его разумными и своевременными командами. Меч его разил троллей без счета, ни один из них не мог устоять перед стремительно мелькающим в воздухе клинком. Эльфийская дружина неуклонно пробивалась к своим драккарам.

Лишь однажды дрогнуло сердце Скафлока: когда пал, пронзенный насквозь копьем, Голтан.

— Вот еще одного друга потерял я, — промолвил Скафлок. — Таковую потерю ничем не восполнить.

И тут же снова возвысил голос:

— За Альфхейм! Вперед!

Наконец уцелевшие эльфийские воины прорубились через троллю рать и отступили ко взморью. Сражаясь в первых рядах погибли многие видные эльфийские мужи, в том числе Валка Мудрый, Флам Оркнеец и Хлоккан Красное Копье, но остальным удалось добраться до кораблей. Некоторые на виду у троллей разбросали по прибрежным утесам остатки захваченной в пещере добычи.

Натиск неприятеля тут же ослабел, поскольку Иллред предпочел получить назад свои сокровища вместо того, чтобы потерять еще больше воинов, устроив рубку на взморье.

Способных грести с грехом пополам хватило только на половину драккаров. Остальные корабли были подожжены при помощи особых чар. Затем, торопливо погрузившись, эльфы на веслах пошли вон из проклятого фьорда.

Сидя на дне скафлокова драккара, Фрида смотрела на своего нового знакомого, чья высокая фигура четко вырисовывалась на фоне луны. Весь забрызганный кровью, он творил рунные знамения и говорил неведомые ей слова. Вдруг ветер переменялся на попутный, да такой сильный, настоящий шторм. Паруса напряглись, мачты выгнулись подобно натянутым лукам, и эльфийские корабли стремительно рванулись вперед. Все быстрее и быстрее мчались они, подобно морской пене или бегущим по небу облакам, подобно бесплотным мечтам, волшебным чарам или струящемуся с небес лунному свету. Стоя на вздымающемся тучи брызг носу корабля, Скафлок запел какую-то колдовскую песню. Шлем он снял, и прекрасные волосы его вольно вились по ветру, изорванная окровавленная кольчуга звенела. В это мгновение он был похож на героя давно забытой саги или на пришельца из какого-то иного мира.

Свет вдруг померк перед глазами Фриды, и все погрузилось в темноту.

ГЛАВА XI

Очнувшись, она обнаружила, что лежит на устланном мехами да шелками роскошном ложе из резной слоновой кости, вымытая и переодетая в сорочку из белой узорной парчи. Возле ложа, на затейливо сработанном столике, кто-то заботливо оставил вино, воду, виноград и другие фрукты из южных земель. Больше ничего рассмотреть было нельзя: все скрывала какая-то темно-голубая дымка.

Поначалу Фрида не могла понять, как случилось, что она оказалась в таком странном месте. Потом вдруг нахлынули мучительные воспоминания о событиях последних дней, при которых она не могла сдерживать рыданий. Долго проплакала она. Но, казалось, даже самый воздух, которым она дышала, был напоен покоем. Выплакавшись, она выпила немного вина. Вино то не просто пьянило, от него на измученную душу Фриды как будто снизошло утешение, и девушка забылась спокойным сном без сновидений.

Проснувшись, она ощутила совершенно удивительный прилив бодрости. Едва она приподнялась на ложе, как сквозь окружавшую его синюю туманную дымку к ней подошел Скафлок.

От ран его не осталось и следа, лицо же светилось радостной улыбкой. Одет он был в короткую, с богатой вышивкой тунику и килту, причем наряд этот на редкость ловко сидел на его статной мускулистой фигуре. Присев на край ложа, он взял Фриду за руки и заглянул ей в глаза.

— Тебе лучше? Я положил в вино снадобья, что помогает исцелить душевные раны.

— Спасибо, гораздо лучше. Но скажи, где я сейчас?

— В имриковом замке Эльфхолм, в Эльфийских холмах, на севере. — При этих словах в глазах девушки мелькнула тревога.

— Не бойся, здесь тебе не причинят вреда, — заверил ее Скафлок. — Все будет, как ты пожелаешь.

— Благодарю тебя, — прошептала она. — Я тебе почти так же благодарна, как Богу, который...

— Нет, не произноси здесь священных слов, — торопливо перебил ее Скафлок. — Эльфы их боятся, а ведь ты у эльфов в гостях. Но в остальном ты вольна поступать, как хочешь.

— Но ты-то ведь не эльф, — медленно проговорила Фрида.

— Нет, я человек. Но вырос я здесь. Меня усыновил Имрик Хитроумный, и теперь он мне роднее, чем настоящий отец, кем бы он ни был.

— Как случилось, что ты пришел нам на помощь? Мы уж отчаялись...

Скафлок коротко рассказал ей о войне и о своем набеге, а потом вдруг промолвил:

— Расскажи-ка лучше о себе. Кому посчастливилось вырастить такую красавицу-дочь?

Фрида при этих его словах вся зарделась, но все же послушно принялась рассказывать свою историю. Он внимательно слушал, но в тайную суть случившегося проникнуть так и не смог. Имя Орма ни о чем ему не говорило, поскольку Имрик, желая раз и навсегда оборвать всякие связи своего приемного сына с миром людей, говорил, что произвел подмену младенцев в западных землях. Больше того, одному ему ведомым способом он истребил в Скафлоке всякое любопытство по поводу его истинного происхождения. Что до Валгарда, то Фрида не могла сказать по этому поводу ничего существенного, разве только, что ее брат сошел с ума. Скафлок почувствовал, что в берсерке есть нечто нечеловеческое, но особенно задумываться об этом не стал: его занимали более важные вещи. Фрида, например. Он решил, что Валгард одержим каким-то демоном. Ну и что, что берсерк этот похож на него самого? Наверное, на него наложено зеркальное заклятие. Имрик, например, мог пожелать сделать его двойником своего приемного сына по дюжине разных причин. К тому же, никто из эльфов, с которыми Скафлок говорил об этом, ничего такого не заметил, то ли оттого, что они были слишком заняты битвой, то ли оттого, что ничего и не было, а ему, Скафлоку, просто почуди-

лось. Вообще, все это не слишком его занимало, и вскоре мысли о Валгарде совершенно оставили его.

Фрида тоже не стала долго думать о внешнем сходстве между Скафлоком и Валгардом, поскольку сама она никогда бы их не спутала. Их глаза, губы, выражение лица, походка, речь, мысли, манера вести себя так сильно различались, что она почти и внимания не обратила на схожесть их сложения и черт. Ей подумалось мимоходом, что, может быть, у них был какой-нибудь общий предок, дан, прошедший в Англии лето лет сто назад. И сразу же мысли ее обратились к другим, более важным предметам.

И неудивительно. Хотя добавленное в вино снадобье и притупило ее сердечную боль, заставить ее забыть ужас случившегося оно не могло. Едва удивление новой переменой судьбы пошло на убыль, как сдерживаемая им прежде скорбь вырвалась наружу, и Фрида горько расплакалась, спрятав лицо на груди Скафлока.

— Никого не осталось, все погибли, все, кроме Валгарда и меня. Я видела, как он убил отца и Асмунда, Кетиль был уже мертв. Я видела мать, распростертую у его ног. Я видела, как топор вонзился в тело Асгерд. Я одна осталась. Лучше бы мне умереть вместо... Мама! Мама!

— Ну, ну, утешься, — смущенно проговорил Скафлок. Воспитанный у эльфов, он и не знал, что так можно выражать скорбь по умершим. — Ты-то ведь жива-невредима, а Валгарда этого я разыщу и поквитаюсь с ним за твоих близких.

— Немного будет от этого пользы. От ормовой усадьбы остались одни головни, дети Орма все истреблены, кроме лишь двоих: безумца да бездомной скиталицы.

Девушка теснее прижалась к нему, и Скафлок почувствовал, что она дрожит всем телом.

— Помоги мне, Скафлок! Мне так страшно! Ненавижу себя за это, но ничего не могу с собой поделать. Я боюсь остаться совсем одна...

Он погладил ее по голове, потом бережно взял за подбородок и поднял ее лицо так, чтобы она взглянула ему в глаза.

— Ты не одна, — тихо проговорил он и нежно, едва коснувшись, поцеловал ее в мягкие, теплые, трепещущие губы. От поцелуя этого у него во рту остался солоноватый привкус ее слез.

— На-ка, выпей, — сказал он, протягивая Фриде кубок с вином.

Она сделала пару глотков и затихла, утнездившись в его объятиях. Скафлок утешал ее, как мог: ему казалось неправильным, что ее вообще коснулась скорбь и горечь утрат. Ничто, никогда не должно омрачать счастье Фриды. Он прошептал заклинания, прогонявшие прочь печаль.

Фрида же вспомнила, что она — дочь Орма Сильного, который хоть и слыл весельчаком и буяном, в глубине души был очень строг к себе, и детям своим говорил: «От судьбы не уйдешь, но никто не в силах отнять у человека мужество, позволяющее сносить ее удары».

Наконец, успокоившись и даже немного любопытствуя по поводу всяких диковин, которые Скафлок обещал ей показать, девушка отстранилась от него и проговорила:

— Спасибо тебе за доброту. Я снова владею собой.

— Тогда не грех и покушать чего-нибудь. Не все же тебе постигаться.

Подле ложа для Фриды было приготовлено платье, обычный наряд эльфиек из прозрачного шелка.

Хотя Скафлок, вняв ее просьбе, и отвернулся, пока она переодевалась, Фрида все равно зарделась как маков цвет, ведь одевание это мало что скрывало. Но когда он надел ей на руки тяжелые золотые обручья, а на голову бриллиантовую диадему, она не могла не почувствовать удовольствия.

Пройдя по невидимому полу, они вступили в длинный коридор, чьи стены не вдрут, а как бы постепенно выступили из окружающей дымки. Стены эти были мраморные, украшенные сверкающей колоннадой, а также яркими коврами и гобеленами, изображения на которых извивались в медленном, фантастическом танце.

Повсюду сновали рабы-гоблины, являвшие собой нечто среднее между троллями и эльфами: они были зеленокожие и приземистые, но при этом довольно симпатичные на вид. Фрида вскрикнула от испуга и прижалась к Скафлоку, когда мимо них прошествовал какой-то желтый демон с канделябром, впереди которого вышагивал гном со щитом.

— Ой, что это? — прошептала она.

Скафлок усмехнулся:

— Это китайский шэнь. Мы взяли его в плен во время одного из походов. Он силен и вообще из него вышел отличный раб. Только

вот беда: шэни могут двигаться только по прямой, если только не отразятся от стены. Поэтому там, где надо заворачивать, гном ставит щит по диагонали на перекрестье коридоров, чтобы демон мог отразиться от него, как свет от зеркала.

Фрида рассмеялась, и Скафлок подивился чистоте и беззаботности ее смеха. В веселье эльфиек всегда сквозила скрытая насмешка, фридин же смех лился, как утренний свет в пору цветения.

Усевшись вдвоем за стол, они стали угощаться редкими мясными деликатесами. Скафлок сложил вису:

*Дружба лишь крепнет от вин и от яств,
Дружеский пир — есть сплочение братств.
Трапеза та, что вкусишь поутру,
Паче другой драгоценна нутру.
Я ж не могу воздать яствам сполна,
Мне нынче иная услада дана.
На стол не взгляну: предо мною сейчас
Южанки краса — наслажденье для глаз.*

При этих словах Фрида, хоть и потупилась и покраснела, но не могла не улыбнуться.

И тут же ее охватило чувство вины. «Какая же я бессовестная, что веселюсь так скоро после смерти родных! Сломлено дерево, чьи ветви закрывали землю, холодный ветер гуляет по ставшим бесплодными нивам!..» Она не стала больше искать красивых слов, а сказала просто:

— Когда уходят хорошие люди, мы все становимся беднее.

— Стоит ли так убиваться, коли они были хорошие люди? — возразил лукавый Скафлок. — Они ушли к Нему, на небеса, и теперь скорби этого мира не могут их коснуться. По правде говоря, я думаю, что блаженство их омрачается лишь твоими слезами.

Они как раз выходили из зала. Покоившиеся на руке Скафлока пальцы Фриды при этих словах вдруг сжались.

— Священник говорил о смерти без покаяния... — Она потеряла глаза костяшками другой руки. — Я любила, их и вот теперь их нет со мной, и я скорблю в одиночестве.

— Пока я жив, ты не будешь одинока, — тихо молвил Скафлок, кос-

нувшись губами ее щеки. — И потом, не надо придавать особого значения тому, что бормочет какой-то деревенский поп. Что он понимает?

Они вошли в другую палату, где сводчатый потолок был так высок, что свет до него почти не достигал. Там увидела Фрида изумительной красоты женщину, явно нечеловеческой крови. Рядом с ней девушка чувствовала себя просто маленькой напуганной дурнушкой.

— Видишь, Лиа, я вернулся, — сказал Скафлок на эльфийском наречии после положенного приветствия.

— Да, уж! Добычи никакой, больше половины воинов побиты. Успехом это не назовешь.

— Не совсем так. Троллей побито куда больше, чем эльфов. Мы сильно потрепали неприятеля. К тому же, освобожденные нами эльфы, бывшие у троллей в рабстве, могут нам немало порассказать о замыслах врага. И потом, гляди, какое сокровище я добыл.

Он обнял Фриду за талию и притянул к себе. Она охотно подчинилась: холодный взгляд бледной ведьмы пугал ее.

— На что она тебе? — сердито спросила Лиа. — Это что, зов крови?

— Похоже на то, — спокойно ответил Скафлок, как будто не заметив колкости ее тона.

Лиа приблизилась, положила руку ему на плечо, заглянула в глаза своими сумеречными с лунными бликами очами.

— Скафлок, немедленно избавься от этой девчонки. Раз не хочешь убить, отправь ее домой.

— У нее нет дома. А просить хлеба по дворам я ее не пошлю — и так достаточно натерпелась. — В голосе его зазвучала насмешка: — И вообще, какое тебе дело до двух каких-то смертных?

— Мне есть дело, — скорбно проговорила Лиа. — Вижу, предчувствия меня не обманули. Что свой своего ищет, это понятно. Желаете подругу по своему образу и подобию — возьми любую смертную деву, любую, кроме этой. На ней роковая печать. Не случайно, ох, не случайно встретил ты ее, а коли оставишь при себе, не миновать тебе беды.

— Фрида не может принести мне несчастье, — хрипло проговорил он. А потом сказал, просто чтобы сменить тему разговора: — Когда вернется Имрик? Он уехал прежде, чем я вернулся из Тролльхейма. Говорят, государь призвал его.

— Он скоро будет дома. Дождись его, Скафлок. Может быть, он сумеет распознать угрозу, которую я только сердцем чую.

Скафлок фыркнул:

— Мне пришлось сражаться с троллями и демонами, так неужто я испугаюсь девушки? Это даже не карканье, а какое-то куриное кудахтанье.

Он повернулся и повел Фриду прочь.

Пораженная Лиа долго смотрела им вслед, потом побежала прочь по переходам замка. В глазах ее блеснули слезы.

Скафлок и Фрида отправились бродить по замку. Поначалу девушка говорила мало и вообще была подавлена, но потом принятые ею снадобья и чары Скафлока сделали свое дело и обычная жизнерадостность стала понемногу возвращаться к ней. Фрида стала чаще улыбаться, восклицать, смотреть на своего спутника, иногда же принималась восторженно щебетать о чем-нибудь, прямо как птичка. Наконец Скафлок сказал:

— Пойдем на улицу. Поглядишь, что я для тебя сделал.

— Для меня?

— Ну, и для себя тоже, если то будет угодно Норнам, — рассмеялся он.

Пересекши внутренний дворик, они вышли из замка через высокие бронзовые ворота. Ярко сверкал на солнце исчерченный голубоватыми тенями снег. Крутом не было видно ни единой эльфийской души. Скафлок с Фридой прошли в блистающий ледяным убором лес, вдвоем укрываясь одним скафлоковым плащом. Из рта у них поднимались к безоблачному небу облачка пара. Мороз стоял такой, что было больно дышать. В отдалении слышался рокот прибоя, шелестел хвоей заснеженных елей ветер.

— Холодно как! — дрожа всем телом, проговорила Фрида. Кажется, в целом свете только и осталось теплого, что красноватый оттенок ее волос. — Снаружи твоего плаща такой холод!

— Да, уж, холодновато было бы тебе бродить по дорогам, прося милостыни.

— Наверное, меня приютили бы. У нас было много друзей. А земля нашей семьи, теперь моя, пошла бы на приданое.

Последние слова она выговорила с трудом.

— Зачем искать где-то друзей, коли они есть у тебя прямо здесь? Что до земли — смотри!

Они перевалили через холм, бывший частью окружавшей небольшую ложину гряды и спустились вниз, туда, где Скафлок загодя устроил при помощи чар настоящее лето.

Стоявшие подле небольшого певучего водопада деревья были зелены, высокая же трава вся расцвечена цветами. Пели птицы, резвилась в воде рыба, пара ланей без страха глядела на приближающихся людей.

Фрида вскрикнула от радости и захлопала в ладоши, Скафлок же сказал с улыбкой:

— Я сделал это для тебя, ведь ты — лето, жизнь, радость. Забудь зимние утраты и скорби, Фрида. Здесь у нас будут свои времена года, не такие, как вовне.

Они прошли в ложину и, скинув свой плащ, уселись отдохнуть подле водопада. Волосами их играл теплый ветерок, вокруг было видимо-невидимо спелых ягод. По приказу Скафлока собранные Фридой ромашки сами сплелись в венок, который он торжественно надел девушке на шею.

В Фриде не было страха перед его магическим знанием. Откинувшись назад, она жевала имеющее вкус самого дорогого вина яблоко, которым угостил ее Скафлок (плод этот, похоже, и пьянил, как вино) и слушала его новые висы:

*Попавши в сеть твоих кудрей прекрасных,
Что на поверку всех оков прочней,
Я был к тому же ранен взором ясным
И угодил в плен прелести твоей.
Быть пленником — страшнее нет недоли,
Моя ж душа совсем не просит воли.
Так сладок ей твоих объятий плен —
Все прочее в сравненьи прах и тлен.
Впервые в той любви беззаветной
Я стал просителем — прошу любви ответной.*

— Так нельзя, — слабым голосом сказала она, не в силах, впрочем, противиться вдруг охватившему ее желанию то ли вздохнуть, то ли улыбнуться, то ли сделать и то, и другое вместе.

— Только так и можно. Только так и нужно.

— Ты язычник, а я...

— Говорил я тебе, чтобы не произносила таких слов! Теперь придется тебе заплатить за то, что ослушалась.

Скафлок приник губами к ее губам, вложив в поцелуй этот все свое умение. Поцелуй был долгий. Начавшись с мягкого прикосновения губ, с каждым мгновением исполнялся он все большей страсти. Поначалу Фрида пыталась вырваться, но вдруг почувствовала, что совершенно обессилела. Силы вернулись к ней лишь тогда, когда она ответила на скафлоков поцелуй.

— Ну что, разве плохо было? — осведомился он, смеясь.

— Нет... — прошептала она.

— Я знаю, что душевные раны твои еще не успели затянуться. Но скорбь пройдет. Уверен, те, кто любили тебя ни за что не хотели бы, чтобы было иначе.

Вообще говоря, боль уже покинула сердце Фриды. Осталась лишь нежность да грусть от того, что не суждено ее родным узнать Скафлока.

— Тебе надо подумать о своем будущем, Фрида, а паче о том, чтобы продолжился род, из которого уцелела лишь ты одна. Я дам тебе все богатства и диковины Альфхейма, а взамен не попрошу никакого приданого, только тебя саму, любимая. Защитой тебе и всему, что тебе дорого, будет вся моя рать. Но главный мой дар тебе — моя неугасимая любовь.

Никакими чарами нельзя заставить человека полюбить. Но эльфийская магия помогла развеять скорбь и взрастить сдерживавшийся ею драгоценный росток, быстро затем расцветший на благодатной ниве юности.

День этот кончился, и на благоухающую летним разнотравием долину спустилась ночь. Фрида со Скафлоком лежали подле водопада, слушая пение соловья. Наконец девушка уснула.

Скафлок же долго лежал без сна. Он многое понял, слушая ровное дыхание доверчиво спящей, положив голову ему на плечо, Фриды, вдыхая аромат ее волос, ощущая тепло ее тела, вспоминая о том, как безоглядно шла она к нему и с горем, и с радостью.

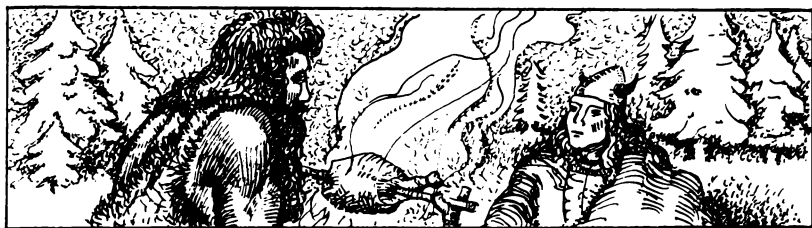
Поначалу желание пробудить в Фриде любовь диктовалось у него одним лишь озорством. Смертные девы, которых случалось ему видеть в землях людей, редко бывали одни, без сопровождения.

А когда и удавалось застать некоторых из них в одиночестве, они казались слишком неуклюжи умом и телом, чтобы соответствовать изысканному, воспитанному эльфами вкусу Скафлока. Фрида же пробудила в нем желание, и он без конца думал о том, каково будет разделить с нею ложе.

Видать, любовные чары обратились против него самого. А коли и так, что с того?

Улыбаясь, он стал мечтательно смотреть на мерцающую в ночном небе Большую Медведицу, медленно вершившую свою извечную круговорот вокруг Полярной звезды. Многомудры были холодные, расчетливые эльфийки, но, наверное, оттого, что сердца их всегда замкнуты на замок, ни одной из них так и не удалось завладеть сердцем Скафлока, тогда как Фрида...

Верно говорила Лиа — свой своего ищет.

ГЛАВА XII

Через несколько дней Скафлок в одиночку отправился на охоту. На своих волшебных лыжах, которые несли его быстрее ветра, летел он по горам, по долам, через замерзшие реки и заснеженные леса, и к закату забрался далеко на шотландское нагорье. Возвращаясь же в сумерках домой с убитой косулей на плечах, увидел он в отдалении свет костра. Скафлоку стало любопытно, кто это решил ночевать в пустынной, неприветливой местности, да еще в такой холод, и он по-эльфийски беззвучно приблизился к тому месту, на всякий случай держа наготове копьё.

У костра сидел прямо на снегу некто могучей стати, жаря над огнем кусок конины. Несмотря на пронизывающий ветер, на незнакомце была лишь килта из вотчьей шкуры, а лежавший подле него топор изучал какое-то неземное сияние.

Особое эльфийское чувство подсказало Скафлоку, что перед ним бог. Когда же он увидел, что незнакомец однорук, по спине у него побежали мурашки. Встреча с Тюрлом, да еще в одиночку и в сумерках, не сулила ничего хорошего.

Но отступать было поздно. Бог уже повернулся в его сторону. Поэтому Скафлок храбро ринулся прямо к костру. Глаза его встретились с тюрловыми, темными и задумчивыми.

— Привет тебе, Скафлок, — молвил ас, и голос его звучал подобно отдаленному рокоту бури. Он продолжал поворачивать над огнем шампур с кониной.

— Привет и тебе, государь, — ответил Скафлок, почувствовав некоторое облегчение. Не имея души, эльфы не поклонялись никаким богам, но вражды между ними и асами тоже не было. Иные из эльфов даже служили в самом Асгарде.

Тюр коротко кивнул, приглашая Скафлока скинуть с плеч добычу и присесть подле него у костра.

Воцарилась тишина, нарушавшаяся лишь потрескиванием поленьев в огне, в свете которого на мрачном лице Тюра играли причудливые пляшущие блики.

Наконец ас нарушил молчание:

— Я чую войну. Тролли собираются в поход на Альфхейм.

— Нам то ведомо, государь, — ответил Скафлок. — Эльфы готовы отразить врага.

— Вам придется куда тяжелее, чем ты можешь себе представить. На сей раз тролли обзавелись союзниками. — Тюр помолчал, мрачно глядя в огонь. — Ставка в этой игре куда выше, чем дано понять эльфам с троллями. Многим из прядомых Норнами нитей суждено скоро оборваться.

Снова наступила тишина, потом Тюр промолвил:

— Низко кружит нынче воронье, боги же склонились над миром, который потрясен до основания топотом копыт коня Времени. Вот что я скажу тебе, Скафлок: очень пригодится тебе дар богов, данный по случаю наречения твоего имени. Даже боги обеспокоены происходящим. Потому-то я, божественный воитель, и сошел на землю.

Ветер шевелил черные волосы аса. Горящий взор его был устремлен Скафлоку прямо в глаза.

— Хочу предупредить тебя кое о чем, хоть и сомневаюсь, что это может повлиять на предначертанное Норнами. Кто был твой отец, Скафлок?

— Не знаю, государь. Прежде я не задавался этим вопросом. Но можно спросить у Имрика...

— Не делай этого. Передай лучше Имрику, чтобы никому не раскрывал ведомого ему, особенно тебе. Ибо ужасен будет тот день, когда узнаешь ты тайну своего рождения, то, что сулит тебе это знание, страшно отзовется на судьбах всего мира.

Он мотнул головой, давая смертному понять, что тот может идти. Скафлок не заставил себя долго упрашивать: поспешно ретировавшись, он оставил добытую косулю Тюру, в благодарность за совет. Но, стремительно летя на волшебных лыжах к дому, слушая свист рассекаемого его собственным неудержно стремящимся впе-

ред телом воздуха, он задумался о том, была ли истина в словах небесного воителя. Кто он, Скафлок, такой? Каковы его корни? Его охватило мучительное желание получить ответы на эти вопросы. Скафлоку вдруг показалось, что стоящая вокруг ночная тьма кишмя кишит демонами.

Все быстрее и быстрее мчался он, не замечая обжигающего лицо пронзительно-холодного ветра, но не мог уйти от маячащего у него за спиной темного призрака. «Только Фрида, одна Фрида сможет избавить меня от этого ужаса», — думал он, задыхаясь.

Еще до рассвета увидел он устремленные к небу стены и башни Эльфхолма. Страж ворот протрубил в рог, и дежурные дружинники отворили ему. Скафлок стремительно скользнул во внутренний двор замка, а подлетев к самым ступеням донжона, скинул лыжи и бегом побежал во внутренние покои.

Вернувшийся накануне вечером Имрик беседовал со своей сестрой.

— Не вижу ничего дурного в том, что Скафлоку приглянулась смертная дева, — молвил он, пожав плечами. — Это его личное дело, и потом, разве это так уж важно? Ты что, ревнуешь?

— Да, ревную, — призналась Лиа. — Но дело не только в этом. Тебе следует самому взглянуть на эту девицу. Вот увидишь, она — как бы оружие, направленное против нас.

— Вот как? — князь задумчиво потер подбородок, потом сказал, помрачнев: — Расскажи мне все, что ты знаешь о ней.

— Зовут ее Фрида дочь Орма. Она с юга, из Области Датского Права. Родные у нее все погибли.

— Фрида дочь Орма... — Имрик в ужасе отшатнулся. — Ведь это значит, что...

Тут в палату влетел Скафлок, не на шутку напугав Лиа с Имриком своим измученным видом. Какое-то время понадобилось ему, чтобы перевести дыхание, потом он рассказал им о своей встрече с асом.

— Что имел в виду Тюр? Скажи, Имрик, кто я?

— Я знаю, что он имел в виду, — строгим голосом проговорил князь. — И потому никому, кроме меня, не дано узнать тайну твоего рождения. В одном могу тебя уверить: ты из хорошей семьи и оснований стыдиться своего происхождения у тебя нет.

Он продолжал говорить в том же духе, спокойным, уверенным голосом, и вскоре Скафлок с Лиа ушли совершенно успокоенные.

Оставшись один, Имрик принялся мерить шагами палату, тихо рассуждая сам с собой.

— Кто-то заманил нас на опасный путь. — Он стиснул зубы. — Лучше всего было бы избавиться от девчонки. Но нет, Скафлок бдительно охраняет ее, используя все свое знание и умение. Стоит мне предпринять что-то против нее, он непременно узнает. Надо сохранить тайну. Скафлоку-то все равно, в таких вещах он мыслит, как эльф. Но если он об этом проведаст, скоро узнает и девчонка. А ведь они нарушили одну из главнейших заповедей, данных человеческому роду. В отчаянии она может сотворить все, что угодно. А Скафлок нам нужен.

Многомудрый имриков ум одно за другим предлагал ему решения проблемы. Он подумал первым делом, что Скафлока можно бы отвлечь другими женщинами. Нет, не подходит: приемный сын его сможет распознать любые чары и любое зелье такого рода. К тому же, против настоящей, возникшей безо всяких чар, любви даже боги бессильны. Вот бы скафлокова любовь утасла сама собой! Тогда неважно было бы, откроется тайна или нет. Но вероятность этого слишком мала, чтобы он, Имрик, мог всецело полагаться на такой исход. Значит, нужно срочно принять меры с тем, чтобы правда о происхождении Скафлока никогда не выплыла наружу.

Князь порылся в своей памяти. Вроде, кроме него, проклятый секрет этот знало лишь одно живое существо. С уверенностью он сказать этого не мог: загроможденная тысячелетними воспоминаниями память иногда изменяла ему.

Он тут же послал за Огнедротом, своим ближним дружинником. Совсем еще юный, едва третье столетие разменял, воин этот был тем не менее весьма хитроумен и обладал задатками незаурядного чародея.

— Двадцать с чем-то лет назад в лесу к юго-западу отсюда жила одна ведьма, — промолвил Имрик, когда тот явился. — Может быть, она умерла или переселилась в другое место — не знаю. Так или иначе, я желаю, чтобы ты ее выследил и убил на месте.

— Будет сделано, государь, — кивнул Огнедрот. — Если позволишь мне взять с собой несколько охотников и свору-другую гончих, мы можем отправиться сегодня же вечером.

— Возьми все, что считаешь нужным, и отправляйся как можно скорее. Не спрашивай, зачем мне это нужно. Да смотри, после дела никому об этом ни слова.

Фрида ужасно обрадовалась, когда Скафлок вернулся в их покои. Как ни дивилась она великолепию Эльфхолма, как ни храбрилась, а все же совершенно пала духом, когда, не усидев дома, отправился он в горы. Все в замке было чуждо ей: и его обитатели, высокие, стремительные в движениях эльфы и блистающие неземной красотой эльфийки, и рабы их — гномы, гоблины и всякие еще более древние создания, — и драконы-виверны, с которыми эльфы охотились вместо ловчих птиц, и ручные львы с пантерами, бывшие их домашними питомцами, и даже необычайной красоты и изящества кони и гончие. Холодно было прикосновение эльфийских рук, лица их походили на лица каменных статуй, и при этом были как-то странно-подвижны, совсем не как у людей. И речи у них чудные какие-то, и одежды, и вообще то, как они живут. И живут-то сколько — по многу столетий. Все это стеной вставало между Фридой и прочими обитателями Эльфхолма. Великолепие покоев замка, где всегда царили теплые сумерки, напоминало ей красоту скалистой горной вершины, на которой ничто не может вырасти, даже трава. Вне Эльфхолма тоже все было очень странно: повсюду, — в лесах, на холмах, в водах — обитали какие-то непонятные существа.

Но когда Скафлок был рядом, Альфхейм превращался почти что в рай. Подумав об этом, она, спохватившись, тут же говорила про себя: «Господи, прости мне такие мысли. Прости, что не бежала я из языческого этого вертепа под мирную сень монастыря».

Скафлок смеялся, шутил, и она не могла не смеяться вместе с ним. Он слагал висы, которые ей ужасно нравились, все до единой. От объятий же его и поцелуев ее обуяло самое настоящее безумие, которое длилось, пока, растворившись в радости, не стали они единой певучей плотью. Фрида видела Скафлока в битве и знала, что немногим воинам, из земель ли людей, из Дивного ли народа, дано устоять перед ним. Она гордилась этим, ведь и ее предки были воинами. (Разве то, что чары, которым она не в силах была противить-

ся, так быстро изгнали из ее сердца скорбь и наполнили его счастьем, означает, что она дурная дочь и сестра? Ведь выбора у нее не было: Скафлок не стал бы ждать целый год, пока не закончится у нее время траура. А разве можно сыскать лучшего отца для внуков Орма и Эльфриды? К тому же он так нежен с ней.)

Фрида знала, что он любит ее. Иначе почему бы ему только с нею делить ложе, проводить подле нее почти все время, тогда как он мог бы владеть любой из красавиц-эльфиек? Причины этого она не знала. Не ведала она, какие глубокие струны затронула ее теплота в душе Скафлока, никогда прежде не знавшей подобных чувств. Пока не встретил Фриду, он не осознавал, что в общем-то одинок. Он знал, что, если не заплатить определенной цены (а на это он никогда не пошел бы), ему рано или поздно придется умереть, и жизнь его останется в долгой памяти эльфов единым мигом — не более того. Хорошо, когда подле тебя есть существо одной с тобой природы.

За те несколько дней, что провели они вместе, немало успели они: скакали на быстроногих эльфийских конях, ходили под парусом на лодке, прошли немало миль по окружающим замком лесам и холмам. Фрида отлично стреляла из лука: Орм считал, что в его семье и женщины должны уметь защищать себя. И когда шла она меж деревьев с луком в руках и сияющими огненными кудрями, то похожа была на юную богиню охоты. Потом смотрели они представления фокусников и мимов, слушали любимых эльфами музыкантов и скальдов, хотя, по правде сказать, для смертного уха произведения их были несколько вычурны и заумны. Навестили они и скафлокских друзей: живших в корнях деревьев карликов, тонких, белокожих водяных фей, старенького грустноглазого фавна, лесных зверей. Хотя в беседах с ними Фрида не участвовала, лицо ее все равно выражало не только удивление их обликом, но и радость.

О будущем она почти совсем не думала. Когда-нибудь она, конечно же, отправится вместе со Скафлоком в земли людей и настоит на том, чтобы он крестился. Это будет доброе дело, за которое, несомненно, простятся ей нынешние прегрешения. Но не сейчас, позже. В Эльфхолме не было ни дней, ни ночей, и вскоре она совершенно потеряла счет времени. К тому же, ее куда больше занимало другое...

Она бросилась в объятия Скафлока. Тревожные мысли совер-

шенно оставили его, стоило ему только увидеть стройную, юную, длинноногую фигурку Фриды. Какая же она резвунья! На вид совсем еще ребенок, а ведь она теперь уже женщина. Его, Скафлока, женщина! Он обхватил ее за талию, подкинул в воздух, потом подхватил. Оба они рассмеялись.

— Поставь меня сейчас же, — давясь от смеха, проговорила Фрида. — А то как же я смогу тебя поцеловать?

— Придется с этим немного подождать. — Снова подкинув ее к потолку, Скафлок сделал рукой какой-то магический знак, и она, став совершенно невесомой, повисла в воздухе, болтая ногами, не зная, смеяться ли ей или испугаться. Скафлок подтянул ее поближе, поцеловал в губы. Потом сказал: — Нет, эдак шея может заболеть.

Он сделал и себя самого тоже невесомым и создал облако, но не влажное какое-нибудь, а как бы из белых перьев, на котором они смогли вдвоем разместиться. Посреди облака выросло вдруг дерево, все увешанное разнообразными плодами, с листвой, пронизанной радугами.

— Сумасшедший, когда-нибудь забудешь ты, как творить все эти фокусы, упадешь и расшибешься в пух.

Он привлек ее к себе, заглянул в ее серые глаза. Потом сосчитал, сколько веснушек у нее на носу, и столько же раз поцеловал ее.

— Надо бы мне сделать тебя пятнистой, как леопард, — сказал он.

— Неужели тебе нужен такой повод? — медленно проговорила она. — Я так скучала по тебе! Как прошла охота?

При воспоминании о недавней встрече с Тюром Скафлок нахмурился. Но вслух произнес только:

— Нормально. Как обычно.

— Ты сумрачен, любимый. Что-то не так? Сегодня всю ночь слышалось пение рогов, топот, стук копыт. С каждым днем в замок прибывает все больше воинов. Что происходит, Скафлок?

— Тебе ведь ведомо, что мы воюем с троллями. Мы позволим им напасть на наши земли, поскольку трудно победить их, если, не распылив сил, укроются они в своих горных твердынях.

Она вздрогнула в его объятиях:

— Тролли...

— Не надо бояться, — Скафлоку удалось, наконец, справиться с

собственным унынием. — Мы встретим их на море и разобьем. А тем, что высадутся, представим свою землю — столько, сколько каждому из них понадобится на могилу. Когда же войско их будет разгромлено, мы без труда подчиним себе Тролльхейм. Драка предстоит знатная, но Альфхейму надо очень постараться, чтобы не победить в ней.

— Я боюсь за тебя, Скафлок.

В ответ он сказал вису:

*Ты говоришь: боишься за меня.
И те слова сродни в любви признанию,
Что пробуждают радость и желание
В безвременье предгрозового дня.
Но ты сказала то с сердечной мукой,
Заранее томясь уже разлукой.
Найду ли я слова для утешения?
Мне самому те тягостны лишения.
Не меньше твоего меня, поверь,
Страшит разлука, близкая теперь.*

Говоря это, он принялся развязывать пояс Фриды. Она покраснела.

— Ты совсем без стыда, — проговорила она и стала неловко расстегивать его одежду.

— Без стыда? — удивился Скафлок. — Чего же тут стыдиться-то?

Огнедрот выехал на охоту следующим вечером, вскоре после захода солнца. На западе догорал закат. Сам Огнедрот и с дюжину отобранных им для этого дела воинов облачились в зеленые охотничьи туники и черные плащи с капюшонами. Острия их стрел и дротиков были из сплава серебра. Подле их пританцовывающих от нетерпения коней толпились эльфийские гончие, здоровенные свирепые псы, иные красной, иные черной масти, с горящими глазами и подобными кинжалам клыками. В жилах тех гончих текла кровь Гарма, Фенрира и псов Дикой Охоты.

Запел огнедротов рог, и охотники поскакали вперед. Лощину

меж двух холмов наполнил конский топ и лай гончих. Быстрее ветра мчалась та охота меж обледенелых деревьев во все сгущающейся тьме.

Блеск серебряных наконечников и украшенных камнями рукоятей эльфийского оружия мог бы показаться постороннему глазу лишь игрой теней в лунном свете, а все остальное было сокрыто от глаз простых смертных. Но шум скачущей охоты наполнил лес от края до края. Услышавшие его охотники, углежог, разбойники устрашились и принялись осенять себя различными знаками-оберегами, в зависимости от веры: кто крестным знаменем, а кто и знаком молота Тора.

Сидя у огня в наскоро построенной на месте сторевшей хижины землянке, ведьма издали слышала конский топ и лай гончих. (Переселиться куда-либо еще она не могла, ведь большую часть своей магической силы могла она черпать только в том месте и нигде больше.)

— Эльфы на охоту поскакали, — пробормотала она, протягивая руки к огню.

— Да, уж, — пропищала ее наперсница-крыса. Шум охоты приближался. — Похоже, охотятся они на нас с тобой.

— На нас? — удивилась ведьма. — С чего ты так решила?

— Они скачут прямо сюда, а ведь ты не друг Скафлоку с Имриком, — вереща от страха, крыса залезла хозяйке на грудь. — Скорее, матушка, зови на помощь, а то не жить нам.

У ведьмы не было времени, чтобы исполнить обряды или свершить жертвоприношения, но она выкрикнула давно выученный наизусть призыв, и позади очага тут же возникла темная, похожая на сгусток непроглядной тьмы фигура.

Старуха простерлась ниц. По лицу гостя бежали крохотные, холодные язычки голубого огня.

— Помоги, — заскулила ведьма, — спаси меня от эльфов.

Пришедший молча глядел на нее, без гнева и без жалости. Шум охоты был все ближе.

— Помоги! — взывала она.

Гость заговорил голосом, который доносился, казалось, из какого-то невообразимо далекого далека, почти сливаясь с шумом ветра:

— Почему ты вызываешь ко мне?

— Они хотят убить меня.

— Что с того? В свое время ты говорила, что жизнь тебе недорого.

— Мое мщение еще не свершилось, — рыдала она. — Я не могу умереть, не уверившись, что усилия мои не прошли даром и заплаченная мною цена окупилась. Господин, неужто не сможешь ты своей преданной служанке?

— Ты не служанка мне, но раба, — возразил он, и голос его звучал подобно шелесту сухих листьев. — Что мне до того, исполнится ли твой замысел? Я — властелин зла, которое суть тщета. Неужто ты думала, что в тот раз я явился на твой зов и заключил с тобою договор? Нет, тебя обманули, то был другой. Смертные никогда не продают мне своих душ. Они отдают их за так.

Князь Тьмы исчез.

Ведьма заверещала и бросилась бежать. Сбитые со следа запахом ее недавнего гостя, гончие бестолково метались по лесу. Обратясь крысой, старуха успела скрыться в норе под священным дубом друидов.

— Она тут, рядом! — крикнул Огнедрот. — Глядите, псы чуют ее.

Кинувшись к дубу, гончие стали рыть лапами землю. Ведьма выскочила из разрытой норы, обернулась вороной и взлетела в воздух. Запела тетива огнедротова лука, ворона упала на землю и превратилась в уродливую старую каргу. Псы тут же набросились на нее. Соскочившая с груди ведьмы крыса была немедленно раздавлена копытом одного из эльфийских коней.

Гончие остервенело рвали ведьму, но она все же успела крикнуть эльфам:

— Будь проклят Альфхейм ваш! Пусть обрушатся на него все беды мира! Да скажите Имрику, что усилие его, Валгард, жив и все знает...

То были ее последние слова.

— Охота была — легче некуда, — промолвил Огнедрот. — А я-то думал, что придется долго идти по следу — мало ли куда она могла забраться за двадцать-то с лишнем лет? Даже в чужие земли какие-нибудь. — Он втянул ноздрями воздух. — Вся ночь, почитай, впереди. А что бы нам поохотиться на какую-нибудь достойную дичь?

Имрик щедро награждал охотников. Но когда рассказали они ему не без смущения о последних словах ведьмы, на чело его легла темная тень.

ГЛАВА XIII

Валгард занял почетное место при тролльхеймском дворе, ведь он был иллредовым внуком и могучим воином, способным к тому же прикасаться к железу. Однако местные вельможи глядели на него с недоверием: в жилах Валгарда текла не только троллья кровь, но и эльфийская тоже, а прибыл он из земель, населенных людьми. К тому же — что греха таить — завидовали они недавнему незнакомцу, вступившему в их ряды, едва усвоив троллий язык — и то при помощи особых чар. Оттого не возникло у Валгарда дружбы ни с кем из тролльхеймцев. Да он ее и не искал: вид и запах троллей внушал ему отвращение.

Зато существа эти были бесстрашны и обладали громадной силой. Чародеи же их владели магическим знанием, в сравнении с которым знание величайших из смертных магов — детские игры. Не было в Дивной стране державы сильнее Тролльхейма, кроме, разве, Альфхейма. Все это было Валгарду на руку: он видел, что получит и средство для того, чтобы свершить свою месть, и богатое наследство в придачу.

Иллред посвятил его в свои планы.

— Все время, пока действовало перемирие, мы готовились к войне, — говорил он. — Эльфы же бездельничали, плели интриги друг против друга и всячески ублажали самих себя. Нас несколько меньше, чем их, но если считать союзников, что выступят вместе с нами, численный перевес будет на нашей стороне.

— А что это за союзники? — поинтересовался Валгард.

— Мы покорили многие гоблинские племена, а со многими другими заключили союз, — сказал Иллред. — Гоблины имеют зуб и на троллей, и на эльфов, но я пообещал им богатую добычу, освобож-

дение имеющихся у нас рабов-гоблинов и второе по значимости место после троллей, когда завоюем мы всю Дивную страну. Гоблины — отличные воины, и к тому же они довольно многочисленны.

Кроме того, к нам присоединятся дружины из дальних земель: байкальские демоны, китайские шэни, японские огни, бесы из мавританских пустынь. Их также будет немало. Особого доверия они не заслуживают, ведь в бой они идут лишь ради добычи, но, думаю, и ими сумею я распорядиться в сражении к своей пользе. Немало прибилося к нашему войску и всевозможных перебежчиков из других ратей — волколаков*, вампиров, упырей и прочих. Одни пришли в одиночку, другие — небольшими отрядами. К тому же, у нас полно рабов-гномов, которые готовы выступить на нашей стороне в обмен на свободу. А ведь гномы могут прикасаться к железу.

Эльфам же придется в одиночку вступить в бой со всем этим воинством. Возможно, им и удастся переманить на свою сторону сколько-то гоблинов, гномов и других существ, но это можно не принимать в расчет — число этих их союзников все равно будет ничтожно мало. Разве что сиды пособят эльфам. Но, как я слышал, они не намерены вмешиваться, если только война не затронет их собственный остров. А я-то уж прослежу, чтобы не затронула. В этот раз.

Правда, вожди эльфов многомудры и сведущи в магии. Но ведь и мы с моими вассалами кое-что в этом смыслим. — Иллерд разразился похожим на натужный кашель смехом. — Сломить Альфхейм будет проще простого.

— А почему бы тебе не призвать на помощь ётунов? — поинтересовался Валгард, стремившийся во всех подробностях разобраться в расстановке сил в недавно еще совершенно неведомом ему мире, где оказался он по прихоти судьбы. — Ведь ётуны, вроде, родня троллям.

— Никогда не веди таких речей! — отвечивал Иллерд. — Мы не смеем призвать на помощь тех великанов, как и эльфы не смеют призвать асов. — По телу его пробежала дрожь. — И так-то мы во многом лишь пешки в их игре, это они испытывают могущество друг друга, не мы. Хоть бы и знать наверняка, что

* Оборотень.

они откликнутся, никогда ни мы, ни эльфы не призовем себе подобных союзников. Ведь стоит асам или ётунам открыто вступить в Мидгард*, как вмешается и другая сторона, и битва, что разразится тогда, будет последней.

— А как все это соотносится с тем, что болтают о... новом боге?

— Лучше воздержимся от рассуждений о том, чего не дано нам постичь. — Иллред в задумчивости прошелся по освещенному светом факелов залу. — Однако надо сказать, что именно из-за богов опасается Дивный народ чинить зло людям. Дальше мелкого колдовства, покраж женщин и детей, а иногда и коней (которых, проскакав ночью, возвращают владельцу) дело обычно не идет. И это-то случается нечасто. Сейчас люди побаиваются нас — не более того. Но если нагнать на них настоящего страха, то они обратятся к богам, дарящим их покровительством, с призывом, на который те принуждены будут откликнуться. Больше того, объединившись, могут воззвать они к новому Белому Богу, и тогда Дивному народу вообще придет конец.

При этих его словах Валгард вздрогнул. Той же ночью пошел он к неглубокой могиле, в которой похоронил прежде Асгерд, выкопал тело девушки, погрузил его в небольшой челн и в одиночку вышел в море. Долго мчался он на крыльях колдовского ветра, поднимать который научился у Иллреда, пока не приблизился к небольшой деревушке, стоявшей на берегу залива Мори-Ферт, что в Шотландии.

Под покровом темноты и разыгравшейся не на шутку пурги перенес он завернутое в плащ тело на расположенный подле деревенской церкви погост. В дальнем углу, у самой ограды, вырыл он для Асгерд могилу, опустил туда тело, засыпал его землей и тщательно все заровнял, чтобы никто не нашел.

— Теперь ты спишь в освященной земле, сестра, как сама того наверняка хотела, — прошептал Валгард. — Много зла я сотворил, но теперь, может быть, ты помолишься за мою душу... — Очнувшись, он удивленно поглядел по сторонам, и сердце его впервые в жизни сдавил страх. — Зачем я здесь? Что я делаю? Она же не сестра мне. Меня сотворили при помощи чар. У меня нет души.

* Срединный мир, мир людей в древнескандинавской мифологии.

Застонав, он вскочил и помчался к своему челноку, который немедленно погнал на север с такой быстротой, будто за ним черти гнались.

Пришло время троллям выступить в поход. Хитроумный Иллред не стал собирать всю свою рать в каком-то одном месте, ведь тогда эльфийские соглядатаи могли бы узнать, сколь могуча она. Войско грузилось на корабли по частям, в разных гаванях, причем на первом корабле каждого из отрядов имелся чародей или сведущий в магии воин, который должен был привести вверенные ему корабли к условленному месту сбора точно в назначенное время. Встретиться же условились к северу от эльфийских владений в Англии, рассудив, что высадиться на пустынное взморье троллему воинству будет куда легче, чем на побережье подле самых неприятельских твердынь. Иллред рассчитывал, разгромив эльфийский флот, двинуть затем часть своего войска на юг посуху, а часть морем. Когда же весь остров будет захвачен, он намеревался оставить там часть своей рати — истреблять тех из эльфов, что не будут к тому времени перебиты или смиренны, а с основными силами двинуться на эльфийские владения на континенте. Часть же его войска должна была посуху добраться туда из Финнмарка, Вендленда и прочих тролльих владений, так что тролли напали бы на короля эльфов сразу и с запада, и с востока, как только Англия будет полностью захвачена ими, и разгромили бы его рать.

— Эльфийские воины быстры, — молвил Иллред, — но думаю, на сей раз тролли поспеют скорее их.

— Поставь меня править Англией, — просил его Валгард. — За время моего правления все до единого эльфы мужеского пола будут истреблены, ручаюсь тебе.

— Я уже обещал должность правителя Груму, — ответил Иллред, — но и тебе после захвата Англии будет дана власть в тех землях, лишь немногим меньшая, чем у Грума, и много большая, чем у прочих. Пока же ты отправись в поход вместе со мной.

Валгард сказал, что будет тем вполне доволен. Холодный взгляд его то и дело задерживался на владетеле Груме. С троллем этим может случиться какое-нибудь несчастье, думал он, и тогда ему, Валгарду, ничто не помешает стать наместником в Англии, как предрекала ведьма.

Вместе с Иллредом и отборным отрядом королевской стражи взошел он на флагманский драккар. Корабль тот был необычайно велик, имел высокие борта и сработанный гномами острый таран. Цвета он был черного, лишь на носу красовался белый лошадиный череп. Погрузившиеся на внушающее ужас судно это воины имели оружие и доспехи из всяких хитрых сплавов, хотя многие все равно прихватили с собой оружие с каменными наконечниками, которое по весу больше подходило могучим троллям. Иллредов черный шлем украшала золотая корона, поверх же своего бахтерца из драконьей кожи, которую нельзя было пробить даже железным клинком, он надел богатые меха. Прочие тоже принарядились. Все галдели на чем свет стоит, в повадке троллей как никогда сквозило высокомерие. Один лишь Валгард не стал надевать никакого узорчя, и на физиономии его сохранилось обычное мрачное выражение. Но при этом тролли его побаивались, ведь кольчуга и топор у него были железные, с этим нельзя было не считаться.

В той части флота, которую вел сам король, было множество кораблей, в большинстве своем в несколько раз превосходивших размерами обычные драккары. В ночи то и дело раздавались крики, рев рогов, топот множества ног. Громадные тролльи корабли были широки и тяжелы, и, конечно же, не обладали быстроходностью эльфийских драккаров. Потому утро застало мореходов в открытом море. Попытавшись от ненавистного солнечного света под дощатыми настилами палубы, тролли предоставили своим судам мчаться вперед. От глаз смертных, не наделенных тайным зрением, ладьи их были надежно укрыты.

На следующую ночь достигли они места общего сбора. Мощь собранной Иллредом рати поразила Валгарда. Повсюду, до самого горизонта были корабли, и на каждом, кроме тех, что везли громадных, лохматых тролльих коней, толпились воины. Тем не менее, никакой путаницы или давки не возникло. Получив подробные указания в соответствии с иллредовым планом, каждый кормщик направил свой драккар в нужное место в строю.

Разношерстно было громадное войско, что выступило против Альфхейма, различны были и суда составлявших его народов. В центре построения разместились длинные, с высокими бортами черные, как ночь, тролльи драккары. Они образовали тупой клин, острие

которого составлял корабль Иллреда. Справа и слева от них были суда гоблинов, одни троллрей постройкой, иные же — свои, гоблинские, красного цвета, и с изображением змеи на носу. Гоблинские воители на вид были куда веселее троллей. Поверх серебристых доспехов надели они какие-то совершенно немыслимые одеяния, вооружение же их составляли, по большей части, легкие мечи, копья и луки. На флангах помещались корабли явившихся из дальних стран союзников: раскрашенные джонки с могучими, вооруженными пиками шэнями и косматыми о́ни с заткнутыми за пояс изогнутыми самурайскими мечами, влекомые гребцами-невольниками галеры с ловкими мавританскими бесами и их хитроумными осадными машинами, барки с крылатыми байкальскими демонами и гномами в железных доспехах, а также различными горными, лесными и болотными чудищами, не признававшими никакого оружия, кроме собственных зубов и когтей. Начальниками на каждом из кораблей были тролли. В первую линию допустили лишь самых надежных из союзников, причем по краям, как и в центре, поместили собственные суда троллей. За первым «клином» кораблей шел второй, дальше был резерв.

Взревевшим на троллрейх драккарах рогам вторили гоблинские трубы, гонги шэней, барабаны мавританских бесов. Низкие тучи клубились, казалось, вокруг самых мачт, морская вода пенилась под ударами весел. По реям и такелажу скользили блуждающие огоньки, собираясь кое-где в голубоватые «созвездия». Над головами мореходов пели ветра, на низких снеговых тучах по небу летели мириады призраков.

— Скоро мы дадим неприятелю бой, — сказал Валгарду Иллред. — Тогда, быть может, сумеешь ты свершить столь желанную твоему сердцу месть.

Берсерк не ответил. Взор его был устремлен вперед, в темноту.

ГЛАВА XIV

Имрик немало потрудился за месяц с небольшим, что прошел после набега на Тролльхейм. Разузнать о силах врага подробно ему не удалось, ведь Иллред и его ведуны тщательно защитили свои земли чарами, но ему ведомо было, что неприятель нашел союзников среди многих народов и что первый удар будет скорее всего направлен именно против Англии. Потому он поспешил собрать все наличные драккары и рать и послать к соседям за подмогой.

Помощь, полученная из-за границы, оказалась незначительна, и княжеству пришлось готовиться к войне в одиночку. Гордыня мешала эльфам объединиться ради какой бы то ни было общей цели. Что же до имевшихся в Дивной стране наемников, то, почитай все они давно были сманены Иллредом. Имрик отправил посольство к ирландским седам, обещая им богатую добычу после покорения Тролльхейма, но ему холодно ответили в том духе, что довольно уж богатства скоплено в Тир-нан-Оге и пещерах гномов-лепреконов. Князь понял, что помощи ждать, в общем-то, неоткуда.

Однако и его собственная рать была громадна. Она росла от ночи к ночи, по мере того как подтягивались все новые отряды, а вместе росла и радостная уверенность воинов в успехе дела. Никогда не думали они, что возможно будет собрать в княжестве такое громадное войско. Пусть враг превосходит их числом. Зато он сильно уступает в ратном искусстве и добротности кораблей. К тому же эльфийская рать будет сражаться в знакомых водах, на знакомом взморье. Воины помоложе считали даже, что английские эльфы сумеют не только отразить нападение троллей, но и перенести военные действия на территорию Тролльхейма, и в конце концов совершенно покорить его.

С Оркнеев прибыл Флам сын Флама, того, что пал во время скафлокова похода: он горел желанием отомстить за смерть отца. И сам воитель этот, и братья его слыли первейшими в Дивной стране мореходами. Когда их драккары двинулись на юг, море стало черным-черно от бесчисленных судов. Блестели развешенные за бортом щиты, ветер пел в снастях, шипела, пенясь за кормой драккаров, вода, так что могло показаться даже, что шипение это исходит из пастей драконьих голов, украшающих носы кораблей.

С серых всхолмий и непролазных болот земли пиктов явились, приведя с собой своих воинов, вожди диких племен. Оружие их имело кремневые наконечники, облачены же они были вместо доспехов в простые куртки из толстой кожи. Ростом те воители были пониже истинных эльфов и много шире их в плечах. Кожу они имели смуглую, а татуированные лица их обрамляли черные, как смоль, длинные волосы и бороды. В жилах их текла не только эльфийская кровь, но и тролля и гоблинская, а также кровь каких-то еще более древних существ и умыкнутых в незапамятные времена пиктских женщин. Вместе с ними прибыли некоторые младшие сиды, пришедшие некогда на Британию вместе со скоттами, а также неказистые на вид, но обладающие громадной силой лепреконы со своей удивительной прыгающей походкой, и величавые, в блестящих доспехах копьеносцы, любившие сражаться либо в пешем строю, либо на своих гулких колесницах, по бокам которых были закреплены лезвия мечей, чтобы в прямом смысле этого слова косить врага.

С юга, со всхолмий и испещренного пещерами скалистого побережья Уэльса и Корнуолла пришли в Эльфхолм древнейшие эльфы Британии, одетые в кольчуги всадники и колесничие, чьи боевые стяги хранили память о битвах давно минувших дней, а также зеленоволосые, белокожие морские жители, которым во время пребывания на суше приходилось окружать себя пронизанным запахами моря туманом, чтобы не обсохнуть, и несколько сельских полубогов, завезенных некогда на Британию римлянами и покинутыми ими в чужой земле. Клан за кланом прибывали и робкие, не терпящие посторонних глаз лесные эльфы.

Из земель, населенных англами и саксами, подкреплений поступило немного: большая часть Дивного народа давно бежала из тех мест, многие пали жертвой заклинаний экзорсистов. Но все еще обитавшие

там эльфы откликнулись на имриков призыв. Несмотря на бедность и отсталость, они были отличные воины, причем у иных из них текла в жилах кровь Вайланда*, а то и самого Одина. Было в них и немного гномьей крови, и, видимо, оттого слыли они лучшими в княжестве кузнецами, а из оружия предпочитали здоровенные топоры.

Но красотой и гордостью имриковой рати все же были эльфы, обитавшие в окрестностях Эльфхолма. Никто не мог сравниться с собранными Имриком вокруг себя вельможами ни мощью, ни горделивой повадкой, ни красотой, ни благородством происхождения, ни мудростью, ни богатством. Горяч был нрав тех воителей, в битву шли они одевшись, как на свадьбу, и копья свои целовали с такой же радостью, как иные невесту; обладая громадным магическим знанием, умели они, если нужно, и врага погубить, и друга оберечь от беды. Прибывшие из отдаленных земель эльфы были совершенно сражены их величием, что не мешало, впрочем, воздать должное присылаемым в лагерь отменным яствам и напиткам, а также явившимся туда в поисках приключений эльфхолмским женщинам.

Фрида с интересом наблюдала за тем, как собиралась эта рать. Глядя на беззвучно скользящих в сумерках или под покровом ночи с наполовину скрытыми от ее глаз лицами воинов, чье естество было так разительно отлично от привычного, людского, она ощущала страх, и вместе радость и гордость. Занимая среди них высокое положение, Скафлок (ее Скафлок!) обладал большей властью, нежели любой из смертных королей.

— Все это верно, — тут же возразила она самой себе, — но поданные-то его — существа, лишенные души. — Она вспомнила медвежью силу троллей. А что если он падет от их руки?

Та же мысль пришла в голову и Скафлоку:

— Наверное, мне следует отвезти тебя к друзьям вашей семьи, что остались в землях людей, — медленно проговорил он. — Хотя я в это и не верю, но эльфы могут потерпеть поражение. По правде сказать, было множество дурных предзнаменований и ни одного доброго. А если такое случится, тут тебе нельзя оставаться.

* Англосаксонский мифический кузнец, изготовивший неуязвимую броню и колыда для богов.

— Нет, ни за что. — Она взглянула ему в лицо своими испуганными серыми глазами, потом спрятала лицо у него на груди. — Я не хочу оставить тебя. Просто не могу.

Он погладил ее по огненным кудрям.

— Я потом приеду за тобой.

— Нет... Кто-нибудь может уговорить меня остаться. Или заставить. Например, священник или еще кто. Такое и раньше случалось. Мне рассказывали... — Она вспомнила, как прелестны эльфийки и как многозначительно они поглядывают на Скафлока, и на какое-то мгновение все тело у нее будто судорогой свело. — Я не оставляю тебя, — твердым голосом проговорила она. — Я остаюсь здесь.

Он молча обнял ее. Эти слова Фриды наполнили его сердце несказанной радостью.

Вскоре пришла весть о скором выступлении троллей. В последнюю ночь перед тем, как им самим выйти в море, эльфы устроили в Эльфхолме большой пир.

Просторен был пиршественный зал Имрика. Сидя подле Скафлока неподалеку от почетного хозяйского места, где поместился Имрик, Фрида совершенно не могла разглядеть дальнего конца этого громадного помещения, да и украшенные резным узором из виноградных лоз потолочные балки зала едва угадывались в полумраке. Любимый эльфами прохладный голубоватый сумрак, казалось, клубился повсюду подобно дыму, однако воздух был свеж и напоен ароматами цветов. Освещали зал бесчисленные стоящие в бронзовых канделябрах восковые свечи, горевшие ровным серебристым огнем. Свет их отражался от развешанных по стенам щитов и золотых панелей, испещренных затейливым чеканным узором. Расставленные на белоснежных скатертях блюда, чаши и кубки, все до единого из драгоценных металлов, были украшены дорогими камнями. Хотя Фрида и привыкла уже в Эльфхолме ко всяким необычным лакомствам, голова у нее все равно пошла кругом от обилия перемен мясных и рыбных блюд, кушаний из дичи, всевозможных фруктов, пряностей, сладостей, множества сортов пива, меда и вина, что были поданы к столу на том пиру.

Эльфы принарядились по случаю торжества. Скафлок, например, надел белую шелковую тунику и льняные штаны, а сверху —

богато расшитый камзол. Одевание его довершал золотой пояс с ножами из природного, с некоторой примесью серебра, золота, в которых помещался кинжал с богато украшенной камнями рукоятью, а также башмаки из кожи единорога и короткий, алого цвета, отороченный горностаем плащ. Фрида была в прозрачном, с радужным отливом платье. На маленькие, упругие грудки ее ниспадало бриллиантовое ожерелье, талию украшал тяжелый золотой пояс, обнаженные руки были сплошь унизаны массивными, золотыми же обручьями, на ножках красовались новые бархатные туфельки. Головы Скафлока и Фриды были увенчаны усыпанными камнями диадемами, как и подобало альфхеймскому вельможе и избранной им (пусть совсем ненадолго) подруге. Одевания собравшихся за пиршественным столом эльфийских владетелей отличались не меньшим великолепием. Даже на небогатых относительно провинциалах блистало узорье из природного золота.

Пирующих развлекали музыканты, причем не только любимые Имриком эльфхолмцы, но и сидские арфисты и флейтисты из западных земель. За столом не смолкали разговоры. То и дело возникали остроумные пикировки, на которые так горазды острые на язык эльфы. То тут, то там звучал веселый смех.

Когда же столы были убраны, и настало время выступить шутам, кто-то крикнул, что вместо этого надо бы сплясать танец с мечами. Имрик нахмурился: уж очень не хотелось ему, чтобы все узнали, сколь дурны для эльфов предзнаменования относительно исхода предстоящей войны. Но большинство гостей желали, чтобы был исполнен танец с мечами, и отказать им у него не было никакой возможности.

Эльфы выступили на середину зала, скинув с себя узорье, тяжелые камзолы и плащи, эльфийки же и вовсе разделись донага. Рабы проворно принесли каждому из воинов по мечу.

— Что это они делают? — спросила Фрида.

— Старинный обычай велит эльфам перед тем, как отправиться в поход, сплясать особый танец, — ответил Скафлок. — Наверное, мне придется слагать висы, чтобы задавать ритм танцующим. Сам плясать я не могу: ни одному из смертных не дано управиться с таким танцем и остаться невредимым, сколько бы он ни разучивал его. Они будут танцевать, пока скальд не сложит девяносто девять

вис, и если никто при этом не будет ранен, то это явится величайшим предзнаменованием победы. Если же кто из танцующих будет убит, это предвещает поражение. Даже небольшая царапина — недобрый знак. Не нравится мне все это.

Вскоре эльфы-мужчины выстроились в два ряда, лицом друг к другу. Стоящие друг напротив друга воины скрестили, подняв высоко над головой, свои мечи. Позади каждого из мужчин стояла женщина. В выражении лиц и самой осанке будущих участников танца, особенно эльфиек, сквозило непривычное напряжение. Строй танцоров протянулся на огромную длину, конец его скрывался в темноте в дальнем конце зала. Сплошной ряд скрещенных сверкающих мечей был похож на воздвигнутую над причудливой колоннадой крышу. Скафлок поднялся и встал перед княжеским тронном.

— Начинайте, — зычным голосом крикнул Имрик.

Скафлок стал говорить вису:

*Вот пошла потеха.
Вражья рать отпрянет
Ко взморью-побережью,
Где бесславно канет
Под рев рогов угрюмый,
Под луков песнь тугих,
Под дротиков свист буйный
У кораблей своих.*

В такт той висте эльфы пустились в пляс, то и дело со звоном, как в настоящей битве, скрещивая свои мечи. Пошли плясать и гибкие эльфийки. Взяв левой рукой правую руку партнерши, каждый из эльфов, обведя женщину вокруг себя, в какой-то момент направлял ее прямо в узкий проход между рядами воинов, туда, где мелькали и сталкивались, рассыпая вокруг снопы искр, боевые клинки.

Скафлок тут же начал другую вису:

*Вот пошла потеха,
Всех других безумней,
Нынче не до смеха*

*И шутникам бездумным.
Скоро уже, скоро
С упорством злым, старинным
Щиты луноподобные
Клинок удары примут.*

Среди сверкающих в свете множества свечей рассекающих воздух мечей стремительно кружились в каком-то непостижимо сложном танце эльфийки, похожие в тот миг на пляшущую на гребнях волн морскую пену. Воины тоже танцевали, а не только били клинком о клинок: стоящие друг напротив друга в двух рядах эльфы сходились, расходились, менялись местами, а также и мечами, которые не передавали просто, но кидали друг другу: описав в воздухе крутую дугу, клинок бывал подхвачен партнером бросившего в тот самый миг, когда, казалось, неминуемо должен был вонзиться в белоснежное тело выступившей вперед эльфийки.

Скафлок же продолжал:

*Вот пошла потеха.
Своей поры дождавшись,
Оружье и доспехи
Кровью обагрятся.
Приблизясь к полю брани,
Расселись волки чинно,
И воронье слетается
Отведать мертвечины.*

Эльфы кружились в танце с такой быстротой, что глазу смертного было не уследить за ними. Близко-близко от обнаженных женщин мелькали мечи. Вот воины скрестили смертоносные клинки низко, почти у самого пола, и эльфийки ловко перепрыгнули через них. Мечи взметнулись вверх прямо у них за спиной. Вот, взяв партнершу за руку, окружил ее воин сплошным сверканием стремительно вращаемого клинка. Вот эльфы зайтели в танце как бы поединки, женщины же поспевали изящным прыжком проскочить между «дерущимися» в тот краткий миг, когда отступали они назад.

Скафлоковы висы продолжали литься без перерыва:

*Вот пошла потеха.
Пора собираться рати.
Иная ждет утеха
Любителей объятий.
Помыслят ли остаться
Слюбовницей молодой
И неге предаваться,
Коль рог зовет их в строй?*

Напряжение, которого требовал этот танец, тяжело сказалось на Лиа, и она, не владея более собой, вдруг крикнула:

— А что же твоя-то красotka, Скафлок? Коли она так уж любит тебя, отчего не спляшет вместе со всеми, чтобы была тебе удача в бою?

Скафлок промолвил, не нарушив даже ритма песни:

*Вот пошла потеха,
Ей длиться много дней.
Не твори насмешек
Возлюбленной моей.
Ласкою единой,
И безо всяких чар
Принесет мне Фрида
Удачи ратной дар.*

Вдруг по рядам эльфов прошло волнение: увлекшись своей пикировкой со Скафлоком, Лиа нарушила ритм танца, и острый меч полоснул ее по атласным плечам.

Она продолжала танец, и вскоре окружающие были забрызганы ее кровью. Скафлок с усилием вернул своей песне жизнерадостное направление:

*Вот пошла потеха.
Одним лишь Норнам ведомо,
Кто баловень успеха,
А кто им будет предан.
Но, что ни предначертано*

*Капризною судьбой,
Победа ль, поражение,
Альфхеймцы примут бой.*

Однако приключившееся с Лиа несчастье произвело тягостное впечатление на других эльфиек, которые тоже стали ошибаться и попадать под удары клинков. Имрик приказал прекратить танец, опасаясь, как бы кого-нибудь совсем не убили, ведь это означало бы верное поражение в войне. Гости разошлись в гнетущем молчании, прерываемом лишь боязливым перешептыванием.

Скафлок был так же обеспокоен, как все прочие. Отведя Фриду в их покои, он на какое-то время оставил ее одну, а сам ушел куда-то, и вскоре вернулся с широким поясом из чеканного серебра. С внутренней стороны к тому поясу был приторочен плоский фиал.

— Это мой прощальный тебе подарок, — спокойным голосом проговорил Скафлок, протягивая пояс Фриде. — Я получил эту вещь от Имрика, но мне хочется, чтобы носила ее ты. Хотя я и надеюсь на победу, уверенность моя сильно поколебалась после этого проклятого танца.

Фрида молча взяла пояс.

— В фиале редкое, очень сильное снадобье, — сказал Скафлок. — Выпей его, коли удача изменит нам и сюда доберутся враги. Тогда на вид ты станешь похожа на давно остывший труп, и тебя либо оставят лежать там, где нашли, либо выкинут прочь. Тролли всегда так поступают с мертвыми телами инопленников. Может быть, тебе удастся бежать, когда придешь в себя.

— Какой от этого прок, коли тебя не будет уже в живых? — грустно промолвила Фрида. — Лучше уж мне тоже умереть.

— Может, и так. Но тролли ведь не сразу тебя убьют. А покушаться на свою собственную жизнь вам, христианам, вроде запрещено, — Скафлок устало улыбнулся. — Бывают, конечно, подарки и поприятней этого, но это — лучшее, что я могу тебе сейчас дать, любимая.

— Я с радостью приму твой дар и до конца своих дней буду благодарить тебя за него, — тихо ответила она. — Но, думаю, сейчас мы можем подарить друг другу кое-что другое.

— Ты права, как всегда! — вскричал он, и вскоре оба они, отбросив всякие горестные мысли, снова почувствовали себя совершенно счастливыми, хоть и ненадолго.

ГЛАВА XV

Эльфийский и троллий флоты встретились неподалеку от побережья Британии к северу от Эльфхолма следующей же ночью, вскоре после наступления темноты. Когда увидел Имрик, стоявший вместе со Скафлоком на носу своего флагмана, шедшего впереди построенных клином эльфийских кораблей, сколь могуча вражья рать, у него аж дыхание занялось.

— У нас, английских эльфов, самый большой в Альфхейме военный флот, — проговорил он. — И все же у троллей кораблей чуть ли не в два раза больше. И почему только не послушали меня другие владетели, когда говорил я им, что для Иллреда перемирие лишь уловка, чтобы получить возможность получше подготовиться к новой войне? Почему не согласились они выступить вместе со мной, чтобы покончить с ним раз и навсегда?

Причины бездействия тех владетелей были хорошо известны Скафлогу: их извечное стремление занять более высокое по сравнению с другими положение, неумное честолюбие, леность, склонность принимать желаемое за действительное. Сам Имрик тоже грешил всем этим. В любом случае, рассуждать на эту тему было уже поздно.

— Не может быть, чтобы вся эта рать состояла из одних троллей, — сказал Скафлок вслух. — Гоблины же и прочий сброд особой опасности не представляют.

— Не стоит недооценивать гоблинов. Они отлично бьются, когда имеют достойное оружие.

Луч лунного света на мгновение выхватил из темноты мрачное лицо Имрика. В луче том плясали влекомые холодным ветром снежинки.

— От магического знания ни нам, ни неприятелю особого прока не будет, ведь тут силы у нас примерно равны. Все будет решать мощь войска, а в этом тролли много превосходят нас.

Он покачал своей светловолосой головой. Сумеречно-синие с лунными бликами глаза его блестели.

— Во время последнего совета у государя говорил я о том, что всем силам Альфхейма необходимо соединиться, временно пожертвовав троллям наши отдаленные владения, возможно, даже Англию, и, укрепившись в исконных своих землях, начать готовиться к ответному удару. Но другие владельцы ни за что не соглашались на это. Посмотрим теперь, чей план был лучше.

— Их план был лучше твоего, государь, — смело молвил Огнедрот. — Нам и самим под силу управиться с этими свиньями. Чтобы позволить им расположиться со всеми удобствами в Эльфхолме! Такие мысли недостойны тебя, государь. — Подняв копье, он стал жадно смотреть на приближающиеся вражеские драккары.

Скафлоку тоже не терпелось вступить в бой, хоть и видел он, что вражеское войско много превосходит эльфийское. Ведь бывало, и нередко, что небольшим ратям одним мужеством и упорством своим удавалось вырвать победу из рук могучего неприятеля. К тому же он горел желанием встретиться в той сече с Валгардом, фридиным безумным братом, который принес ей столько горя. Уж очень не терпелось вышибить ему мозги.

Тут Скафлоку подумалось о том, что не привези Валгард Фриду в Тролльхейм, никогда бы им с ней не встретиться.

— Поэтому, — сказал он себе, — не следует вырубать берсерку этому «орла». Убить убью, но так, чтобы не мучился.

На эльфийском и троллем флагманах разом взревели рога, паруса и мачты были сняты и связанные между собой канатами корабли обоих флотов на веслах двинулись на сближение с неприятелем. Когда же они достаточно приблизились друг к другу, зазвенели тети-вы и на вражеские корабли полетели, затмевая лик луны, тучи стрел. Немало их застряло в деревянной обшивке драккаров, но многие нашли дорожку к вражеским воинам. Три стрелы со звоном ударились в скафлоков щит, еще одна вонзилась в украшавшую нос корабля резную драконью голову совсем рядом с его левой рукой. Своими наделенными ночным видением глазами увидел он, что не-

которым из его товарищей повезло меньше, чем, ему. Одни получили ранения, а другие были сражены наповал тролльхеймскими стрелами.

Все реже выглядывала из-за стремительно мчащихся по небу туч луна, но среди морской пены плясали блуждающие огоньки, а волны излучали холодное белое сияние. Для того, чтобы разить врагов, света было предостаточно.

Вслед за стрелами в сторону вражеских судов полетели дротики и пущенные из пращи камни. Брошенный Скафлоком дротик пригвоздил правую руку неприятельского воина к мачте тролльского флагмана, а в ответ сам он получил по шлему увесистым бульжником. Удар был так силен, что в голове у него звон пошел. Пришлось наклониться через борт, зачерпнуть студеной морской воды и смочить ей закружившуюся было голову.

Снова запели рога, теперь совсем близко друг от друга, и флоты вошли в соприкосновение. Имриков корабль направился к иллредовому. Столпившиеся на носах обоих драккаров воины сразу затеяли буйную рубку. Скафлоку тут же удалось отсечь правую руку орудовавшему громадным топором троллю. Затем он двинулся прямо на выстроенную вдоль борта вражеского драккара стенку из щитов и, отражая своим собственным щитом бесчисленные удары, достал некоторых из стоявших в том строю троллей своим клинком. Бившийся по левую руку от него, пришедший в неистовство Огнедрот с дикими воплями разил врагов своим длинным копьем, как бы и не замечая в своем остервенении, сколь многие острия направлены в его собственную грудь. Справа же от Скафлока ловко орудовал топором могучий Агор из Земли Пиктов. Какое-то время обе рати на равных обменивались ударами, и стоило кому-нибудь из воинов пасть, как на его место тотчас заступал другой.

Но вот скафлоков меч вошел в горло одному из столпившихся вдоль борта вражеского корабля троллей, а Огнедрот тотчас поразил своим копьем в грудь воина, стоявшего позади убитого Скафлоком. Скафлок тут же сиганул через перила на иллредов драккар, туда, где в строю неприятеля образовалась брешь, и мгновенно зарубил стоявшего слева тролля. Тот, что стоял справа, замахнулся было на него, но прежде чем успел ударить, его собственная голова упала в воду, срубленная агоровым топором.

— Вперед! — заорал Скафлок. Эльфийские воители хлынули вслед за ним на борт иллредова корабля и, встав спиной к спине, затеяли лихую рубку с нападающими на них троллями. Почуввав успех, вслед за ними попрыгали на неприятельский драккар и другие эльфы. Стремительно мелькали в воздухе, рассыпая кровавые брызги, клинки. Далеко разносился над морем шум той сечи. Среди сражавшихся возвышался Скафлок с глазами, горящими подобно синему пламени Хеля. Ему приходилось рубиться впереди эльфов, чтобы не задеть их ненароком своей железной кольчугой. Отражая неловкие удары весьма неуклюжих в своей массе троллей, без усталости разил он врага своим быстрым, как бросающаяся на добычу змея, клинком. Враг отступил перед его натиском, и вскоре носовая часть неприятельского драккара была совершенно очищена от троллей.

— На корму! — крикнул Скафлок.

Эльфийские воины ринулись на врага, орудуя поверх щитов блистающими, подобно снегам на вершинах гор, клинками. Упорно сражались тролли. Немало эльфов пало в той сече с раскрытыми черепами, другие же вынуждены были отступить, получив различные ранения. И все же эльфийские воители медленно, но верно теснили троллей к корме. На прежних своих позициях оставались лишь равнодушные к тому, что дерущиеся давно уж топчут их ногами, мертвецы.

— Валгард! — что было сил крикнул Скафлок, перекрывая шум битвы. — Валгард, где ты?

Усилок тут же объявился, как бы откликнувшись на его зов. Из раскрытого виска его бежала кровь.

— Меня оглушило было пущенным из пращи камнем, — сказал он, — но теперь я опять готов драться.

Скафлок с криком ринулся к нему. В это мгновение две противоборствующие рати разделились. Эльфы овладели уже носовой частью палубы до пяртнерса мачты, тролли столпились на корме. И тем и другим требовалась передышка. Однако с имрикова драккара на борт злосчастного тролльного флагмана перепрыгивали все новые воины, эльфийские же лучники беспрестанно пускали по врагу целые тучи стрел.

Но вот скрестили Скафлок с Валгардом свое оружие. Первый удар Братобоя о скафлоков меч был чрезвычайно громок и высек из

обоих клинков целый сноп искр. На сей раз Валгардом не владело берсерковское неистовство, и в схватке той он руководствовался холодным расчетом, с поразительным мастерством удерживая равновесие на ходящей ходуном палубе. Скафлок рубанул было мечом по рукояти Братобоя, но покрытое кожей дерево, из которого она была сделана, оказалось настолько твердым, что клинок не вошел в него и на вершок. Не сумев обезоружить врага, Скафлок лишь попусту потратил драгоценное время, что и было использовано Валгардом, отбившим в сторону его меч, а потом и щит тоже, и тут же ударившим топором в открывшуюся брешь.

Размахнуться в тесноте берсерк не мог, да и времени на это у него не хватило бы, так что пробить кольчугу неприятеля или хотя бы сломать ему кости, ему не удалось, но от удара этого левая рука Скафлока, в которой он держал щит, совершенно онемела и бессильно повисла. Валгард тут же нацелился Братобоем ему в шею, но Скафлок припал на колено, и удар пришелся ему по шлему. Но еще прежде того успел он рубануть ненавистного противника по ноге.

Когда же валгардов топор обрушился на его шлем с такой силой, что помял его, Скафлок, оглушенный, повалился на палубу. Валгард, серьезно раненый в ногу, тоже упал. Оба откатились под скамьи, и битва какое-то время шла без их участия. В этот момент оставшиеся еще на корме своего судна тролли предприняли отчаянную попытку очистить корабль от эльфов-абордажников. Вел их владетель Грум. Со страшным свистом крушила его тяжелая, со здоровенным каменным набалдашником палица шлемы и черепа врагов. Против него выступил Агор из Земли Пиктов, которому удалось отсечь тролльему воителью правую руку. Грум, однако, и тут не растерялся. Перехватив палицу левой рукой, обрушил он ее на голову Агора, который упал к его ногам с переломленной шеей. Но и тролльему вождю пришлось тут же выйти из битвы и удалиться в укрытие, чтобы там без помехи вырезать надобные руны, которые уняли хлеставшую из его раны кровь.

К месту схватки воротились пришедшие в себя Валгард со Скафлом. Они сумели снова отыскать друг друга в густой толпе дерущихся, и тут же возобновили свой поединок. Онемевшая было левая рука Скафлока уже действовала, валгардова же рана еще кровоточила. Скафлок ударил врага с такой силой, что клинок его распорол берсеркову кольчугу и плоть до самых ребер.

— Это тебе за Фриду! — крикнул он. — За то зло, что ты ей причинил!

— Думаю, ты ей причинил куда больше зла, — сдавленным голосом ответил Валгард. Хотя и ослабел он от боли, и не так твердо, как прежде, стоял на ногах, но следующий удар вражеского меча натолкнулся на своевременно выставленный им вперед Братобой. Скафлоков клинок при этом разломился пополам.

— Ха! — крикнул берсерк. Но прежде чем сумел развить он свой успех, на него дикой кошкой бросился Огнедрот, а потом и другие альфхеймцы тоже. Корабль был в руках эльфов.

— Не вижу смысла долее здесь оставаться, — заявил Валгард. — Увидимся, братишка! — и сиганул за борт.

Он намеревался избавиться от кольчуги, прежде чем она утянет его на большую глубину, но на деле оказалось, что в этом нет нужды. К тому времени многие корабли были уже разбиты таранами или же просто раздавлены в возникшей давке, и в воде плавало множество обломков. Валгарду удалось сразу же ухватиться левой рукой за покачивавшуюся на волнах мачту одного из этих злосчастных судов. Правой он по-прежнему сжимал Братобой. Берсерк подумал было, не бросить ли его, но все-таки решил оставить топор при себе — заколдованный он был или нет, а надежностью и ухватистостью мало какое оружие могло с ним сравниться.

За ту же мачту уцепились и несколько валгардовых товарищей-троллей, успевших, прежде чем прыгнуть за борт, избавиться от тяжелого оружия и доспехов.

— Поработаем ногами, братья! — крикнул им берсерк. — Глядишь, доберемся до своих. Может, даже победителями в этой битве выйдем.

Столпившиеся на борту вражеского драккара эльфы ликовали. Скафлок же промолвил:

— А где же Иллред? Он должен был быть тут, на этом драккаре, но я его что-то не видел.

— Может, он летает птицей, наблюдая за ходом сражения, как Имрик, обернувшийся чайкой? — ответил Огнедрот. — Давай потопим эту посудину и вернемся к себе на корабль.

Воротясь на борт эльфийского корабля, они нашли там Имрика.

— Как идет сражение, отец? — весело спросил Скафлок.

— Плохо! — мрачным голосом ответил тот. — Доблестно бьются эльфы, но вражья рать числом вдвое превосходит нашу. А иные из врагов уже высаживаются на берег, и некому заступить им дорогу.

— Вот уж воистину печальная весть, — вскричал Голрик Корнуоллец. — Если не станем биться как демоны, битва неимоуемо будет проиграна.

— Боюсь, она уже проиграна, — промолвил Имрик.

Не сразу понял Скафлок страшную суть происходящего. Оглянувшись, он увидел, что вблизи их драккара нет никаких судов, ни эльфийских, ни вражеских. Строй обоих флотов уже в значительной степени распался: обе стороны пользовались каждой возможностью, чтобы перерубить связывавшие вражеские корабли канаты. Однако троллего флота строй сохранился лучше. Ко многим эльфийским драккарам были уже причалены абордажными крючьями по два вражеских.

— На весла! — крикнул Скафлок. — Им нужна помощь! На весла!

— Да уж, помощь им не помешает, — усмехнулся Имрик.

Драккар их на веслах приблизился к месту ближайший стычки, и в него полетели стрелы.

— Стреляйте! — крикнул Скафлок. — Что же вы не стреляете, Хель вас побери?

— Наши колчаны пусты, — ответил ему один из воинов.

Низко пригнувшись, под прикрытием своих щитов, подгребли эльфы туда, где два драккара их товарищей оказались в окружении четырех вражеских судов, трех наемничьих и одного троллего. Стоило им приблизиться, как на имриков корабль напали крылатые байкальские демоны. Как ни стойко отбивались эльфийские воители, а все же многие из них пали от рук летучих, вооруженных длинными копьями врагов. Даже расстреляв последние свои стрелы, не смогли они прекратить эту бойню.

Тем не менее, имриков драккар взял на абордаж ближайший гоблинский корабль, тот самый, откуда летели в него стрелы. Перескочив на борт неприятельского судна, Скафлок лихо врубился в толпу гоблинов эльфийским мечом, взятым им взамен сломанного в схватке с берсерком. Низкорослые, слабосильные гоблины в рукопашной схватке оказались пустячным противником. Одного Скаф-

лок разрубил чуть ли не пополам, второму вспорол живот, третьему снес голову с плеч. Огнедрот одним ударом своего могучего копья пригвоздил к мачте двоих гоблинов, а третьему тут же сломал ногой грудную клетку. Вслед за ними на борт неприятельского корабля попрыгали другие эльфы. Враги отступили.

Добравшись до места, где у гоблинов стояли ящики со стрелами, Скафлок покидал их к себе на корабль. Столпившихся на корме врагов он решил не добивать, а протрубил в рог, давая своим воинам сигнал к отступлению. До оставшихся в живых гоблинов никому не было дела, кроме, разве, их самих: то были уже не воины. Снова запели тетивы эльфийских луков, и кружившие над головами эльфов демоны попадали с небес.

К имрикову кораблю приблизился троллий драккар. Оглядевшись, Скафлок увидел, что воины на двух других эльфийских кораблях довольно успешно отражают атаки гоблинов, они и марокканских бесов.

— Лишь бы они там сами управились. Троллей мы возьмем на себя, — сказал он.

Вот уже зеленокожие воители взяли имриков корабль на абордаж и с дикими криками стали прыгать на его палубу. Скафлок кинулся им навстречу, но поскользнулся на залитых кровью досках и упал меж двух скамей для гребцов. Пущенное в него с такой силой, что наверняка пробило бы кольчугу, копье попало прямо в сердце Голрику Корнуольцу.

— Спасибо, — пробормотал Скафлок, поднимаясь. На него тут же накинлись тролли. Стоя на скамьях, обрушили они настоящий шквал ударов на его щит и шлем. Скафлок полоснул ближайшего из врагов мечом по ногам, и тот упал. Но прежде чем сумел он освободить свой меч, на него надвинулся, целя топором прямо в лицо, другой тролль. Скафлок вскинул свой окованный железом щит. Противник его отшатнулся с диким криком: половина лица у него была страшно обожжена. Скафлок поспешил вернуться к своим воинам.

Погода постепенно ухудшалась, и к тому времени валил уже густой снег, вовсе не смягчавший, однако, неистового шума битвы. Ветер также усилился, и причаленные друг к другу абордажными крючьями корабли сильно раскачивались, то и дело гулко

ударялись друг о друга. От качки иные из дерущихся падали с верхней палубы и скамей, но тут же поднимались и продолжали сражаться на нижней палубе. Вскоре скафлоков щит оказался до того изрублен, что оставлять его при себе не было более никакого смысла. Скафлок запустил им в тогдашнего своего противника, а потом пронзил сердце того тролля своим порядком уже затупившимся мечом.

Тут кто-то из врагов обхватил его сзади. Скафлок откинул назад голову, надеясь попасть железным шлемом в лицо троллю, но ничего не произошло. Тот только усилил хватку своих похожих на дубовые сучья лап. Обернувшись увидел Скафлок, что тролль тот имел на себе кожаное одеяние, у него даже был кожаный капюшон и рукавицы. Скафлок освободился было от его захвата при помощи одного эльфийского приема, но враг тут же снова охватил его, уже спереди, с прежней, поистине медвежьей силой. Тут корабль сильно качнуло, и оба они упали в проход между скамей.

Вырваться Скафлоку не удавалось. В голове у него мелькнула безрадостная мысль о том, что усилив захват, тролль этот может переломать ему ребра.

Он уперся троллю коленями в живот и изо всех сил вцепился руками ему в горло. Наверное, ни один другой смертный не сумел бы выдержать таких «объятий». От Скафлока это тоже потребовало невероятного напряжения. Он почувствовал, что силы его быстро иссякают, как вино в перевернутой чаше. Вся работа его мышц, воли, сердца была в тот миг подчинена одной цели: держать спину выгнутой, чтобы враг не мог сломать ему позвоночник, и при этом сдавливать и сдавливать вражеское горло. Корабль сильно раскачивался, и противники, сцепившись, катались туда-сюда по палубе. Длилось это, казалось, целую вечность. Между тем, Скафлок понимал, что долго ему не продержаться.

Но вот тролль отпустил его и, совершенно уже задыхаясь, попытался оторвать от своего горла намертво вцепившиеся в него скафлоковы руки. Скафлок что было сил ударил врага головой о пяртперс мачты, один, другой, третий раз, да с таким остервенением, что разбил ему череп.

Совершенно лишившись сил, долго лежал он потом на мертвом теле тролля. Сердце его, казалось, готово было выскочить из груди, в

ушах шумела кровь. Потом смутно увидел он склонившегося над ним Огнедрота.

— Никогда еще ни одному эльфу и ни одному человеку не удалось убить тролля голыми руками, — изумленно промолвил тот. — Подвиг твой сравним с беовульфowymi. Он не будет забыт, покуда стоит мир. А теперь хочу тебя обрадовать: мы одержали победу.

Он помог Скафлоку подняться и провел его на верхнюю палубу. Оглядев сквозь пелену носимого ветром снега окрестности, тот увидел, что корабли чужеземных наемников тоже уже совершенно очищены от врагов. Но какую цену пришлось заплатить эльфам за тот успех! На трех драккарах целыми и невредимыми остались не больше двух десятков воинов. Большинство оставшихся в живых были тяжело ранены. Прилив сносил к берегу корабли, на которых, кроме мертвецов осталась лишь горстка измученных эльфов, которые и меч-то теперь не смогли бы поднять. Приглядевшись, увидел Скафлок, что к ним приближается сквозь метель еще один троллий драккар, полный воинов.

— Боюсь, мы потерпели поражение, — простонал он. — Нам останется лишь попытаться спасти тех, кто жив еще.

Оставшиеся без гребцов драккары неумолимо сносило к кипящим на рифе бурунам. На взморье тех, кто не достанется морской пучине, ждали уже тролли конники на могучих вороных конях.

Из снежной пелены вдруг вынырнула чайка, которая, опустившись на палубу, превратилась в Имрика.

— Мы неплохо потрудились, — мрачно проговорил князь. — Уничтожена чуть ли не половина троллего флота. Беда в том, что корабли те были не тролли, а их союзников. У нас же флота совсем не осталось. Те из драккаров, что имеют достаточную команду, отступают. Другие же, подобно этому, обречены погибнуть.

В холодных глазах его, наверное, впервые за много столетий блеснули слезы:

— Конец эльфийскому княжеству в Англии. Боюсь, всему Альфхейму конец.

Огнедрот сжал древко своего копья.

— Мы умрем, сражаясь, — проговорил он хриплым от усталости голосом.

Скафлок покачал головой. Мысль о ждущей его в Эльфхолме Фриде придала ему сил.

— Рано нам еще умирать. Надо продолжить борьбу, — сказал он. — Но сперва нам надо выбраться отсюда живыми.

— Неплохо бы. Да только можно ли это сделать? — с сомнением проговорил Огнедрот.

Скафлок снял шлем, и стало видно, что волосы у него совершенно слиплись от пота.

— Для начала надо скинуть с себя доспехи, — заявил он.

Поскольку гребцов почти совсем не осталось, эльфам лишь с огромным трудом удалось сблизить три своих драккара настолько, чтобы можно было сцепить их абордажными крючьями. Собравшись на одном из этих кораблей, они поставили мачту и парус. Однако, возможности спастись у них все равно, казалось, не было: приближающийся неприятельский корабль был с подветренной стороны, к тому же оба судна находились в страшной близости от берега, к которому неумолимо гнал их ветер.

Скафлок встал у руля, товарищи его закрепили углы паруса, и драккар их, немного рыская, устремился к берегу. Тролли же налегли на весла, стремясь либо перехватить эльфийский корабль, либо загнать его на видневшийся прямо по курсу шхер.

— Трудновато будет с ними разминуться, — заметил Имрик.

— Труднее, чем они думают, — невесело усмехнувшись ответил Скафлок, сощурившись, чтобы лучше видеть сквозь сплошную теперь снежную пелену. Он углядел впереди мощный риф, на котором кипели буруны. За рифом этим начиналась отмель.

Неприятельский драккар приближался справа по борту. Скафлок крикнул своим товарищам, чтобы отпустили парус, сам же что было сил налег на руль. Изменив курс, корабль их продолжал стремительно мчаться вперед. Тролли слишком поздно поняли скафлоков замысел, и их попытка убраться с дороги не увенчалась успехом. Удар эльфийского драккара пришелся в самую середину их корабля. И был он так силен, что тяжелые доски обшивки застонали. В мгновение ока троллье судно оказалось на самом рифе и было разбито прибоем в щепы.

Эльфы как безумные натягивали и отпускали парус, повинуюсь скафлоковым командам. Промчавшись вплотную ко второму

тролльему кораблю, обломал ему эльфийский челн все весла с этой стороны. Убережь свой корабль Скафлок, конечно же, не надеялся, но если использовать неприятельский драккар как буфер, удар о камни можно немного смягчить, к тому же надо дотянуть до края рифа: там волна меньше. Когда же драккар его ударился наконец о риф и намертво засел на нем, от отмелей Скафлока и его воинов отделяла лишь узкая полоса валунов.

— Спасайся, кто может! — крикнул Скафлок и первым сиганул с палубы на скользкий мокрый валун, потом на отмель, где воды было ему по горло. Товарищи его последовали за ним — кроме тех, что были тяжело ранены и не могли идти. Им суждено было погибнуть в быстро разрушаемом морем корабле, совсем близко от земли.

Остальные без труда добрались до берега. Троллий заслон был далеко, но некоторые из вражеских всадников все равно увидели эльфов и поскакали им наперерез.

— Бегите врассыпную! — крикнул Скафлок. — Многие могут уйти!

Мчась сквозь сплошную завесу метели, увидел он, как пали иные из недавних его товарищей, пронзенные пиками конников, а иные погибли под копытами вражеских коней. Однако большинству составлявших его небольшой отряд воинов удалось уйти. Высоко в небо взвилась белокрылая чайка.

Вдруг наперерез ей ринулся неизвестно откуда взявшийся здоровенный орлан. Скафлок застонал. Укрывшись за скалой, видел он, как закогтив чайку, опустился орлан вместе с нею на землю, где две эти птицы обрели свой исконный облик: Иллреда и Имрика.

Несчетные удары тролльих палиц обрушились на эльфийского князя. Потом тролли связали его, бесчувственного, лежащего в луже собственной крови.

Если Имрик мертв, Альфхейм лишился одного из величайших своих вождей. Если же он жив, горька будет его участь. Скафлок побрел прочь по запорошенной снегом осоке. Он почти уже не чувствовал усталости, холода, боли от ран. Эльфы были разгромлены, и теперь у него осталась в жизни только одна цель: добраться до Эльфхолма, до Фриды прежде троллей.

ГЛАВА XVI

Иллредово войско, также порядком потрепанное в сражении, устроило себе двухдневный отдых. Затем тролли двинулись на юг, кто морем, кто посуху. Драккары их достигли эльфхолмской гавани той же ночью. Сойдя на берег, тролли первым делом разграбили стоявшие вне стен замка эльфийские клетки, потом окружили Эльфхолм и стали дожидаться подхода своих товарищей.

Та часть тролльей рати, что выступила посуху, с Грумом и Валгардом во главе, прибыла к замку много позже. На пути туда вышло немало стычек между прочесывавшими местность тролльими разъездами и небольшими отрядами уцелевших в сражении эльфийских воинов. Все встреченные эльфы были перебиты, но и тролли понесли немалые потери. Разграблены и подожжены были также эльфийские усадьбы, а обитателей их взяли в плен. Пленников гнали позади войска, связав им руки и приковав друг к другу цепями за особые ошейники. Возглавлял это скорбное шествие Имрик. От души наслаждаясь эльфийскими яствами, винами и женщинами, тролли не особенно спешили в Эльфхолм.

Однако уже наутро после ночи, когда произошло сражение, в замке стало известно, что битва Имриком проиграна. Как проводали о том эльфхолмки, при помощи ли хитроумных чар своих, или просто догадались, не получив никаких известий от войска, неизвестно. Так или иначе, увидев под стенами замка походные костры вражьих ратников и множество вытащенных на берег неприятельских драккаров, поняли они, что не были истреблены в той битве обе рати, как думалось поначалу, что празднует победу торжествующий неприятель.

Как-то раз, стоя у окна своей опочивальни, услышала Фрида у

себя за спиной легкий шелест шелковых одежд и, обернувшись, увидела Лиа с ножом в руке.

Искаженное гневом и страданием лицо эльфийки не было уже похоже на лик кумира, сработанного из слоновой кости в незапамятные времена мастером из южных земель. Она проговорила на чело-вечьем наречии:

— Ты плачешь без слез о том, чья любовь стала добычей во-ронов.

— Я заплачу, когда узнаю, что его нет в живых, — ответила Фри-да безо всякого выражения. — Но не верится мне, что мог он погиб-нуть. Слишком любит он жизнь.

— Где же он тогда? Да и что проку в прячущемся по лесам из-гое? — Лиа улыбнулась своими полными бледными губами. — Ви-дишь этот кинжал, Фрида? Эльфхолм окружен троллями, закон же ваш запрещает тебе наложить на себя руки. Но если желаешь ты избавления, я с радостью тебе помогу.

— Нет, не надо. Я дождусь Скафлока, — сказала Фрида. — И потом, разве нет у нас дротиков, стрел, метательных машин? Разве не имеется в замке достаточного запаса продовольствия и питья? Разве не высоки его стены, не крепки ворота? Тем, кто остался еще в Эльфхолме, следует оборонять его от врага, хотя бы в память о тех, кто ушел и не вернулся.

Лиа опустила руку с ножом и устремила на стройную сероглазую девушку долгий взгляд.

— Мужества тебе не занимать, — проговорила она наконец. — Кажется, я начинаю понимать, что Скафлок нашел в тебе. Однако в рассуждениях твоих больше присущей смертным бестолковой го-рячности, чем чего другого. Ужели под силу женщинам в одиночку, лишившись своих воинов, удержать осажденный врагом замок?

— Им следует попытаться сделать это, а коли не удастся, так разделить судьбу своих возлюбленных.

— Вот уж нет. У женщин свое, особое оружие, — лицо Лиа оза-рилось свирепой радостью. — Но чтобы применить то оружие, нам придется открыть неприятелю ворота. Желаешь ли ты отомстить за своего возлюбленного?

— Да. Стрелами, кинжалом, даже ядом, если понадобится.

— Тогда одари троллей своими ласками, что скорее стрел, острее

ножей, горше и смертоносней, чем яд в пиршественной чаше. Так, и только так поступают эльфийки.

— Лучше я нарушу главнейшую Его заповедь и убью себя, чем стану наложницей убийц моего возлюбленного, — вскричала Фрида.

— Беда с вами, смертными, — насмешливо молвила Лиа, улыбнувшись своей кошачьей улыбкой. — А я вот думаю, что ласки троллей какое-то время будут даже заняты. По крайней мере, это что-то новое. А ведь прожив многие сотни лет, прелести новизны не находишь почти ни в чем. Когда придет наш новый князь, мы откроем ему ворота Эльфхолма.

Фрида в отчаянии бросилась на ложе, закрыв лицо ладонями. Лиа же проговорила:

— Коли ты все же не желаешь проститься с человеческим своим безрассудством, удерживать тебя я не стану. Завтра, когда рассветет и тролли улягутся спать, я выпущу тебя из замка. Можешь взять с собой все, что пожелаешь. А там делай, что хочешь. А захочешь ты, я думаю, отправиться в земли людей, постричься в монахини и провести остаток дней своих, заывая унылые псалмы вместе с прочими этими «невестами», чей небесный жених отчего-то никогда не снисходит до того, чтобы стать мужем хоть одной из них.

Она ушла.

Фрида осталась лежать на ложе, чувствуя, что вокруг нее сгустилась тьма, в которой не виднелось и проблеска надежды. Слезы душили ее, но из глаз отчего-то никак не могли излиться. Все пропало, все. Нет больше в живых ни родных ее, ни возлюбленного.

Неправда!

Она села на ложе, руки ее сжались в кулаки. Неправда, Скафлок не мог погибнуть. Она поверит в его смерть лишь тогда, когда поцелует его в побелевшие холодные губы. И тогда сердце ее милостью Божьей разорвется от горя, и упадет она мертвая рядом с телом любимого. Но что если он жив? Что, если лежит он тяжело раненый где-нибудь, а убежище его окружают враги? Что, если ему нужна ее помощь?

Фрида поспешно стала собирать вещи, которые могли понадобиться возлюбленному ее в нынешнее безвременье. Шлем, кольчуга, одежда, которую надевал он под доспехи (в отсутствие хозяина от всего этого веяло какой-то странной пустотой), топор, меч, щит,

копье, луки, солидный запас стрел. Себе она тоже подобрала легкую кольчугу из тех, что были сработаны для эльфиек-воительниц. Кольчуга эта очень ладно сидела на ней. Когда же Фрида надела оплечье и крылатый шлем и взглянула на себя в зеркало, то не могла удержаться от улыбки. Скафлоку нравилось, когда она так наряжалась: доспехи вовсе не делали ее мужеподобной, а только подчеркивали ее милую шаловливость.

Эльфийские кони не могли нести на себе ничего железного, так что отобранные доспехи были из эльфийских сплавов, но Фрида считала, что это не так уж страшно, ведь и такая броня достаточно прочна.

Гора отобранного ею для похода добра росла. К оружию и доспехам прибавилась вяленая рыба и другие припасы, а также меха, одеяла, ларчик с принадлежностями для шитья и много еще всякой всячины, которая могла пригодиться для жизни под открытым небом.

— Вот я уже и стала хозяйкой, — сказала Фрида и снова улыбнулась. От слова этого веяло домашним уютом, и оно согрело ей сердце, как встреча со старым добрым другом. Прихватила она и вещи, о пользе которых ей не было ведомо, но которыми Скафлок отчего-то очень дорожил: волчью шкуру, шкурки выдры и орла, жезлы из ясени и березы, с вырезанными на них рунами, кольцо с затейливым узором.

Упаковав все это, она явилась к Лиа. Эльфийка с удивлением воззрилась на новоявленную валькирию.

— Ну, что тебе еще?

— Мне нужны четыре коня, — ответила Фрида. — И чтобы кто-нибудь помог мне навьючить на одного из тех коней тюки, которые я хочу взять в дорогу. И чтобы меня потом выпустили из замка.

— Сейчас ночь еще, тролли повсюду рыщут. А днем эльфийские кони не выйдут из конюшни.

— Неважно. Зато ночью они скачут быстрее любых других.

— Ну да, до рассвета ты успеешь добраться до какой-нибудь церкви, — как всегда насмешливо сказала Лиа. — А доспехи защитят тебя в пути от врагов. Однако хочу тебя предупредить, что взятое в Дивной стране золото долго не сохранить.

— Золота у меня почти что и нет совсем. И в земли людей ехать я не собираюсь. Я уеду через северные ворота.

Глаза эльфийки широко распахнулись от удивления, потом она пожала плечами.

— Глупо все это. Ну, найдешь ты скафлоков прах, и что с того? Но пусть будет по-твоему, я не возражаю.

Выражение лица ее вдруг смягчилось, и она тихо проговорила едва ли не дрожащим голосом:

— Поцелуй его за меня, прошу тебя.

Фрида промолчала, но про себя подумала, что этого поцелуя Скафлок никогда не получит, ни живой, ни мертвый.

К тому времени, как все было готово для фридиного бегства, повалил густой снег. Ворота бесшумно распахнулись, и стражи из рабов-гоблинов, которым за эту услугу обещана была свобода, пожелали Фриде счастливого пути, когда выехала она из замка, ведя на поводу трех лошадей. Назад она не оглянулась, ведь без Скафлока Эльфхолм со всеми своими сокровищами был для нее ничто.

Ветер был такой пронзительный, что ей сразу же стало зябко, несмотря на то, что она предусмотрительно облачилась в теплые меховые одежды. Наклонясь к уху своего коня, она шепнула ему:

— Скачи, лучший из скакунов, скачи быстрее ветра! Скачи на север, к Скафлоку. Отыщи его. Тебе это под силу, ведь ты не простой конь, а волшебный. Коли сделаешь это, весь свой бесконечно долгий век будешь спать в золотом стойле и гулять, не зная больше ни узды, ни седла, по лугам, где царит вечное лето.

Вдруг где-то неподалеку раздался жуткий вопль. Фрида вздрогнула. Ею внезапно овладел ужас: троллей она боялась больше всего на свете, и вот теперь они ее заметили.

— Скачи же! — крикнула она коню.

Тот помчался с такой быстротой, что у Фриды ветер засвистел в ушах.

Ей пришлось даже поднять руку, чтобы защитить лицо от невероятной силы встречного ветра, который чуть было не сдул ее с седла. Из-за темноты и густого снегопада она почти ничего не могла разглядеть вокруг, хоть и была наделена тайным зрением, однако слышала у себя за спиной конский топ: тролли пустились в погоню.

Стремительно мчалась она на север. Лицо ее горело уже от прон-

зительно-холодного встречного ветра, позади слышались крики преследователей и стук копыт их коней. Оглянувшись, увидела она в темноте силуэты всадников, что были чернее самой ночи. Она подумала было придержать коня, а когда тролли приблизятся, обратить их в бегство, произнеся имя Иисуса Христа. Однако стрелой они смогли бы достать ее прежде, чем достигли пределов слышимости.

Снегопад все усиливался. Тролли постепенно отстали, но Фрида знала, что они не оставят преследования, а будут без устали идти по ее следу. Между тем, скача на север, она все приближалась к идущей ей навстречу тролльхеймской рати.

Она сама не знала, сколько времени прошло в той бешеной скачке. Наконец, углядела она в отдалении, на холме, огонь: похоже, горела эльфийская усадьба. Должно быть, троллье войско уже совсем близко. А раз так, тут повсюду должны рыскать вражеские разъезды.

Не успела она об этом подумать, как где-то справа послышался рев, потом стук копыт. Если она попадет в руки к троллям...

Дорогу ей преградил всадник на громадном, с горящими, подобно угольям, глазами вороном коне. Облаченный в черную кольчугу конник тот был могуч статью, лицом же странен... Нет, скорее страшен. То был тролль! Эльфийский скакун отпрянул было, но конник успел ухватить его за узду.

Фрида вскрикнула. Но прежде чем успела она произнести спасительные священные слова, враг уже стащил ее с седла, обхватив за талию одной рукой и зажимая рот другой. (Пахли его руки примерно так же, как нора, в которой провело зиму семейство гадюк.)

Троль разразился торжествующим смехом. Тут откуда-то из темноты вылетел запыхавшийся от долгого бега Скафлок. Издали почувствовал он грозящую любимой опасность и ужасно боялся не поспеть вовремя. Вставив ногу в стремя тролльего коня, поднялся он на том стремени и всадил кинжал в горло злополучному коннику. А потом схватил Фриду в свои объятия.

ГЛАВА XVII

Когда же тролля рать достигла Эльфхолма, на одной из сторожевых башен замка запел рог и бронзовые ворота отворились настежь. Направив своего коня в замок, Валгард пробормотал, однако:

— Это ловушка.

— Я думаю иначе, — сказал Грум. — В замке почти никого не осталось, кроме женщин, они же надеются, что мы их пощадим. — Он разразился смехом. — И правильно делают, что надеются.

Стук подков могучих тролльих коней о брусчатку гулко отдавался во внутреннем дворе замка. В стенах Эльфхолма было тепло и безветренно, повсюду царил голубоватый сумрак, придававший крепостной стене и башням какой-то призрачный вид. Сады источали пьянящий, как вино, аромат, звенели серебристые струи фонтанов, подле небольших, предназначенных для любовных свиданий наедине, беседок струились кристально чистые ручьи.

Обитательницы замка заранее уже собрались у донжона, чтобы поприветствовать победителей. Хотя и случилось уже Валгарду во время похода на юг видеть эльфиек и обладать ими, при виде красавиц-эльфхолмок он едва сумел удержать возглас восхищения.

Одна из них выступила вперед. Легкие одежды не скрывали, а лишь подчеркивали каждую выпуклость ее роскошного тела. Красою своей она затмевала всех прочих, подобно тому, как луна затмевает звезды. Низко склоняясь в поклоне перед Грумом и на мгновение прикрыв длинными ресницами свои таинственно-равнодушные глаза, она молвила певучим голосом:

— Приветствую тебя, повелитель. Эльфхолм сдается тебе на милость.

Новоявленный наместник надул щеки.

— Немало повидал на своем веку этот замок. Много раз осаждали его пришельцы, но тщетны были их попытки взять Эльфхолм силой. Однако вы правильно сделали, что признали власть Тролльхейма. Мы беспощадны к врагам, к друзьям же щедры. — Грум самодовольно усмехнулся. — Скоро я и тебя одарю. Как твое имя?

— Лиа, сестра князя Имрика.

— Не зови его более князем. Теперь я, Грум, буду править землями Дивного народа на этом острове, Имрик же будет моим рабом. Нет, даже и рабом моим называться для него велика честь. Эй, стража! Пленников сюда!

Медленно, волоча ноги, во двор вступили, низко опустив головы, бывшие владетели Альфхейма. Мрачны были их грязные, заросшие лица, спины же согнулись под грузом куда большим, нежели одна лишь тяжесть оков, надетых на них троллями. Шествие возглавлял Имрик, чьи прекрасные волосы были теперь все в запекшейся крови, а босые ноги оставляли кровавые следы. Не сказав ни слова и не взглянув даже на своих подруг, прошли гонимые стражниками пленники ко входу в подземелье. Затем потянулась длиннейшая колонна пленников попроще.

Из гавани явился прибывший морем Иллред.

— Эльфхолм теперь наш, — промолвил он, — и ты, Грум, назначаешься здешним наместником до окончательной победы нашей над Альфхеймом. Предстоит еще захватить английские, шотландские и валлийские владения эльфов, а также очистить от шаек неприятеля леса и горы. Так что без дела тебе сидеть не придется.

Во главе своих воинов вступил король троллей в эльфхолмский донжон.

— До отъезда мне необходимо сделать еще кое-что, — сказал он. — Девятьсот лет назад Имрик похитил мою дочь. Немедля разыщите ее и верните ей свободу.

Когда же приближенные двинулись в донжон следом за своим повелителем, Лиа, ухватив Валгарда за рукав, отвела его в сторонку. Устремленный на него взор прекрасной эльфийки был пристален и лишен всякой игривости.

— Поначалу я приняла тебя за Скаффлока, смертного, что жил среди нас, — тихо промолвила она. — Но чувствую я, что естество твое не людское...

— Верно чувствуешь, — усмехнулся Валгард. — Я Валгард Берсерк из Трольхейма. Правда, в каком-то смысле мы и со Скафлоком братья. Я — усилек, рожденный троллицей Горой от Имрика. Меня подложил Имрик вместо младенца, названного позднее Скафлоком.

— Тогда... — пальцы Лиа больно впились ему в руку. — Ты — тот Валгард, о котором говорила Фрида? Ее брат?

— Именно, — в голосе его неожиданно послышались грубые нотки. — Где она? — Он схватил Лиа за плечи и принялся трясти ее. — И где Скафлок?

— Я... не знаю. Фрида бежала из замка... Сказала, идет искать Скафлока...

— Если бы ее перехватили по дороге, я был знал. Значит, она сейчас с ним. Скверно это!

Лиа улынулась, не разжимая губ и чуть прикрыв глаза. — Теперь ясен мне смысл тюрских слов, — подумала она. — Понятно, и почему Имрик не желал раскрыть той тайны.

Валгарду же она спокойно, дерзко даже, сказала:

— Тебе-то что печалиться об этом? Ты истребил всю ормову семью, только эти двое и остались. Ты же повинен в том, что с ними случилось. Раз ты ненавидел то семейство, какой еще мести можешь ты желать?

Валгард покачал головой.

— Я ничего не имел против Орма и его семьи, — он оглянулся, как будто очнулся только что ото сна, полного страшных сновидений. — Нет, должно быть, я ненавидел. А то как же вышло, что я причинил столько зла своим собственным братьям и сестрам... — Он потер рукой глаза: — Но ведь по-настоящему они были мне не родные, верно?

Отпрянув от Лиа, он устремился за королем. Лиа, улыбаясь, неспешно пошла за ним следом.

Илльфред сидел на почетном хозяйском месте, которое в прежние времена занимал Имрик. Взор его был устремлен на дверь, ведущую во внутренние переходы замка. Заслышав топот своей стражи, он радостно засмеялся:

— Они ведут Гору, мою девочку, которую малюткой держал я на коленях, — тяжелая рука его легла на плечо усилка. — Сейчас ты увидишь свою мать, Валгард.

В зал вошла, волоча ноги, страшно исхудалая троллица, чья кожа покрылась морщинами, а спина согнулась от проведенных на полу в темном застенке столетий. На изможденном лице ее жили одни лишь глаза, но и их взгляд был пуст. Оживлялся он лишь когда проносились перед мысленным взором троллицы какие-то призраки прежней жизни.

— Гора... — Иллред привстал было с трона, но тут же снова откинулся назад.

Троллица подслеповато сощурила свои почти совсем уже незрячие глаза.

— Кто зовет Гору? — забубнила она. — Кто зовет покойницу? Гора-то, господин хороший, умерла девятьсот лет назад. Ее схоронили в подземелье замка. На белых косточках ее стоят те башни, что достигают самых звезд. Ужели не дадите вы наконец покоя бедной троллице, которой давным-давно нет в живых?

Валгард отшатнулся от нее, подняв руку, будто желал защититься от ужасного этого существа, ковыляющего к нему через громадный зал, Иллред же воскликнул, простирая к троллице руки:

— Гора! Ужели не узнаешь ты меня, своего отца? Ужели не признала ты своего сына?

Когда же дочь ответила ему, голос ее звучал подобно отдаленному шуму ветра:

— Разве имеют мертвые память? Разве могут они дать жизнь? Мозг, рождавший мечты, плодит теперь одних лишь могильных червей. Там, где билось прежде сердце, кормятся нынче муравьи. Верните мне мою цепь, молю вас! Верните мне возлюбленного, что держал меня в темноте! — Гора захныкала. — Не буди бедных мертвецов, господин, им и так страшно. Не буди и безумцев. Разве не ведомо тебе, что жизнь и разум — суть чудовища, пожирающие то, что их породило? — Она склонила голову набок, как бы прислушиваясь к чему-то, потом тихо проговорила:

— Я слышу конский топ. Слышу, как стучат копыта коня скачущего по самому краю света всадника. То мчится Время. Снег падает с гривы его скакуна, подковы же того коня высекают молнии. Когда время проскачет мимо, позади остаются лишь желтые листья, кружащиеся в вихре, поднятом безудержным стремлением того конника вперед. Он уже близко, я слышу, как расступаются миры при его

приближении. Верните мне небытие! — крикнула она вдруг. — Позвольте мне вернуться в могилу и укрыться там от Времени.

Рыдая, она бросилась на пол. Иллред знаком приказал своей страже приблизиться.

— Уведите ее прочь и убейте, — приказал он, потом сказал, обернувшись к Груму, — подвесь Имрика за большие пальцы рук над горячими угольями. Когда же будет завоеван весь Альфхейм, мы сумеем придумать ему еще более подходящую награду за содеянное.

Он поднялся и крикнул зычным голосом:

— Все в гавань! Мы отплываем немедленно.

Хоть воины и надеялись, что перед отплытием в Эльфхолме будет устроен для них пир, видя, в каком расположении духа пребывает их повелитель, никто из них не решился ему перечить, и вскоре большинство тролльих драккаров были спущены на воду и двинулось на юг.

— Больше нам достанется, — заметил Грум с радостным смехом. Однако, взглянув в страшно побледневшее лицо Валгарда, добавил: — А тебе, я думаю, сегодня надо как следует напиться.

— Это точно, — ответил берсерк. — А как только сумею собрать войско, сразу же отправлюсь в поход.

Тролли военачальники произвели смотр эльфхолмским женщинам и отобрали для себя тех, что приглянулись им больше других. Остальные должны были достаться простым воинам. Грум обнял Лиа за талию своей единственной рукой.

— Ты правильно сделала, что сдала замок, — ухмыльнулся он. — И потому недопустимо, чтобы ты занимала при дворе менее высокое положение, чем прежде. Как была ты подружкой князя английских земель Дивного народа, так ею и останешься.

Лиа покорно последовала за троллем, но, проходя мимо Валгарда, искоса взглянула на него и улыбнулась. Берсерк же глаз от нее не мог оторвать. Никогда прежде не приходилось ему встречать таких женщин. С нею он, наверное, сумел бы даже забыть темноволосую ведьму, чей образ по-прежнему тревожил по ночам его сон.

Несколько дней тролли пировали в Эльфхолме, потом Валгард повел рать на другой замок, который не покорился троллям, поскольку туда успели добраться сколько-то уцелевших эльфийских воинов. Хотя твердыня та была не особенно велика, она, однако же,

имела высокие толстенные стены, а защитники ее меткой стрельбой из луков удерживали троллей на почтительном расстоянии.

Ночь не принесла валгардову воинству желанной победы. Тогда, на следующий день, незадолго до заката солнца, Валгард в одиночку подобрался почти к самой стене неприятельской твердыни, не замеченный полусонными, ослепленными солнечным светом эльфийскими стражами. В сумерках взревели рога, и тролля рать ринулась на приступ. Валгард же поднялся с земли, и, размахнувшись, забросил прихваченную с собой «кошку» на зубец крепостной стены. По привязанной к той «кошке» веревке забрался он на стену и протрубил в рог.

На него тут же кинулись эльфы, которые едва его не одолели, несмотря на железную кольчугу и оружие. Спасибо, тролли быстро нашли веревку и один за другим стали взбираться по ней на стену. Совместными усилиями им удалось отеснить врага с этого участка стены, и товарищи их смогли приставить туда лестницы. Вскоре на стене собралось достаточно воинов, чтобы прорубиться к воротам и впустить в замок остальную часть войска.

Несчетное множество эльфов погибли в устроенной затем троллями кровавой резне, иные же были пленены и в цепях отправлены в Эльфхолм. Окрестности замка были разграблены Валгардом, так что в Эльфхолм он воротился, пожегши на пути все до единой эльфийские усадьбы, с богатой добычей.

Грум не выказал особой радости по поводу его возвращения: не нравилось новоявленному князю, что выскочка этот завоевывает все большее уважение в тролльем войске.

— Лучше бы ты остался командовать дружиной во вновь захваченном замке, — сказал он. — Тут, в Эльфхолме, нет места для нас обоих.

— Это точно, — пробормотал Валгард, смерив князя холодным взглядом.

Однако Грум не мог не устроить пира в его честь, а на пиру том пришлось тролльейскому вельможе посадить усилка по правую руку от себя, подле самого почетного хозяйского места. Прислуживали троллям эльфийки. Лиа один за другим подносила Валгарду рога с крепчайшим вином.

Потом она провозгласила тост:

— За нашего героя, которого повсюду избирают воители своим вождем в землях ли людей, в Дивной ли стране!

Серебристый свет проникал сквозь ее легкие шелковые одежды до самого тела, и у Валгарда голова пошла кругом не только от вина.

— Ты можешь отблагодарить меня и получше, — вскричал он, привлекая ее к себе на колени и жадно приник губами к ее губам. Она страстно ответила на его поцелуй.

Грум, не проронивший до того времени ни слова, также не забывая осушать один рог за другим, гневно прорычал:

— Прочь, вероломная сука! Займись делом!

Потом он сказал Валгарду:

— Оставь мою женщину в покое. У тебя есть своя.

— Мне эта больше нравится. Я дам тебе за нее трех других.

— Трех других он мне даст! Коли хочешь знать, я и твоих трех могу забрать себе вдобавок к этой. Я — князь. Здесь все мое. Оставь ее в покое.

— Добыча должна достаться тому, кто лучше умеет ею распорядиться, — с усмешкой заявила Лиа, по-прежнему сидя у Валгарда на коленях. — А у тебя только одна рука.

Троль в ярости вскочил с места, силясь выхватить из ножен меч. (Тролли ведь не расстаются с оружием и на пиру.)

— Помогите! — крикнула Лиа.

Валгардов топор как будто сам прыгнул ему в руку. И прежде чем Грум, совсем недавно лишившийся правой руки и потому не успевший еще обрести сноровку во владении левой, сумел достать из ножен свой меч, острие топора глубоко вонзилось ему в шею.

Обливаясь кровью, упал он к ногам Валгарда и поглядел снизу вверх на его искаженное гримасой белое лицо.

— Ты мразь, но она и того хуже, — промолвил Грум и умер.

По залу прошел ропот, потом заблестали выхваченные из ножен клинки. Тролли толпой устремились к почетному хозяйскому месту во главе стола, где произошло убийство. Одни кричали, что Валгард повинен смерти, другие клялись, что будут защищать его. Казалось, вот-вот начнется всеобщая свалка.

Валгард же снял с мертвого Грума залитую кровью диадему, которую носил прежде Имрик, и водрузил ее себе на голову. Запрыгнув

прямо на сиденье почетного кресла, зычным голосом, перекрывая крики спорящих, приказал он всем замолчать.

Постепенно крики смолкли, и в зале наступило напряженное молчание. Тишину нарушало лишь натужное дыхание недавних крикунов. Грозно поблескивали обнаженные клинки в руках воинов, отвратительно пахло страхом. Все глаза были устремлены на Валгарда, который возвышался над головами тролльхеймских воителей, могучий и высокомерный.

Когда же он заговорил, в голосе его был металл.

— То, что случилось, было неизбежно, хоть и не ожидал я, что все произойдет так скоро. Что проку было Тролльхейму в Груме, калек, не способном более к ратному труду? Он мог только есть да пить, да спать с женщинами, которые по праву должны служить наградой лучшим, чем он, воинам. Я куда более достоин быть вашим князем: никому в Тролльхейме не уступлю я благородством происхождения, и к тому же доказал на деле, что умею вести воинов к победе. Более того, я и есть ваш князь, поскольку такова воля деда моего, короля Иллреда. И это благо для всех троллей, прежде всего тех, что поселились здесь, в Англии. Даю вам слово, коли признаете меня князем, добуду я вам победы, богатство, красивую жизнь и славу.

Валгард вырвал топор из тела Грума.

— Если кто-нибудь желает оспорить мое право, пусть теперь же сразится со мной. Тем же, кто признает меня князем, воздастся сторицей.

Дружинники, бившиеся накануне под его началом, приветствовали эти его слова радостными криками. Прочие тоже постепенно присоединились к ним: драться никому не хотелось. Кончилось все тем, что Валгард занял почетное хозяйское место, и пир продолжился. Грума в войске не особенно любили, родичей же его среди присутствующих было немного, да и те дальние: о мести они не помышляли, а желали принять виру.

Позднее, оставшись с Лиа наедине в своей опочивальне, Валгард уселся на ложе и устремил на нее мрачный взгляд.

— Во второй раз уже женщина толкает меня на убийство. Мне бы следовало теперь же разрубить тебя на куски.

— За чем же дело стало? Я в твоей власти, о повелитель, —

промурлыкала она, обвивая его шею своими белоснежными руками.

— Ты отлично знаешь, что не могу я сделать этого, что дальше слов дело не пойдет, — хрипло проговорил он. — Не заплачу я такой цены за душевный покой свой. И без того моя жизнь темна, как крошечный ад.

Потом, много позже, спросил он Лиа:

— Ты и эльфов так же ласкала? И Скафлока?

Приподняв голову, так что душистая волна ее волос накрыла их обоих, она прошептала:

— Разве не довольно тебе того, что сейчас я ласкаю тебя?

И поцеловала его.

Валгард стал править Эльфхолмом. В начале зимы он часто воевал дружину свою в недолгие походы, захватывая все новые эльфийские твердыни и охотясь с собаками на прячущихся по лесам вражеских воинов. Почти все эльфийские усадьбы были пожжены, а там, где сталкивались тролли с упорным сопротивлением, обрушивал Валгард на врага мощную рать. Большая часть неприятельских воинов уничтожалась на месте, иные же были пленены и брошены в темницу или же обращены в рабство. Женщин он раздавал своим троллям. Себе он не взял ни одной, поскольку лишь Лиа была ему желанна.

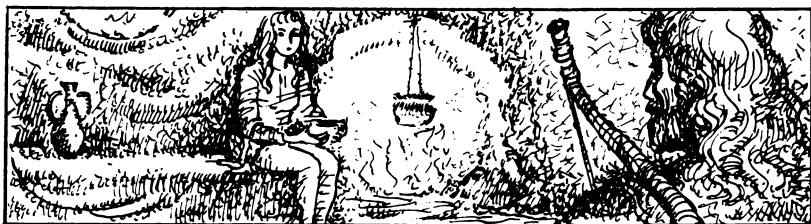
С юга приходили вести о новых успехах иллредовой рати. Все земли Дивного народа в Валланде и Фландрии были уже захвачены троллями. На севере же непокоренными остались одни лишь эльфы Скании. Однако земли их были взяты в кольцо тролльим войском, постепенно продвигавшимся вглубь их владений настолько быстро, насколько позволяли тамошние дремучие леса. Вскоре тролли намеревались вторгнуться в лежащие вдаль от морских берегов владения короля эльфов.

События эти не остались совершенно незамеченными людьми, которым случалось видеть то призрачные огни, то стремительно мчащиеся по земле тени скачущих во весь опор всадников. Иногда же ветер доносил до них бряцание бронзовых клинков. От разгула тех колдовских сил нарушился заведенный порядок жизни, случился падеж скота, погнило семенное зерно, а на многие семьи обрушились и всевозможные другие несчастья. Иногда охотникам случа-

лось набрести на взрытые конскими копытами, залитые кровью луговины, где вороны клевали тела каких-то странных, не похожих на людей мертвецов. Люди запирались в домах, клали под порог железо, зывали о помощи к богам, в каких кто верил.

Прошло время, и Валгард стал подолгу оставаться в Эльфхолме: все эльфийские замки и города, что сумели отыскать его воины, от Оркнеев до Корнуолла, были уже захвачены. Тех же из эльфов, что сумели бежать, переловить было совершенно невозможно: что-что, а прятаться они умели. Они нападали из засады на его воинов, небольшое число которых погибло в таких стычках, отравляли пищу и воду, подрезали жилы троллям коням, портили оружие и доспехи, насылая на них какую-то странную коррозию, быстро разъедавшую металл, и устраивали такие бураны, что захватчикам казалось, будто сама земля английская восстала против них, чужеземцев.

Тролли, вне всякого сомнения, совершенно овладели всеми землями Дивного народа в Англии, и с каждым днем власть их под теми землями усиливалась. Но никогда прежде не тяготила так Валгарда зима, никогда не ждал он весны с таким нетерпением, как в тот год.

ГЛАВА XVIII

Фрида со Скафлоком укрылись в пещере, расположенной на склоне приморского утеса, много севернее Эльфийских холмов. Подле утеса того начинался заснеженный лес, переходивший к югу в непролазную чащобу, к северу же редевший, уступая место безлесной, поросшей вереском пустоши и взгорью. Суров и неприветлив был тот край, не обитали там ни люди, ни Дивный народ, и оттого оказался он достаточно безопасным пристанищем для желающих продолжить борьбу изгнанников.

Магическое знание мало чем могло им помочь, ведь тролли издали чуют творимые кем бы то ни было чары, однако Скафлок охотился, обернувшись при помощи привезенных Фридой волшебных шкур волком, выдрой или орлом, а также превращал морскую воду в пиво. Зима выдалась необычайно суровой — такой в Англии не случалось чуть ли не со времен Великого оледенения, и вскоре стало ясно, что пережить ее будет нелегко. Большую часть дня Скафлок проводил в поисках дичи.

Пещера была сырая и холодная. В нее задували ледяные ветра, слышался неумолчный шум разбивающихся у подножия утеса морских волн. Однако, воротясь из первой своей многодневной охотничьей вылазки, Скафлок не узнал неприветного прежде обиталища этого.

Весело потрескивал огонь в сделанном из плоской базальтовой плиты очаге, над которым была устроена труба из ивовой лозы и свежесделанных кож, так что дым не скапливался в пещере, а свободно выходил наружу. Пол пещеры был устлан звериными шкурами. Немало их было развешано и на стенах, отчего утрюмое прежде жилище стало даже уютным. Вход в пещеру был также занавешен

шкурой, преграждавшей путь холодному ветру. В дальнем углу жевали сотворенное Скафлоком из морских водорослей сено стреноженные кони. Все оружие, кроме взятого им с собой на охоту, было начищено до блеска и поставлено в ряд, как в пиршественном зале, причем каждый клинок украшала веточка остролиста с красными зимними ягодами.

Фрида сидела у огня, поджаривая насаженный на вертел кусок мяса. Скафлок остановился на пороге. При виде Фриды сердце его затрепетало. На ней была лишь короткая туника, отнюдь не скрывавшая ни единую из пленительных выпуклостей ее длинноногой фигурки, а когда потянулась она, чтобы повернуть вертел, движение это было чем-то похоже на первый взмах крыл готовой взмыть в небеса птицы.

Фрида увидела Скафлока, и раскрасневшееся от жара очага, обрамленное спутанными огненными кудрями лицо ее осветилось радостью. Не проронив ни слова, она вскочила, резво, совсем как ребенок, и кинулась к нему в объятия. Долго стояли они, прильнув друг к другу.

— И как только ты сумела столько всего сделать, радость моя? — спросил он.

Фрида тихо рассмеялась.

— Я ведь не медведь и не мужчина, чтобы зимовать на охалке листьев, называя это своим домом. Некоторые из этих шкур и прочего у нас были, остальные я добыла сама. Я отличная хозяйка.

Она еще плотнее прижалась к Скафлоку, и он ощутил, что она дрожит всем телом.

— Тебя так долго не было, и дни мои были так пусты без тебя. Я не смогла бы спать по ночам, если бы за день не изнуряла себя совершенно работой.

Скафлок гладил ее по голове, а у самого дрожали руки.

— Здесь тебе не место. Тяжела и опасна жизнь изгнанников. Давай, я отвезу тебя к людям. Там дождешься ты нашей победы, а коли не приведется нам победить, так забудешь о нашем поражении.

— И не помышляй об этом! — Она притянула к себе его голову, так что губы их встретились, потом сказала полуплача, полусмешась: — Я же говорила уже, что никогда с тобой не расстанусь. Не думай, что тебе будет просто от меня отделаться.

— По правде сказать, не знаю, что бы я без тебя делал, — признался он, помолчав. — Без тебя все лишилось бы всякого смысла.

— Тогда не оставляй меня больше никогда.

— Мне нужно охотиться, любимая.

— Я буду ходить на охоту вместе с тобой. Кое-что в этом я смыслю. — Она кивнула на свежеснятые звериные шкуры и жарящееся над очагом мясо.

— Ты много кое в чем смыслишь, — рассмеялся он. — Потом добавил, внезапно посерьезнев: — Но охота-то будет не только на дичь, но и на троллей.

— Это дело тоже по мне, — промолвила она так же серьезно. — Разве мне не за что мстить троллям?

Охваченный гордостью, он расправил было плечи и откинул назад голову, но тут же снова был вынужден наклониться: стремительно, как падающий на добычу сокол, нашли его губы дорожку к ее устам.

— Быть посему! Славный витязь Орм гордился бы такой дочерью.

Она нежно коснулась пальцами его лица.

— А ты разве не знаешь, кто был твой отец?

— Не знаю. — Он вспомнил тюровы слова, и ему сделалось не по себе. — И не знал никогда.

— Не беда, — улыбнулась она. — Но, кто бы он ни был, твой отец тоже мог бы тобой гордиться. Думаю, Орм Сильный отдал бы все свои богатства, чтобы иметь такого сына как ты, хоть и Кетиль с Асмундом тоже не были слабаками какими-нибудь. А уж как рад был бы он, наверное, видеть тебя своим зятем!

Зима все больше вступала в свои права, и жизнь становилась все труднее. Часто приходилось голодать, студёный ветер порой проникал в пещеру, несмотря на то, что вход в нее был завешен шкурой, и даже постоянно поддерживаемый в очаге огонь не спасал уже от холода. Согреться Скафлогу с Фридой удавалось теперь лишь тогда, когда, тесно прижавшись друг к другу, закутывались они в медвежьи шкуры. Теперь они вместе совершали многодневные охотничьи вы-

лазки верхом на быстрых эльфийских конях, умевших скакать по снегу, не проваливаясь в него.

Время от времени попадались им пепелища эльфийских усадеб. При виде их Скафлок страшно бледнел и на многие часы замыкался в себе. Случалось им изредка встречать и уцелевших каким-то чудом эльфов, худых и оборванных, но Скафлок не стал собирать из них отряд: это только привлекло бы внимание неприятеля, а противостать ему сил все равно было бы недостаточно. От такого объединения могла быть польза лишь в том случае, если поступила бы помощь извне.

Охотясь на дичь, Скафлок ни на минуту не забывал и о другой, главной своей задаче. Завидя тролльи следы, они с Фридой прищипывали коней и устремлялись в погоню за врагом. Если отряд троллей оказывался велик, они выпускали по нему несколько стрел и скакали прочь, а иногда Скафлок следил за вражескими воинами, и когда устраивались они где-нибудь на обязательную свою дневку, проникал туда с ножом и резал их, сонных. Если же троллей было два-три, он нападал на них с мечом. Свист клинка его и пущенных Фридой стрел было последнее, что успевали услышать перед смертью эти горемыки.

Нередко Скафлоку с Фридой самим приходилось уходить от погони. Много раз, укрывшись в какой-нибудь неглубокой пещере или под валежником, видели они, как проносятся мимо вражеские конники, отделенные от затаившихся беглецов лишь тоненькой, проникаемой для пристального взгляда завесой, созданной при помощи рунных жезлов. Когда же скакали альфхеймские мстители прочь, обстреляв троллий отряд и убив двух-трех из великого множества воинов, вслед им летели стрелы, дротики, пущенные из пращи камни. Из своей пещеры видели они идущие мимо на веслах тролльи драккары.

Неприятельские корабли проходили так близко, что можно было сосчитать заклепки на развешанных вдоль борта щитах.

Да еще холод этот, от которого нигде не укрыться...

Но, как ни странно, именно в это безвременье узнали они друг друга по-настоящему, поняв, что взаимное плотское влечение совсем не главное в их любви. Скафлок часто думал о том, что без Фриды у него вряд ли достало бы душевных сил продолжить борьбу.

Стрелы ее сразили немало троллей, задуманные ею дерзкие планы нападения на врага из засады всегда приводили к успеху. Но еще важнее были ласки, которыми одаривала она его в редкие минуты покоя, а также ежечасно получаемая от нее помощь и поддержка. Только это и придавало ему мужества в борьбе с торжествующим уже победу врагом. Для Фриды же Скафлок был величайшим из людей, самым отважным, самым добрым ее защитником и товарищем по оружию, возлюбленным и названным братом.

Живя вынужденно без символов своей веры (Скафлок говорил, что они могут помешать ему творить чары), Фрида совсем почти не скучала по ним и оттого испытывала даже некоторое чувство вины. Однако, говорила она себе, было бы кощунством использовать священные символы эти для того, чтобы добиться успеха в войне, затеянной двумя племенами лишенных души существ. Лучше уж, безопаснее даже, молитв вовсе не произносить. Что до войны той, то раз победа в ней важна для Скафлока, то и для нее, Фриды, она тоже важна. Когда-нибудь, после победы, она уговорит Скафлока выслушать увещевания священника, и тогда Бог, конечно же, просветит его душу светом истинной веры.

Тяжела была жизнь в изгнании, но Фрида чувствовала, что постепенно начинает к ней приспосабливаться: чувства ее обострились, мышцы окрепли, она научилась и в самом отчаянном положении не терять бодрости духа. От холодных ветров кровь бежала по жилам так быстро, что в ушах звенело, от долгих ночей, приведенных под звездным небом, глаза ее сияли, как две звезды. Жизнь ее могла оборваться в любое мгновение, и Фрида научилась наслаждаться каждой прожитой минутой, впервые по-настоящему изведав всю полноту радости бытия.

Ей казалось удивительным, что даже голодные, насквозь промерзшие, измученные, изнурительным страхом, они со Скафлоком ни разу не сказали друг другу ни единого грубого слова. И мысли, и поступки их были почти совершенно одинаковы, примерно как у никогда не расстававшихся друг с другом близнецов. Были, конечно, между ними и различия, но и тут они дополняли друг друга, ни в чем не вступая в противоречие.

— Однажды я похвалился Имрику, что никогда не ведал страха, поражения и болезни, именуемой любовью, — сказал как-то Скаф-

лок. Голова его покоилась на коленях у Фриды, которая взяла на себя труд расчесать гребнем его совершенно спутавшиеся от ветра волосы. — А он ответил, что это-то и есть главное в человеческой жизни. Тогда я не понял его слов, теперь же вижу, как мудры они были.

— Ему-то откуда про это знать?

— Трудно сказать. Поражение эльфы испытывают нечасто, страх и того реже, любовь же никогда. А я, узнав тебя, изведаль уже и то, и другое, и третье. До нашей с тобой встречи я все больше становился похож на эльфа, ты же вернула мне исконное человеческое естество. Все, что было во мне эльфийского, постепенно исчезает.

— Зато я набралась от эльфов всякого. Все реже думаю я о том, правильно ли то, что я делаю, угодно ли Богу, и все чаще о том, полезно ли это, приятно ли. Коснею я во грехе...

Обняв ее за шею, Скафлок приблизил ее лицо к своему.

— Все, что ты делаешь, правильно, от начала и до конца. А вот рассуждения о долге, заповедях, грехе и прочем до добра не доведут.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, — начала она было, но Скафлок притянул губами к ее губам, заставив ее замолчать. Она попыталась вырваться, и дело закончилось «потасовкой» с громким смехом, понарошечным «тужением» друг друга и катанием по всему полу. К тому времени, как «поединок» тот закончился, Фрида совершенно забыла о тягостных своих предчувствиях.

Разорив эльфийские земли, тролли заперлись в своих твердых и выходили оттуда крайне редко, причем всегда многочисленными отрядами, нападать на которые было бы равносильно самоубийству. Скафлок, запасший к тому времени достаточно мороженой оленины, маялся теперь от бездействия, просиживая дни напролет в пещере. Он стал молчалив и мало уже напоминал прежнего весельчака и балагура.

Фриде хотелось подбодрить его, и она сказала:

— Теперь нам не грозит ежечасно опасность.

— Что в этом толка, если мы не можем биться с врагом? — возразил он. — Мы же ничего не делаем, а только ждем, когда насту-

пит конец всему. Альфхейм гибнет. Скоро все земли Дивного народа будут под властью троллей. А я сижу здесь!

На следующий день, выйдя из пещеры, увидел он кружащего в покрытом низкими тучами небе ворона. Волны с ревом разбивались о скалы у самых скафлоковых ног и откатывались назад, как бы готовясь к новому рывку, оставляя позади себя все растущую наледь от попавших на камни брызг.

— Что нового? — крикнул Скафлок на вороньем языке. Вопрос этот, как и воронов ответ на него звучал не вполне так, как здесь изложено, ведь язык птиц и зверей сильно отличается от человеческого, но общий смысл сказанного передан верно.

— Я лечу с юга, из-за пролива, позвать родичей на пир, — ответил ворон. — Валланд и Вендланд захвачены троллями, Скания тоже вот-вот падет, войска короля эльфов отступают перед троллей ратью, теснящей их к самому сердцу эльфийских земель. Пожива богатая, но нашему брату-ворону следует поспешить, ведь война та вряд ли долго продлится.

При этих словах его Скафлок пришел в неистовую ярость. Лук у него был при себе, и он, не раздумывая долго, застрелил ворона. Когда же тот упал мертвый к его ногам, гнев этот вдруг прошел, а в сердце осталась одна пустота, сменившаяся затем горечью и сожалением.

— Прости, брат! Убив тебя, сотворил я мерзость. Разве ты повинен хоть в чем-нибудь? Одну лишь пользу приносил ты, очищая мир от гниющих обломков прошлого. А я вот убил тебя, беззащитного, говорившего со мною как с другом. А врагам своим позволяю беззаботно наслаждаться жизнью.

Он повернулся и ушел обратно в пещеру. И вдруг заплакал. Рыдания безудержно рвались наружу, сотрясая все его существо. Фрида обняла его, стала тихонько, как ребенку, нашептывать какие-то слова утешения, а он все плакал, спрятав лицо у нее на груди.

Той ночью он долго лежал без сна.

— Альфхейм гибнет, — едва внятно проговорил он наконец сквозь стиснутые зубы. — И снег этот проклятый не успеет растаять, как от королевства эльфийского останутся одни лишь воспоминания. Мне не остается ничего другого, как сразиться в одиночку с

троллями и сложить голову в той неравной битве, убив перед смертью столько врагов, сколько смогу осилить.

— Не говори так, — промолвила Фрида. — Поступить так было бы предательством тех, кто в тебя верит. А ведь и я в их числе. Не теряй мужества. Живи, продолжай бороться.

— Бороться! Как можно бороться, когда к тому не осталось уже никаких средств? — с горечью в голосе сказал Скафлок. — Корабли эльфийские частью потоплены, частью рассеяны, воины же побиты, пленены или скрываются по лесам, как мы с тобой. В занесенных снегом твердых эльфийских воют волки. Торжествующий враг пирует в палатах блистательных некогда владельцев наших. Неоткуда ждать эльфам помощи. Как отразить им неприятеля, голодным, холодным, безоружным?

Фрида поцеловала его. И вдруг перед мысленным взором Скафлока возникло видение сверкающего подобно молнии, воздетого над окутанным тьмою миром меча.

Фрида почувствовала вдруг, что тело возлюбленного ее напряглось, как натянутая струна, потом по нему прошла дрожь.

— Меч. Подарок богов, — прошептал Скафлок.

Девушку охватил страх, безотчетный еще, но ужасный.

— О чем ты? Какой такой меч?

Подтянув повыше медвежьи шкуры, под которыми только и могли спастись они с Фридой, тесно прижавшись друг к другу, от всепроникающего холода, шепотом поведал ей Скафлок историю сломанного клинка, подаренного ему в младенчестве асами. Говорил он едва слышно, как будто боялся, что сама ночь может подслушать его речи. Рассказал он Фриде, как привез Скирнир меч в день наречения его, Скафлока, имени, как замуровал Имрик клинок тот в стену в подземелье возле эльфхолмских темниц, как сказал ему, Скафлоку, Тюр, что близится тот день, когда пригодится ему дар богов.

Когда же закончил он свой рассказ, то почувствовал, что Фрида вся дрожит. А ведь она была не из робкого десятка, даже вооруженных до зубов троллей не боялась. Потом проговорила она тихим, срывающимся голосом:

— Не нравится мне это, Скафлок. Не к добру это.

— Не к добру? — вскричал он. — Это же наша единственная

надежда! Один, которому дано провидеть будущее, должно быть, заранее знал о грозящей Альфхейму опасности и дал нам оружие, что поможет с ней справиться. Пусть враг думает, что мы безоружны. На деле все по-иному обернется.

— Нельзя даже прикасаться к языческим символам, особенно к подаркам языческих богов. От этого может случиться всякое зло. Молю тебя, любимый, забудь тот меч.

— У богов, и правда, свои собственные цели, но они наверняка не особенно противоречат нашим. По-моему, Дивная страна для асов и ётунов что-то вроде шахматной доски, на которой заставляли они какую-то сложную, недоступную нашему пониманию игру, а эльфы с троллями всего лишь пешки в той игре. Но ведь хороший игрок никогда попусту не пожертвует противнику и пешки.

— Но меч же спрятан в Эльфхолме.

— Я сумею как-нибудь пробраться туда. Кое-какие мысли на этот счет у меня уже есть.

— Но ведь меч сломан. Как же отыщешь ты, то есть мы отыщем, того великана, что якобы сможет заново выковать его? Да и как заставить его пойти против своих родичей-троллей?

— Должен быть какой-то способ сделать все это, — в скафловом голосе зазвенел металл. — Я уже даже придумал, как получить ответы на эти вопросы, хотя путь этот не безопасен. Может быть, из моей затеи и не выйдет ничего, но дар богов — наша последняя надежда.

— Дар богов! — пришла очередь заплакать Фриде. — Говорю тебе, ничего хорошего из этого не получится. Я сердцем чую — беда будет. Если ты отправишься на поиски меча, Скафлок, недолго придется нам быть вместе.

— Неужели ты бросишь меня из-за этого? — спросил он, потрясенный последними ее словами.

— Нет, конечно нет, любимый, — она прижалась к нему, ничего не видя от наполнивших глаза слез. — Это лишь смутное предчувствие. Но я знаю — так и будет.

Он обнял ее, стал страстно целовать. От ласк его у Фриды скоро закружилась голова, а скафлов радостный смех был настолько заразителен, что она скоро забыла свои дурные предчувствия, вернее, с

усилием прогнала их из души своей, подумав при этом, что такие малодушные мысли недостойны жены Скафлока.

Но все равно счастливые мгновения эти были омрачены для нее каким-то подспудным томлением, какого никогда прежде не доводилось ей испытать. В глубине души она знала, что немного таких вот радостных минут ждет их со Скафлоком в будущем.

ГЛАВА XIX

Следующей ночью, за несколько часов перед рассветом, они были уже в окрестностях Эльфхолма: Скафлок не мог ждать, ведь Альфхейм погибал у него на глазах. Всадники остановили быстрых, как ветер, эльфийских скакунов своих на некотором удалении от замка. Свет то и дело скрываемой мчащимися по небу облаками ущербной луны лился сквозь обледенелые ветви деревьев на лежащий вокруг стволов искрящийся снег. При дыхании в холодном тихом воздухе возникали облачка пара, стремительно уносившиеся ввысь, подобно расстающимся с телом душам умерших.

— Ближе к Эльфхолму ехать верхом опасно. — В совершенной тишине, царившей в заснеженном лесу, скафлоков шепот казался пугающе громок. — Дальше я пойду один, обернувшись волком. Надеюсь, поспею до рассвета.

— К чему такая спешка? — пальцы Фриды впились ему в руку, а когда Скафлок коснулся губами ее щеки, во рту у него остался солоноватый привкус слез. — Почему нельзя хотя бы дождаться дня? Разве не безопаснее пробираться, когда они спят?

— При свете дня нельзя принять при помощи шкур звериное обличие, — ответил он. — Внутри же замка что день, что ночь, все едино. Тролли там наверняка спят когда попало. Я же рассчитываю получить в Эльфхолме помощь от своих. Особенно надеюсь я на Лиа.

— Лиа... — Фрида прикусила губу. — Не нравится мне вся эта затея. Неужели у нас нет другого выхода?

— Пока что мне ничего другого придумать не удалось. Тебе, любимая, предстоит испытание куда тяжелее моего: тебе придется ждать здесь моего возвращения. — Он глядел в ее печальное лицо

так, как будто хотел запомнить каждую его черточку. — Не забудь, до рассвета надо сделать шатер из шкур, которые мы захватили с собой, чтобы укрыть коней от солнечного света. Чтобы унести меч, мне придется возвращаться в человеческом облики. Я смогу идти днем и до заката солнца буду в совершенной безопасности. Но человек идет куда медленнее зверя, поэтому я сумею добраться сюда лишь завтра вечером. Прошу тебя, не поддавайся безрассудству. Если где-нибудь поблизости объявятся тролли или если я не вернусь через три дня, уходи отсюда. Иди к людям, к свету.

— У меня достанет сил ждать, — проговорила она безо всякого выражения. — Но уйти, не узнав даже, жив ты или мертв! — К горлу ее подступил комок, но она справилась с собой и продолжала. — Этого я, наверное, не смогу.

Скафлок спешил. Под ногами у него хрустел снег. Он быстро разделся донага и, дрожа от холода, обвязал шкуру выдры вокруг пояса, а орлиную шкуру накинуд на плечи. Поверх всего этого он надел, подобно плащу, волчью шкуру.

Фрида тоже сошла с коня. Скафлок привлек ее к себе, и губы их слились в страстном поцелуе.

— До свидания, любимая! Надеюсь, вернусь я к тебе, добыв меч, — проговорил Скафлок и сразу же отвернулся, не в силах вынести вида ее слез.

Он плотнее запахнулся в волчью шкуру, опустил на четвереньки, проговорил надобные слова и ощутил, как меняется, обретая иную форму, его тело, как преобразовываются, затуманясь на мгновение, чувства. Фрида наблюдала за тем, как быстро и плавно меняются его очертания, и ей подумалось, что тело его, должно быть, стало тягучим, как мед. И вот уже вместо Скафлока перед нею стоял громадный, с горящими глазами волк.

Он ткнулся ей в ладонь холодным носом, она погладила его по жесткой, как щетина, шерсти. Потом он повернулся и размашистым махом пустился прочь.

Он бежал по глубокому снегу, петляя между деревьев и кустов, куда быстрее, чем если бы остался человеком. К тому же, обратясь волком, обрел он и звериную неутомимость в беге. Все движения его стали иными, чем прежде. Он ощущал, как топорщится от встречного стремления воздуха его шерсть. Зрение его как бы притупилось,

и все, что он видел, лишилось глубины и окрасилось однообразными серыми тонами. Зато его слуху внятен был теперь каждый шорох, и звенящая прежде тишина морозной ночи вдруг наполнилась множеством звуков. Ноздри его трепетали от бесчисленных, едва уловимых запахов. А для того, чтобы описать многие иные его ощущения, в человеческом языке просто не найдется слов.

Он очутился в каком-то совершенно ином мире, ведь теперь все воспринималось иначе, чем прежде. Происшедшая с ним перемена коснулась не только тела его, но и всей чувственной системы и даже образа мыслей. Работа разума его сосредоточилась на немногих несложных вопросах, мысли стали более четки, не так расплывчаты, как у человека. Приняв звериное обличие, он не мог охватить мыслью своей все то, что занимало его человеком; когда же снова обращался человеком, не мог вспомнить многих из ощущений и мыслей, посещавших его за время пребывания в зверином облике.

Скорей, скорей! Он мчался в ночи широким махом, оставляя позади мило за милей. Ночной лес жил своей, тайной, жизнью. Вот в ноздри Скафлогу ударил сильный запах зайца, и ему сразу стало ясно, что заяц этот притаился, не помня себя от страха, где-то совсем рядом. Волчья пасть тут же наполнилась слюной. Усилием воли Скафлок не дал зверю возобладать над человеком и, не позволив себе даже остановиться, устремился дальше. Мимо проносились деревья, холмы, спящие надо льдом реки. С того времени как отправился он в дорогу, луна успела уже пройти немалый путь по небосклону. А он бежал вперед и вперед своим неутомимым, размашистым волчьим махом.

Наконец вдаль показался темнеющий на фоне покрытого низкими тучами неба силуэт Эльфхолма. В горделивом облике замка Скафлогу почудилось в тот миг нечто зловещее. Эльфхолм, любимый с детства Эльфхолм не был уж больше его родным домом, где можно укрыться ото всех невзгод! Захваченный неприятелем, превратился он во вражескую твердыню.

Прижимаясь к земле, Скафлок пополз к замку. Вся работа острого звериного чутья его была направлена на одну цель: почуять издали приближение врага.

До него донесся острый, похожий на змеиный, запах троллей. Шерсть на загривке у него встала дыбом, клыки обнажились. К запа-

ху троллей примешивался и другой, еще более страшный, дух. Пахло страхом, болью и не находящей себе выхода, подспудно тлеющей ненавистью.

Своими близорукими волчьими глазами он не мог как следует разглядеть парапета стены, под которой притаился, однако, слышал у себя над головой шаги прохаживавшихся там тролльих стражей, чувствовал их запах. Тело его трепетало от почти непреодолимого желания вцепиться зубами врагу в глотку и рвать ее, рвать...

«Спокойно! — сказал он себе. — Стражники прошли мимо. Самое время сменить обличие».

Поскольку в тот момент он был уже под воздействием оборотнических чар, для нового превращения достаточно было одного лишь усилия воли. Снова все тело его свело судорогой, оно уменьшалось в размерах и преобразилось. Разум и чувства на миг затуманились. И вот уже расправил он широкие орлиные крылья и взмыл в вышину.

Зрение его обострилось до крайности, до недоступного даже воображению человеческого предела. Сладостное ощущение полета охватило все его существо, до самых кончиков перьев, и душа неудержно рвалась в бескрайний небесный простор. Но разум его не дал опьянению этому возобладать над тем, к чему звал его долг. Орел не сова, в темноте он видит всё же неважно, а для троллей предоставляет собой отличную мишень.

Перелетев через крепостную стену, он опустился подле увитого плющом донжона, в густой тени. И снова предстояло ему превращение. Оно отняло у Скафлока немало сил, и, обратясь выдрой, он был вынужден немного передохнуть, прежде чем пойти дальше.

В этом обличии обоняние у него было несколько хуже, чем у волка, но все же куда острее людского, зрение же было лучше, чем у человека, а слух примерно такой же. Тело его вдруг стало необычайно чутким. Каждое прикосновение шерстинок ли, усов ли, к посторонним предметам посылало в мозг сведения, для которых в человеческих наречиях и слова-то не найдешь. Собственная же резвость, упругость мышц и блеск здоровой, не знающей паразитов шерсти безмерно радовали тщеславное, жизнерадостное, дерзкое сердце крошечного зверька.

Он затаился, присматриваясь, прислушиваясь, принюхиваясь.

Вот часовые на стенах стали перекликаться между собой. Должно быть, кто-то из них заметил-таки залетевшего во двор замка орла. Лучше здесь не задерживаться.

Зверек побежал вдоль стены, стараясь держаться в тени. Выдра все же недостаточно мала для таких дел. Лучше бы ему было обернуться лаской или крысой. Легче было бы незамеченным проскользнуть во внутренние покои замка. Но выбора у него не было. Спасибо, Фрида привезла хоть эти-то три волшебных шкурки. Нежность к возлюбленной захлестнула все его существо. Но он не позволил себе даже остановиться, чтобы подумать о ней. Не сейчас, потом, позже.

Надобная дверь была открыта, и он проскользнул внутрь. Он уже пересек донжон. Это помещение находилось у противоположной по сравнению с главным входом стены. Скафлок знал переходы замка как свои пять пальцев. Топорща задорно торчащие во все стороны усы, он втянул носом воздух. В ноздри ему ударил сильнейший запах троллей, к которому примешивался, однако же, не менее острый запах сна. Тут ему повезло. Несколько троллей бесцельно шатались туда-сюда по палате, но мимо них совсем нетрудно будет проскользнуть незамеченным.

Он пробежал в пиршественный зал. Там повсюду валялись безобразно храпящие, в стельку пьяные тролли. Бесценные, по-прежнему висевшие на стенах гобелены были все изорваны, мебель исцарапана и залита вином, старинные золотые и серебряные панели с камнями исчезли: победители, видимо, присвоили их себе. — Уж лучше бы на нас напали гоблины, — подумал Скафлок. — Те хоть умеют себя вести. А эти грязные свиньи....

Он стал красться вверх по ступеням к бывшим имриковым покоем. Кто бы ни сменил Имрика на посту князя английских земель Дивного народа, он должен быть сейчас там, в этих покоях. И Лиа с ним.

Зверек прижался к стене. Остренькие зубки его обнажились, желтые глаза сверкали. Он почуял, что за поворотом стоит тролль. Новоявленный князь поставил у дверей своей опочивальни стража...

Подобно серой молнии бросился на тролля громадный волк. Стоявший на безопасном посту своем в полудреме вражеский воин

так и не понял, что случилось. Зверь вцепился зубами ему в горло, и он упал на пол, не успев даже вскрикнуть, а только звякнув кольчугой, судорожно и безуспешно пытаясь оторвать от горла своего неведомого врага. Конец ему пришел очень быстро.

Скафлок сидел на полу подле мертвого тела вражеского стражника: ему надо было перевести дыхание. Во рту у него было полно троллей крови. На вкус она была какая-то кисловатая. Без шума дело не обошлось-таки. Но тревогу, вроде, не бьют. Наверное, никто ничего не слышал. Велик Эльфхолм, длинны его переходы. Тело придется оставить здесь. А ведь его могут найти. Наверняка найдут. И обо всем догадаются. Надо, чтобы не догадались...

Обратясь человеком, Скафлок вытащил из ножен меч погибшего тролля и рубанул им мертвеца по разорванному горлу, так что следы волчьих клыков на нем стали совершенно не видны и можно было подумать, что воин тот был убит мечом. Может быть, товарищи его решат, что он был зарезан в пьяной драке? Вот бы они так подумали! Размышляя об этом невеселом предмете, Скафлок с отвращением отплевывался от троллей крови и вытирал замазанные ею же губы свои.

Снова обратясь выдрой, он устремился вверх по лестнице. Дверь в имриковы покои была закрыта, но Скафлок с детства знал тайный свист, открывавший тот замок. Стоило ему свистнуть, как дверь приотворилась, и он, толкнув ее носом, проскользнул внутрь.

На имриковом ложе спали двое. Один из них наверняка новый князь земель Дивного народа в Англии. Стоит ему проснуться, и для Скафлока будет все кончено. Припав к полу упругим выдровым брюшком, Скафлок пополз к ложу. Малейший раздававшийся при этом шорох казался ему ужасно громким.

Добравшись до ложа, он встал на задние лапки. В ореоле серебристо-золотых волос на одной из подушек покоилась божественной красоты головка Лиа. Подле нее раскинулся рыжеволосый мужчина, чья физиономия и во сне сохраняла угрюмое и неприятное выражение, однако, чертами своими была совершенно схожа с его, Скафлока, собственным лицом.

Гляди-ка кто у нас вышел в князи! Валгард Лиходей! Скафлок едва мог удержаться от того, чтобы обратиться волком и зубами разорвать глотку ненавистного врага. Неплохо было бы также обра-

титься орлом и выклевывать ему глаза. Да и выдрой мог бы он, Скафлок, от души покопаться в поганных валгардовых кишках.

Но то были звериные желания. Если им поддаться, может подняться шум, и тогда меч для него навсегда будет потерян.

Он ткнулся носом в бархатистую щеку Лиа. Длинные ресницы эльфийки затрепетали, глаза ее раскрылись, и по тому, как загорелись они вдруг, Скафлок понял, что Лиа его узнала.

Медленно-медленно, избегая резких движений, она поднялась и села на ложе. Валгард пошевелился, застонал во сне. Лиа замерла. Берсерк бормотал что-то. Скафлоку удалось разобрать некоторые слова:

— Усилок... топор... мама, мамочка!

Лиа спустила одну ногу на пол, и осторожно встала. Белоснежное тело ее просвечивало сквозь плащом окутавшие его роскошные волосы. Двигаясь беззвучно, как тень, выскользнула она из опочивальни, пересекла одну, другую, третью палату, бесшумно закрывая за собой каждую дверь. Зверек неотступно следовал за ней.

— Теперь мы можем поговорить, — прошептала эльфийка.

Скафлок обернулся человеком, и она, полуплеча-полусмеясь, бросилась к нему в объятия. Поцелуи же ее заставили его почувствовать, несмотря на всю свою преданность Фриде, какую роскошную женщину держит он сейчас в своих объятиях.

Заметив это, Лиа повлекла его к ложу.

— Скафлок, — шептала она, — милый...

Скафлок взял себя в руки.

— У меня нет времени, — довольно-таки грубо сказал он, — я пришел за сломанным мечом, подаренным мне в день наречения имени асами.

— Ты так измучился, бедный, — руки Лиа коснулись его исхудалого лица. — Ты мерз, голодал, рисковал жизнью. Отдохни немного. Я ублажаю тебя в своих объятиях. Тут есть потайной покой.

— Говорю тебе, мне надо торопиться, — прорычал он. — Фрида ждет меня. Мне пришлось ее оставить посреди тролльих владений. Веди меня скорее к тайнику, где спрятан меч.

— Фрида, — лицо Лиа чуть заметно побледнело. — Так значит, эта смертная все еще с тобой?

— Да. И немного найдется в нынешнее безвременье воителей, которые делают победы для Альфхейма больше, чем она.

— Я тоже немало потрудились, — заметила Лиа. В голосе ее обычная насмешливость причудливо сочеталась с грустью, какой прежде Скафлок у нее никогда не замечал. — Валгард уже убил из-за меня тролльского князя Грома. Он силен, но я приобретаю на него все большее влияние. — Она прильнула к Скафлоку. — Он лучше тролля, он почти такой же, как ты. И все же он не ты, Скафлок. Я так устала притворяться!

— Поспеши! — Он схватил ее за плечи и встряхнул. — Если меня схватят, Альфхейм может лишиться последней надежды на спасение. Каждая минута промедления смерти подобна.

Лиа ответила не сразу. С минуту она постояла молча, потом отстранилась от Скафлока и поглядела в окно. Луна к тому времени совсем уже скрылась за тучами, и окрестности замка окутала совершенная темнота, какая бывает лишь в предрассветные часы.

— Ты прав, — сказала она наконец. — Как не спешить тебе к той, которую любишь, к Фриде? — Она повернулась к Скафлоку. Лицо ее непонятно отчего лучилось весельем. — Хочешь знать, кто был твой отец? Сказать тебе, кто ты есть на самом деле?

Скафлок поспешно зажал ей рот ладонью: им вдруг снова овладели прежние страхи.

— Нет. Ты же знаешь, Тюр предостерегал меня от этого знания.

— А ты заставь меня замолчать. Поцелуем.

— Нельзя больше медлить... — Он сделал, как просила Лиа. — Ну что, идем мы или нет?

— Холоден твой поцелуй, — проговорила она с горечью. — Но чего же я ждала? Так всегда бывает, когда сердце молчит, а говорит одно лишь чувство долга. Ну что же, идем. Однако не можешь же ты идти вот так, нагой, безоружный. Поскольку в зверином обличии железный клинок ты унести не сумеешь, лучше тебе одеться. — Она открыла сундук. — Тут есть туники, штаны, башмаки, плащи, все, что душе угодно. Бери, что хочешь.

Скафлок с лихорадочной поспешностью оделся. Одежды были богатые, отороченные мехом. Они пришлись ему как раз впору: видеть, имриковы одеяния уже успели подогнать Валгарду по фигуре. На пояс себе он повесил заступ. Лиа накинула на голое тело алый плащ, и они, выйдя из палаты, двинулись вниз по винтовой лестнице, эльфийка впереди, Скафлок следом за ней. Казалось, конца не

будет этим ведущим вниз, в подземелье, ступеням. На холодной, сумрачной лестнице было тихо, но тишина эта была подобна натянутой до предела струне, которая вот-вот лопнет, не выдержав страшного напряжения. На одной из площадок стоял на часах тролль. Скафлок потянулся было к своему заступу, но стражник с поклоном пропустил его и Лиа, приняв альфхеймца за Валгарда. (За недели, проведенные в изгнании, Скафлок успел уже отрастить такую же, как у усилка густую, хоть и недлинную, бороду.)

Наконец, достигли они тускло освещенного немногочисленными факелами подземелья, отведенного под темницы. Звук скафловых шагов гулко отдавался под сводами полутемного коридора, Лиа же двигалась быстро и беззвучно. С тех самых пор как отправились они в путь, она не проронила ни единого слова.

Вот и помеченный рунами камень в стенной кладке. Лиа кивнула на видневшуюся подле него запертую дверь:

— В этом застенке Имрик держал прежде троллицу, что рожала ему усилков. Теперь его самого заточили туда. Подвесили за большие пальцы рук над неугасимым огнем. Валгард, как напьется, тешился тем, что бьет его кнутом до потери сознания.

Скафлок вцепился в рукоять меча так, что костяшки пальцев у него побелели. Но даже в этот момент в глубине души он спрашивал себя: «А разве не меньшим мукам подвергал сам Имрик ту несчастную троллицу и других таких же страдальцев? Не права ли Фрида, не прав ли Белый Христос, о котором она рассказывала, говоря, что зло порождает лишь новое зло, близя конец света — Рагнарок, что наступит время, когда на смену гордыне и мстительности придет любовь и умение прощать, которые не будут уже считаться признаком слюнтяйства, но получают всеобщее признание, как высшее проявление мужества?»

Но Имрик его, Скафлока, приемный отец, а Альфхейм его родина. И почему только нельзя узнать ему тайну своего рождения? Скафлок что было сил рубанул заступом по стене.

Где-то в верхних переходах замка послышались крики и топот ног.

— Они подняли тревогу, — прошептала Лиа.

— Наверное, нашли стражника, которого я порешил, — ответил Скафлок, с еще большим остервенением вонзая заступ в стену. Цемент вокруг надобного камня начал уже крошиться.

— А когда ты входил в замок, тебя никто не видел?

— Может, и видел кто. Я орлом залетел.

Заступ сломался. Скафлок выругался и стал долбить стену его острием, отбросив в сторону ненужную теперь рукоять.

— Валгард не дурак, — проговорила Лиа, — коли проведает об орле, сразу догадается, что стражник убит не случайно. Он прикажет обыскать весь замок. Нас могут найти. Поспеши!

Поднявшийся наверху шум заглушали толстенные перекрытия донжона, и доносившиеся до подземелья отголоски его были куда тише, чем скрежет скафлокова заступа о вековые камни стены, тише даже, чем стук падающей с потолка капли.

Вот Скафлоку удалось засунуть острие в образовавшуюся щель в кладке и, действуя им как рычагом, выломить из стены проклятый камень.

Дрожащими от волнения руками достал он из открывшейся в стене ниши вожденный меч.

К широкому разломленному пополам клинку пристали комья мокрой земли. Меч был обоюдоострый, громадный, тяжелый. Таким под силу биться лишь самым могучим из смертных воинов. Несмотря на то, что долгие годы пролежал он в сыром подземелье, сталь была не тронута ржавчиной, клинок даже сохранил свою какую-то совершенно невероятную остроту.

На золотой рукояти меча был выгравирован дракон, лежащий на груди соколовиц. На клинке имелась надпись рунами, прочесть которую Скафлоку не удалось. Он решил, что самые могучие из выбитых на мече заклинаний должны находиться на скрываемом рукоятью хвостовике клинка.

— Оружие богов, — проговорил он в восхищении. — Спасение Альфхейма.

— Спасение? — Лиа отшатнулась от него, подняв руки, как будто желая защититься от чего-то. — Не верю я, чтобы клинок этот мог послужить во благо. Стоило мне его увидеть, как в душу закрались сомнения.

— О чем ты?

— А ты сам разве не чувствуешь, что за сила, злая, алчная сила, заключена в этом исчерченном неведомыми рунами клинке? Дан он богами, но природа его отнюдь не божественна. Скафлок, на мече

этом лежит проклятие. Он создан, чтобы нести гибель всему вокруг. — По телу Лиа пришла дрожь. То не был озноб от царящего в подземелье холода. — По-моему, будет лучше, если ты опять замуруешь меч этот в стену.

— Это наша единственная надежда. Другой нет, — Скафлок завернул обломки меча в свой плащ и взял сверток подмышку. — Надо выбирать отсюда.

Лиа, понурясь, пошла к лестнице.

— Выбраться будет непросто, — сказала она, — вряд ли нам удастся проскользнуть незамеченными. Если нас остановят тролли, молчи, не говори ни слова. Позволь мне объясниться с ними.

— Нельзя. Если ты потом останешься, не бежишь со мной, знаешь, что за это с тобой могут сделать?

Она обернулась. Глаза ее светились радостью.

— Тебя заботит моя судьба? Значит, я дорога тебе?

— Конечно. Мне каждый альфхеймец дорог.

— А Фрида?

— Она мне дороже всего на свете, дороже богов, людей и Дивного народа вместе взятых. Я люблю ее.

Лиа отвернулась и стала смотреть себе под ноги, на ступени винтовой лестницы.

— Я сумею постоять за себя, — проговорила она как-то бесцветно. — Скажу Валпарду, что ты меня принудил. Или обманул.

Когда же вышли они из подземелья и попали на первый этаж донжона, там творилось нечто невообразимое: посланные на поиски неизвестного злоумышленника тролли первым делом подняли ужасный гвалт и устроили толчею.

— Стой! — заорал дюжий стражник, увидев Лиа со Скафлоком.

Лицо Лиа зарделось. Так краснеет, озарясь светом пожара, лед на озере морозной зимней ночью.

— Ужели посмеешь ты задержать князя, своего повелителя? — осведомилась она.

— Прости, государь, — затараторил тот воин, — просто я тебя только что видел, минуту назад, не больше.

Лиа со Скафлоком вышли на двор. Каждый нерв скафлокова тела, каждая его жилка, говорили, кричали, что надо бежать, бежать без оглядки. Вот сейчас раздастся крик: «Держи!». Бежать, бежать!

Все силы его уходили на то, чтобы продолжать идти неспешно, ничем не выдавая страшного напряжения, сведшего судорогой все его тело.

Во дворе троллей почти совсем не было: на востоке уже показались первые белесые проблески ненавистного им рассвета. К тому же, холод стоял страшный.

Подойдя к западным воротам, Лиа знаком приказала страже отворить их. Она взглянула в скафлоковы глаза. Взор у нее был отрешенный и как бы невидящий даже.

— Отсюда тебе придется добираться одному, — проговорила она. — Что ты собираешься делать?

— Мне надо разыскать великана Бёльверка и заставить его заново выковать этот меч.

— «Бёльверк» значит «злодей». Уже само имя его о многом говорит. Кажется, я начинаю догадываться, что это за меч, и почему ни один из гномьих мастеров не решится починить его. — Лиа покачала головой. — Знаю я, что означает это твое упрямое выражение: что все полчища Хеля не смогут заставить тебя отказаться от задуманного, что коли не утратишь ты воли к этой борьбе, остановит тебя одна лишь смерть. А что же станется во время великого похода этого с любезной твоему сердцу Фридой? — при этих словах губы эльфийки тронула насмешливая улыбка.

— Она отправится вместе со мной, хотя я, конечно, попытаюсь убедить ее укрыться где-нибудь в безопасном месте, — Скафлок улыбнулся, счастливый и гордый сознанием того, что на любовь его отвечают взаимностью. В неярких лучах восходящего уже зимнего солнца волосы его сверкали чеканным золотистым блеском. — Мы ведь неразлучны.

— Конечно, конечно. Но у кого собираешься ты узнать, как найти того великана?

Радостная улыбка сбежала со скафлокова лица.

— Я знаю, что этого лучше не делать, но выбора у меня особого нет. Видать, придется разбудить какого-нибудь мертвеца. Мертвым многое ведомо, Имрик же научил меня чарам, что заставляют их говорить.

— На такое идут разве от отчаяния. Не любят мертвые, чтобы нарушали их вековечный сон, страшную месть обрушивают они

на головы обидчиков. Ужели готов ты вызвать на себя мщение призрака?

— Придется попробовать. Думаю, у меня достанет магического знания, чтобы не дать разгневанному мертвецу свершить свою месть.

— А что если удар будет нанесен не прямо тебе? — Лиа помолчала немного, прежде чем продолжить лукавую свою речь. — Простенькая месть в любом случае была бы не так ужасна, и потому не так сладостна для мстителя, как та, что затронула бы... Фриду, например.

Увидев, как страшно побелело при этих ее словах скафлоково лицо, особенно губы, Лиа и сама вдруг побледнела.

— Неужели она так тебе дорога? — прошептала она.

— Дорога. Безмерно, бесконечно, — хрипло ответил он. — Ты права, Лиа. Нельзя мне пойти на это. Пусть лучше Альфхейм погибнет, чем... — он замолчал, не в силах произнести страшные слова эти.

— Погоди-ка! Я могу подсказать тебе выход из положения. Но прежде ты должен ответить мне на один вопрос.

— Скорее, Лиа! Время не ждет!

— Один только маленький вопрос. Если Фрида тебя оставит... (Нет-нет, не трудись убеждать меня, что этого никогда не случится.) Скажи просто, что ты будешь делать, если она тебя все же оставит?

— Не знаю, я и помыслить об этом не могу.

— А все же? Может, ты, выиграв войну, вернешься сюда, заживешь опять как эльф?

— Наверное. Не знаю. Скорее, Лиа!

Она улыбнулась своей кошачьей улыбкой, устремив на Скафлоса странный какой-то взгляд, мечтательный что ли.

— Я просто хотела сказать, что вместо того, чтобы поднимать из могилы первого попавшегося мертвеца, тебе следует обратиться к тем из мертвых, которые рады будут тебе помочь, поскольку ты явишься орудием их собственной мести. Валгард сгубил всю семью Фриды. К ее-то погибшим родичам тебе и следует обратиться.

С минуту Скафлок стоял молча, осмысливая сказанное ею. Потом он бросил на снег сверток с мечом, привлек к себе Лиа и горячо ее поцеловал. У нее от того поцелуя голова пошла кругом, он же

торопливо подхватил свою драгоценную ношу и ринулся сквозь отворенные ворота к лесу.

Лиа долго глядела ему вслед, невольно дотронувшись пальцами до трепещущих губ своих. Если догадка ее верна, и это тот самый меч, должно случиться то же, что в прошлый раз, в стародавние времена. Она рассмеялась.

Валгарду, конечно же, стало известно, что в замке видели его двойника. Возлюбленная его, жалкая, дрожащая, с каким-то затуманенным взором, поведала ему, что во сне на нее наслали чары и она сама не помнит, что делала. Однако на снегу виднелись следы. А тролли гончие умеют идти по следу.

На закате князь со многими воинами верхами отправились в погоню.

Фрида стояла в лесной чаще, глядя сквозь освещенные призрачным светом луны деревья в сторону далекого, не видимого за ними Эльфхолма.

Прошло уже больше суток с тех пор, как началось это ее томительное бдение на страшном морозе, и она промерзла до костей. Холод давно уже не был просто чувством, но стал частью самого ее существа. Поначалу она пыталась согреться в шатре, подле лошадей. Но эльфийские кони имели прохладную плоть. А дома лошади были теплые и пахли так чудесно. Как ни странно, именно воспоминания об ормовых конях заставили ее вновь ощутить всю меру своего одиночества. Казалось, она — единственное живое существо в безмолвном, запорошенном снегом, залитом лунным светом мире.

Плакать она не решалась. — Где ты, Скафлок? Жив ли ты еще?.

Поднялся ветер, и по небу понеслись густые темные тучи. Они были похожи на черных драконов, проглатывавших перепуганную луну, а потом, на какие-то мгновения, извергавших ее из своего чрева. Ветер, завывая, поднял поземку, кидая Фриде в замерзшее лицо целые пригоршни снега. В его пении девушке слышались слова: «Ату ее, ату!»

Потом в отдалении, как будто подхватив этот дикий напев, взревели тролли рога. Фрида застыла от ужаса, пронзившего ее

сердце подобно кинжалу. Тролли охотятся! А за кем, и гадать не надо...

Вскоре стал слышен и лай гончих. Он звучал все ближе и ближе. Свора здоровенных черных, с горящими, как уголья, красными глазами псов мчалась прямо к тому месту, где укрылась Фрида. Скафлок, милый! Едва сознавая, что делает, не слыша даже собственных рыданий, Фрида пошла, проваливаясь ногами в глубокий снег, навстречу вражеской охоте. Скафлок!

В наступившей кромешной темноте она наткнулась на ствол какого-то дерева. Она принялась остервенело бить его кулаками:

— Уйди с дороги, мерзость ты эдакая! Скафлоку нужна моя помощь!

Луна вновь выглянула из-за туч, и в ее свете Фрида увидела неподалеку незнакомого старика с седой бородой, в развевающемся на ветру плаще. Незнакомец был высоченного роста, а копье, что держал он в руке, ни одному смертному было бы не под силу поднять. Хотя широкополая шляпа отбрасывала на лицо старика густую тень, Фриде удалось-таки разглядеть, что он крив на один глаз.

Задышавшись, она отступила назад и собиралась уже воззвать к Силам небесным, как незнакомец обратился к ней вдруг густым басом, очень похожим на шум ветра, но более зычным, что ли:

— Я пришел с добром, а не со злом. Желает ли ты, чтобы возлюбленный твой вернулся к тебе живой и невредимый?

Фрида медленно опустилась на колени. На какое-то мгновение удалось ей увидеть сквозь пургу далекий холм, вверх по склону которого бежал из последних сил безоружный, измученный Скафлок, преследуемый по пятам сворой свирепых псов, чей лай и подвывания достигали, казалось, самых небес.

Видение исчезло. Девушка взглянула на возвышающегося над ней, коленопреклоненной, незнакомца.

— Ты Один, — прошептала она. — Нельзя мне иметь с тобой никаких дел.

— Однако я могу спасти твоего любимого. Только я один. Он ведь язычник, — пронзительный взгляд одинового единственного глаза имел какую-то невероятную притягательную силу, и Фрида не могла отвести от него глаз. — Готова ли ты заплатить мне за его спасение цену, какую я сам назначу?

— Чего ты хочешь?

— Решай скорее, собаки вот-вот растерзают Скафлока.

— Я отдам тебе все, что ни спросишь! Отдам!

Бог кивнул.

— Тогда поклянись своей душой и всем, что для тебя свято, что по первому моему требованию отдашь мне то, что у тебя сейчас за поясом.

— Клянусь! — крикнула Фрида, ничего не видя вокруг от переполнивших глаза слез. Один-то, оказывается, вовсе не так безжалостен, как говорят. Плата, что он просит, чисто символическая, как бы ни было ценно волшебное зелье, что дал ей Скафлок.

— Клянусь тебе в том, повелитель, коли не исполню я той клятвы, пусть буду я отринута и землей, и Небом.

— Вот и отлично, — проговорил Один. — Тролли идут теперь по ложному следу, Скафлок же здесь, рядом. Помни, хорошенько помни, женщина, о данном тобою слове.

Лик луны снова заслонила туча, и наступила совершенная темнота. Когда же окрестность вновь озарилась лунным светом, Одина нигде не было видно.

Но Фрида едва заметила его исчезновение: Скафлок был здесь, в ее объятиях, живой и невредимый. Возлюбленный же ее, хоть и дивился тому, что какая-то неведомая сила вырвала его чуть ли не из самых зубов тролльих псов и перенесла сюда, к любимой, но все же не настолько, чтобы остаться безучастным к поцелуям, которыми она его осыпала.

ГЛАВА XX

Всего два дня отдохнули они в своей пещере, и Скафлок снова засобирався в дорогу.

Фрида не плакала, но к горлу у нее подступил комок.

— Ты думаешь, что счастье наше только начинается, — сказала она как-то Скафлоку на второй день после их вылазки в Эльф-холм. — А я чувствую, что конец его совсем уже близок.

Он удивленно взглянул на нее.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Меч этот есть зло. То, что мы собираемся сделать, неправильно. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Скафлок положил руки ей на плечи.

— Я понимаю, тебе не хочется, чтобы родичам твоим пришлось пройти сей горестный путь. Мне и самому это не по нраву. Но кто еще из мертвых захочет помочь нам, не станет мстить за то, что мы нарушили их сон? Коли не вмоготу тебе смотреть на это, останься здесь, не ездь со мной.

— Нет, я буду с тобой и у отверстой могилы. Не боюсь я своих родичей. Они любили меня, а я их. Этого сама смерть не может изменить. Теперь и ты принят в круг той любви, — Фрида опустила глаза и закусилла нижнюю губу, чтобы не было видно, как она дрожит. — Кабы мысль эта пришла в голову тебе или мне, не мучили бы меня сейчас тягостные предчувствия. Но совет Лиа — не добрый совет.

— С чего бы Лиа желать нам зла?

Фрида не ответила, только покачала головой. Скафлок же задумчиво проговорил:

— Признаюсь, не нравится мне твоя встреча с Одином. Не в его

привычках спрашивать пустячную плату за свою помощь. Не могу понять, чего он добивается.

— А меч этот! Скафлок, если он будет выкован вновь, в этот мир придет страшная, смертоносная сила. Неисчислимые бедствия принесет она.

— Верно. Бедствия те падут на голову троллей. И поделом, — Скафлок выпрямился во весь свой богатырский рост, коснувшись головой закопченного потолка пещеры. Глаза его сверкали в сумраке подобно голубым молниям. — Избранный нами путь — единственно возможный, хоть и труден он, и тернист. От судьбы не уйдешь. Надо иметь мужество встретить ее лицом к лицу.

— Мы вместе, рука об руку, выступим ей навстречу, — Фрида склонила свою рыжеволосую головку ему на грудь, не сдерживая более слез. — Об одном прошу тебя, любимый...

— О чем?

— Не уезжай сегодня. Подожди еще день, всего один. Потом мы отправимся вместе, — лежавшие на плечах Скафлока руки ее как-то судорожно сжались, и тонкие девичьи пальцы больно впились в его плоть. — Один только день, Скафлок.

Он с неохотой кивнул.

— Только зачем ждать-то?

Она не ответила на его вопрос, и вскоре разговор этот как бы забылся, смытый бурным потоком их со Скафлоком взаимных ласк. Но у Фриды он никак не шел из головы. Даже в мгновения величайшей близости с возлюбленным, когда сердца их бились в унисон, она помнила об этом, и горьки были поцелуи, которыми одаривала она Скафлока. Что-то говорило ей, что это последняя их со Скафлоком ночь.

Встало солнце. Потом наступил бледный зимний полдень. Потом солнце скрылось за поднимающимися из моря зловещими тучами. Студеный ветер гнал к берегу громадные валы, с грохотом разбивавшиеся о прибрежные утесы. Вскоре после наступления темноты до пещеры донеслись звуки Дикой охоты: топот скачущих быстрее ветра коней, лай и завывания гончих псов. Было страшно. Даже Скафлоку.

Они с Фридой оседлали двух из имевшихся у них коней, а на других двух навьючили свое добро: возвращаться в пещеру они не собирались. Сломанный меч Скафлок привязал себе за спину, обернув его в волчью шкуру. На поясе у него висели ножны с эльфийским мечом, в левой руке он держал копье. И на нем, и на Фриде под меховой одеждой были надеты кольчуги и шлемы.

Когда они уже отъезжали, Фрида обернулась, с грустью глядя на покидаемую ими навсегда пещеру. Темно и неприветно было то пристанище, но ведь они со Скафлоком все равно узнали там такое счастье! С трудом оторвав взгляд от входа в пещеру, она стала глядеть прямо перед собой.

— Вперед! — скомандовал Скафлок, и оба всадника пустили стремительных эльфийских коней своих в карьер.

В лицо им хлестал, завывая, как волынка у негодного музыканта, холодный ветер. Вокруг летели, блестя в свете то и дело скрываемой тучами луны, мокрый снег и брызги морской воды. Громадные валы стремились от не видного за волнением горизонта к шхерам и прибрежным камням, о которые с ревом разбивались, рассыпая вокруг тучи брызг. Когда же откатывались волны те назад, то рокот колеблемых ими камней был подобен стонам какого-то громадного пробудившегося к жизни чудовища. Завывания несущего мокрый снег ветра и рев разбивающихся о скалы волн сливались той бурной ночью в единый неумолчный шум, достигавший, казалось, самых небес, скрытых от глаз стремительно несущимися неведомо куда рваными тучами.

Луна всходила все выше по небосклону, как бы боясь отстать от бешено мчащихся вдоль скалистого взморья всадников.

Скорее, скорее, кони, скачите вдоль моря на юг, дробя подковами своими лед и высекая из камней искры. Пусть ветер свистит у вас в ушах, пусть обжигает легкие студеным воздухом. Скачите сквозь пелену мокрого снега, сквозь тьму, сквозь захваченные врагом земли. Мчите седоков своих на юг, на встречу со спящим под курганом своим мертвецом.

Проезжая мимо эльфхолмской гавани, слышали они рев троллего рога. Разглядеть очертания замка было невозможно, не смотря даже на тайное зрение, зато всадники расслышали позади себя конский топ. Он, однако же, звучал все тише: тролли кони

совсем не так быстры, как эльфийские, да и не могла погоня та последовать за Скафлоком и Фридой туда, куда они скакали.

Скачите, кони, быстрее ветра, через лес, где буря завывает среди безлистных обледенелых ветвей, норовящих вцепиться в путника как живые, мимо замерзшего болота, через холм, в долину и дальше, по голым зимним нивам.

Фрида вдруг поняла, что местность эта ей знакома. Мокрый снег еще валил вовсю, но тучи стали редеть, и ущербная луна то и дело проглядывала сквозь них, изливая холодный свет свой на поля и огороженные выгулы. Да, она бывала здесь раньше. Вот тут, у речки, подле небольшой усадьбы, они с Кетилем когда-то охотились. А тут они с Асмундом рыбачили в жаркий летний день. А вон на той лужайке Астерд плела для них для всех венки из ромашек. Как же давно это было!

Покатившиеся из глаз слезы замерзли у нее на щеках. Она почувствовала, что Скафлок коснулся ее руки, и улыбнулась ему. Сердце ее рвалось на части от нахлынувших вдруг воспоминаний, но любимый был с нею, а вместе им все под силу одолеть.

Они натянули поводья. Медленно, рука об руку подъехали они на запаленных, взмыленных конях своих к тому месту, где стояла прежде ормова усадьба. Пепелище то давно уж замело снегом, лишь кое-где из сугробов торчали обгорелые бревна. На самом же берегу гавани высился курган.

На кургане горел огонь. Яркое голубовато-белое пламя с ревом вздымалось, казалось, к самым небесам, не неся, однако же, ни тепла, ни радости. Фрида с содроганием перекрестилась. Так в прежние времена горели после захода солнца огни на могилах языческих героев. Может быть, пламя это зажглось в преддверии безбожного дела, которое она собирается сотворить? Земля, в которой лежит Орм, наверняка не освящена. Но, в каких краях мира мертвых ни блуждает он теперь, он все равно ее отец. Этого ничто не может изменить.

Не могла она бояться Орма, который малышкой «катал» ее на своем колене, распевая всякие веселые песенки зычным своим мореходским голосом, так что стены палаты дрожали. И все равно Фрида никак не могла унять охватившую ее дрожь.

Скафлок спешил. Его вдруг прошиб холодный пот: ни разу

еще не приходилось ему применять чары, которыми он собирался воспользоваться.

Он шагнул было вперед, но остановился, по-звериному ощерясь и инстинктивно хватаясь за рукоять меча. В свете луны и полыхающего на вершине кургана огня углядел он на могильном холме том какую-то темную неподвижную фигуру, вроде, сидящую.

— Мама! — тоненьким, совсем детским, голоском крикнула Фрида.

Скафлок взял ее за руку, и они вместе взошли на вершину кургана.

Увидев лицо сидевшей там, на обращая внимания на полыхающий рядом огонь, женщины, Скафлок поразился ее сходству с Фридой. Те же прелестные черты, те же широко поставленные серые глаза, те же бронзовые, огненного оттенка волосы... Но нет, та женщина была много старше Фриды, все существо ее выражало какую-то опустошенность, щеки впали, глаза с отсутствующим выражением глядели на море, неприбранные волосы развевались на ветру, к тому же, она была страшно худа. Надеты на ней были какие-то лохмотья, а поверх них — теплая меховая накидка.

Когда Скафлок с Фридой вступили на освещенную огнем часть склона, женщина медленно повернулась к ним. Взгляд ее был устремлен на Скафлока.

— Добро пожаловать, Валгард, — проговорила она бесцветным каким-то голосом. — Я здесь, вот она я. Ты не можешь больше причинить мне зла. Ты можешь только подарить мне смерть, а это — самое заветное мое желание.

— Мама, — Фрида опустилась перед нею на колени.

Эльфрида устремила на нее долгий взгляд, потом сказала:

— Не понимаю. Вроде, это малышка Фрида. Но ты ведь тоже покойница, девочка моя! Валгард увез тебя с собой. Ты не можешь быть жива.

Она покачала головой и улыбнулась, простирая к Фриде руки.

— Как хорошо, что ты пришла ко мне, оставив тихую свою могилку. Приди, приди в мои объятия, доченька, я спою тебе колыбельную, как в старое время, и ты уснешь, забыв все свои горести.

— Я жива, мама. И ты жива, — Фриду душили слезы, и она вдруг закашлялась. — Да ты дотронься до меня. Чувствуешь, я

теплая, я живая. Это не Валгард вовсе, а Скафлок. Он спас меня от Валгарда. Скафлок стал моим господином, тебе же он теперь сын.

Опираясь на руку дочери, Эльфрида с трудом поднялась на ноги.

— Я ждала, — промолвила она, — я все ждала здесь, а все реши-ли, что я сошла с ума. Соседи приносят мне еду и все другое, что нужно, но как принесут, сразу же бегут прочь. Страшится они безумицы, что не желает расстаться с теми, кого любит, хоть и умерли они. — Она тихонько засмеялась. — Что же в этом безумного? Безумцы те, кто покидает любимых своих.

Она снова обратила взгляд свой на Скафлока и стала пристально рассматривать его лицо.

— Ты похож на Валгарда. Ростом ты с Орма, чертами же пошел частью в него, частью в меня. Но глаза у тебя не валгардовы, ласковые. — Она снова рассмеялась, и в смехе том звучала какая-то удивительная нежность. — Пусть их говорит, что я сумасшедшая. Я ждала, просто ждала, больше ничего. И вот из мрака и смерти вернулись ко мне двое моих детей!

— Ничего, потом, утром, мы сможем все как следует ей объяснить, — проговорил Скафлок, когда они с Фридой помогали Эльфриде сойти с кургана.

— Мама жива, — прошептала девушка. — Я думала, она погибла, а она жива. Всю зиму просидела она одна-одинешенька на кургане этом, и не было рядом ни одной родной души. Что я натворила!

Она заплакала, Эльфрида же стала ее утешать.

Скафлок не решился медлить долее с исполнением задуманного. Он воткнул в землю на каждом из углов кургана по рунному жезлу, надел себе на большой палец левой руки бронзовый перстень с кремнем и встал, воздев руки к небу, с западной стороны могильного холма. На востоке шумело море. Мчащиеся по небу рваные тучи то и дело скрывали лик луны. Все падал и падал с небес мокрый снег, тяжелый, но все равно сносимый далеко в сторону буйным ветром.

Скафлок стал говорить надобные заклинания. Все тело у него сразу же будто судорогой свело, в горле пересохло. Существо его было потрясено до основания могучей силой того заклинания. Но он все равно сотворил поднятыми руками надобные знамения.

Еще выше взметнулось к небесам призрачное пламя. Раненой рысью стenal ветер. Тучи совершенно скрыли лик луны. Скафлок же возгласил:

*Встаньте, проснитесь, павшие витязи,
Я заклинаю вас песнью магической
И тайным заклатьем, которому внемлют
И те, что легли уж в могильную землю.*

Из могилы послышался стон. Все ярче разгорался на вершине ее огонь. Скафлок же продолжал:

*Те чары сильнее, чем самая смерть,
Волю мою не дано вам презреть.
Спешите ж исполнить мое повеленье!
На землю Мидгарда вернитесь из Хеля!*

Курган вдруг раскрылся. Из разлома взметнулись громадные языки пламени, и в огне том показался Орм с сыновьями. Старый ярл возгласил:

*Кто посмел курган раскрыть
Чарами всесильными?
Кто посмел нас пробудить
Ото сна могильного?
Прочь беги, негодный:
Страшен мертвых гнев.
Предоставь покоиться
Мертвецам во тьме!*

Орм стоял, опираясь на копьё, весь облепленный землей, покрытый инеем, безжизненно-бледный. Он, не мигая, глядел прямо перед собой, хотя вокруг него и бушевало невиданной яркости пламя. По правую руку от него недвижно стоял Кетиль, тоже бледный и окоченелый, с зияющей на голове страшной раной, а по левую — окутанный сумраком Асмунд, закрывавший руками рану от пробившего его грудь копья. За ними Скафлок смутно разглядел установ-

ленный в домовине корабль, на котором чувствовалось какое-то движение, будто пробуждались ото сна гребцы.

Не дав исходящему из могилы ужасу возобладать над собой, он промолвил:

*Не боюсь твоих угроз.
Пришел я за советом.
Я задам тебе вопросы,
Ты ж мне дай ответы.
И не вздумай мне перечить,
Даже и не мысли.
Не то, поселятся навечно
В твоих ребрах крысы.*

И снова донесся, как будто из какого-то далекого далека, голос Орма:

*А ты знаешь ли, волшебник,
Как глубок у мертвых сон,
Как ужасно пробуждение,
Как их гнев тогда силен?
В том неистовстве безумном
Месть они свою вершат
Тем, кто их от сна пробудит,
И любого сокрушат.*

Фрида выступила вперед.

— Отец! — крикнула она. — Ужели не признал ты свою дочку?

Орм обратил на нее горящий взор, и гнев в его глазах сразу же погас. Он склонил голову, но остался стоять на прежнем месте. Вокруг него, как и раньше, бушевало пламя. Тогда заговорил Кетиль:

*Рады, рады мы, сестренка,
Рады свидеться с тобою.
Ты всегда смеялась звонко
И носилась стрекосою.
Золотым своим сердечком*

*Ты согрела души нам
А ведь тяжко в хладе вечном
Быть, не ведая тепла.*

Эльфрида медленно подошла к Орму. Взоры их встретились в свете беснующегося холодного пламени. Она взяла его руки в свои. Они были холодны, как земля, из которой он вышел. Орм проговорил:

*Ты не думай, мертвых сон
Сновидений не лишен.
Знаю я, что ежечасно
Льёшь ты слезы обо мне.
И от этого вдвойне
Я в разлуке той несчастлив.
Верь мне, ни один палач
В этой, новой мне, юдоли
Не сумел бы столько боли
Причинить мне, как твой плач.
Кабы ты могла, утешась,
Злую скорбь свою избыть,
Сердце радости открыть,
Так и я б был счастлив, грешный.
Доля мертвых хороша,
Коли не болит душа.*

— На это мне не достанет сил, Орм, — проговорила она и коснулась его лица. — На волосах твоих иней, а во рту плесень. От тебя веет таким холодом!

— Я мертв. Между нами могила.

— Так пусть же ничто нас больше не разделяет. Возьми меня с собой, Орм.

Орм наклонился и поцеловал ее в губы.

Скафлок же обратился к Кетилу:

*Поведай, павший витязь, мне,
Где нынче Бёльверк грозный?
В каких краях, в какой стране*

*Он держит свою кузню?
Как мне добраться до него,
Короткий путь иль длинный?
И как добиться мне того,
Чтоб Бёльверк выковал мне вновь
Разбитый меч старинный?*

Кетиль ответил:

*Хочу тебя предупредить:
Безумна та затея.
Нельзя о помощи просить
Бёльверка-лиходея.
Опомнись же, оставь скорей
Свой замысел ужасный.
Не может он нести успех,
Надежды те напрасны.
Когда ж ты пренебречь решишь
Советом сим разумным,
Большое зло ты сотворишь,
Сам будешь им погублен.
Еще скажу: коль ты своею
Жизнью дорожишь,
Минуты не промедли здесь,
Скорее прочь спеши.*

Скафлок покачал головой. Тогда Кетиль промолвил, опершись на свой меч:

*Обитает Бёльверк злой
В пещере темной под горой.
В Ётунхейме, близ Утгарда,
Что у света на краю,
Держит кузню он свою.
Челн же, чтоб туда доплыть,
У сидов надо попросить,
Они тебя уважат*

*И в просьбе не откажут.
Чтоб Бёльверк выполнил заказ
И долго не раздумывал,
Скажи, что в том мече нужда
Есть Локи хитроумному.
А коли спросит Бёльверк,
Зачем ему клинок,
Скажи, что к битве новой
Готовится тот бог.*

Тут скорбным голосом заговорил Асмунд, чье лицо по-прежнему скрывал сумрак:

*Сестра и брат, горька судьба,
Что Норны вам готовят.
Я знаю, что мои слова
В вас отзовутся болью.
Когда б не знали тайных чар
Чтоб мертвых разбудить,
Вы век не ведали бы тайны
Ужасной, может быть.*

Фриду охватил ужас. Она прижалась к Скафлоку, и они стояли теперь рука об руку перед грустнoглазым Асмундом, который продолжал свою речь среди полыхающих в ночи белых языков пламени.

*Я принужден вам все сказать,
Поскольку и в могиле
Повиноваться должен я
Могучей высшей силе.
Знай, Скафлок, та, что любишь ты, —
Сестра твоя родная.
Кровосмещение ты свершил,
О том и сам не зная.
Мне самому ты тоже
Есть брат единокровный*

*Поверь, к тебе я полон
Лишь братскою любовью.
Любовь же ваша с Фридой
Увы, обречена,
Хоть в том и не повинны
Ни ты и ни она.*

Курган закрылся с ужасным каким-то звуком, похожим на стон. Пламя погасло, и окрестность была озарена теперь одним лишь бледным светом луны.

Фрида отпрянула от Скафлока, как будто он вдруг обернулся троллем. Он пошел к ней, то и дело оступаясь, как слепой. Рыдания душили Фриду. Она повернулась и побежала прочь от Скафлока, повторяя чуть слышно:

— Мама, мамочка!

Но залитый лунным светом курган был пустынен. Никому из смертных не суждено было вновь увидеть Эльфриду.

Над морем разливался рассвет. Низкие тяжелые тучи неподвижно висели над заснеженной землей, как будто примерзнув к небосклону. В воздухе кружились редкие снежинки.

Фрида сидела на кургане, глядя прямо перед собой. Плакать она отчего-то не могла.

Укрыв коней в лесу, воротился Скафлок. Он опустился на курган подле Фриды и проговорил голосом таким же бесцветным, как нарождающийся рассвет:

— Я люблю тебя.

Она не ответила. Тогда он сказал:

— Я не могу тебя не любить. Что с того, что мы по случайности оказались одной с тобой крови? Это ничего не значит. Во многих землях, заметь землях людей, а не Дивного народа, такие браки — обычное дело. Идем со мной, Фрида, забудь про заповедь эту проклятую...

— Это Божья заповедь, — проговорила она таким же лишенным всякого выражения голосом. — Не могу я сознательно нарушить ее. И так уж довольно согрешила.

— Я не стал бы слушать бога, что хочет разлучить людей, которые так много значат друг для друга, как мы с тобой. Пусть

только посмеет приблизиться ко мне. Я ему покажу, где раки зимуют.

— Язычник несчастный! — вскинулась она. — Воспитанный бездушными эльфами, ты готов ради них даже мертвых поднять из могилы, обречь на новые мучения! — Лицо ее тронул легкий румянец. — Ступай к своим эльфам! Ступай к Лиа!

Она встала, и он следом за ней. Он попробовал было взять ее руки в свои, но она вырвалась. Широкие плечи Скаффлока поникли.

— Ужели нет никакой надежды? — проговорил он.

— Нет, — ответила Фрида, отводя взор. — Пойду, попрошусь к соседям. Может быть, удастся мне искупить свой грех. — Она вдруг повернулась к Скаффлоку. — Идем со мной, Скафлок. Оставь свое язычество, прими крещение, примиришься с Богом!

Он покачал головой.

— С каким угодно богом помирюсь, только не с этим.

— Но... я люблю тебя, Скафлок. Я так хочу, чтобы твоя душа попала на небеса!

— Коли любишь, — проговорил он глухим голосом, — останься со мной. Я и не притронусь к тебе. Разве что... как брат. Останься со мной.

— Не могу, — сказала она. — Прощай.

И побежала прочь.

Он побежал вслед за нею. Под ногами у них хрустел снег. Когда же, обогнав ее, заступил ей Скафлок дорогу, так что пришлось Фриде остановиться, увидела она на лице его такую муку, как будто подвергли его самой страшной из пыток.

— Неужели ты даже не поцелуешь меня на прощанье, Фрида? — спросил он.

— Нет, — она отвела глаза и проговорила чуть слышно, так что он едва мог разобрать ее слова, — я не смею.

И снова побежала прочь.

Скафлок долго глядел ей вслед. Огненного оттенка кудри ее были единственным ярким пятном в серо-белом мире. Потом она скрылась из виду за купой деревьев, и он побрел в другую сторону, прочь от пепелища ормовой усадьбы.

ГЛАВА XXI

В последовавшие за тем несколько дней стало ясно, что долгой, суровой зиме приходит конец. Стоя вечером, на закате, на вершине холма, Гулбан Глас Мак Грики почувствовал в дуновении южного ветра первое, совсем робкое еще, дыхание весны.

Он поглядел на белеющий в наступивших уже сумерках снег, по-прежнему лежавший на отлого спускающемся к берегу моря склоне. На западе пламенел янтарного оттенка закат, с востока же надвигалась темнота; там загорались уже первые звезды. Там же, на востоке, углядел Гулбан идущую к берегу рыбацью лодку, обычное сработанное смертными суденышко, купленное или украденное у какого-то англа. На руле стоял смертный. Облик его, однако же, отличался какой-то странностью, а немало пострадавшие за время морского путешествия одежды были эльфийского покроя.

Когда мореход тот, достигнув берега, выпрыгнул на взморье из утлого своего челна, Гулбан узнал его. Хотя ирландские сиды и держались особняком от прочих племен Дивного народа, в прежние годы они торговали с Альфхеймом, и Гулбан вспомнил теперь, что с Имриком приезжал как-то веселый молодой парень по имени Скафлок. Правда, с тех пор имриков приемный сын сильно изменился: он стал уж больно как-то поджар и мрачен. Да, с ним произошла прямо-таки разительная перемена. Вряд ли тут дело только в бедствиях, выпавших на долю Альфхейма.

Скафлок зашагал вверх по склону холма к стоящему на его вершине воителю, чей темный силуэт четко вырисовывался на фоне неба, окрасившегося в закатной час этот во множество самых разных тонов, от алого до зеленовато-синего. Приблизясь, он увидел, что это Гулбан Глас, один из пятирех стражей Ольстера, и попривет-

ствовал его. В ответ на то утрюмое приветствие эринец* кивнул ему своею головой в золотом шлеме. Длинные, черные как смоль волосы его при этом движением свесились вперед, коснувшись щек прославленного витязя. Гулбан невольно отступил на шаг назад, почувствовав злую силу, дремлющего в каком-то неведомом предмете, который был у Скафлока в заплечном мешке из волчьей шкуры.

— Мне велено было ждать тебя, — проговорил он.

На усталом лице Скафлока отразилось удивление:

— Неужели сиды настолько всеведущи? — спросил он.

— Нет, — ответил Гулбан. — Но им дано провидеть события большой важности. А нынче важна лишь война эльфов с троллями. Поэтому мы ждем, что явится эльф с какой-то необычной вестью. Думаю, это ты и есть.

— Эльф, значит! — Скафлок сплюнул. Лицо его имело чрезвычайно жесткое выражение, глаза были красны. Удивительна для альфхеймца была и его небрежность в одежде, несмотря даже на то, что времена настали не из веселых.

— Пойдем, — сказал Гулбан. — Лут Длиннорукий, видать, придает этому делу большое значение: он созвал всех сыновей богини Дану на совет в Круаханской пещере. Приглашены и вожди других сидских племен. Но ты, наверное, устал и проголодался с дороги. Милости прошу ко мне. Будь моим гостем.

— Нет, — ответил Скафлок с прямолинейностью, также весьма странной у воспитанника эльфов. — Дело мое неотложно. Отдых же и пища нынче интересуют меня лишь настолько, насколько они необходимы для поддержания сил. Проводи меня прямо на совет.

Пожав плечами, сид отвернулся прочь от него. Испуганный птицей взметнулся синий, как ночь, эринский плащ. Гулбан свистнул, и на тот зов тут же примчались два красивых, быстроногих сидских скакуна. Храпя, кони те попятились прочь от Скафлока.

— Не нравится им твоя ноша, — заметил Гулбан.

— Мне тоже, — коротко бросил Скафлок. Ухватившись за шелковистую гриву одного из коней, он прыгнул в седло. — Скорее, время не ждет.

Оба всадника пустили своих коней карьером, и те помчали их

* Житель Эрина. Эрин — древнее название Ирландии.

стремительно, почти как эльфийские скакуны, по горам, по долам, по полям и лесам, через скованные льдом озера и реки. В этой бешеной скачке удалось Скафлоку увидеть краем глаза и других эринских сидов: всадника в сверкающей кольчуге, с внушающим ужас, излучающим неземное сияние копьем; стоящего подле своей норы одетого в плащ кособокого лепрекона с человеческим телом и странной, совершенно почти птичьей головой, на которой вместо волос красовались серые перья; мелькание каких-то теней. Из священных рощ доносилось пение волюнок. В морозном воздухе над покрытыми настом снегами стоял негустой, блестящий какой-то туман. Наступала ночь. Заблистали уже звезды, яркие, как фридины глаза. Нет, так нельзя. Скафлок прогнал от себя эти мысли.

Вскоре всадники достигли Круаханской пещеры. Четверо стражей поприветствовали их, коснувшись чела своего мечами. Они же приняли поводья и увели прочь играющих коней, а Гулбан провел Скафлока внутрь пещеры. Обширная, с бугристыми сводами пещера была залита зеленовато-голубым светом. Сверкали свисающие с потолка сталактиты, свет множества тонких восковых свечей отражался от развешанных по стенам щитов. Хоть очага нигде не было видно, в пещере было тепло, и в воздухе стоял чуть заметный, типично ирландский запах дыма от горящего торфа. Пол был устлан тростником, и в полной тишине, царившей в зале, Скафлок хорошо слышал шуршание сухих тростинки у себя под ногами, когда шел к столу совета.

Наименее почетные места на нижнем конце стола занимали одетые без особого изыска, в звериные шкуры и узорчье из природного золота, представители низкорослого, но наделенного громадной силой народа Лупра: король лепреконов Удан Мак Аудайн и избранный народом наследник его Бег Мак Бег, могучий Гломхар О'Гломрах, вожди Конан Мак Рихид, Герку Мак Грайд, Метер Мак Минтан и Эсирт Мак Бег. С ними любой смертный смог бы говорить без ужаса и благоговения.

Но вот во главе стола разместились вожди племен богини Дану, явившиеся на тот совет в Круаханскую пещеру из золотого Тир-нан-Ога. В горделивом молчании восседали они за столом, блистая божественной красотой в великолепных одеяниях своих. Исходившее же от них ощущение могущества было таково, что

казалось, будто им пронизан даже самый воздух в зале совета. Прежде чем Патрик принес на землю Эрина веру в Белого Христа, были Дети матери-земли Дану богами в тех местах. И теперь, хоть и страшен был для них крест, сохранили они громадное могущество, и жизнь их отличалась тем же великолепием, что в прежние времена.

Лут Длиннорукий восседал на установленном во главе стола троне. По правую руку от него сидел воитель Агнус Ог, по левую — властелин морей Мананнан Мак Лир. Среди присутствующих на совете Сыновей богини Дану были Эохаид Мак Элатан, именуемый также Дагда Мор, Дав Берг по прозвищу Яростный, Кас Коррах, Колл Солнце, Кехт Плут, Мак Грейна Орех и множество других прославленных вождей. Вместе с властителями теми прибыли их жены и дети, арфисты и дружинники.

Великолепие высокого собрания этого было таково, что всякий увидевший его невольно ощутил бы благоговейный трепет.

Скафлок, однако, не почувствовал ничего подобного. Ни величие, ни чудеса, ни опасность не способны были уж произвести на него никакого впечатления. Он подошел к столу совета с высоко поднятой головой (при этом со стороны казалось, будто шею у него свело судорогой и он при всем желании не может ее согнуть), а произнося положенное приветствие, взглянул прямо в сверкающие черные очи короля сидов.

Не меняя сурового выражения лица своего, Лут отвечал привычным голосом:

— Привет тебе, Скафлок Альфхеймец! Будь нашим гостем. Раздели трапезу с вождями сидов.

И указал на свободное кресло, оставленное, кстати, на весьма почетном месте, совсем рядом с его, Луга, собственным тронном. Когда Скафлок туда уселся, между ним и властелином сидов оказались всего двое участников пиршества. Мананнан и его жена Фанд. Виночерпии тут же подали пирующим золотые чаши с вином, полились нежные звуки арф.

Вино то оказалось крепко и сладко на вкус. Отведав его, Скафлок сразу же почувствовал, что по жилам его разлилось, прогоняя прочь усталость, благотворное тепло. Но уныние его от того лишь еще больше усилилось.

— Как дела в Альфхейме? — спросил его светловолосый воитель Агнус Ог.

— Ты же знаешь, что плохо, — рывкнул Скафлок. — Эльфы сражаются в одиночку, ниоткуда не получив помощи, и гибнут под ударами могучего врага, как погибнут в будущем, не сумев объединиться, и прочие народы Дивной страны, а земли их будут захвачены Тролльхеймом.

— Дети Дану не боятся троллей, — жестко проговорил Луг. — Нечего опасаться нам, усмирившим фоморов, нам, которых сами победители наши, сыновья Миля, стали почитать как божества. Рады были бы мы помочь Альфхейму в войне этой...

— Да уж! — вскричал Дав Берг, грохнув по столу здоровенным своим кулачищем. Огненная шевелюра его пламенела подобно зажженному факелу даже в зеленоватом сумраке пещеры, от возгласа же его под высокими сводами заметалось испуганное эхо. — Такой славной драки уже больше ста лет не было. Зачем нам оставаться в стороне? Ужели не нужна нам ратная слава?

— Ты отлично знаешь, зачем, — промолвил Эохаид Мак Элатан, отец звезд. На плаще его цвета синих сумерек, а также на волосах и в глубине глаз мерцали крошечные искорки. Когда же, заговорив, развел он руками, множество таких огоньков заплясали вокруг него прямо в воздухе. — То, что происходит нынче в Дивной стране, не простая война, а игра, затеянная издавна соперничающими между собой Северными богами и ётунами из Земли Вечных Льдов. И трудно сказать, которая из тех сил более опасна. Вступив в битву, мы рисковали бы утратить свою свободу и стать пешками в этой игре.

Скафлок вцепился в подлокотники кресла так, что костяшки пальцев у него побелели. Когда же заговорил он, голос его заметно дрожал:

— Я пришел не затем, чтобы просить у вас помощи в войне, хоть и нуждается в помощи Альфхейм. Я желаю одолжить у вас на время корабль.

— Можно полюбопытствовать зачем? — промолвил Колл. Светел был его лик, на сверкающей же кольчуге и выкованной в виде солнца лучистой пряжке, что скрепляла на груди его плащ, улавливалось как бы колыхание языков пламени.

Вкратце рассказав о полученном им в младенчестве даре асов, Скафлок так закончил свою речь:

— Мне удалось похитить меч из Эльфхолма и узнать при помощи чар, что у сидов могу получить я челн, что доставит меня в Ётунхейм. Потому и явился я сюда, — он понурил голову. — Да, нынче пришел я к вам как проситель. Но увидите, после победы над неприятелем воздадут вам эльфы за ту помощь сторицей.

— Хотелось бы увидеть клинок этот, — сказал Мананнан Мак Лир. Богатырского роста и стати воитель тот был необычайно подвижен. Светлые волосы и белая кожа его имели чуть зеленоватый оттенок, а спокойные глаза казались попеременно то зелеными, то серыми, то синими. Одет он был с подобающим божеству великолепием и имел на поясе кинжал, чья золотая с серебром рукоять и ножны были сплошь усыпаны драгоценными камнями. Однако, роскошные те одежды в значительной степени скрывал накиннутый поверх них кожаный мореходский плащ, вещь незатейливая и к тому же явно не новая.

Скафлок развернул сломанный меч. Сиды, которые, надо сказать, не страшатся прикосновения железа, как, впрочем, и дневного света, столпились вокруг, чтобы поглядеть на него, но тут же отпрянули прочь, почувствовав исходящую от клинка злую силу. В толпе послышался ропот.

Вскинув увенчанную сверкающей короной голову, Лут устремил на Скафлога пронзительный взор.

— Зло избрал ты себе в попутчики, — промолвил он наконец. — В мече этом заключен спящий демон.

— Чего же ты ждал? — пожав плечами, ответил Скафлок. — Он ведь несет победу.

— Верно, но вместе несет он и смерть. Коли станешь ты рубить с врагом мечом этим, обречен будешь на верную гибель.

— Что с того? — Скафлок снова принялся завертывать меч в шкуру. Два куска клинка звякнули, ударяясь один о другой, и звук этот показался всем присутствующим как-то пугающе громок и зловещ в совершенной тишине, воцарившейся в тот момент в зале.

— Я прошу одолжить мне челн, — проговорил Скафлок. — Именем дружбы, связывающей сидов и эльфов, именем воинской чести вашей и прославленного милосердия Сынов матери-земли

Дану заклинаю вас не отказать мне в этой просьбе. Так каков же будет ваш ответ?

Снова наступило молчание. Наконец Лут промолвил:

— Трудно отказать тебе...

— Да к чему отказывать-то? — вскричал Дав Берг. Высоко подкинув сверкающий нож свой, он тут же ловко его поймал. — И вообще, почему не двинуть сидские рати на варваров-тролльхеймцев? Представляете, в какое убожество превратится Дивная страна, коли эльфы будут окончательно сокрушены?

— И к тому же, тролли потом нападут на нас, — добавил Конан.

— Успокойтесь! — властным голосом воскликнул Лут. — Прежде чем приступить нам всем королевством к решительным действиям, необходимо все хорошенько обдумать. — Поднявшись с трона, повелитель сидов выпрямился во весь свой громадный рост. — Ты наш гость, Скафлок Альфхеймец. Сегодня пировал ты в кругу сидских владетелей, за нашим столом. Помним мы и то, как радушно принимали нас в былые времена в Альфхейме. Конечно, не можем отказать мы тебе в такой малости, как корабль. К тому же, мыслится мне, что сыновья богини Дану вольны поступать, как сочтут нужным, не спрашивая на то соизволения у асов ли, у ётунов ли.

Тут же послышались крики, засверкали выхваченные из ножен клинки, послышался гром ударов мечей о щиты, барды заиграли на своих арфах воинственные песни. Оставшийся спокойным и посреди всеобщего воодушевления Мананнан Мак Лир сказал Скафлоку:

— Я дам тебе челн. Размерами он невелик, с обычную лодку, но это лучшее судно из всех, что у меня есть. А поскольку корабль тот весьма сложен в управлении, а путешествие обещает быть занятым, я сам отправлюсь с тобой.

Скафлок был тому весьма рад. Большая команда была ему не нужна, она могла бы лишь навредить, привлекая излишнее внимание. Да и можно ли желать в плавании лучшего товарища, чем сам Властелин морей?

— Я мог бы просто поблагодарить тебя, — сказал он Мананнану. — Но, думаю, тут более уместна будет клятва побратимства. Завтра...

— Ишь ты какой скорый! — с улыбкой промолвил Мананнан, глядя на Скафлока своими покойными, сонливыми даже, очами с

куда большей приязнью, чем сам желал показать. — Отдохни немного, попируем. Вижу я, тебе нужно развеяться. К тому же, нельзя без хорошей подготовки отправляться в Землю великанов.

Возразить Скафлоку было нечего, но в душе он был просто в отчаянии от предстоящей задержки. Не развестся он, пируя с сидами. От вина их воспоминания еще сильнее бередают душу...

Он вдруг почувствовал, что руки его кто-то легонько коснулся. Он обернулся и увидел, что это Фанд, жена Мананнана.

Статны и прекрасны лицом были женщины Племен богини Дану, ведь имели они божественное естество. Никакими словами невозможно описать их прелесть. Но даже и среди них выделялась Фанд красою своей.

Шелковистые волосы ее, золотистые, как солнечный свет летним вечером, ниспадали с увенчанной диадемой головки до самого пола. Блестящее платье имело радужный отлив, округлые белые руки выше локтя были унизаны золотыми, с камнями обручьями. И все же красота божественной Фанд затмевала сиянием своим блеск дорогого узорчья.

Мудрыми, фиалкового оттенка глазами заглянула она в самую душу Скафлока. Тихий голос ее ласкал слух подобно музыке.

— Ужели ты и в одиночку отважился бы отправиться в Ётунхейм?

— Конечно, — ответил Скафлок.

— Никто из смертных не возвращался еще оттуда живым, кроме Тьяльви и Рёсквы, чьим спутником в том походе был сам Тор. Ты или очень смел, или очень безрассуден.

— Какая разница, в Ётунхейме ли умереть или еще где?

— А коли суждено тебе вернуться оттуда живым... — Фанд казалась более огорченной, нежели испуганной. — Тогда принесешь ты назад этот меч проклятый, и пойдет гулять по свету страшная злая сила, которая, как тебе ведомо, в конце концов обернется против тебя самого.

Скафлок кивнул с безразличным выражением.

— Похоже, смерть не только не страшна тебе, но и желанна, — проговорила Фанд. — Странно видеть это в таком молодом еще человеке.

— Смерть — единственный по-настоящему надежный

друг, — ответил Скафлок. — Кто-то, а она-то всегда будет рядом со мной.

— Думаю, ты обречен, Скафлок Альфхеймец. И это наполняет сердце мое скорбью. — Глаза ее на миг затуманились. — Коли остался бы ты жить, мог бы славой своей сравняться с самим Кухулином. Горько мне видеть, что веселый мальчик-сорванец, которого я знала, превратился в замкнувшегося в себе утрюмца. Какой-то червь точит твою душу, и боль та толкает тебя искать смерти.

Скафлок не ответил. Сложив руки на груди, он глядел куда-то вдаль, мимо прелестной своей собеседницы.

— Но ведь скорбь не вечна, — продолжала Фанд. — Ты сможешь ее пережить. Я же постараюсь чарами своими уберечь тебя от опасности.

— Просто замечательно! — прорычал он, не в силах больше сдерживаться. — Ты будешь волхованием спасать мое тело, а она молитвами душу!

Он повернулся к столу, где ждала его чаша вина.

— Печально будет твое плавание, Мананнан, — сказала Фанд мужу.

Властелин морей пожал плечами.

— Пусть его хандрит, сколько душе угодно. Меня поход этот все равно развлечет.

ГЛАВА XXII

Через три дня Скафлок наблюдал, стоя на берегу моря, за тем, как прислужник-лепрекон на веслах выводит избранный Мананнаном для плавания челн из грота, где стоял он на приколе. Судно было невелико, и изящный, серебристого цвета корпус его казался слишком хрупким для плавания в открытом море. Мачта корабля того была инкрустирована слоновой костью, парус же заткан цветными шелками. Такие же разноцветные шелковые нити были вплетены и в такелажные веревки. Нос челна украшала изящная, золотого цвета фигура танцующей Фанд.

Сама Фанд тоже была на берегу. Она пришла проводить мореходов. Прочие мананнановы родичи простились с отплывающими ранее, и тем серым туманным утром никто из них на берег не явился. Ложившаяся на роскошные косы богини мельчайшая изморось сверкала подобно каплям росы. Когда же говорила Фанд прощальные слова мужу своему, как-то по-особенному ярко лучились фиалковые очи ее, даже самый оттенок их как будто стал еще глубже, чем обычно.

— Да сопутствует тебе в плавании удача, — сказала она Мананнану. — Да будет скорым твое возвращение на зеленые холмы Эрина и золотые улицы Земли Юности. Пока не воротишься ты домой, взор мой ежедневно будет обращен в морскую даль, а слух еженощно станет искать в рокоте волн вести о моем Мананнани.

Скафлок стоял поодаль от божественной четы, думая о том, как Фрида провожала бы его в плавание. Как-то сама собой сложилась виса:

*Горько в море выходить,
Не обняв любимой,
Горько одиноким быть*

*В страшную годину.
Не дожидаться мне теперь
Фриды ласк прощальных.
Мой удел — лишь боль потерь
В памяти печальной.*

— Пора отплывать, — проговорил Мананнан. Они со Скафлом взошли с небольшого причала на борт челна и подняли сверкающий парус. Скафлок встал на руль, Властелин же морей запел, аккомпанируя себе на арфе:

*Южный ветер, где ты спишь,
В небесах ли, в море ли?
Поднимись и поспеши
Парус мой наполнить.
На север отправляясь,
Что темен и суров,
Тебя я выбираю
Из всех ветров.*

Не успел он еще закончить той песни, как поднялся сильный ветер, и челн устремился вперед, в открытое море, туда, где гуляли холодные, зеленоватого цвета валы, то и дело обрушивавшие на палубу тучи брызг. Корабль Мананнана был так же быстроходен, как эльфийские, и вскоре эринский берег остался далеко позади, совершенно неразличимый на фоне висящих над горизонтом серых туч.

— Думаю для того, чтобы отыскать Ётунхейм, недостаточно просто идти на север, — проговорил Скафлок.

— Верно, ответил Мананнан. — Для этого понадобятся еще кое-какие чары. Не говоря уж об отваге в сердце и надежных клинках в ножнах.

Он взглянул вперед, в морскую даль. Ветер трепал его волосы. Выражение же лица его в тот миг трудно было определить каким-то одним словом. Было оно величаво, весело, внимательно и вместе как-то холодно.

— Земель людей коснулось первое дыхание весны, — сказал

он. — Зима нынче выдалась на редкость суровая, такой многие столетия уже не случалось. Думаю, это дело рук ётунов. А мы вот плывем в самое их логово. — Он обернулся к Скафлоку. — Давно пора было уже мне сплавать на край света. Или я не Властелин Океана? Думаю, однако, не опоздал ли я с этой затеей. Надо было отправляться туда, когда сыны Дану были еще богами и не утратили прежнего могущества, — он покачал головой. — Даже асам, которые и по сей день боги, не всегда удавалось вернуться невредимыми из тех весьма немногих поездок в Ётунхейм, что они предпринимали. Что до нас с тобой, не знаю. Не знаю... — Внезапно приободрившись, он решительным голосом сказал: — Но я волен плыть, куда пожелаю! Во всех девяти мирах* не должно остаться вод, которые не бороздили бы челны Мананнана Мак Лиры.

Погруженный в свои горестные думы, Скафлок ничего ему не ответил. Челн слушался руля, как конь узды. Он был как живой. Ветер пел в снастях, вокруг золотой фигурки Фанд искрились всеми цветами радуги взметаемые носом корабля брызги. Было еще холодно, но из морской дали поднялось уже, разогнав туман и рассыпав по волнам мириады бликов, ослепительно яркое солнце. С шумом вздымались освещенные им валы под голубым, со стремительно летящими по нему белыми облаками небом. Чуть дрожал под скафлоковой рукой руль. Скафлок не мог не заметить отрадной свежести, которой было наполнено то утро. Он тихо проговорил:

*Ясен и приветен
День выдался на диво.
Под лучезарным небом
Ветра поют красиво.
Играют волны резвые,
Стремясь из дали в даль.
Я бы забыл, наверное,
Что в жизни есть печаль,
Коль ты была б со мною*

* Девять миров — по древнескандинавской мифологии, миров было девять: Асгард (мир асов), Ванахейм (мир ванов), Альфхейм (мир альвов), Мидгард (мир людей), Ётунхейм (мир ётунов), Муспелльсхейм (мир огня), Свартальхейм (мир темных духов), Нифльхейм (мир карликов), Хель (мир смерти).

*На челноке на этом,
Даря меня любовью,
Радостью и светом.*

Мананнан устремил на него внимательный взор.

— Поход этот потребует от нас всех сил, — проговорил он наконец. — О том, что осталось на берегу, придется на время забыть.

Скафлоково лицо зарделось от гнева.

— Кто боится смерти, тот мне не попутчик, — выпалил он.

— Тот, кто не боится смерти лишь оттого, что не хочет жить — отнюдь не самый опасный противник для неприятеля, — сказал Мананнан. И тут же запел старинную боевую песнь сидов. Дивно звучал напев тот в морском просторе, сливаясь с песнью ветра. Перед мысленным взором Скафлока возникло удивительно яркое видение: направляющиеся на поле брани рати воинов в сверкающих на солнце украшенных плюмажами шлемах, целый лес копий, вьющиеся по ветру знамена, поющие рога, грохочущие по дороге колесницы с торчащими из колес серповидными лезвиями.

Три дня и три ночи неуклонно, с прежней быстротой шли мореходы на север. Ветер все время держался попутный, и челн мчался по волнам со стремительностью летящего по небу стрижа. Мореходы стояли на руле по очереди: тот, кто был свободен от вахты, отдыхал в спальном мешке под небольшой передней палубой лады. Из провизии у них имелись с собой сухари, вяленая рыба и сыр, воды же пресной не было, так что приходилось чарами опреснять соленую. Говорили они мало, поскольку Скафлок был совсем не в настроении болтать о том о сем, Мананнан же, подобно всем бессмертным, находил удовольствие в том, чтобы предаваться каким-то своим мыслям. Но взаимное уважение и приязнь их росли с каждым днем, ведь им приходилось делить пополам все тяготы плавания и труды мореходские. Вместе пели они и магические песни, позволявшие челну их преодолеть заградительные чары и приблизиться к побережью Ётунхейма.

Челн же мчался вперед и вперед. Они приближались к самому центру зимы, и холод усиливался буквально с каждым часом.

Солнце опускалось все ниже и ниже, пока не превратилось просто в висящий на унылом горизонте бледный диск, чей лик то и

дело скрывали стремительно мчащиеся мимо черные тучи. Холод становился совершенно невыносим. Через одежду и плоть принимал он, казалось, в самую душу мореходов. Снасти сплошь покрылись сосульками от попадающих на них брызг, золотая фигура Фанд вся побелела от инея. Коснуться голой рукой чего-либо металлического значило бы лишиться кожи на пальцах, при дыхании на усах намерзал лед.

День все сокращался, пока не попали они в места, где царила вечная ночь. Теперь постоянно плыли они по черному, испещренному тусклыми бликами морю, среди кажущихся призрачными в лунном свете громад айсбергов. На совершенно черных небесах горели с каким-то даже ожесточением несчетные, немыслимо яркие звезды, меж которых то и дело полыхало северное сияние, вызвавшее в памяти Скафлока огонь, виденный на могильном кургане. Совершенная тишина, царившая в безжизненном краю том, нарушалась лишь шумом ветра да рокотом волн.

Нельзя сказать, чтобы Мананнан со Скафлоком «прибыли» в Ётунхейм, как прибывают мореходы в те или иные мидгардские земли. Просто они забрались на север куда дальше, чем сумели бы, идя на корабле, сработанном смертными, и отказались в водах, которые по мере их продвижения становились все холоднее, безжизненнее и темнее. Наконец солнце совсем скрылось, и путь их освещали лишь звезды, луна да пляшущее в небесах северное сияние. Скафлоку казалось, что места те не могут быть на земле, что находятся они на самом краю Вселенной, где созданное во дни Творения вновь обращается в первозданный хаос, из которого вышло. Мыслилось ему также, что плывет он прочь от Мира живых по Морю смерти.

Начиная с четвертого дня плавания солнца они не видели, и вскоре совершенно потеряли счет времени. Луна и звезды перемещались по небосклону, но как-то странно. В движении их, вроде бы, не было никакой закономерности. Время остановилось. Остались лишь ветра, волны да все усиливающийся холод. Мананнаны чары действовали уже не так хорошо, как прежде, ведь Властелин морей покинул подвластные ему пределы. Поднялся встречный ветер, да такой сильный, что немногие суда смогли бы идти против него. Правда, тут мананнанов челн не подвел мореходов. Почти ни-

чего нельзя было разглядеть из-за летящего прямо в лицо снега и ледяных брызг. От ураганных ветров то и дело начиналась сильнейшая качка, корабль захлестывало ледяной водой, парус угрожающе хлопал, с рулем почти невозможно было справиться. Из темноты совсем рядом с челном появлялись вдруг громадного размера айсберги, с которыми едва удавалось избежать столкновения.

Ужасны были также туманы. В наступившем вдруг безветрии они накрывали все вокруг густой сероватой сырой пеленой, от которой все на челне покрывалось изморосью. Мореходы при этом и собственную руку не могли разглядеть, одежда же их насквозь пропитывалась противной холодной влагой, которая проникала каким-то образом даже в сапоги, так что вскоре Скафлок с Мананнаном начинал бить такой озноб, что у них долго зуб на зуб не попадал. В такие часы челн стоял неподвижно, чуть раскачиваясь на невидимой глазу зыби, и единственными звуками, которые при этом слышались, был плеск той зыби об обшивку, да звон падающих с обледенелых снастей капель: влага от тумана оседала и там. Ругаясь и дрожа от холода, Скафлок с Мананнаном, которым приходилось пробираться по кораблю наощупь, пытались чарами развеять проклятый туман и поднять ветер, но это почти не помогало. Мореходам казалось уже, что в сплошной пелене за бортом движутся, жадно поглядывая на них, Могучие.

После такого штиля налетел шторм, причем часто ураганный ветер бывал не попутным, а встречным, и тогда у Мананнана со Скафлом не было уж времени предаваться горестным размышлениям о вмешательстве темных сил: надо было бороться со стихией. Мачта страшно трещала, обледенелые шкоты в кровь рвали руки, волны перехлестывали через борт. Взметнувшись на мгновение к самым небесам, челн тут же со страшной скоростью устремлялся вниз, как будто вознамерясь достичь преисподней.

Скафлок сказал вису:

*Вот буря налетела.
Бежит за валом вал.
То в самый Хель, то в небо
Корабль кидает шквал.
Холодная и темная*

*Волна кипит вокруг.
Ни руль, ни снасти более
Не слушаются рук.
Швыряет буйный ветер
В лицо нам мокрый снег.
И кажется, что это
Не кончится вовек.
Усталый же, продрогший,
Голодный мореход
День, когда вышел в море он,
Беспомощно клянет.*

Однако, и исполняя это свое творение, не переставал он трудиться. Мананнан улыбнулся: ему подумалось, что раз Скафлок от жалоб перешел к брюзжанию, это добрый знак.

Наконец показалась земля. В свете немигающих звезд и искрящегося в небесах северного сияния увидели мореходы вдаль утрюмые горы и зеленоватое сверкание ледников. Прибойная волна с ревом разбивалась о крутые прибрежные утесы, за которыми простиралась скалистая, покрытая вечными снегами и ледниками суша.

Мананнан кивнул.

— Это Ётунхейм, — проговорил он. Скафлок едва мог расслышать его слова за ревом волн и завыванием ветра. — Утгард же, подле которого, по твоим словам, живет Бёльверк, должен быть к востоку отсюда.

— Тебе виднее, — ответил Скафлок. Он давно уже потерял ориентацию. К тому же, эльфам о тех краях мало что было известно, до них доходили только какие-то совершенно жуткие слухи.

Усталости он давно уже не чувствовал, а шел себе вперед, как корабль с закрепленным рулем, поскольку ничего другого делать не оставалось, и никого на свете не волновало, потонет он или останется на плаву.

Однако, когда взглянул он на внушающее ужас побережье Земли великанов, ему пришло в голову, что Фрида, должно быть, мучится теперь не меньше него. Даже, наверное, еще больше: ему-то помогают забыться труды и опасности похода, к тому же, он знает, что любимая его сейчас в безопасности. Фриде же ведомо лишь, что он

отправился в Ётунхейм, и вряд ли ее что-то отвлекает теперь от мыслей об опасностях, которые его подстерегают.

— Как же я раньше об этом не подумал? — прошептал он, поражаясь собственной черствости. И вдруг почувствовал, что из глаз его катятся, застывая на щеках, слезы. Он сказал вису:

*Пусть одиночество в пути,
Мученья ежечасные,
Пусть злая пустота в груди,
Вовек мне девы не забыть,
Что мне дарила счастье.
Готов себя я презирать,
За то, что в злой разлуке
Так долго упивался я
Лишь собственной мукой.
Себя жалел и утешал,
Нисколько не тревожась
Тем, что несчастлива сейчас,
Та, что мне всех дороже.*

Скафлок снова погрузился в какие-то свои мысли. Мананнан тоже молчал, узнав на опыте, что после таких приступов лучше не пытаться привести Скафлога в чувство, сам постепенно отойдет. Гонимый порывистым ветром, корабль шел на восток.

Скалистое заснеженное побережье казалось совершенно безжизненным, лишь рокотали, разбиваясь об утесы, волны, мела поземка да сверкало в небесах северное сияние. Мананнан, однако же, чувствовал, что поблизости скрываются какие-то неведомые существа. В тех местах властвовали силы, враждебные асам: Локи, Утгарда-Локи, Хель, Фенрир, Ёрмунганд и Гарм, которому суждено перед концом света пожрать луну.

К тому времени, как Скафлок очнулся от приступа отчаяния, они успели пройти уже довольно большое расстояние. Стоявший на руле Мананнан подводил челн почти вплотную к каждому входу во фьорды, чтобы не пропустить бёльверково обиталище. Властелину морей было немного не по себе: он чувствовал, что Утгард где-то совсем рядом, а оказаться у самых стен жуткого града этого ему, конечно же, не хотелось.

— Мне сказали, что Бёльверк живет в пещере под горой, — сказал Скафлок.

— В проклятой земле этой кругом одни пещеры. Как тут найдешь нужную?

— Бёльверкова пещера, должно быть, большая. И потом, там кузня. Должно пахнуть дымом от горна, каленым железом... А то и стук молота услышим.

Мананнан кивнул и направил челн в следующий фьорд. Лишь когда корабль приблизился к прибрежным утесам, понял Скафлок, сколь громадны они. Скалы те вздымались на огромную высоту, и когда попытался он разглядеть их вершины, у него закружилась голова. Над утесами проплывали редкие, освещенные северным сиянием облака, и Скафлоку казалось, что каменные стены эти вот-вот обрушатся на него, как рухнут однажды стены погружающегося в пучину морскую мира.

Казавшийся совсем крошечным в сравнении с исполинскими скалами челн прошел меж ними и очнулся во фьорде, который оказался весьма обширен и усеян островками, шхерами и торчащими из воды скалами, так что дальнего конца его не было видно. Однако, ветер донес до мореходов едва уловимые запахи кузни, вдали слышались удары молота.

Не говоря ни слова, Мананнан направил челн вглубь фьорда. Ветра совсем не было из-за обступивших тот фьорд со всех сторон высоченных утесов, так что дальше пришлось идти на веслах. Корабль шел весьма ходко, но проклятый фьорд был так длинен, что мореходам стало постепенно казаться, будто челн их стоит на месте: сколько ни гребли они, а желанный берег был по-прежнему далеко.

Становилось все тише. Казалось, будто сами звуки замерзли на смерть, а северное сияние — это огонь, горящий на их могиле. С высокого, усеянного звездами неба падали редкие снежинки. Был страшный холод. Скафлоку подумалось, что безмолвие то подобно молчанию затаившегося в засаде хищного зверя с жадно сверкающими глазами и подрагивающим от нетерпения хвостом. Он чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Обходя многочисленные мысы, которыми был испещрен берег, челн медленно шел вглубь фьорда.

Однажды Скафлок услышал какой-то шелестящий звук, как буд-

то по берегу за челном ползла змея или другой какой гад. Над уходящими в невообразимую высь вершинами утесов завывал ветер. Снизу казалось, что он гуляет меж самых звезд.

Странно было видеть, как танцующая Фанд углубляется все дальше в земли Ётунхейма.

Наконец мореходы достигли места, где взморье было относительно полого. К воде спускался широкий, покрытый тускло поблескивающим ледником склон горы, над чьей вершиной неподвижно висела Полярная звезда.

— Похоже, тут нам и надо высадиться, — проговорил Мананнан.

Из-за тороса у края ледника слышалось шипение.

— Наверное, тут мы и встретимся с первым ётунхеймским стражем, — сказал Скафлок. Они с Мананнаном снарядились на высадку, надели под меховую одежду шлемы и кольчуги, опоясались мечами, взяли по щиту. У Скафлока в одетой в рукавицу правой руке был еще один, запасной, меч, у Мананнана же копье, жарко сверкавшее даже в тусклом лунном свете. Киль челна мягко коснулся глинистого берега. Скафлоку удалось прыгнуть на взморье, не попав ногами в мутную илистую воду. Он и вытянул корабль на берег. Мананнан в это время стоял на страже, вглядываясь в окутывавшую склон темноту. Оттуда донесся такой звук, как будто по прибрежной гальке тянули что-то тяжелое.

— Темен путь наш, и к тому же там, куда мы направляемся, скверно пахнет, — заметил Властелин морей. — Однако промедление отнюдь не сделает высадку нашу безопасней.

Он стал пробираться вверх по склону среди здоровенных валунов и торосов. Вскоре мореходы достигли такого участка склона, где стояла почти совершенная тьма: свет звезд туда не проникал из-за торчавших повсюду скал. Зловоние усилилось, все отчетливее слышалось шипение и шуршание камней. Проходя узкое ущелье, ведущее к леднику, углядел Скафлок в нем нечто, имевшее иное естество, нежели окружающие скалы и снега, нечто длинное, белесого какого-то цвета. Пальцы его вцепились в рукоять меча.

Существо это выскользнуло из ущелья и ринулось на путников. Мананнан издал боевой клич (который был тут же подхвачен заматавшимся среди скал эхом) и ткнул копьем своим в с трудом разли-

чимого в темноте зверя, который, поднявшись на хвосте, глядел уже на обоих воинов сверху вниз

— Прочь с дороги, мерзкий червь! — крикнул эринец.

Змей зашипел и сделал выпад в его сторону. Покатились и застучали свернутые со своих мест брюхом дракона камни. Мананнан ловко увернулся от удара змея, случившийся же рядом Скафлок рубанул по плоской змеиной голове чудовища мечом. Удар был такой силы, что у Скафлога рука заболела, змею же он не причинил никакого вреда. Широко разинув пасть, дракон повернулся к новому врагу. Скафлок едва мог различить зверя того в темноте, но и так было ясно, что тот может проглотить его целиком.

Мананнан ударил копьем в белесую шею чудовища, а Скафлок снова рубанул врага по морде. Его обдало таким зловонием, что у него дыхание занялось, но и задыхаясь, не переставал он сыпать на чудовище все новые удары. На него попало немного крови дракона (а может, яда?). Так или иначе, жидкость та прожгла насквозь рукав скафлоковой меховой куртки, и рука воителя оказалась довольно сильно обожжена.

Он выругался и с еще большим остервенением стал рубить покачивающуюся перед ним драконью голову. Меч его рассыпался, разъединенный кровью чудовища. Судя по звуку, сломалось и мананнаново копье.

Выхватив из ножен запасные клинки, оба воина снова ринулись на врага. Змей отступил, и воители последовали за ним на ледник.

Ужасен видом был дракон тот. Кольцами своими обвил он до половины огромную гору. Покрытое белесой чешуей тело его было толще, чем у самого могучего коня. С покачивавшейся высоко над головами воителей змеиной головы его текла на землю смешанная с ядом кровь. Из одного глаза чудовища торчал обломок мананнанова копья, другим оно свирепо глядело вниз, на врагов своих. Издавая злобное шипение, дракон то и дело по-змеиному стремительно выбрасывал из пасти раздвоенный язык.

Скафлок поскользнулся на льду и упал. Змей тут же сделал быстрый выпад, чтобы пожрать его, беззащитного, но Мананнан успел прикрыть упавшего товарища своего щитом и полоснуть чудовище мечом по раздувшемуся от обилия яда горлу, нанеся зверю серьезную рану. Скафлок поднялся на ноги и снова принялся рубить врага.

Тогда дракон, немного развернув свои кольца, ударил воителей корпусом. Скафлок успел уклониться от того удара, откатившись в сторону, Мананнан же оказался в «объятиях» змея, обвинившего его петлей. Однако, раздавить эринца дракон не успел: еще прежде, чем сжались его кольца, воитель тот вонзил ему меж ребер свой клинок.

Чудовище отступило. Скользя мимо обоих врагов своих вниз по склону, оно бросилось в воды фьорда. Скафлогу же с Мананнаном прежде, чем двинуться дальше, пришлось перевести дух.

— Наши запасные клинки изъедены ядом, — сказал Скафлок. — Надо сходить на корабль за новым оружием.

— А что, если змей там нас поджидает, затаившись у берега? — возразил Мананнан. — А коли и не поджидает, так при виде нас он снова может взъяриться. Клинки эти послужат нам, пока не будет починен рунный меч.

Они медленно двинулись вверх по скользкому, покрытому таинственно поблескивающим ледником склону. Впереди чернела, закрыв полнеба громадная гора. Ветер доносил до путников звук ударов молота.

Они шли вперед и вперед, пока сердца их не начинали от напряжения биться так, как будто вот-вот выскочат из груди, и не начинали болеть, не справляясь с работой, легкие. Тогда Скафлогу с Мананнаном приходилось остановиться, чтобы передохнуть. Пару раз они даже соснули немного, там же, на леднике. Хорошо что они захватили с собой еду. Идти по леднику было трудно из-за сильного поката и множества коварных расщелин.

Окрестность казалась совершенно безжизненной. Вокруг не было видно ни единого живого существа. Однако гулкие удары молота звучали все ближе. Наконец, Скафлок с Мананнаном добрались до места, где заканчивался ледник, примерно до середины склона громадной той горы, под вершиной которой по-прежнему неподвижно висела Полярная звезда. Оттуда уходила налево едва различимая в темноте тропа, которая местами прерывалась глубокими трещинами в скале, а местами была завалена камнями. Прямо от тропы скала уходила отвесно вниз немыслимой высоты обрывом. Связавшись веревкой, путники осторожно двинулись по узкому этому карнизу над пропастью.

После многих падений, когда то одному, то другому из них при-

ходилось спасать своего совсем было сорвавшегося в пропасть товарища, добрались они до небольшой площадки, за которой виднелся вход в пещеру, откуда и доносился гром молота.

Сидевший на цепи возле пещеры здоровенный рыжий пес с диким воем бросился на пришельцев. Скафлок обнажил было меч, чтобы убить его, но Мананнан проговорил:

— Чувствую, попытка зарубить пса этого до добра нас не доведет. Давай лучше попробуем проскользнуть мимо него.

Сомкнув перед собой щиты, воители стали боком пробираться ко входу в пещеру, прижимаясь спиной к отвесной скале. Пес свирепо бросался на них, дробя зубами края щитов, от воя же его у них зазвенело в голове. С большим трудом добрались они до места, куда цепь его не доставала.

Войдя в пещеру, путники оказались в полнейшей темноте. Взявшись за руки, они стали осторожно пробираться отлого уходящим вниз проходом, то и дело ударяясь об острые сталагмиты и стараясь не наступить в одну из многочисленных ям, которыми изобилдовал ход.

Пещера была очень сырая, и от этого казалось, что там еще холоднее, чем снаружи, хотя на самом деле это было совсем не так. Путники слышали шум какого-то могучего потока, и им подумалось, что это, должно быть, одна из тех рек, что стремят свои воды в самый Хель. Звон молота звучал все ближе.

Дважды доносились до воителей звуки неистового песьего лая, и дважды замирали они на месте, держа наготове оружие. Однажды на них бросился какой-то здоровенный, страшно тяжелый зверь, который, прежде чем удалось им его убить, изрядно обгрыз края их щитов. Все это происходило в полнейшей темноте, и Мананнан со Скафлоком так никогда и не узнали, как выглядел тот неведомый враг их.

Вскоре увидели они какой-то красноватый отсвет, цветом схожий с известной звездой в созвездии Орион. Они поспешили вперед и через некоторое время, совсем не так быстро, как ожидали, достигли громадного холодного зала.

Зал был тускло освещен светом огня в огромном, но неярко горящем кузнечном горне. В кроваво-красном свете этом увидели воители в пещере множество громадного размера кузнечных принадлежностей. У гигантской наковальни стоял ётун.

Кузнец тот был такого громадного роста, что голову его едва

можно было разглядеть в скрывающем верхнюю часть зала сумраке. Он, однако, имел такую могучую статью, что казался даже приземистым. На волосатом, узловатом, невероятно мускулистом теле его из одежды красовался лишь передник из драконовой кожи. Спутанные черные волосы и борода ниспадали до самого пояса. Ноги великана были относительно коротки и кривы, причем неодинаковой длины. К тому же, ётун тот имел здоровенный горб, и стоял как бы согнувшись, так что при желании мог бы коснуться руками земли.

Стоило воителям войти в зал, как великан повернул к ним ужасный, испещренный шрамами лик свой. Нос и рот у него были велики даже для ётуна, глазницы же пусты: глаза ему кто-то выколол.

Великан заговорил, и голос его звучал подобно шуму воды в бурных реках Хеля:

— Ух-ты! Триста лет уж никто не приходил к Бёльверку. А теперь вот клинок принесли починить.

Взяв с наковальни железную болванку, над которой прежде работал, он с силой швырнул ее куда-то в угол кузни. Она с грохотом ударилась о каменный пол, и меж стенами пещеры долго потом металось испуганное эхо.

Скафлок смело выступил вперед и проговорил, бестрепетно глядя прямо в грозно нахмуренное лицо слепого великана:

— Я принес тебе в починку клинок твоей же работы, Бёльверк.

— А кто ты такой? — вскричал ётун. — Чую запах смертного, но вместе и запах Дивного народа. А второй, вроде, полубог, но естество у него иное, нежели у асов с ванами.

Он пошарил руками вокруг себя.

— Не нравятся вы мне оба. Подойдите-ка поближе, я разорву вас на куски.

— Мы посланы к тебе тем, кого ты не посмеешь послушаться, — промолвил Мананнан.

— Это кем же? — эхо подхватило бёльверков вопрос, и отголоски его достигли, казалось, самых недр земных.

Скафлок же сказал:

*Не хочет Локи удалой
Быть пленником презренным.
Намерен асам дать он бой*

*И вырваться из плена.
Тебе ж на перековку шлет
Он этот меч разбитый,
Желая грозным сим клинком
Рубиться в новой битве.*

Он развернул волчью шкуру и с грохотом швырнул обломки меча к ногам великана.

Бёльверк поднял их с пола и стал ощупывать.

— Помню, помню меч этот, — бормотал он. — Моя работа. Ко мне обратились за помощью Дюрин и Двалин, когда нужно им было откупиться таким клинком от Свафрлами, будучи при этом уверенными, что меч тот свершит за них месть обидчику. Мы заключили в этот клинок лед, смерть и бурю, магию могучих рун и заклинаний и непреодолимое желание губить все живое. — Он ухмыльнулся: — Многие воины прельстились в прежние времена мечом этим, ведь он всегда приносил победу. Все что угодно под силу разрубить ему, сам же он при этом никогда не тупится. Сталь его напоена ядом, и нанесенные клинком раны нельзя исцелить ни лекарским искусством, ни чарами магическими, ни молитвой. Однако, на оружие это наложено проклятие: каждый раз, как будет извлечено из ножен, должно напиться оно крови. А в конце концов неизбежно обернется против своего же владельца. — Он накренился вперед еще больше, чем вынуждал его горб. — Поэтому-то Тор и сломал клинок этот в стародавние времена. Больше ни у кого во всех девяти мирах не достало бы на это силы. С тех пор лежал меч забытый в земле. Но раз, как ты говоришь, Локи именно сейчас желает дать бой асам, в клинке этом, конечно же, будет нужда.

— Ничего подобного я не говорил, — пробормотал Скафлок, — хотя мне и хотелось, чтобы ты именно так все и понял.

Бёльверк не слышал этих его слов. Поглаживая сломанный клинок рукой, он погрузился в какие-то свои собственные мысли.

— Так значит, скоро придет конец всему этому безобразию, — прошептал он. — Скоро наступит конец света. Скоро уже боги и ётуны разрушат творение в смертельной схватке друг с другом, Сурт подожжет весь мир, огонь перекинется на трескающиеся от жара стены небосвода, солнце почернеет, земля скроется в морской пучи-

не, звезды упадут с небес. Конец приходит моему рабству, слепоте, сидению под горой. Все сторит в том огне, ничего не останется. Слушай же, смертный. С большой радостью выкую я тебе меч этот.

Он принялся за работу. Загремел молот, полетели искры, пещеру заполнил дым от раздуваемого мехами огня. Работая, ётун говорил заклинания, да таким громовым голосом, что стены пещеры дрожали. Скафлок с Мананнаном почли за лучшее удалиться в один из выходящих из зала тоннелей.

— Не нравится мне это, лучше бы я не ездил сюда, — проговорил Властелин морей. — Сейчас, в эту самую минуту, к жизни возвращается древнее зло. Никто не назовет меня трусом, но я и прикоснуться-то к мечу этому проклятому не желаю. И ты не стал бы, кабы был мудрее. Он станет твоим роком.

— И что с того? — зло сказал Скафлок.

Послышалось какое-то бульканье. Видимо, ётун кипятил меч в ядовитом зелье. Испарения от того снадобья обжигали кожу везде, где не была она прикрыта одеждой. Гулко отдавалось в переходах пещеры бёльверкова песнь о Рагнарёке.

— Не ставь на своей жизни крест только оттого, что ты несчастлив в любви, — проговорил Мананнан каким-то даже просительным голосом. — Ты ведь еще так молод!

— Все люди смертны, — отрезал Скафлок. На том разговор и закончился.

Ожидание, казалось, тянулось бесконечно долго. И все же, когда крикнул им Бёльверк, наконец, чтобы принимали работу, они не могли не подивиться тому, как он быстро со всем управился. Ведь, совершенно слепой он и работал без помощника.

Оба воителя воротились в залитую кроваво-красным светом кузню. Бёльверк показал им меч. Клинок был теперь блестящий, голубоватого цвета. Вдоль острия его плясали, казалось, крохотные язычки пламени. Глаза изображенного на рукояти дракона горели, золото излучало какое-то внутреннее сияние.

— Возьми клинок-то! — вскричал великан.

Скафлок схватил меч. Клинок был весьма тяжел, но уже от прикосновения рукояти его к ладони в руку сразу же вливалась необычайная сила, так что было ясно, что биться мечом этим будет одно удовольствие. К тому же, меч был прекрасно сбалансирован. И так

удобно ложилась рукоять его в руку, как будто он специально для Скафлога и был создан.

Скафлог с размаха рубанул клинком по скальному выступу в стене пещеры. Камень сразу раскололся. Издав боевой клич, воитель стремительно очертил мечом широкий круг над головой. Тот сверкал в полумраке подобно молнии.

— Ура! — заорал Скафлог. И запел:

*Сегодня рад и счастлив я:
Узнает скоро недруг,
Какою жаждой обуян
Клинок волшебный этот,
Как он крушит металл и плоть,
Как воет он, голодный,
Какую песню он поет,
Напившись свежей крови.*

Вслед за ним рассмеялся и Бёльверк.

— И правильно, радуйся, что попал тебе в руки клинок этот, — проговорил ётун. — Круши им врагов своих, будь то боги, великаны или смертные. Неважно, кто падет от твоей руки. Злой меч снова в деле, и теперь близок конец света.

Он протянул Скафлогу окованные золотым листом ножны.

— А теперь убери-ка ты его лучше в ножны, — посоветовал он. — И впредь не доставай, коли не хочешь убить кого. — Ётун ухмыльнулся: — Правда, у клинка этого есть привычка выскакивать из ножен когда ненужно. И в конце концов, будь покоен, он обязательно погубит тебя самого.

— Пусть сначала полягут под его ударами мои враги, — ответил Скафлог. — Что будет потом, меня мало волнует.

«Это сейчас. Потом ты можешь передумать, но будет уже поздно», — подумал Мананнан. А вслух сказал:

— Пойдем, здесь лучше не задерживаться.

Они ушли. Бёльверк же остался стоять, повернувшись к туннелю, где они скрылись, как бы глядя пустыми глазами своими им вслед.

Когда путники выбрались из пещеры, прежде свирепо бросав-

шийся на них цепной пес враждебности больше не проявлял, а отошел в сторонку, поскуливая и поджав хвост. Воители со всевозможной поспешностью стали спускаться вниз по покрытому ледником склону. Когда же были близки они уже к подножию горы, то услышали позади себя громкий топот и оглянулись. Вслед за ними по леднику спускались трое, чьи силуэты четко вырисовывались на фоне звездного неба (преследователи те были даже выше самой бёльверковой горы). Поспешно пробираясь к кораблю, Мананнан сказал своему товарищу:

— Думаю, Утгарда-Локи проведал о твоей проделке и желает теперь сорвать планы асов, каковы бы они ни были. Трудно нам будет выбраться из этих мест.

ГЛАВА XXIII

Приключения Мананнана Мак Лира и Скафлока Альфхеймца в Ётунхейме были весьма примечательны и заслуживают того, чтобы о них сложили особую сагу. Следовало бы также отдельно рассказать о том, как боролись они с неистовыми штормами, как мучились, когда наступал штиль, принося с собой невероятной густоты туман, как с огромным трудом провели челн свой мимо опасных отмелей, шхер и льдин, как преодолевали ужасную усталость (в бесконечной ночи нередко лишь веселый вид золотой Фанд придавал им душевных сил). Следовало бы воспеть и ладью их, лучший из когда-либо создавшихся кораблей.

Желая разделаться с пришельцами, ётуны насылали на них самые разнообразные чары, и оттого на долю Мананнана со Скафломком выпало немало бед. Но в конце концов они придумали чары, что успешно могли противостоять великанским, не только сводя на нет вражеские происки, но и насылая на землю ётунов опустошительные бури и обрушивая снежные лавины на вражеские усадьбы.

Открытого боя с врагом они избегали, хотя пару раз случалось им убить в одиночку напавших на них ётунов. Чаще приходилось им сражаться со всевозможными чудовищами, морскими и наземными, которых насылали на них великаны. Нередко лишь с большим трудом удавалось Скафлоку с Мананнаном уходить от погони. Как правило, в такие переделки они попадали, когда, отсиживаясь на берегу из-за встречного ветра, отправлялись грабить ётунские жилища. О каждом из этих походов можно было бы порассказать немало занятного.

Однажды совершили они, например, налет на большое ётунское владение, чтобы добыть себе знаменитых великанских коней. Поми-

мо скакунов захватили они тогда еще много богатой добычи, усадьбу же спалили дотла. Кони, что они взяли, по великанским меркам были вроде пони. Однако за пределами Ётунхейма не сыскалось бы лошадей крупнее и могучей тех двух косматых вороных жеребцов с горящими глазами и дьявольской отвагой в сердце. Новым хозяевам своим те кони выказывали необычайную преданность и покорно сносили долгую перевозку на челне, в котором их едва удалось разместить. Они не боялись ни железа, ни дневного света, ни даже скафлокова меча. Другой замечательный чертой тех скакунов была их совершенная неумолимость.

Не все ётуны были безобразно велики ростом, уродливы и злокозненны, недаром из этого племени произошли иные из астардских богов. Некоторые из ётунхеймских крестьян радушно принимали Скафлока с Мананнаном в своих усадьбах, при том же не задавая гостям лишних вопросов. Немало встретилось им и привлекательных, отзывчивых женщин нормального человеческого роста. Сладкоречивый Мананнан стал находить, что походная жизнь не лишена прелести. Скафлок же на женщин не смотрел.

Много что еще можно порассказать — о драконе и золотом кладе, что он хранил, о горящей горе и бездонной пропасти, о ручной мельнице великанш. Весьма занимательна также история о том, как Скафлок с Мананнаном решили поудить рыбу в реке, вытекающей из Хеля, и чем это кончилось. И о множестве схваток, в которых рубились они в Ётунхейме, и о ведьме, обитающей в железном лесу, и о слышанной воителями теми песне Северного сияния можно было бы сложить отдельные саги. Но здесь рассказывать обо всем этом, пожалуй, не стоит, а то и нить повествования недолго потерять. Пусть лучше останутся истории те в анналах Дивной страны.

Достаточно сказать, что Скафлок с Мананнаном выбрались-таки из Ётунхейма и отправились миргардскими водами на юг.

— Интересно, долго ли мы там пробыли? — сказал Скафлок.

— Не знаю, — ответил Властелин морей. — По-моему, в Ётунхейме время тянется медленнее, чем в Мидгарде.

Он вдохнул свежий морской ветер, взглянул в безоблачное голубое небо.

— Здесь, в Миргарде, весна.

Помолчав, он промолвил:

— Ну вот, добыл ты меч этот и не раз обабрил уже его кровью врагов. Что ты теперь намерен делать?

— Разыщу короля эльфов, коли жив он еще, — Скафлок мрачно глядел вперед, на смутно виднеющийся за играющими валами горизонт. — Высади меня на берег к югу от Пролива. Государь должен быть где-то там. И пусть только тролли попробуют заступить мне дорогу! Когда же очистим мы от врага континентальные земли Альфхейма, то высадимся в Англии и отвоюем назад и тамошние наши владения. Затем мы вторгнемся в пределы самого тролльеого королевства и совершенно подчиним себе проклятое племя это.

— Попытаться сделать это, конечно, не мешает. А вот удастся ли... — нахмурился Мананнан.

— Неужели сиды нам не помогут?

— Это решать Совету. Ясно, что мы не можем послать в бой свои рати, пока эльфы не высадятся в Англии, а то ведь враг может разграбить дома наши в наше отсутствие. Но в Англии мы вас, скорее всего, поддержим, и не только ради того, чтобы обезопасить себе фланг. Воины сидские жаждут битвы, жаждут ратной славы, — Властелин морей горделиво выпрямился. — Но, как бы то ни было, Мананнан Мак Лир приведет свою дружину, чтобы биться вместе с тобой в Англии. Не останусь я в стороне, после того, как делили мы с тобой в походе этом и труды, и опасности и не раз спасали друг другу жизнь.

Не говоря более ни слова, воители пожали друг другу руки. Вскоре Мананнан высадил Скафлока с одним из великанских коней на берег, а сам отправился в Ирландию, где ждала его Фанд.

Оседлав своего вороного, Скафлок отправился на поиски короля эльфов. Конь отоштал за время долгого плаванья, хоть резвости и не потерял. Скафлок и сам выглядел не лучшим образом: одежда его оборвалась и выцвела, поврежденные во многих местах доспехи заржавели, плащ протерся до дыр. Он тоже сильно похудел за время того похода, и теперь тело его состояло, казалось, из одних лишь могучих мышц, мощного костяка и кожи. Держался он, однако, выскомерно-прямо. На лице его пролегли жесткие складки, и оно бо-

лее не казалось молодым. Теперь оно напоминало лик отвергнутого бога. В лучшем случае, оно выражало насмешку, как правило же, суровую отчужденность. Только и осталось в облике Скафлока молодого, что светлые, раздуваемые ветром волосы. Наверное, таков будет облик Локи, когда поскачет он в последний день перед концом света по вигридской равнине.

Скафлок скакал по холмам, на которых бушевала уже ликующая весна. С утра дождило, и теперь земля была сыра, и повсюду виднелись сверкающие в лучах солнца лужи и ручейки. Трава пошла в рост, и краем глаза Скафлок помимо воли все время видел ее свежую, светлую еще зелень. На деревьях набухли почки, и в ветвях их чувствовалось движение к извечно предвещающему летний расцвет воскресению.

Было еще прохладно. По холмам гулял пронзительный ветер, временами так сильно развевавший скафлоков плащ, как будто вознамерился вовсе сорвать его у Скафлока с плеч долой. Однако, то был уже весенний ветер, шумный и шаловливый, такой, что прогоняет прочь из крови зимнюю лень. Небеса были высоки и лазурны, сквозь белые и серые облака то и дело пробивались, подобно светящимся копьям, солнечные лучи, от которых бесчисленные капли воды на траве сверкали и искрились. С востока, где небо было затянуто темными тучами, доносились раскаты грома, но перед теми тучами виднелась уже радуга.

С небес неслись трубные крики летящих с юга стай диких гусей. Тихо, еще робко, пробовал свой отвыкший за зиму от песен голос дрозд, в ветвях дерева резвились две похожие на рыжеватые огоньки белки.

Скоро наступят теплые дни, ночи станут светлыми, леса наденут зеленый убор, расцветут цветы... В душе Скафлока шевельнулось что-то им же самым глубоко запрятанное, а потом почти забытое. Нежность, что ли.

«Ах, если бы ты была сейчас со мной, Фрида...»

Солнце клонилось уже к закату. Скафлок скакал вперед и вперед на не знающем усталости коне своем, ничего не предпринимая для того, чтобы остаться незамеченным. Коня он особенно не гнал, и тот успевал по дороге даже подкормиться: для скакуна ётунской породы такая скорость нипочем. Но и так под ногами вороного дрожала

земля. Конь и всадник достигли земель Дивного народа. В том месте располагалась центральная провинция Альфхейма, где находились горные твердыни, в одной из которых, по мнению Скафлока, должен был укрываться король эльфов. (Коли сумел он продержаться до сих пор.) Тут и там виднелись следы войны: пепелища усадеб, изломанное брошенное оружие, обглоданные зверями кости погибших. Все это быстро, чуть ли не на глазах разрушалось, готовое вскоре рассыпаться в прах, как и положено в Дивной стране. Время от времени Скафлок видел свежий троллий след, и во рту у него вдруг становилось ужасно сухо.

Наступила ночь, показавшаяся ему, привычному теперь к ётунхеймскому климату, удивительно теплой и светлой. Он ехал вперед и вперед, по временам задремывая в седле, но и в эти мгновения не переставая чутко прислушиваться к каждому шороху. Поэтому о приближении врагов он знал задолго до того, как они показались на виду и заступили ему дорогу. Он успел даже завязать под подбородком ремень своего шлема.

Но вот на тропе перед ним показались шесть могучих вражеских воинов, едва различимых в неверном свете луны. Увидев, кто скачет к ним по тропе, тролли удивились: то был смертный в одежде и доспехах частью эльфийской работы, а частью сидской, на коне, схожем с тролльными скакунами, но еще более могучем и косматом. Воины заступили незнакомцу дорогу, а один из них крикнул громовым голосом:

— Именем короля Иллреда приказываю остановиться!

В ответ Скафлок лишь пришпорил коня, выхватил из ножен меч и ринулся вперед. В мгновение ока оказался он среди троллей, и тут же один из вражеских воинов упал с разрубленным черепом, а у другого голова скатилась с плеч.

Двое из оставшихся в живых троллей разом кинулись на Скафлока, тот, что слева, с палицей, а тот, что справа, с топором. Направляя теперь коня одними шенкелями, воитель закрылся от тяжелого удара палицы щитом, удар же топора встретил сверкающим клинком своим, разрубив разом и топорнице, и грудь нападавшего. Повернувшись затем к троллю, пытавшемуся достать его палицей, Скафлок нанес ему ответный удар такой силы, что клинок, войдя в тело врага через плечо, остановил падение свое лишь в районе пояса. Лишь на мгновение коснулся Скафлок затем рукой поводьев, но

и это было достаточно, чтобы конь понял хозяйскую волю. Встав на дыбы, сокрушил вороной скакун передними копытами своими череп пятого тролля.

Последний уцелевший вражеский воин с криком бросился бежать. Скафлок метнул ему вдогонку волшебный меч, и тот, войдя троллю в спину, пронзил тело его насквозь, концом своим выйдя через грудь.

Затем воитель отправился дальше на поиски осажденного врагами короля эльфов. Перед рассветом он устроил себе краткий привал на берегу какой-то речки и прилег соснуть.

Разбудил его какой-то шорох и едва заметное колебание земли, на которой он лежал. Проснувшись, он увидел, что к нему крадутся два тролля. Он вскочил на ноги и выхватил из ножен меч: возиться с доспехами не было времени. Враги кинулись на него. Первого из них он поразил в сердце прямо через щит и доспехи. Второму вражескому воину он просто подставил окровавленный клинок свой, и тот сам на него напоролся, не в силах остановиться или хотя бы изменить направление бега. Хоть и невероятно силен был удар от столкновения с массивным телом тролля, но Скафлок выстоял неколебимо, как скала, ведь от одного прикосновения к чудесному мечу тело его наливалось нечеловеческой силой.

— Что-то больно легко все получается, — сказал он. — Ну, ничего. Будут схватки и посерьезней.

Весь следующий день он провел в пути. К полудню обнаружил он пещеру, где укрылись на дневку несколько троллей. Перебив сонных врагов, Скафлок пообедал их же припасами. Его не тревожило, что враги могут выследить его по кровавому следу этому. Пусть их выследят и попробуют взять!

Перед закатом достиг он наконец гор. Величественная красота высоких, увенчанных вечными снегами пиков, пронзавших, казалось, самое закатное небо, вновь растревожила в его сердце забытые чувства. Слушая песнь водопадов и шелест хвои могучих сосен, он подумал: «Как странно, что прекрасный край этот стал местом кровопролития». Ему бы быть здесь с Фридой и их любовью, а не со свирепым этим черным конем и проклятым мечом.

Но так уж вышло — ничего не поделать. Как-то сейчас Фрида? Кабы знать...

Горными тропами он приблизился к леднику и поскакал по нему. Подковы скакуна его гулко звенели об лед. Наступила уже ночь, холодная и ясная, как и положено на высокогорье, восходящая почти полная луна окружила заснеженные горные вершины прозрачным сиянием. Вдруг Скафлок услышал вдали едва различимое пение лура. Странно было слышать с детства знакомый звук этот в тех пустынных, диких местах. Скафлоково сердце забилося так, как будто было готово вот-вот выскочить из груди. Он пришпорил копыта, и тот помчал его неистовым галопом, перепрыгивая через бездонные пропасти между скалами, так что у всадника его только ветер свистел в ушах, а в ущельях долго потом не могло утомониться растревоженное громом железных подков эхо.

Где-то неподалеку шла битва. Значит, эльфы еще держатся!

Скафлокова слуха достиг грубый рев тролльего рога, а вскоре и приглушенные большим еще расстоянием крики воинов и звон оружия. Мимо просвистела стрела, но всадник, выругавшись, лишь ниже пригнулся к гриве коня: разбираться с проклятым лучником этим не было времени, не опоздать бы к настоящему делу.

Достигнув перевала, он сумел увидеть за чередой невысоких относительно заснеженных гряд поле битвы. В отдалении, на горной вершине, углядел он, наделенный тайным зрением, высокий, с устремленными к небесам башнями, покрытый изморозью замок, вокруг которого чернели несчетные шатры могучей троллрей рати. Над самым большим из тех шатров развевалось черное илпредово знамя. На одной из башен замка было поднято знамя короля эльфов. Значит, оба государя сами вели в бой свои рати.

Тролли штурмовали эльфийскую твердыню. Столпившись под самыми ее стенами, крича что-то на лающем своем языке, они представили уже к стене несколько осадных лестниц, и некоторые из них стали карабкаться наверх. Троллья рать оказалась крайне многочисленна — вокруг замка было черным-черно от неприятельских воинов, — и к тому же отлично оснащена всевозможными осадными машинами. Были там и баллисты для перебрасывания через стены зажигательных ядер, и осадные башни, катившие к замку на могучих колесах своих с толпящимися на верхней площадке воинами, и тараны, которыми, безуспешно пока, пытались тролли высадить ворота твердыни, и стенобитные машины. Крики, топот, цокот копыт,

лязг металла, барабанный бой и рев рогов сливались в единый немолчный шум битвы, который был так громок, что от него даже на расстоянии в ушах звенело, а с некоторых гор покатались уже вниз безудержные снежные лавины.

Собравшись на стене своей твердыни, эльфийские воины отражали натиск троллей. Сверкали в лунном свете клинки, лик луны то и дело затмевали тучи стрел и дротиков, со стен на врага лилась кипящая смола, летели наземь осадные лестницы с орущими вражескими воинами. Но защитники замка были малочисленны, враг же не оставлял попыток взять твердыню приступом. Ясно было, что долго осажденным не продержаться.

Скафлок вынул из ножен меч, чья исчерченная рунами поверхность холодно и неожиданно ярко блеснула в лунном свете. Пришпорив коня, ринулся он вниз по склону горы, взметая целые тучи рыхлого снега.

Путь ему преградило ущелье, но он не стал пытаться обогнуть его, а вновь вонзил шпоры в бока своего скакуна, и тот, подпрыгнув так высоко, что какое-то мгновение Скафлок видел вокруг себя лишь звезды, перенес его на противоположную сторону. После невероятного прыжка того они ударились о землю с такой силой, что Скафлок чуть ни прикусил себе язык, но зато время было выиграно, и теперь можно было без помехи добраться до поля брани.

Скафлок пустил коня своего галопом вверх по склону, к тролль-ему лагерю.

Тот был почти совершенно пуст. Резко осадив горячего коня, так что тот при этом даже встал на дыбы, молотя передними копытами воздух, Скафлок выхватил из костра горящую головню и, направив бег скакуна своего мимо вражеских шатров, стал поджигать их, один за другим. Вскоре многие из них запылали, и огонь стал перекидываться на другие, Скафлок же, торопливо облачаясь в доспехи, помчался к воротам замка. Как и прежде, в левой руке он держал щит, а в правой — меч, коня же направлял лишь шенкелями и голосом. Прежде даже, чем заметили его столпившиеся у ворот тролли, он срубил троих из них, и еще столько же погибли под копытами его коня.

Те из тролльих воинов, что стояли в задних рядах, повернулись к нему. Замелькал в воздухе страшный скафлоков меч, круша шле-

мы, кольчуги, плоть и кость, вновь и вновь вздымаясь, залитый кровью для нового удара. Ни на мгновение не прекращался тот та-нец смерти. Тролли падали под скафлоковыми ударами как спелые колосья под серпом жнеца.

Во множестве толпившиеся вокруг воителя враги, конечно же, пытались дать ему отпор, но никто из них не мог коснуться его железных доспехов, а нанесенные издали удары редко достигали цели. Да и когда добивался кто из троллей успеха, Скафлок ударов тех почти не чувствовал, ведь в руке у него был волшебный меч.

Он продолжал свою кровавую жатву. Удар — и голова тролля скатилась с плеч. Удар — и вражеский конник валится с седла с распоротым животом. Еще удар — и новый враг падает с раскроенным черепом, звякают о землю половинки разрубленного пополам шлема. Какой-то пеший воин ткнул Скафлока копьем, чувствительно оцарапав ему плечо. Воитель, повернувшись срубил и его. Однако большинство пеших троллей гибли все же от зубов и копыт ётунского скакуна.

Все громче была жалоба терзаемого металла, казалось, достигала она уже самой луны. Истоптанный снег потемнел от крови, повсюду лежали в кровавых лужах мертвецы. Вознесенный надо всеми на спине громадного коня своего, царил над полем брани воитель с ужасным клинком в руке. Руби, руби колдовской меч!

Троллями овладела паника, и они стали расступаться в стороны, нещадно толкая друг друга в возникшей давке. Скафлок же возгласил:

— За Альфхейм! Возрадуйтесь, эльфы, с нами сегодня сам Отец Победы! Вперед, на вылазку, сокрушим врагов наших!

Поле брани было окружено огненной стеной: пылал троллий лагерь. Увидев, что лагерь их горит, тролли были обескуражены. К тому же, поняли они, что конь напавшего на них неведомого воителя ётунской породы, а меч его наделен злой магической силой. И призадумались о том, кто же должен быть сам всадник тот.

Скафлок гарцевал на играющем коне своем перед воротами твердыни. Залитый кровью панцирь его блестел в свете луны и пожара. Глаза воителя, под стать клинку его, горели голубым огнем. Он насмехался над троллями, эльфов же звал на вылазку.

В тесной толпе троллей прошел испуганный шепот:

— Это Один, вступил-таки в войну... Нет, Один кривой на один глаз, а у этого оба глаза целы. Должно быть, Тор... Наверное, это Локи. Вырвался из оков. Теперь жди конца света... Это одержимый демоном смертный... Это сама Смерть...

Запели луры, ворота замка отворились, и оттуда показались эльфийские конники. Числом они уступали троллям, но на измученных лицах их, наверное, впервые за долгое время, светилась надежда. Впереди своих воинов скакал на белоснежном боевом коне король эльфов в сверкающей короне и сумеречно-синем плаще. Длинная борода и волосы властителя вились по ветру.

— Не чаял я уж увидеть тебя живым, Скафлок, — воскликнул он.

— И все же увидел, — ответил тот, не выказывая и следа благоговейного трепета, какой испытывал прежде перед тем государем. Его, говорившего с мертвыми и побывавшего за пределами Мидгарда, ничто уже не страшило, тем более, что и терять-то теперь ему было нечего.

Король эльфов устремил взгляд на рунный меч.

— Знаю я, что это за клинок, — пробормотал он. — Да не знаю, хорошо ли для Альфхейма то, что нынче он на нашей стороне. Ну, да ладно... — И тут же скомандовал, возвысив голос: — Вперед, эльфы!

Лава эльфийских конников ринулась на троллю рать, и завязалась кровавая сеча. Взметнувшись к небесам, мечи и топоры падали на врага и тут же снова вздымались ввысь, обагренные кровью. С горестным стоном лопался разрубленный металл. Небо затмевали тучи дротиков и стрел. Кони втаптывали в снег тела убитых, а иные из скакунов уже жалобно ржали, тяжело раненные. Воины ожесточенно рубились, почти и не замечая в остервенении своем, скольких товарищей теряют.

— За Трольхейм! Ко мне, ко мне!

Собрав вокруг себя множество воинов, Иллред выстроил их клином и повел в атаку, силясь расколоть строй эльфов. Храп вороного коня его был громоподобен, топор его непрестанно вздымался и опускался, причем каждый нанесенный им удар достигал цели. Вскоре эльфы стали расступаться перед Иллредом, опасаясь вступить с ним в единоборство. В свете луны зеленоватое лицо одетого в пан-

цирь из драконьей кожи воителя того казалось особенно гневным и безжалостным, курчавая борода его воинственно топорщилась, глаза горели темным огнем.

Увидев его, Скафлок взвыл по-волчьи. Развернув своего ётунского коня, он стал пробиваться к королю троллей. Меч его подобный голубой молнии неустанно разил врагов. Труд же самого Скафлока в той битве был подобен работе вырубавшего подлесок дровосека.

— Пропустите его! — проревел Иллред. — Он мой!

Два воителя поскакали навстречу друг другу по внезапно образовавшейся в рядах ратников «просеке». Но стоило королю троллей увидеть рунный меч, как он придержал коня, при этом поперхнувшись даже.

Скафлок рассмеялся ему прямо в лицо злым, лающим смехом.

— Ты верно угадал. Конец приходит и тебе, и всему твоему зловредному племени.

— Не одни тролли повинны в том, что в мире так много зла, — спокойно промолвил Иллред. — По-моему, вернув к жизни меч этот, ты сотворил куда больше зла, чем я за всю свою долгую жизнь. Каково бы ни было естество троллей (а такими, как есть, они стали, кстати, по воле Норн, а не по своей собственной), ни один из них никогда не пошел бы на такое.

— Понятное дело. Из них на такое дело никто в жизни не решился бы, — засмеялся Скафлок и дал коню шпоры.

Иллред бился доблестно. Тяжелым топором своим он ранил в плечо скафлокова ётунского коня. Рана была неглубока, но жеребец, вереща от боли, взвился на дыбы, а пока Скафлок отвлекся, сился удержаться на вздыбленном коне, троллий король нанес удар ему самому. Тот принял удар этот на щит, который раскололся, защитив, однако же, своего хозяина от вражеского острия. И все же Скафлок при этом покачнулся в седле, и Иллреду удалось приблизиться, рубануть его еще раз, по шлему. На шлеме осталась здоровенная щербина, но Скафлок не был даже оглушен, ведь в руке он по-прежнему сжимал рунный меч, вливавший в его тело все новые силы.

Иллред снова занес топор. Еще не вполне пришедший в себя Скафлок попытался упредить его удар и первым сделал выпад ме-

чом. Вроде, совсем несильный был замах, но меч с топором с громopodobным лязгом встретились в воздухе, разбросав вокруг целые снопы искр. Потом топор вдруг развалился на части. Скафлок потряс головой, чтобы в ней окончательно прояснилось. А потом со смехом отсек Иллреду левую руку.

От страшной боли троллий король сразу как-то поник в седле, скафлоков же клинок, со свистом рассекши воздух, отрубил ему и правую руку тоже.

— Недостойно воина куражиться над безоружным врагом, — проговорил, задыхаясь, Иллред. — Не твоя в том воля видна, но меча твоего.

Скафлок добил его.

Троллей охватил ужас, и они в беспорядке отступили, эльфы же с ожесточением ринулись на врага. Шум битвы все нарастал. В первых рядах эльфийских воинов доблестно бился, подбадривая их своим примером, король эльфов. Но еще больше устрасал врага вид Скафлока, неожиданно объявившегося среди дерущихся то тут, то там, и буквально косившего троллей мечом своим, который и густо залитый кровью горел, казалось, синим пламенем.

Наконец тролли дрогнули и побежали. Эльфы стали яростно их преследовать, беспощадно разя бегущих врагов и загоняя их в их же горящий лагерь. Лишь немногим троллям удалось спастись бегством.

Когда же забрезжил уже рассвет, король эльфов, остановив коня, оглядел наваленные вокруг стен замка горы мертвецов. Не покрытые шлемом длинные волосы его шевелил холодный ветер. Вились по ветру и хвост, и грива белоснежного скакуна. К властелину эльфов приблизился Скафлок, усталый, осунувшийся, заляпанный с ног до головы кровью и мозгом врагов, но по-прежнему горящий неукротимой жадой мести.

— Славную победу одержали мы нынче, — промолвил король эльфов. — Однако немного осталось, наверное, эльфийских твердынь, что еще держатся. Тролли захватили почти весь Альфхейм.

— Недолго осталось им его удерживать, — ответил Скафлок. — Мы очистим от них свои земли. Стоит нам выступить, и к нам присоединятся все оставшиеся на свободе эльфы, которым нынче приходится скрываться в лесах. Оружие и доспехи можно пока

брать у убитых троллей. Тяжела будет война эта, но меч мой приносит победу. — Кроме того, — проговорил он медленно, — у нашего войска есть теперь новое знамя, от которого боевой дух врага вряд ли поднимется, — он показал государю древко копья с воздетой на него головой Иллреда. Мертвые глаза тролльего короля были открыты, губы же его кривила злобная усмешка.

Король эльфов вздрогнул.

— Темно твое сердце, Скафлок, — промолвил он. — Ты сильно изменился со времени последней нашей встречи. Ну, да будь по-твоему.

ГЛАВА XXIV

Тем ранним утром в начале зимы Фрида добрела до усадьбы Торкеля сына Эрленда.

Выйдя спозаранку поглядеть, какая на дворе погода, достойный землевладелец тот глазам своим не поверил, увидев перед собой воительницу в латах из какого-то непонятного красноватого металла и чудных чужеземных одеждах, идущую прямо на него с простертыми вперед руками, как слепая.

Он потянулся было за копьем, которое всегда держал наготове за дверью, но рука его так и повисла в воздухе. В странной незнакомке узнал он Фриду дочь Орма. Надо же, воротилась-таки домой, хоть и исхудалая страшно, и взгляд какой-то пустой...

Торкель провел ее в дом. Хозяйка его, Оса, поспешила приветить гостью.

— Долго тебя не было, Фрида, — сказала она. — Добро пожаловать домой.

Девушка хотела ответить, но слова не шли у нее с языка.

— Бедное дитя, — прошептала Оса. — Идем, я уложу тебя в постель.

Тут домой воротился Аудун, оставшийся после гибели Эрленда старшим из сыновей Торкеля.

— Ну и денек! — сказал он. — Холоднее, чем сердце девицы благородных кровей. Ой, кто это?

— Фрида дочь Орма, — ответил Торкель. — Вернулась вот.

Аудун подошел к нежданной гостье. Лицо его светилось радостью.

— Так это же здорово, просто замечательно!

Он обнял ее за талию и хотел было поцеловать в щеку, но отпрянул, остановленный немой скорбью, которой полон был ее взор.

— Что с тобой?

— Что с ней? — рассердилась Оса. — Ты бы лучше спросил, чего с ней, бедняжкой, не было. Ступайте, мужики, а то топчетесь здесь, таращитесь... А мне надо уложить Фриду в постель.

Фрида долго лежала без сна, глядя в стену. Потом Оса принесла еды и заставила ее поесть немного, шепча ей что-то ласковое, как маленькому ребенку, и с материнской нежностью глядя ее по волосам. Тогда Фрида заплакала. Плакала она долго и на удивление беззвучно, Оса же держала ее в своих объятиях. Выплакавшись, Фрида уснула.

Позже Торкель предложил ей пожить пока в его доме, и она согласилась. Хотя она вскоре совершенно, вроде, оправилась, теперь никто не узнал бы в ней прежней веселой, жизнерадостной Фриды.

Торкель попросил ее рассказать, что с ней случилось. Она страшно побледнела и потупилась, так что он, испуганный, тут же сказал:

— Нет, нет. Не говори, коли не хочешь.

— Нет смысла скрывать правду, — проговорила она так тихо, что он едва мог разобрать ее слова. — Балгард морем отвез нас с Астерд на восток, к одному конунгу-язычнику, благосклонности которого он надеялся добиться таким даром. Но едва высадился он со своей дружиной на берег, как на них напал... другой викинг, вскоре обративший их в бегство. Астерд погибла в той схватке, меня же хёвдинг этот взял с собой. Но потом, не имея более возможности держать меня при себе из-за... одного важного дела, он оставил меня подле пепелища отцовской усадьбы.

— Доспехи и одежда у тебя были какие-то чудные...

— Мне дал их тот викинг, а где он их взял, не знаю. Я часто сражалась в битвах вместе с ним. Он был хороший человек, хоть и язычник, — Фрида, не отрываясь, глядела в пылающий в очаге огонь. — По правде, он был самый лучший, самый храбрый, самый добрый из людей. — Губы ее дрогнули. — И это понятно. Он ведь был хорошего рода.

Она вдруг вскочила и бросилась вон из комнаты. Глядя ей вслед, Торкель пробормотал, задумчиво теребя свою бороду:

— Всей правды она не сказала. И не скажет никогда.

И действительно, большего она не открыла даже священнику на исповеди. После той исповеди, уйдя одна из дома, взошла она на вершину высокого холма и остановилась там, глядя в небо. Зима

была уже на исходе, и день выдался ясный и нехолодный. Небеса были голубы, искрился на солнце снег.

Фрида тихо проговорила:

— Я совершила смертный грех, не сказав исповеднику, кто был тот, с кем делила я, не обвенчавшись, ложе. Но пусть этот груз останется лишь на моей душе, и я унесу его с собой в могилу. Отец Небесный, ты ведь знаешь, что грех наш был слишком чудесен и нежен, чтобы назвали его ужаснейшим из слов. Покарай меня, Господи, но его пощади. Ведь не ведал он, что творит,— она зарделась. — Мне кажется, что ношу я под сердцем бремя, что ведомо тебе, Мария. Нельзя, чтобы на невинного ребенка этого с рождения легла тень того, что сотворили его родители. Отец Небесный, Богоматерь Пресвятая, и ты, Спаситель, делайте со мной, что хотите, но пощадите невинного младенца.

Сойдя с холма, она почувствовала, что на душе у нее стало легче. Лицо ее раскраснелось от студеного ветра, волосы сверкали в лучах яркого солнца медью и бронзой, серые глаза были ясны. И когда повстречала она по пути домой Аудуна сына Торкеля, на лице ее играла улыбка.

Хотя Аудун был примерно ее возраста, на вид он был совершенно взрослый уже парень, высокий и широкоплечий. Он и в хозяйстве отлично со всем управлялся, и имел все задатки к тому, чтобы стать незаурядным воином. Завидя Фриду, он по обыкновению своему зарделся как маков цвет, застенчиво улыбнулся (красна девица, да и только!) и побежал ей навстречу, так что кудрявые белокурые волосы его вились по ветру.

— Я... искал тебя, Фрида, — проговорил он.

— Зачем? Осе что ли, нужно помочь по хозяйству?

— Нет, не совсем. То есть, совсем нет. Просто... я хотел поговорить с тобой.

Он пошел рядом с нею, потупив глаза, и лишь изредка украдкой взглядывал ей в лицо.

— Что ты собираешься делать дальше? — выпалил он вдруг.

При этих его словах чувство умиротворения вдруг покинуло Фриду. Она взглянула в небо, потом окинула взором раскинувшиеся вокруг поля. Моря с того места не было видно, но погода была ветреная, и издали доносился его неумолчный шум.

— Не знаю, — проговорила она. — Особого выбора у меня нет.

— Нет, есть! — воскликнул Аудун. Но больше он не сумел выговорить ни слова, хоть и ругательски ругал себя за это в душе.

Зима отступала уже, теснимая веселой воительницей весной. Фрида по-прежнему жила в доме Торкеля. К тому, что она ждет внебрачного ребенка, все отнеслись спокойно: чтобы не забеременеть после всего, что случилось, надо было страдать бесплодием. От обычных в ее положении утренних приступов тошноты она почти не страдала, то ли благодаря отменному здоровью, то ли от того, что общение с эльфами не прошло для нее даром. Поэтому она могла помногу помогать прикутившей ее семье по хозяйству, а когда работы не было, то совершала долгие прогулки, когда повезет, одна, а когда не повезет, то с неотвязным Аудуном.

Оса рада была обрести в ее лице помощницу и наперсницу: дочерей у доброй женщины этой не было, а работниц не хватало (торкелево хозяйство было много беднее ормова). Однако во время их с Фридой «разговоров» говорить почти все время приходилось самой Осе: Фрида лишь вежливо отвечала на ее вопросы (когда, занятая своими мыслями, умудрялась их услышать).

Поначалу жизнь в торкелевом доме была для нее одной сплошной мукой, не столько из-за потери родных и сознания совершенного ею смертного греха (это она, готовясь к радостям материнства, еще смогла бы перенести), сколько из-за разлуки со Скафлоком.

С тех пор как оставила она его тем морозным зимним утром, стоящего со страдальчески искаженным лицом подле пепелища ормовой усадьбы, не было от него ни единой весточки. Из земель, захваченных смертельными врагами его, собирался он отправиться в еще более страшный край, и наградой в том походе ему должен был стать лишь колдовской клинок, сулящий неминуемую смерть своему владельцу. Где-то он сегодня? Жив ли еще или лежит где-нибудь мертвый, а глаза его, которые смотрели на нее, Фриду, с такой нежностью, давно выклевали вороны? А может быть, он теперь сам спешит в объятия смерти, как прежде спешил в ее, Фриды, объятия? Или позабыл он уже то, что больно было помнить, и, отринув все, что было в нем человеческого, нашел себе утешение в холодных ласках Лиа? Нет, этого не может быть. До конца дней своих останется он верен своей любви.

Но жив ли он еще? Как он сейчас? Не грозит ли ему опасность?

Иногда она видела его во сне, всякий раз живым. Он нежно обнимал ее, и сердца их бились в унисон. Он шептал ей что-то на ухо, смеялся, говорил висы о любви, потом начинал ласкать. Фрида просыпалась в темноте на одиноком своем ложе, где воздух был вечно спертый из-за задернутых занавесок кровати.

Она сильно переменялась. После великолепия эльфийского двора и безумных, но таких счастливых дней, когда сражались они со Скафлоком с троллями, жизнь людей казалась ей скучной, даже жалкой. Торкель принял крещение лишь затем, чтобы иметь возможность вести дела с англами, и священника она видела редко. Однако, сознавая, что грешит в сердце своем, этому она была только рада. Мрачна казалась ей церковь в сравнении с лесами, холмами и певучим морем. Бога она любила по-прежнему, ведь земля — Его творение, тогда как церковь построена людьми. Однако теперь она не могла заставить себя часто призывать его.

Иногда же, не удержавшись, высказывала она ночью из дома и, взяв коня, скакала на север. Поскольку по-прежнему наделена она была тайным зрением, случалось видеть ей во время поездок этих кое-кого из Дивного народа: бегущего со всех ног прочь от нее крошечного карлика, сову, никогда не бывшую вылупившимся из яйца птенцом, идущий вдоль побережья черный корабль. Но те, кого она решалась окликнуть, проворно скрывались от нее, и ей так и не удалось узнать, как идет война.

И все же она находила отраду в кратких посещениях этого странного, сумеречного мира, мира Скафлока, мира, который когда-то ненадолго стал ее собственным.

Она стремилась отвлекать себя от тягостных мыслей работой, и молодое, крепкое тело ее расцветало. Прошли недели, потом месяцы, и она ощутила в себе то же самое движение, что побуждает птичьи стаи возвращаться весной в родные места, а деревья выпускать почки, похожие на сжатые кулачки младенцев.

Увидев свое отражение в заводи, она поняла, что из девчонки превратилась в женщину: формы ее округлились, грудь налилась, ток крови стал ровнее и спокойней. Она становилась матерью.

Вот если бы Скафлок мог увидеть ее сейчас!

— Нет, этого никак нельзя допустить. Но я все равно так люблю его, так люблю!

В дождевых потоках и шуме весенних гроз зиме пришел конец. На лугах и на ветвях деревьев показалась первая зелень. С юга прилетели птицы. Однажды Фрида увидела, как обескураженно кружат над отцовыми землями аисты, которые много лет гнездились на крыше ормовой усадьбы. Из глаз ее потекли слезы, тихие, как дождь в конце весны. В груди ее была страшная пустота.

Но это чувство вскоре прошло, изгнанное предвкушением радости. Не того сумасшедшего, буйного счастья, какое знавала Фрида в прежние дни, но покойной, умиротворенной радости. Она скоро станет матерью. И в сыне ее (или дочке, неважно) возродятся погибшие надежды.

Она стояла в сумерках под цветущей яблоней, и при каждом легком дуновении ветра на плечи ей падали, кружась в воздухе, бело-розовые лепестки. Зима прошла. Весна же была наполнена Скаф-локом. Он был повсюду: в облаках, в тенях, в рассветах и закатах, в плывущей по небосклону луне. В шуме ветра слышался его голос, а в рокоте моря его смех. Потом будут, конечно, еще зимы, их ведь нельзя изгнать из ежегодной крутоверти жизни природы. Но под сердцем она, Фрида, носит лето. И потому лету суждено возрождаться вновь и вновь.

Торкель собрался в плавание на Восток. По большей части, он намеревался действовать как мирный купец, а коли подвернется случай, так и промыслить кое-чего по-викингски. Они с сыновьями давно уж замыслили поход этот. Аудун, однако же, не проявлял прежней радости по поводу предстоящего плавания. Наконец, он прямо сказал отцу, что идти в море не может.

— Как так? — вскричал Торкель. — Ты же больше всех нас мечтал о походе, а теперь вот остаешься дома.

— Ну, надо же кому-то присмотреть за хозяйством.

— На то у нас керлы есть.

— У Орма тоже керлы были, — сказал Аудун, глядя куда-то в бок.

— Хозяйство у нас куда меньше ормова, соседи рядом совсем. И потом, ты что, забыл, что после того несчастья по всей округе выставляют теперь дозоры? — пронизательный Торкель устремил на сына долгий взгляд. — В чем дело, парень? Скажи мне правду. Рати, что ли, боишься?

— Ты отлично знаешь, что нет, — вспыхнул Аудун. — И хоть

ненавижу я кровопролитие, всякий, кто посмеет назвать меня трусом, поплатится за то жизнью. Но в этот раз не желаю я идти в поход. И все.

Торкель кивнул.

— Так значит, дело во Фриде. Я так и думал. Но ведь у нее никого из родни не осталось.

— Что с того? Она — наследница ормовых земель. А денег я добуду. В будущем году пойду викингом.

— А как насчет ребенка, прижитого ею от какого-то бродяги, о котором она никогда не говорит, но, похоже, все время думает?

— При чем здесь это? — сердито проговорил Аудун, глядя себе под ноги. — В этом нет ее вины, и уж давно вины ребенка, которому я с радостью замению отца. Ей нужна помощь, нужен кто-то, кто поможет ей забыть того негодяя, который бессовестно ее бросил. Кабы разыскать его, мерзавца! Тогда вы все узнали бы, боюсь ли я сечи!

— Ну что же... — сказал Торкель, пожав плечами. — Невольить тебя я не стану. Оставайся дома, коли хочешь. — Помолчав, он добавил: — Ты прав, не пропадать же землице-то той. Потом, Фрида, наверное, будет хорошей женой и родит тебе много могучих сыновей. — Он улыбнулся, хоть во взгляде его и сквозило еще какое-то смутное беспокойство. — Поухаживай за ней, попробуй завоевать ее сердце. Надеюсь, тебе повезет больше, чем Эрленду.

Как только отселились, Торкель сразу же вышел в море, взяв с собой остальных своих сыновей и множество других воинов. Они намеревались посетить много разных земель, лежащих по ту сторону Северного моря, так что домой собирались возвратиться лишь в конце осени или в начале зимы. Аудун с тоской глядел вслед их кораблю. Но когда взглянул он потом на стоящую рядом Фриду, сразу же понял, что принесенная им жертва не напрасна.

— Почему ты не пошел с ними? — спросила она. — Неужто чтобы проследить за жатвой?

Уши его пылали, но он сумел-таки ответить дерзким даже тоном:

— Ты же знаешь, что нет.

Она отвернулась и промолчала.

Дни становились все длиннее, а ночи светлее, и жизнь природы,

достигнув апогея своего расцвета, наполнилась теплыми ветрами, громкими дождями, пеньем птиц, ревом оленей, плеском речных рыб, многоцветием. Все чаще Фрида чувствовала, как шевелится в чреве ее младенец.

И все чаще оказывался подле нее Аудун. Иногда в порыве отчаяния она гнала его прочь. Но тогда на лице его была написана такая горечь, что Фрида потом долго мучилась утрызениями совести.

Чувства свои к ней он выражал совершенно бестолковыми какими-то словами, которые она и не слушала вовсе.

Погрузив лицо в охапку душистых цветов, которые он для нее нарвал, она видела сквозь лепестки их щенячьи-застенчивую улыбку Аудуна. Здоровенный, вообще-то довольно уверенный в себе парень этот был, как ни странно, слабее ее самой.

Если они поженятся, то это он будет отдан ей, а не она ему. То не Скафлок, а всего лишь Аудун. Где ты, Скафлок, любимый?

Но память о Скафлоке была уже чем-то вроде воспоминаний о прошлогоднем лете. Она согревала сердце Фриды, но уже больше не жгла его. Тоска же ее по возлюбленному была подобна озеру с темной стоячей водой, чью поверхность расцвели уже солнечные блики. Скорбеть до конца дней своих было бы слабостью. Если бы она, Фрида, поддалась этому чувству, то была бы недостойна их со Скафлоком любви.

Аудун ей нравился. И к тому же он обещал стать надежным защитником скафлоков ребенку.

Однажды вечером они стояли вдвоем на берегу моря. У ног их тихо плескались волны, пламенело закатное небо. Аудун взял фридины руки в свои и проговорил неожиданно решительным голосом:

— Ты же знаешь, Фрида, что я полюбил тебя еще прежде того похищения. В последнее время я не раз давал тебе понять, что желаю взять тебя в жены. Поначалу ты меня и слушать не хотела, потом выслушала, но ничего не ответила. Дай же мне теперь прямой ответ на мой вопрос. Если ты скажешь нет, я никогда больше тебя не побеспокою. Ты пойдешь за меня, Фрида?

Она взглянула ему в глаза и промолвила тихим, но твердым голосом:

— Да.

ГЛАВА XXV

В конце лета в северных землях пошли проливные дожди. Днем и ночью Эльфийские холмы были окутаны сероватым сумраком, продуваемым порывистыми ветрами и пронизанном вспышками молний. Тролли теперь редко решались покидать Эльфхолм: изгнанники-эльфы собрались уже в громадные отряды и, судя по всему, совершенно ни в чем не нуждались, получая откуда-то припасы и оружие. А ведь эльфы — известные мастера устраивать хитроумные засады. Принужденные постоянно оставаться в замке, тролльхеймские воины слонялись без дела, играли на деньги в зернь, затевали ссоры друг с другом. И пили, пили без конца. Ожесточившиеся, снедаемые подспудным страхом, они стали крайне раздражительны, и от любого неосторожно оброненного слова могла вспыхнуть драка не на живот, а на смерть. Наложницы же их, эльфийки, вдруг стали такими капризными, что и дня не проходило без того, чтобы прежние друзья не рассорились из-за них вдрызг, и часто случалось, что воины убивали друг друга из-за женщин.

По окутанным голубым сумраком переходам Эльфхолма гуляли слухи один страшнее другого. Иллред погиб, его отрубленную голову враги держат в рассоле, а перед битвой надевают на древко и несут впереди войска вместо знамени. Новый король, Гуро, не может вести войско так, как Иллред: неоднократно уже пытался он дать эльфам решительный бой, и всякий раз принужден был отступить. Под водительством демона на громадном коне, имеющего дьявольский меч и дьявольскую же отвагу, эльфы побеждают тролльи рати, вдвое превосходящие их числом.

Кто-то из шептунов утверждал даже, что Вендланд пал, а жуткий этот эльфийский хёвдинг приказал своим воинам перебить окру-

женных троллей всех до единого. Здоровенное поле было сплошь завалено мертвыми телами, так что его можно было пройти из края в край, ни разу не ступив на землю, а все только по трупам.

Твердыни в Норвегии, Швеции, на Готланде и в Дании неприятель взял уже приступом, говорил другой. Причем, хоть и были замки эти отличной эльфийской постройки, и могли бы выдержать долгую осаду, но враг захватил их так же быстро, как прежде они были отданы троллям. А дружины их все перебиты. Эльфы захватили в одной ютландской гавани целый флот, и теперь совершают набеги на сам Тролльхейм.

Оставшиеся в живых союзники и наемники откололись от троллей. Говорили, что рать шэней напала в Гардарики на своих союзников троллей и всех их перебила. Гоблины подняли восстание и разорили то ли три тролльих города, то ли пять, то ли целую дюжину.

Эльфы хлынули в Валланд. Тролли отступили перед ними, потом отступление превратилось в бегство, и наконец, когда их прижали к морю возле древних кромлехов и менгиров, началась самая настоящая бойня. Много говорили и об ужасном коне, что убивал воинов копытами, и о еще более жутком клинке, что разрубал металл как масло, при этом никогда не затупляясь.

Валгард, который с каждым месяцем становился все мрачнее, суровей и малословней, пытался поддержать пошатнувшийся боевой дух своего воинства.

— Эльфы собрались с духом, — говорил он. — Они собрались с силами. Разве не случалось вам видеть, как бьются в агонии смертельно раненые? Они сейчас растратят свои последние силы, а победить им все равно не удастся.

Но тролли видели, что из-за пролива приходит все меньше судов, а вести, что они приносят, все хуже (пока, наконец, Валгард не запретил своим воинам беседовать с прибывшими с континента), что повстанцы во главе с Огнедротом и Фламом Оркнейцем с каждой ночью все больше смелеют и теперь даже целая рать не застрахована от их нападения, что неприятель метко разит тролльхеймцев стрелами, что немало их гибнет и во время стремительных эльфийских набегов, совершаемых верхами или же по воде, что ирландские сиды усиленно вооружаются, явно готовясь к войне, что сами тролльхеймские воины снедаемы усталостью и отчаянием, а многие

и умело подогреваемой лукавыми эльфийками ненавистью друг к другу.

Вверх-вниз по переходам замка, от вершин башен, где гнездились кречеты и альпийские вороны, до самых глубин подземелий, населенных жабами и пауками, рыскал, сыпля ругательствами и раздавая своим соратникам тычки, Валгард. Иногда в припадке ярости он даже бросался на своих подчиненных с топором и некоторых зарубил насмерть. Он чувствовал, что в сумеречно-голубых стенах Эльфхолма оказался в западне, в которую загнали его рышущие вокруг замка повстанцы, растущие с каждым днем рати короля эльфов, вся его прежняя жизнь. И поделаться с этим он ничего не мог.

Делать вылазки не было никакого смысла. Это было все равно, что биться с теньями. Подлым повстанцам всегда удавалось скрыться после того, как неизвестно откуда вылетевшая стрела поражала в спину одного из троллей. Или он был задушен насмерть наброшенным ему на шею арканом. Или проваливался вместе с конем в хитроумно замаскированную яму, дно которой усажено острыми кольями. Даже за столом нельзя было чувствовать себя в безопасности. Время от времени кто-нибудь из троллей умирал, явно от яда, и ни одна из прислуживавших за столом сладкоречивых эльфиек не могла дать тому никакого объяснения. И действительно, отравителями могли оказаться товарищи убитых — тролли, затаившие на них какую-нибудь обиду.

Коварны и терпеливы были эльфы, умевшие и самые слабости свои обращать в сильные стороны и всегда дожидавшиеся подходящего момента, прежде чем нанести удар. Тролли их не понимали и стали бояться этого народа, который прежде числили уже в побежденных.

И который готовился теперь нанести поражение им самим, мрачно думал Валгард. Однако воинов своих он всеми возможными способами стремился удержать от пораженческих настроений, хотя и не мог совсем прекратить обмен слухами и постоянные драки.

Ему не оставалось ничего другого, как, сидя на имриковом почетном хозяйском месте, осушать одну за другой чаши с огненным вином. Валгарду прислуживала Лиа, и кубок его никогда не бывал пуст. Он пил молча, постепенно все больше сникая, пока у него не начинало все плыть перед глазами, и он не сползал на пол.

Однако часто, когда чувствовал, что может еще держаться на ногах, он поднимал свое могучее тело с трона и, слегка покачиваясь, шел прочь из пиршественного зала, где на полу, в лужах разлитого вина и собственной блевотины храпели тролльи военачальники. Взяв факел, он с трудом спускался по грубо высеченным в скале ступеням и, то и дело опираясь о скользкую влажную стену, добирался до двери, ведущей в одну известную ему темницу.

Покрытое запекшейся кровью белое тело Имрика блестело в полумраке при тусклом свете огня, разложенного под его ногами. Следивший за огнем марокканский бес добросовестно поддерживал его, и эльфийский князь висел над тем огнем, подвешенный за большие пальцы рук, ни разу не получив ни еды, ни питья. Живот его впал, кожа обтягивала ребра, язык почернел. Но он был эльфом, и этого было недостаточно, чтобы жизнь покинула его.

Он устремил на Валгарда непроницаемый взгляд своих раскосых сумеречно-синих глаз, и от этого по спине усилка как всегда пробежал холодок. Берсерк усмехнулся, чтобы скрыть свой страх.

— Догадываешься, зачем я пришел? — сказал он хриплым голосом, покачнувшись от избытка выпитого.

Имрик не ответил. Валгард ударил его кулаком по лицу. В полнейшей тишине, стоявшей в подземелье, удар показался очень громким, и от него тело узника стало сильно раскачиваться на веревках. Бес отпрянул в сторону. В сумраке ярко блестели его глаза и клыки.

— Догадался, небось, коли мозги не совсем еще ссохлись, — проговорил Валгард. — ведь за этим делом я и раньше приходил. И еще приду.

Он снял со вбитой в стену скобы бич и пробежал пальцами по его заскорузлым концам. Глаза его блестели. Он облизал губы.

— Ненавижу тебя, — сказал он, приблизив свое лицо к имрикову. — Ненавижу за то, что ты привел меня в этот мир. Ненавижу за то, что ты лишил меня наследия. Ненавижу за то, что ты таков, каким я никогда не смогу и не желаю даже стать, подлый ты эльф. Ненавижу за пакости, что ты натворил. Ненавижу за то, что не могу добраться до твоего приемного сына. Так что придется тебе расплачиваться и за него тоже. Теперь же!

Он поднял бич. Бес забился в угол. Имрик не пошевелился и не сказал ни слова.

Когда одна рука у Валгарда устала, он перехватил бич другой. А когда и другая онемела от усталости, швырнул бич на пол и вышел вон из темницы.

Хмель у него прошел, оставив после себя лишь холод да головную боль. Проходя мимо окна, Валгард слышал шум дождя.

Лету наступал конец. Тому самому ненавистному троллям лету, которого Валгард ждал с таким нетерпением, в надежде повалиться на травке возле какой-нибудь певучей речки, и которое на деле провел в бесплодных погонях за эльфийскими повстанцами, либо сидя в стенах постылого Эльфхолма как зверь в клетке. Конец наступал и Тролльхейму. Из Валланда не поступало более никаких известий. Последняя же дошедшая оттуда весть была о том, что враг сплошь усеял огромное поле телами троллей.

Неужели дождь этот проклятый никогда не кончится? От окна на Валгарда дохнуло такой сыростью, что по его телу прошла дрожь. Сверкнула голубоватая молния, ударил гром.

Он побрел вверх по лестнице в свои покои. Часовой тролль спал на посту, упившись до потери сознания. Все они такие. Только и знают, что пьянствовать да убивать своих же товарищей. Разве есть в этой вонючей орде хоть одно существо, которому он, Валгард, мог бы открыть сердце?

Добредя до своей опочивальни, он остановился на пороге, ссутулившийся, но все равно громадный. Лиа приподнялась на ложе. «Хорошо, хоть она не такая стерва, как другие эльфийки, — хмуро подумал он. — Поддерживает меня во всем, утешает, когда тяжело на душе...»

Снова сверкнула молния. Содрогнулся от удара грома пол палаты. Завывал ветер, по оконному стеклу барабанили капли дождя. Гобелены колыхались от холодного сквозняка, огоньки свечей трепетали.

Валгард тяжело опустился на край ложа, и Лиа обвила его шею руками, устремив на него холодный, как лунный свет, взор. Улыбка эльфийки, шелковистость и пряный аромат ее тела влекли Валгарда, хоть и в них совершенно не было тепла. Она проговорила тихим, ласковым, едва слышным сквозь шум бури голосом:

— Что ты делал, пока не были мы вместе, господин мой?

— Ты же знаешь что, — сказал он. — Интересно, почему ты ни разу не попыталась остановить меня?

— Сильные поступают со слабыми, как сочтут нужным, — она проникла рукой своей под его одежды, давая ему понять, как именно он может поступить с нею, но он не обратил на это внимание.

— Верно, — он стиснул зубы. — Закон этот хорош для того, кто силен. Но троллей теперь ждет поражение, поскольку Скафлок (из того, что я слышал, я заключаю, что это именно он) привез откуда-то клинок, крушащий все на своем пути. Так чего теперь ждать от закона от этого? — Валгард повернулся к Лиа и устремил на нее мрачный взгляд. — Чего я никак не могу взять в толк, так это причины столь быстрого падения могучих твердынь, что находились в руках троллей. Пусть даже эльфы побеждали троллей в поле. Как же такие-то стены их не остановили? Некоторые из замков так и оставались в руках эльфов, несмотря на все наши усилия. Некоторые мы принудили к сдаче, обложив со всех сторон и моря их защитников голодом. Большинство, как этот, сдались без боя. Везде были оставлены сильные дружины с большими запасами продовольствия. Тем не менее, все эти замки оказались в руках неприятеля, едва только войско короля эльфов приблизилось к их стенам, — он покачал своей нечесаной головой. — Как такое могло случиться? Как? — Схватив Лиа своими лапищами за плечи, он принялся ее трясти: — Эльфхолм не будет захвачен врагом! Не может он пасть. Я удержу его, даже если боги ополчатся на меня. Как же жду я битвы! Лишь в бою вновь обрету я бодрость духа. И мои усталые, во всем изуверившиеся воины тоже. Мы разгромим неприятеля, прогоним его прочь. А скафлокову голову, воздев на пику, выставлю я на всеобщее обозрение на стене замка.

— Конечно, конечно, мой повелитель, — проворковала Лиа, улыбнувшись чему-то своему, тайному.

— Я силен, — рычал он. — Когда был я викингом, мне случалось одолевать врагов даже голыми руками, безо всякого оружия. Я бесстрашен и хитроумен. Много побед одержал я и в будущем не изведаю поражения. — Вдруг помрачнев, Валгард отпустил Лиа и уронил руки себе на колени. — Но что с того? — прошептал он. — Почему я таков? Потому что Имрик сделал меня таким. Он сделал меня двойником ормова сына. И жизнь мне дана лишь с одной этой целью. И сила моя, и лицо, и мозг, все не мое, а Скафлока.

Молнии сверкали так, что казалось, будто на землю вырвался самый огонь Хеля. Гремел гром. Завывал ветер. По оконному стеклу барабанил дождь. От внезапно возникшего сильного сквозняка в покое вдруг потухли все до единой свечи.

В то и дело прерываемой вспышками молний темноте Валгард принялся раскачиваться взад-вперед и зачем-то шарить вокруг себя руками.

— Убью его. А тело утоплю в море. Потом убью Имрика, Фриду и тебя, Лиа, всех, кто знает, что я нежить, призрак, чарами заключенный в подобие человеческого тела. Нет тепла в моей плоти, холодны мои руки... — Раскаты грома следовали один за другим. — Давай, бросай сюда свой молот, — взвыл Валгард. — Шуми, пока можешь. Скоро низвергну я своими холодными руками столпы, на которых зиждутся палаты богов. Мир содрогнется от тяжелой моей поступи. Я обрушу на него бури, напущу вселенскую тьму. С севера повсюду расползутся сметающие все на своем пути ледники. Где ни пройду я, все будет обращаться во прах. Я — Смерть!

Послышался отчаянный стук в дверь, который, однако же, был едва слышен сквозь шум бури. Зарывав по-звериному, Валгард ринулся к двери, распахнул ее. И сразу же вцепился руками в горло стоявшего за ней усталого промокнувшего тролля.

— А начну я с тебя, — сказал он. На губах его выступила пена. Гонец силился освободиться, но троллей силы его не хватило для того, чтобы вырваться из валгардова железного захвата.

Когда же тролль мертвый упал на пол, приступ берсерковского неистовства у Валгарда прошел. Сразу ослабев, он прислонился, дрожа всем телом, к дверному косяку.

— Глупо вышло, — прошептал он.

— А вдруг он был не один? — проговорила Лиа.

Она вышла на лестницу и крикнула:

— Эй, там, внизу! Князь желает, чтобы все недавно прибывшие в замок предстали пред его очи.

На площадке у подножия лестницы показался другой тролль, тоже измученный, едва стоящий на ногах. Щека его была страшно распорота. Намерения подняться вверх по ступеням он, впрочем, не выказал.

— Нас было пятнадцать, — простонал он. — А остались в жи-

вых только мы с Хру. Проклятые повстанцы преследовали нас всю дорогу.

— Так какую же весть велено тебе передать? — спросил Валгард.

— Эльфы высадились в Англии, государь. Ходят также слухи, что войско ирланских сидов во главе с самим Лугом Длиннорукиим прибыло к Шотландию.

Валгард мрачно кивнул.

ГЛАВА XXVI

Под прикрытием осеннего ненастья Скафлок отправился во главе отборной эльфийской рати в Англию. Король эльфов остался на континенте командовать остальной частью войска, которая должна была изгнать из тамошних эльфийских владений остатки тролльих орд. На прощание король сказал Скафлоку, что захватить Англию будет непросто, а коли удастся троллям отбить нападение, Британия может стать местом сбора их разрозненных сил, а позднее, возможно, и плацдармом для нового вторжения в центральные земли Альфхейма.

— Мой меч несет победу, — проговорил, пожав плечами Скафлок.

Прежде чем ответить, король устремил на него долгий взгляд.

— Будь осторожен с клинком этим. Пока что он хорошо служил нам. Но нельзя забывать о природном его вероломстве. Рано или поздно он неминуемо должен обернуться против своего владельца. И случиться это может в тот момент, когда Альфхейм будет нуждаться в тебе более, чем когда бы то ни было.

Скафлок не стал долго над этим раздумывать. Не то чтобы он так уж хотел умереть. Нет, на земле у него осталось еще немало дел. Но кто знает, может, пройдут годы, прежде чем погубит его рунный меч. Как бы то ни было, он твердо решил, что никогда не будет пытаться избавиться от волшебного клинка. Ведь тот давал ему такое, чего больше ничто на свете не могло бы дать. Когда рубился он в битве рунным мечом, его вовсе не охватывало берсерковское неистовство. Напротив, сознание его было ясно как никогда. Просто в такие минуты он как бы вырывался из узких рамок, определенных природным его естеством, сливаясь воедино и с делом, которое чает, и с оружием, что служит

ему в этом деле. Мало кому дано изведать такие ощущения, разве одним лишь богам. Впрочем, у Скафлока и раньше возникало почти такое же чувство. Когда Фрида была с ним.

Корабли, воины и кони были тайно собраны в укромных бретонских бухтах. Вождям эльфийских повстанцев в Англии Скафлок послал весть, чтобы собрали они из разрозненных своих отрядов единую рать. И вот, однажды ночью, когда в северных морях повсюду бушевали шторма, скафлоков флот двинулся через пролив.

С черного, то и дело озаряемого вспышками молний неба сыпался снег с дождем. Сквозь вой ветра слышались раскаты грома. Мчащиеся с запада громадные пенистые валы с ревом обрушивались на берег. В такое ненастье даже эльфы убоялись поставить паруса, так что пришлось им идти через пролив на веслах. В лицо им летели капли дождя и брызги соленой воды. Вскоре мореходы вымокли до нитки. По веслам и украшенным драконьими головами носам кораблей ползли голубоватые блуждающие огоньки. Эльфы налегали на весла так, что у них чуть мышцы на руках не лопались. Ветер грозил ударить корабли о скалы или друг о друга.

Скафлок усмехнулся и сказал:

*Это ж надо, как лобзают
Дочки Ран нас в эту ночь!
От безумной этой ласки,
Право, впору изнемочь.
Как кричат они от страсти,
Как волнуется их грудь!
Как бы в хладных их объятиях
Нам навеки не уснуть.*

Стоя на носу преодолевающего сильнейшую качку драккара, увидел Скафлок вдали родной берег и в тот же миг почувствовал, что долго тлевшая под спудом тоска снова безудержно рвется вон из сердца. Он сказал вису:

*К родным английским берегам
Нам выпала дорога.
Нам предстоит прогнать врага*

*От милого порога.
Об этом только всех вокруг
И помыслы, и речи.
Я ж нынче думать не могу
О предстоящей сече.
Английский берег впереди,
И сердце рвется из груди
В отчаянной надежде:
Вдруг здесь, на этом берегу
Я Фриду отыскать смогу,
И будет все как прежде.*

Потом ему стало не до стихов. Не так-то просто в такое ненастье обогнуть крутой мыс...

Когда же эльфийским судам удалось это сделать, они оказались в защищенной от ветра бухте, где уже ожидал их, как и было условлено, небольшой отряд повстанцев. Воины сошли на берег. Драккары были вытащены на взморье и закреплены.

Затем воины поспешно надели доспехи. Капитан одного из драккаров сказал Скафлоку:

— Ты еще не распорядился насчет того, кто из воинов останется охранять корабли.

— Никто, — ответил тот. — Все до единого воины понадобятся в сражениях, что предстоят нам в глубине английских земель.

— Как это? Ведь тогда тролли могут сжечь наши корабли, и все пути к отступлению будут отрезаны.

Скафлок оглядел то и дело высвечиваемое вспышками молний взморье.

— Для меня пути к отступлению так и так нет, — проговорил он. — Я не покину Англию ни живой, ни мертвый до тех пор, пока не будут изгнаны с этой земли тролли. Все до единого.

Эльфы воззрились на него в удивлении, смешанном даже с благоговением. В этот миг он не был похож на смертного. Он возвышался надо всеми, громадного роста воитель, с ног до головы закованный в стальную броню, с колдовским мечом у пояса и совершенно волчьими зеленоватыми огоньками в глубине голубых, как льдинки, глаз. Эльфам подумалось тогда, что он обречен.

Скафлок же вскочил на своего ётунского коня и крикнул, перекрывая шум ветра:

— Трубите в рога! Нынче у нас большая охота!

Альфхеймская рать выступила в поход. Лишь примерно у трети воинов имелись кони. Остальные надеялись разжиться лошадьми за счет врага. На суше эльфы предпочитали биться верхами, как, например, франки с нормандцами, в отличие от англо-саксов и данов, всегда любивших сражаться в пешем строю. На головы воинам по-прежнему изливались бесконечные потоки дождя, под ногами у них шуршала мокрая опавшая листва, ветер доносил уже первое пронзительно-холодное дыхание новой зимы.

Через некоторое время услышали они в отдалении басовитый рев троллчих рогов. Эльфы подняли оружие, и лица их осветились улыбкой.

Каждый из воителей достал из-за спины свой щит и взял его в левую руку. Снова запели луры.

Скафлок гарцевал на могучем скакуне своем впереди построенного клином войска. В тот миг он не испытывал особой радости. Мысль о предстоящем новом кровопролитии угнетала его. Но он знал, что стоит ему обнажить свой рунный меч, как все будет по другому. Поэтому он с нетерпением ждал битвы.

Вот на склоне холма появились тролли. В почти полной темноте вражеское войско с такого расстояния казалось просто какой-то черной массой. Должно быть, то были воины из какого-нибудь близлежащего замка, скорее всего, Эльфархойра. Почувяв пришельцев, они решили пойти на вылазку. Троллье войско было довольно велико, и с этим нельзя было не считаться, хоть и уступало оно эльфийской рати. Половину его составляли конники. Скафлок услышал, как позади него кто-то радостно сказал:

— Вот где добуду я себе коня!

Один из ехавших подле Скафлока эльфийских вождей был в менее радужном настроении.

— Мы превосходим их числом, но не настолько, чтобы раздавить с налета. Случается, что и небольшая рать одолевает сильного противника.

— Не думаю, чтобы они смогли нас победить, — ответил Скафлок. — Но коли понесенные нами потери будут велики, следующее

сражение может стать для нас последним. — Он нахмурился. — Проклятье, где же рать английских эльфов? Они должны были уже присоединиться к нам. Если только гонцов наших не перехватили по дороге...

Взревели тролли рога. Вражья рать ринулась в атаку. Скафлок выхватил из ножен меч и воздел его высоко над головой. Ослепительно сверкал клинок тот при вспышках молний. Казалось даже, будто по нему волнами пробегают голубое пламя.

— Вперед! — скомандовал Скафлок, давая шпоры своему коню. Им вновь владело ощущение всемогущества.

Невидимые в темноте и неслышные за шумом бури, во врага полетели смертоносные дротики и стрелы. Однако попасть точно в цель было трудно из-за порывистого ветра, и потому обе рати предпочли как можно скорее вступить в рукопашный бой.

Скафлок рубился, привстав на стременах. Какой-то тролль нанес ему сильный удар, но тут же сам был разрублен скафлоковым клинком чуть ли не пополам. Вот приблизился, заноса топор, другой вражеский конник. С жутким свистом рассекал воздух, обрушился рунный меч на шею того врага. Вот новый противник ударил Скафлока копьем. Острие, однако, скользнуло по щиту, не причинив воителю никакого вреда. Скафлок перерубил пополам древко копья, а сам нападающий был тут же затоптан в грязь ётунским скакуном.

Битва разгорелась уже вовсю. Мелькали в воздухе мечи и топоры. Сталкиваясь, клинки с ужасающим лязгом высекали друг из друга целые снопы искр. А при удачных ударах рвали доспехи и плоть вражеских воинов. Падали наземь убитые воители. Плясали пляску смерти непрестанно сверкающие молнии.

Скача на могучем своем коне по волнующейся ниве битвы, Скафлок без устали разил врагов рунным мечом. Каждый из смертоносных ударов этих, сокрушавших доспехи и кости вражеских ратников, отдавался в его собственный руке. Множество ударов было направлено и в него самого, но их с невероятной быстротой отражал он щитом и мечом. Похожий на ястребиный крик свист меча его был слышен даже сквозь завывания ветра и раскаты грома. Никто из врагов не мог устоять перед натиском Скафлока, и вскоре ему с отрядом своих воинов удалось прорубиться сквозь вражескую рать и напасть на нее с тыла.

Тролли, однако, бились весьма упорно. Они разделились на небольшие группы и заняли круговую оборону. В эльфов снова полетели стрелы. Когда же попытались эльфийские конники смять те очаги сопротивления, то потеряли немало коней, которых тролли при всякой возможности убивали своими длинными копьями. Немало эльфов пало под ударами вражеских палиц и топоров. Но где же обещанное подкрепление? Где?

Как будто в ответ на этот скафлоков вопрос где-то неподалеку запел эльфийский рог. Потом отозвался другой. Потом послышался похожий на ястребиный крик клич эльфийских воителей, и во врага тут же полетели бесчисленные стрелы и дротики. И сразу вслед за тем в битву из ночной тьмы ринулись сотни радостных, хоть и одетых в какую-то рванину, воинов.

— За Альфхейм!

Впереди той рати скакал неунывающий Огнедрот. С мокрого шлема на веселое лицо его стекала дождевая вода, с острия же копья капала на землю зеленая троллья кровь. Плечом к плечу с ним рубился своим тяжелым, сильно зазубренным в сечах топором Флам Оркнеец. Много и других прославленных эльфийских вождей было в той рати, которая, казалось, восстала из самой земли английской, не желавшей больше терпеть оскорбительного присутствия чужеземных захватчиков.

Соединенными усилиями эльфам ничего не стоило разделаться с остатками троллей рати, и вскоре из врагов на поле брани остались одни лишь мертвецы. Скафлок собрал вождей повстанцев, включая Огнедрота и Флама, на совет, который участники его провели, не сходя с коней.

— Мы изо всех сил спешили на соединение с вами, — сказал Огнедрот. — Однако нам пришлось задержаться, чтобы захватить Руинхолм: ворота нам открыли, и троллей оставалось совсем немного. Как здорово женщины справились со своей задачей! Думаю, и к нашему прибытию в Эльфархойр тоже все будет готово. Ведь большая часть тамошних троллей уже перебита.

Он указал на распростертые на земле тела вражеских ратников.

— Вот и отлично, — кивнул Скафлок. После того как битва была закончена и меч убран в ножны, он вновь ощутил усталость. Гроза заканчивалась. Лишь изредка сверкали отдаленные зарницы да ро-

котал далекий уже гром. Ветер утих, и только тяжелые потоки дождя изливались еще со светлеющих небес.

— Эринские сиды тоже вступили в войну, — промолвил Огнедрот. — Луг высадился в Шотландии, Мананнан же разит троллей в северных водах и на островах.

— Сдержал, значит, свое слово, — Скафлок как будто даже немного повеселел. — Мананнан — верный друг. Изо всех богов лишь ему одному можно верить.

— Это потому, что он не бог уже, а полубог. Утратив большую часть своего могущества, он теперь принадлежит к Дивному народу, — процедил сквозь зубы Огнедрот. — С богами же лучше не вести никаких дел. И с ётунами тоже.

— Надо идти, — проговорил Флам. — Пора о дневке подумать. Рассвет уж скоро. Дневать будем в Эльфархойре. Давненько не спал я в нормальном эльфийском покое в объятиях эльфийки!

При этих словах лицо у Скафлока будто судорогой свело, но он ничего не сказал.

Вслед за ненастьем первых осенних дней установилась хорошая погода, которая продержалась в том году необычайно долго.казалось, сама земля английская приветствовала воротившихся из изгнания любимых сынов своих. Иным из них суждено было в те дни навсегда лечь в родную землю, и о них грустили, шелестя на ветру, пламенеющие листья кленов. Листва других деревьев тоже окрасилась уж в тысячи золотистых и бронзовых оттенков осени, и негромкая песнь ее разносилась по окутаным легкой дымкой холмам под безмятежно-покойным небом. В ветвях суетились, собирая запасы на зиму, белки, ревели олени, с небес доносился гомон улетающих на юг птичьих стай. Ночи стали на удивление многозвездны, причем звезды светили так ярко, что, казалось, их можно было взять рукой с черного хрусталя небосклона.

Эльфам неизменно сопутствовала удача. На севере, на юге, на западе и востоке, везде удавалось им сокрушить врага, причем их собственная рать не несла почти никаких потерь. И не только потому, что теперь у них были могучие союзники. Эльфийское войско

регулярно снабжалось всем необходимым, а после того как королю эльфов удалось полностью очистить от врага свои центральные земли, с континента стали еженедельно прибывать мощные подкрепления. Эльфы легко отвоевывали назад свои твердыни, одну за другой. Тролли же, напротив, не получали более ни припасов, ни подкреплений: Мананнан установил полную морскую блокаду Британии. К концу осени иные из эльфийских воинов жаловались уже, что теперь трудно найти достойного противника для хорошей драки.

Скафлок это не радовало, потому что он знал причину создавшегося положения: обнаружив, что эльфийская рать начала по частям уничтожать его войска, Валгард стал со всевозможной поспешностью стягивать их к Эльфхолму. Позади оставлялись лишь небольшие отряды, которым, впрочем, удавалось задержать наступление эльфийского войска, давая возможность главным тролльным силам без помехи отступать к твердыне этой.

Хоть Скафлок не сомневался, что и объединенной троллей рати не устоять перед натиском его войска, велика была вероятность того, что за победу в такой битве придется заплатить немалую цену.

Само по себе это его не печалило, но такое бестолковое решение задачи претило ему как знатоку военной науки. Поэтому он силился придумать какой-нибудь план, чтобы разбить троллей половчее. Однако собраться с мыслями ему было непросто, ведь они поминутно обращались к совсем не связанному с войной предмету.

Утихшая было в военное безвременье сердечная боль его возвращалась именно по мере приближения победы, для которой он так много сделал. Битвы сменились небольшими стычками, потом охотой на троллей-одиночек. Потом прекратилось и это. По многу дней подряд, а потом и по целым неделям не приходилось ему обнажать свой меч. Вот тогда-то и проснулась память. Он надеялся, что душевная рана его уже затянулась, а оказалось, что нет. Он и сам не знал, что терзает его сильнее, думы ли, что приходили, когда лежал он без сна дни напролет, или сны, которые снились ему, когда все же удавалось заснуть.

Так проходила для него, близясь уже к концу, осень. И вот однажды все переменялось. Однажды ночью в Денло Огнедрот (которого Скафлок держал в таком же неведении относительно своих сердечных дел, как всех прочих, позволяя им предполагать, что он то ли

расстался со своею возлюбленной из смертных, наскучив ею, то ли отправил ее на время к людям), нарочно отыскал его в лагере и сказал:

— Может быть, тебе интересно будет узнать, что скача в сумерках мимо одной здешней усадьбы, я видел женщину, весьма похожую на Фриду дочь Орма. Она на сносях. И, видно, носит она не только ребенка под сердцем, но и скорбь в сердце тоже.

Вечером Скафлок в одиночку отправился в путь. Вороной его шел шагом, двигаясь вопреки своему обыкновению не быстрее, чем обычный конь, на каких ездят смертные. Под копытами его шуршала опавшая листва, немало влекомых прохладным ветром желтых листьев кружилось и в воздухе. Те же, что держались еще на ветвях, блистали таким великолепием золотистых тонов, как будто приглашали одинокого всадника сплести себе из них венок, который превзошел бы красотой своей корону любого из властелинов девяти миров. Пока ехал Скафлок знакомым до боли лесом этим, на землю тихо спустились сумерки, а вместе с ними и легкий, прозрачный туман.

Скафлок держался в седле очень прямо, хоть и был немало отягощен шлемом, доспехами и огромным мечом. Ниспадавшие на плечи из-под шлема длинные светлые волосы его шевелил ветер. На суровом загорелом лице была написана решимость, и, глядя на него, никто не угадал бы, как мучительно скоро стучит скафлоково сердце, как шумит в ушах кровь, какая ужасная сухость у него во рту, как противно вспотели ладони.

Сумерки сменились наполненной шорохами темнотой. Переезжая через прозрачный студеный ручей, заметил наделенный тайным зрением всадник, что поток тот влечет к морю множество похожих на крошечные челны сухих листьев. Где-то ухнула сова, над головой поскрипывали на ветру ветви деревьев. Но внизу, возле земли, не было иных звуков, кроме мучительного стука скафлокова сердца.

Ах, Фрида, ужели ты и впрямь совсем уж близко?

Когда же добрался Скафлок до усадьбы Торкеля сына Эрленда, темный небосклон расцветился уже множеством звезд. Он прошеп-

тал надобное заклинание, и дворовые псы молча убрались прочь, а поступь ёгунского коня стала совершенно беззвучной. Усадьба была погружена во тьму, лишь через щелку у порога передней двери пробивался красноватый отсвет разведенного в очаге огня.

Скафлок спешил. Ноги его не слушались, и для того, чтобы пройти несколько шагов, отделявших его теперь от двери, ему пришлось собрать всю свою волю. Дверь была заперта изнутри, и ему пришлось остановиться перед нею, чтобы вспомнить заклинание, позволяющее отложить засов.

Торкель был хозяин не из бедных, но отнюдь не ярл. Главный зал в его доме был невелик, и ночевали там разве что гости.

Фрида по своему обыкновению допоздна засиделась у очага. Дверь, ведущая во внутренние покои отворилась, и в зал вошел Аудун. Глаза его сверкали ярче даже, чем огонь в очаге.

— Я не мог уснуть, — проговорил он. — А все спят. И как им это только удастся? В общем, я решил одеться и придти сюда. Может, хоть сейчас нам с тобой удастся поговорить так, чтобы на нас не глазели.

Он уселся на скамью подле Фриды. В свете догорающего огня в очаге волосы ее сверкали красноватым блеском. Полагающегося замужним женщинам платка она по-прежнему не носила, но в последнее время стала заплетать косы.

— Я просто не могу поверить своему счастью, — сказал Аудун. — Со дня на день должен вернуться отец, и тогда мы поженимся.

Фрида улыбнулась. — Сначала мне надо родить и оправиться от родов. Правда, теперь час мой может наступить в любое время.

— А ты правда не таишь в сердце зла на меня и... на него? — медленно проговорила она, внезапно посерьезнев.

— Конечно, нет! Сколько раз тебе говорить. Твой ребенок будет для меня все равно как мой собственный.

Он обнял ее.

Засов сам собою отложился, дверь отворилась, и в зал ворвался студеный ночной ветер. Увидев выступившую из темноты высокую фигуру, Фрида, внезапно онемев, поднялась со скамьи и попятилась прочь. Наконец дорогу ей преградила стена.

— Фрида, — прохрипел Скафлок в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев в очаге.

Фрида вдруг почувствовала, что задыхается, как будто грудь ей сдавило железным обручем. Сама не осознавая, что делает, она подняла руки, широко раскинув их в стороны, ладонями друг к другу.

С отрешенным видом, как сомнамбула, Скафлок двинулся к ней. Она тоже шагнула ему навстречу.

— Стой! — внезапно разорвавший тишину крик Аудуна прозвучал невероятно, пугающе громко. Сам же Аудун схватил стоявшее в углу копьё и встал между Фридой и Скафлоком.

— Стой, тебе говорят! — заикаясь, проговорил он. — Кто ты такой? Что тебе нужно?

Скафлок сотворил знамение и сказал заклинание, чтобы никто в доме не проснулся, пока он здесь. Сделал он это машинально, даже не думая в тот миг о пользе чар этих. Просто он с детства был научен, что так следует поступать в подобных случаях.

— Фрида! — снова сказал он.

— Кто ты такой? — срывающимся голосом крикнул Аудун. — Что тебе нужно?

Когда увидел он, как смотрят друг на друга Фрида и незнакомец этот, все существо его пронзила невыносимая боль.

Скафлок глядел на возлюбленную свою через плечо парнишки, почти его и не замечая вовсе.

— Фрида, любовь моя, жизнь моя. Идем со мной.

С мукой на лице, она покачала головой, но руки ее по-прежнему были простерты к Скафлоку.

— Я побывал в Ётунхейме, потом вернулся, воевал. Надеялся, что время и тревоги ратные помогут мне забыть тебя, — хрипло говорил он. — Нет, не помогли. И ни меч этот смертоносный не поможет, ни заповеди, ни боги, ничто в девяти мирах. Что они нам? Идем со мной, Фрида.

Она склонила голову. На лице ее отражалась мучительная внутренняя борьба. Потом она заплакала. Зарыдала, почти беззвучно, но с такой страшной, опустошительной силой, что, казалось, сердце ее не выдержит, разорвется.

— Ты сделал ей больно! — вскричал Аудун.

Он неловко ударил Скафлока копьём. Скользнув по широкой защищенной кольчугой груди альфхеймского воителя, острое разорвало ему щеку. Зарывав, как раненая рысь, Скафлок схватился за меч.

Аудун снова ударил. Скафлок с нечеловеческой быстротой отпрянул в сторону. Клинок его со зловещим шипением покинул ножны, и тут же обрушился на древко копья, разрубив его пополам.

— С дороги! — прохрипел, задыхаясь, Скафлок.

— Не смей приближаться к моей невесте! — Аудун был вне себя от ярости и страха, страха не перед смертью, а перед тем, что он прочел в глазах Фриды. Из глаз его полились слезы. Он выхватил висевший в ножнах у него на поясе кинжал и кинулся на Скафлока, желая поразить его в незащищенное горло.

Высоко взметнулся сверкающий меч и, со свистом рассекши воздух, обрушился на голову Аудуна, раскроив череп его чуть ли не пополам. Тело Аудуна тряпичной куклой сползло вниз по стене.

Скафлок удивленно уставился на окровавленный клинок, который по-прежнему сжимал в руке.

— Я не хотел этого, — прошептал он. — Думал просто отбить удар, и все. Забыл я, что клинок этот должен напиться крови всякий раз, как будет извлечен из ножен.

Он поднял взгляд на Фриду. Она глядела на него широко раскрытыми глазами, дрожа всем телом и чуть приоткрыв рот, как будто из груди ее рвался крик.

— Я не хотел этого! — заорал он. — Да и какое это имеет значение? Идем со мной.

Она силилась сказать что-то, но не могла. Наконец голос вернулся к ней, и она с трудом проговорила:

— Уходи. Теперь же. И не приходи больше никогда.

— Но... — он неуверенно шагнул к ней, как будто вдруг разучился ходить.

Фрида нагнулась и подняла зловеще сверкнувший в ее руке аудунов кинжал.

— Убирайся, — сказала она. — Если приблизишься ко мне еще хоть на шаг, я всажу в тебя кинжал.

— Сделай милость, — ответил Скафлок. Его немного шатало, а из распоротой щеки его на пол натекала уже небольшая лужица крови.

— А если надо, я убью себя, — сказала ему Фрида. — Только дотронься до меня, убийца, нехристь поганый, готовый спать с собственной сестрой, как зверь или эльф какой! Дотронься, и я ударю

себя кинжалом прямо в сердце. Бог простит мне меньший грех, коли избегу я еще более ужасного.

Скафлока охватил неистовый гнев.

— Да уж, призывай своего Бога, нуди свои молитвы! Только на это ты и способна. Ты готова была продаться за кусок хлеба да крышу над головой. Сотворить такое — значит стать шлюхой, сколько бы попов ни махали вокруг кадилами. И это после всех клятв, что ты мне давала! — Он поднял свой меч. — Пусть лучше мой сын умрет, не родившись, чем будет отдан этому вашему Богу.

Фрида недвижно стояла перед ним.

— Руби, коли рука поднимется, — насмешливо проговорила она. — Ужели теперь сражаешься ты с мальчиками-подростками, женщинами и младенцами, не покинувшими еще материнской утробы?

Скафлок опустил могучий свой клинок, потом вдруг, не обтерев даже от крови, со стуком бросил его в ножны. Стоило ему сделать это, как гнев вдруг покинул его, уступив место усталости и скорби.

Плечи и голова его вдруг поникли.

— Так ты и вправду больше не хочешь меня знать? — тихо спросил он. — Меч этот проклят. Не я говорил ужасные вещи эти, не я убил несчастного парнишку. Я люблю тебя, Фрида, так люблю, что когда ты рядом, весь мир кажется светлым и радостным, а когда ты далеко, все вокруг черным-черно. Я прошу тебя, умоляю, вернись ко мне.

— Нет, — сказала она, задыхаясь. — Уходи. Убирайся! — Голос ее сорвался на крик: — Я не желаю больше тебя видеть! Никогда!

Он шагнул было к двери, но задержался. Губы его дрожали.

— Однажды я просил тебя поцеловать меня на прощание, а ты не захотела, — проговорил он удивительно спокойным голосом. — А теперь поцелуешь?

Она подошла к распростертому на полу телу Аудуна, опустилась на колени и поцеловала мертвого юношу в губы.

— Мой милый, милый, — нежно говорила она, глядя окровавленные волосы мертвеца и закрывая его незрячие глаза. — Пусть Господь возьмет тебя к Себе на небо, мой Аудун.

— Ну что же, прощай, — сказал Скафлок. — Может быть, еще однажды попрошу я у тебя поцелуя. Но то будет уж точно в послед-

ний раз. Думаю, недолго осталось мне жить на этом свете. И меня это не особенно печалит. Но тебя я люблю.

Он вышел вон из зала и закрыл за собой дверь, чтобы больше не задувал в дом холодный ветер. Чары его развеялись. Разбуженные диким лаем собак и громким конским топом, торкилевы домочадцы вскоре сбежались в ставший местом убийства центральный зал усадьбы. Фрида сказала им, что ее пытался похитить какой-то разбойник.

В предраассветной темноте подступили к ней боли ее. Роды оказались долгими и трудными: младенец был велик, фридины же бедра узки.

Поскольку в округе объявился убийца, сразу за священником послать побоялись. Женщины, как могли, помогали Фриде, но лицо Осы оставалось угрюмым.

— Сначала Эрленд, потом вот Аудун, — думала она. — Заколдованные они, что ли, ормовы-то дочки? Одно несчастье приносят.

На рассвете мужчины отправились на поиски убийцы. Найти им ничего не удалось, и вечером, в сумерках, они воротились домой, решив, что завтра кто-нибудь из них съездит в церковь.

Тем временем родился ребенок, хорошенький, голосистый мальчик, который уж вскоре стал жадно сосать фридину грудь. Вечером Фрида, измученная и дрожащая от усталости, лежала в выделенной ей боковой комнате, держа на руках своего сына.

Она улынулась малышу.

— Ты такой красавец, — проговорила она нараспев, и эти слова ее звучали, как начало какой-то данской песенки. Она не вполне еще воротилась из царства теней, в котором недавно побывала, и, кроме угнездившегося в ее объятиях крохотного тельца, все вокруг по-прежнему казалось ей как бы не вполне реальным. — Ты весь красный, морщинистый. Прелесть, да и только. Твой отец тоже так сказал бы, коли видел бы тебя сейчас.

Из глаз ее вдруг хлынули слезы, тихие, как весна в лесном краю. От них у Фриды во рту остался какой-то солоноватый привкус.

— Я люблю его, — прошептала она, — Господи, прости меня! Я никогда его не разлюблю. А ты, малыш, все, что осталось на этом свете от любви нашей.

Догорел закат, наступили сумерки, потом темнота. Лик почти

полной луны то и дело скрывали гонимые буйным ветром тучи. Надвигалась буря. Долгой приветливой осени, праздновавшей вместе с эльфами их возвращение в родные места, пришел конец. Наступила зима.

Открытая всем ветрам усадьба по-звериному притаилась в предчувствии ненастья. Вокруг нее стонали терзаемые ветром деревья. Все громче доносился шум моря.

Ночью ветер усилился. Теперь он вздымал в воздух целые охапки сухих листьев. Время от времени по кровле начинал стучать град. По звуку похоже было, будто по крыше бежит целая шайка ночных татей. Фрида лежала на ложе своем без сна.

Около полуночи услышала она, как в отдалении запел рог. От звука этого сердце ее отчего-то похолодело.

Ребенок заплакал, и она взяла его на руки. Вскоре сквозь завывания ветра и шум прибоя снова донесся звук рога, взревевшего уже гораздо ближе, потом послышался странный лай гончих и громкий конский топ, от которого содрогнулась земля.

Поняв, что к усадьбе приближается асгардская Дикая Охота, Фрида замерла от страха. Как странно, что никто в доме, похоже, не был разбужен ужасными звуками этими. Ребенок, которого она прижимала к своей груди, заходился от крика. Стучали на ветру заперты ставни.

Конский топ слышался уже во дворе усадьбы. Кто-то протрубил в рог совсем уже близко, и от звука этого, казалось, содрогнулись самые стены дома. Заливались лаем гончие.

Во фридином покое имелся отдельный выход на улицу. Кто-то постучал в эту дверь. Засов тут же сам собой отложился, и дверь распахнулась. В палату ворвался холодный ветер, высоко взметнувшийся широкий плащ пришельца, который в то мгновение как раз шагнул через порог.

Хотя света в палате не было, Фриде удалось разглядеть ночного гостя. Он оказался так высок, что достигал головой потолочных балок и даже был вынужден немного наклонить ее. В темноте ярко сверкал наконечник его копья и его единственный глаз. На лицо его была низко надвинута широкополая шляпа, из-под которой ниспадали длинные седые волосы. И волосы, и борода его оттенком своим схожи были с волчьей шерстью.

Пришелец заговорил, и голос его звучал подобно шуму ветра и рокоту морских волн.

— Фрида дочь Орма, я пришел за тем, что поклялась ты мне отдать.

— Повелитель... — она отпрянула назад на ложе своем, не защищенная от страшного гостя ничем, кроме тонкого одеяла. Ах, если бы Скафлок был сейчас здесь! — Повелитель, пояс мой вон в том сундуке.

Один разразился громким смехом.

— Ужели ты думала, что я желаю получить сонное зелье это? Ты ошибаешься, я пришел за ребенком, которого ты уже носила в опоясанном тем поясом чреве своем в то время, как давала мне клятву.

— Нет! — крикнула Фрида, не слыша собственного голоса, и спрятала орущего во всю мочь сынишку у себя за спиной. — Нет, нет, нет! — Она схватила висевшее в изголовье ложа распятие. — Именем Господа и Спасителя нашего велю тебе: изыди!

— Не страшно мне заклятие это, — сказал Один. — Произнеся ту клятву, ты сама отринула помощь Сил небесных. Давай сюда ребенка!

Он отшвырнул ее прочь и взял младенца на руки. Фрида кинулась прочь с ложа, к его ногам.

— Зачем он тебе? — стонала она. — Что ты собираешься с ним сделать?

С какой-то невероятной, казалось, высоты донесся ответ Одина:

— Велика и ужасна будет его судьба. Игра, затеянная асами, ётунами и новыми богами, еще не окончена. И по-прежнему в игре блистающий Тюрфинг. Тор когда-то сломал его, опасаясь, как бы не были подрублены тем клинком самые корни ясеня Иггдрасиля. Я же вернул меч этот в мир и дал его Скафлоку, поскольку Бёльверк, который один только мог починить Тюрфинг, никогда не сделал бы этого для аса или эльфа. Меч понадобился для того, чтобы предотвратить покорение Альфхейма племенем, дружественным врагам богов — троллями, которым тайно помогал Утгарда-Локи. Но нельзя допустить, чтобы клинок этот остался в руках Скафлока, иначе заключенная в мече колдовская сила непременно побудит его постараться совершенно уничтожить Тролляхейм. Ётуны ни за что не допустили бы падения троллшей державы. Они принуждены были бы

вступить в войну, и тогда богам поневоле пришлось бы выступить против них, и наступил бы конец света. Скафлок должен погибнуть, а ребенок этот, который был зачат и отдан потом мне благодаря придуманному мною же хитроумному плану, станет владельцем рунного меча, свершив до конца предначертанное судьбою.

— Скафлок умрет? — Фрида в отчаянии обхватила руками ноги грозного аса. — И он тоже? Нет, не делай этого, пожалуйста...

— А для чего ему жить дальше? — холодно проговорил Один. — Коли явишься ты в Эльфхолм, куда он теперь направляется, коли вернешь ему то, что отняла у могилы родичей своих, так он с радостью сложит оружие, и тогда не будет нужды в его смерти. В противном случае, он обречен. Меч убьет его.

Ас резко повернулся и вышел прочь из палаты. Снова запел его рог, и Дикая Охота поскакала прочь. Вскоре лай гончих и конский топ стихли в отдалении. Теперь тишину нарушал лишь вой ветра, рев прибоя да безутешные рыдания Фриды.

ГЛАВА XXVII

Стоя у окна в покое, расположенном на верхнем этаже самой высокой из эльфхолмских башен, Валгард наблюдал за тем, как собирается под стенами замка вражеская рать. Руки его были сложены на груди, могучее тело недвижно, как утес, на лице, как никогда похожем в тот миг на лик каменного изваяния, жили, казалось, одни лишь глаза. Вместе с ним находились в том покое тролльи военачальники: командиры отрядов, изначально составлявших дружину Эльфхолма, а также разрозненных ратей, которые стянуты были в последнюю эту, самую могучую, троллью твердыню со всей страны. Усталые, совершенно павшие духом воители эти, многие из которых были уже ранены, со страхом взирали на то, как готовится к приступу альфхеймское войско.

По правую руку от Валгарда стояла, блистая красотой в льющемся в палату сквозь незастекленное окно лунным свете, несравненная Лиа. Ветер шевелил ее прозрачное платье и светло-золотистые волосы. На устах ее лучилась легкая улыбка, сумеречно-синие глаза сияли.

На покрытом изморозью склонах холмов у стен замка деловито разбивали лагерь эльфийские ратники. Бряцало оружие, звенели кольчуги, пели луры, гулко цокали о промерзшую землю копыта коней. Лунный свет отражался от эльфийских щитов, зловеще поблескивал на остриях копий и боевых топоров. Вокруг замка были поставлены уже шатры, один за другим загорались походные костры. И повсюду в великом множестве сновали вражеские воины.

По холмам прокатился гулкий рокот, и к замку приблизилась сверкающая, подобно солнцу, колесница. Огнем горели закрепленные по бокам ее мечи. Влекла колесницу ту четверка могучих круто-

шеих белоснежных коней, чей храп был подобен шуму бури. Стоявший позади возницы воитель ростом своим превосходил всех прочих воинов. Суров и величав был окруженный черными, как смоль, волосами лик его с горящими темными очами.

— Это Луг Длиннорукий, — дрожащим голосом проговорил один из троллей. — Он вел против нас войско Сынов Дану. Почитай, всех наших побили сиды эти. Изо всей нашей рати и сотни воинов не уцелело, шотландские вороны до того объелись мертвечиной, что теперь и взлететь-то не могут.

Валгард по-прежнему хранил молчание.

У стен замка гарцевал на горячем коне одетый в серебристую кольчугу и длинный алый плащ Огнедрот. Красив был эльфийский витязь, хоть и портило немного в те минуты пригожесть лица его появившегося на нем жестоко-насмешливое выражение. Смертоносное копье свое он воздел к небу, как будто желая пронзить самые звезды.

— Этот был предводителем повстанцев, — процедил сквозь зубы другой тролль. — Сколько моих товарищей полегло от их стрел! А скольких порубали они во время воровских своих набегов!

Валгард остался недвижим, как будто и не слышал тех слов. Оставшиеся на берегу эльфхолмской гавани тролльи корабли были уже частью сожжены, а частью изрублены неприятелем на куски. В гавань заходили все новые полные вооруженных до зубов воинов эльфийские суда.

— Корабли эти отбил у нас Мананнан Мак Лир, а ведет их Флам Оркнеец, — хрипло проговорил один из тролльих военачальников. — Наш флот весь уничтожен. Воины с последнего прибывшего в Англию корабля говорили, что эльфы уже грабят тролльейское побережье, жгут все подряд...

Валгард по-прежнему продолжал стоять безмолвный, как каменный истукан.

К тому из поставленных эльфами шатров, что был больше других, подъехал всадник на чудовищного размера вороном коне, водрузивший первым делом подле шатра того свой штандарт: насаженную на древко от копья голову Иллреда. Мертвые глаза павшего короля глядели, казалось, прямо в окна башни, где стояли в те минуты его бывшие вассалы.

Кто-то из троллей сказал, не сумев скрыть дрожи в голосе:

— Это их предводитель, Скафлок Смертный. Никто не может устоять перед его натиском. Он гнал нас на север как стадо овец. И убивал, убивал... Меч его разрубает металл и камень как масло. Что-то непохоже, чтобы он и вправду был человек. Наверное, он демон, явившийся из Хеля.

При этих словах Валгард оживился.

— Я его знаю, — тихо проговорил он. — И намерен с ним разделиться.

— Этого нельзя сделать, повелитель. Клинок его...

— Замолкни! — Валгард резко повернулся к своим соратникам, устремив на них пронзительный взор, и обрушил на тролльих военачальников речь, что язвила больше ударов бича: — Дураки, трусы, подонки! Коли боитесь биться, ступайте, сдайтесь на милость мяснику этому. Пощадить он вас не пощадит, зато смерть ваша будет скорой. Что до меня, то я намерен его истребить, здесь, под стенами Эльфхолма. — Голос его набирал все большую силу и теперь рокотал уже, как колеса сидских боевых колесниц. — Эльфхолм — последняя троллья твердыня на Британии. Как удалось неприятелю захватить другие крепости, мы не знаем. Наши воины лишь видели при отступлении сюда, что над замками подняты эльфийские знамена. Нам, однако же, известно, что Эльфхолм никогда и никому еще не удавалось взять приступом и что в замке войска больше, чем у осадившего его неприятеля. Твердыня надежно защищена и от чар, и от атаки. Коли не проявим мы малодушия, врагу нас нипочем отсюда не выкурить. — Он поднял свой тяжеленный топор, с которым никогда не расставался. — Нынче ночью они разобьют лагерь — и только. Скоро рассвет. Завтра, после наступления темноты, они могут начать осаду или, что более вероятно, попытаются взять замок приступом. Коли пойдут они на штурм, мы отразим нападение и сами перейдем в наступление. В противном случае, мы пойдем на вылазку: если не будет нам удачи, так мы всегда можем опять укрыться в крепости. — Он усмехнулся, по волчьим оскалив зубы. — Но мне думается, погоним мы их. Мы и числом их превосходим, и воины наши сильнее их. В битве мы со Скафлоком непременно встретимся: у нас с ним свои счеты. И тогда я его убью и завладею победоносным клинком этим.

Он замолчал.

— А как же сиды? — спросил троллий военачальник, бежавший в Эльфхолм из Шотландии.

— Сиды вовсе не всесильны, — бросил Валгард. — Коли сокрушим мы эльфов, так что станет ясно, что дело их проиграно, эринцы эти запросят мира. Тогда Англия останется тролльим владением, и Тролльхейм будет защищен от чужеземного вторжения на то время, что понадобится нам, чтобы вновь собрать силы и напасть на короля эльфов. — Он мрачно взглянул прямо в мертвые глаза Иллреда. — И тогда я воссяду на твоём престоле. Только что в этом прока? Ни-что уже не имеет никакого смысла.

Вскоре после того как шум утих, один из керлов, собрав все свое мужество, вылез из-под одеяла, зажег от одного из теплившихся еще в очаге угольев коптилку и пошел посмотреть, что стряслось в доме Торкеля сына Эрленда. Он увидел, что наружная дверь в светлицу Фриды дочери Орма открыта настежь, младенец исчез, а сама молодая мать лежит в беспамятстве на пороге в луже собственной крови. Он отнес ее назад, на ложе. Вскоре у Фриды начался бред, причем кричала она такое, что позванный к постели больной священник испуганно крестился.

Объяснения того, что случилось, от нее никто так и не смог добиться. В последовавшие за тем дни она дважды пыталась бежать, но всякий раз попадалась на глаза кому-нибудь из домашних, и ее приводили назад. Вырваться у нее не было сил.

Но вот однажды ночью она проснулась и увидела, что в палате кроме нее, никого нет. Рассудок ее прояснился, немного вернулись и силы. Она полежала в темноте, размышляя о том, что следует предпринять, потом осторожно встала с ложа, крепко стиснув зубы, чтобы не стучали они от холода, и разыскала сундук со своей одеждой. Пошарив в нем, на ощупь отыскала она в полной темноте шерстяное платье и длинный плащ с капюшоном, торопливо оделась. Потом отправилась в одних чулках, неся башмаки в руке, на кухню за хлебом и сыром, которые хотела взять с собой.

Вернувшись в свою комнату, перед тем, как выйти на улицу, она подошла к ложу и поцеловала висящее над ним распятие.

— Прости меня, коли можешь. Я люблю его больше, чем Тебя. Знаю я, что порочна. Но это мой грех, не его.

Она вышла на двор. Черный небосклон был усеян множеством ярких, немигающих звезд. Ночь была тиха, лишь поскрипывала под ногами Фриды покрывавшая землю изморозь. Холод стоял страшный, и Фрида замерзла, едва переступив порог дома. Но она все равно пошла к конюшне. Такая малость не могла заставить ее переменить свое решение.

Близился уже закат. В замке было сумрачно и тихо. Лиа осторожно высвободилась из объятий спящего Валгарда и поднялась с ложа.

Валгард шевельнулся, пробормотал что-то. Во сне покрытое шрамами лицо тролльхеймского вождя утрачивало присущее ему во время бодрствования энергичное выражение, и видно было, как Валгард осунулся за последнее время, как жалко ввалились его глаза и рот. Стоя возле ложа, Лиа в нерешительности поглядела сверху вниз на усилка, сжимая в руке взятый со стола кинжал.

Перерезать ему горло будет совсем нетрудно. Нет, нельзя рисковать, от нее слишком многое зависит. Одно неверное движение — и все пропало. Сон-то у проклятого чуткий, прямо как у волколака какого. Беззвучно ступая, Лиа отошла прочь от ложа, надела платье и пояс и выскользнула из княжеских покоев. В правой руке у нее был нож, в левой — связка ключей, взятая из тайника, воспользоваться которым она сама же посоветовала Валгарду.

На лестнице ей повстречалась эльфийка, несшая охапку похищенных из арсенала мечей. Женщины взглянули друг на друга и разошлись, не сказав ни слова.

Повсюду спали вповалку, бормоча и ворочаясь во сне, тролли. Несколько раз Лиа пришлось пройти мимо часовых. Но они без слова пропустили ее, окинув лишь похотливым взглядом, полагая, что господин Лиа послал ее куда-то с поручением; имевшие наложниц тролли и раньше часто так поступали.

Спустившись в подземелье, Лиа разыскала дверь в застенок, где томился Имрик, и отперла все три замыкавших ее замка. Стоило ей

отворить дверь, как из царившего в застенке красноватого сумрака на нее воззрился бес. Лиа достигла его одним прыжком, и прежде чем он успел хотя бы вскрикнуть, бес упал на пол с перерезанной глоткой, беспомощно трепеща своими крыльями.

Перевернув жаровню и разметав уголья, Лиа перерезала веревку, на которой висел Имрик, подхватила безжизненное тело брата и бережно опустила его на пол. Он так и остался лежать без движения, как мертвый.

Тогда она вырезала на остывших уже угольках из жаровни приносящие исцеление руны и положила угольки те Имрику под язык, на глаза, на изувеченные руки и страшно обожженные ноги, не забывая говорить надобные заклинания. Ужасны были полученные Имриком увечья, и даже само заживление их приносило страшную боль. Он, однако, все терпел, не застонав даже. Лишь дышал часто.

Лиа положила подле него несколько снятых с большой связки ключей.

— Как придешь в себя, освободи пленников-эльфов, — тихо проговорила она. — Их безопасности ради держат в темницах. Оружие для вас спрятано в павильоне у колодца. Знаешь, позади донжона. Но вам не следует пытаться туда проникнуть, пока битва не будет в самом разгаре.

— Отлично, — прохрипел он. Сожженные жаждой голосовые связки едва ему повиновались. — И еще я добуду себе воды, вина, здоровенный ломоть мяса... И всего прочего, что задолжали мне тролли.

Глаза его сверкали так, что даже Лиа немного испугалась. Беззвучно ступая босыми ногами, Лиа прошла подземными переходами к лестнице, ведущей на вершину предназначенной для астрологических наблюдений башни. Пустовавшая в военное безвременье башня эта прилегалa к восточной стене замка. Взойдя по бесчисленным ступеням винтовой лестницы, Лиа оказалась на крытой площадке, уставленной всевозможными латунными и хрустальными приборами, откуда вышла на шедший по периметру башни круговой балкон. Хотя и была она в тени, свет заходящего солнца ее все равно совершенно почти ослепил. Но еще хуже было то, что в самое тело ее проникли ужасные, невидимые лучи его. Она едва могла видеть

того, кто пришел к стене, как велела она в записке, посланной прошлой ночью в эльфийский лагерь с летучей мышью.

Различить лица воина Лиа не могла. Скорее всего, это кто-нибудь из сидов. А может быть... Сердце ее затрепетало. Может быть, это Скафлок.

Перегнувшись через перила балкона, она бросила ключи вниз. Воин ловко поймал кольцо, на которое они были нанизаны, своим копьем. То были ключи от ворот замка, позволявшие не только отпирать замки, но и отодвигать засовы.

Лиа поспешила прочь, в спасительный сумрак, и быстрее птицы помчалась в княжеские покои. Едва успела она, скинув одежды, забраться обратно в постель, как проснулся Валгард.

— Скоро солнце зайдет, — сказал он. — Пора снаряжаться в бой.

Сняв со стены рог, он отворил дверь на лестницу и затрубил. Услышавшие сигнал тот часовые передали его дальше, и вскоре рев рогов наполнил все переходы замка. Однако это явилось сигналом не только для тролльхеймских ратников, но и для эльфиек. В то мгновение те из них, у кого была такая возможность, вонзили заранее припасенные ножи в сердце своим господам-троллям.

Фрида уже несколько раз теряла сознание, но все же каким-то чудом успевала вовремя прийти в себя и удержаться в седле. Ей подумалось, что совсем впасть в забытие ей не позволяет острая, как ножом пронзающая ее незажившее еще тело боль, и она ощутила благодарность. Боли этой.

Она взяла двух коней и нещадно гнала их галопом. Мимо проносились холмы и деревья, чем-то похожие в те минуты на камешки, которые видишь сквозь бурные воды быстрого ручья. Некоторые из них казались Фриде какими-то ненастоящими. Реальны были лишь мысли, бушевавшие у нее в голове, все же прочее было призрачно, вроде бесплотной мечты.

Она вспомнила, что однажды конь, оступившись, сбросил ее в какой-то ручей. Поэтому-то, когда поехала она дальше, волосы ее и платье покрылись коркой льда.

Потом, когда прошла уже, казалось, целая вечность, и солнце, окрасясь в зловеще-красный цвет, снова клонилось к закату, пал второй конь. Первый давно уж погиб, загнанный. А теперь вот и этот тоже. Фрида пошла пешком, то и дело натываясь на деревья, которые не могла разглядеть затуманенными глазами своими, и продираясь сквозь какой-то колючий кустарник. Все сильнее шумело в голове. Фрида не могла вспомнить, кто она такая, но это ее не тревожило. Важно было лишь одно: добраться до Эльфхолма.

ГЛАВА XXVIII

На закате Скафлок приказал трубить в боевые рога. Покинув шатры, эльфийское воинство начало с бряцанием оружия и мстительными криками готовиться к сражению. Слышался конский топ, громкое ржание, грохотали по замерзшей земле колесницы. Когда же построились эльфы в боевой порядок, то позади боевых стягов их и служащей штандартом воздетой на древко иллредовой головы вырос целый лес копий.

Скафлок вскочил на ётунского жеребца. Меч Тюрфинг, казалось, сам рвался вон из ножен, как будто даже подрагивал от нетерпения. Лицо же скафлоково более всего походило в те минуты на лик какого-то забытого бога войны: на нем не читалось уже никаких иных чувств, кроме грозной неумолимости.

— В замке, вроде, шум, — сказал он Огнедроту. — Слышишь?

— Ага, — ухмыльнулся эльф. — Тролли только сейчас поняли, как вышло, что нам так легко удалось овладеть всеми прочими твердынями. Но женщин наших им не поймать — в Эльфхолме полно тайников, где можно укрыться на время. Раньше мы самих троллей переловим.

Скафлок снял с притороченной к поясу связки ключ и протянул его Огнедроту.

— Ты возглавишь отряд, что атакует с тараном задние ворота, — сказал он на всякий случай, хотя в таком нападении не было никакой нужды. — Когда мы откроем передние ворота, внимание врага будет наверняка отвлечено на нас, и тогда вы беспрепятственно проникнете в замок с тыла. Флам и Рукка поведут отряды, которые, якобы, будут пытаться штурмовать боковые стены, а как только ворвемся мы в твердыню, сразу же присоединятся к нам. Я буду

штурмовать передние ворота с сидами и дружиной, присланной государем.

Из-за моря на востоке восходила громадная полная луна. В свете ее сверкали глаза и клинки воителей, знамена же и белые кони были окружены легким призрачным сиянием. Запели луры, и воины издали грозный боевой клич, достигший, казалось, самых небес.

В ночи зазвенели тетивы луков. Хотя и потрясены были тролли тем, что множество их товарищей, почитай, треть дружины, были зарезаны во сне, причем убийцы их, избежав возмездия, укрылись где-то в лабиринте эльфхолмских переходов, но дух их не был совершенно сломлен этим, ведь тролли — отличные воины. Валгарду же удалось вовремя прекратить поднявшуюся суматоху и отправить всех оставшихся в живых по местам. Так что теперь тролльхеймские лучники выпускали по эльфам целые тучи стрел, причем с весьма выгодных позиций на стене замка.

Большинство стрел тех отскакивали от щитов и доспехов эльфийских воителей, не причиняя им никакого вреда, но немало было и удачных попаданий. Падали пораженные стрелами воины, храпели и взвизывались на дыбы раненые кони. Вскоре на ведущем к стенам Эльфхолма косогоре лежало уже немало убитых и раненых.

Косогор тот был скалистый, неровный, лишь к воротам замка вела неширокая дорога. Но эльфам ровная дорога и не нужна. С необычайной ловкостью взбирались они по склону, изобилующему каменистыми осыпями и торчащими повсюду скользкими от изморози скалами, прыгая с камня на камень, не переставая даже издавать воинственных кличей. На совсем уж высокие утесы они забрасывали острые «кошки» и с непостижимой быстротой взбирались на вершину их по привязанным к тем крючьям веревкам. Кони их легко скакали по таким кручам, на которые и серна убоилась бы ступить. Весьма скоро достигла эльфийская рать ровной площадки перед замком и принялась обстреливать толпящихся на стенах врагов стрелами.

Скафлок скакал по дороге впереди колесниц Сынов Дану. С гулким рокотом катили внушающие ужас обшитые сверкающей бронзой колесницы эти по каменистой дороге. Хотя и стучали порой вражеские стрелы по шлемам, доспехам и щитам сидских воинов, но от обстрела того никто из них не пострадал — ни воители, ни

возницы. Остался цел и невредим и Скафлок, подскакавший на могучем вороном коне своем почти к самым стенам твердыни.

Когда же приблизилось эльфийское войско к замку, на головы осаждающих полилась со стен кипящая вода, расплавленное масло, серная кислота, полетели камни, дротики, горшки с «греческим огнем». Страшно кричали получившие ожоги воины, товарищи же их принуждены были отступить.

Изнывая от желания вытащить из ножен меч, Скафлок приказал подать ему «черепашу» под прикрытием которой подскакал к самым воротам. Стоявший на стене рядом с воротами Валгард знаком приказал особо отряженным для этого воинам заряжать баллисты. Прежде чем сумеет недруг высадить тараном мощные медные ворота замка, «черепаша» будет раздавлена пущенными из тех орудий здоровенными валунами.

Скафлок вложил в замок первый ключ и повернул его, говоря заклинание. Потом второй, третий. Валгард сам помог своим воинам загрузить в баллисту такой громадный камень, что могучее орудие это под ним застонало. Тролли принялись крутить ворот баллисты, напрягая тетиву.

Семь, восемь замков отперто... Валгард взялся за спусковой рычаг. Все девять замков были отомкнуты, и засов отложен.

Скафлок поднял коня своего на дыбы, тот ударил передними копытами по воротам, и они отворились. Воитель тут же направил коня через похожий на тоннель проход под толстенной крепостной стеной на залитый лунным светом двор замка. За его спиной в том проходе загрохотали колеса колесниц Луга, Дав Берга, Агнуса Ога, Эохаида, Колла, Кехта, Мак Грейны и Мананнана, вслед за которыми ринулись сидские конники и пешие воины. Ворота были взяты!

Во дворе на ворвавшихся в твердыню воинов сразу же кинулись тролли, стоявшие у ворот на страже. Ётунский скакун был ранен топором в ногу. С громким ржанием он взвился на дыбы, потом стал брыкаться, убив копытами своими множество вражеских воинов.

Замелькал в воздухе с ужасным свистом скафлоков колдовской меч, горевший в полумраке синим пламенем, без счета разивший троллей с быстротой бросающейся на добычу змеи. Окрестность наполнилась лязгом и скрежетом металла, криками, свистом рассе-

кающих воздух клинков, громopodobным рокотом боевых колесниц.

Тролли отступили под натиском врага. Увидев это, Валгард дико взвыл, глаза его зажглись зеленым огнем. Во главе своих воинов ринулся он со стены на двор и врубился с фланга в ворвавшуюся в замок неприятельскую рать. Зарубив какого-то эльфа, он вырвал топор из мертвого тела его, ударил другого, разможил острием Братобоя голову третьему. Неустанно разя врагов, он сумел вскоре довольно далеко продвинуться вглубь неприятельского войска.

Послышались гулкие удары огнедротова тарана о задние ворота замка. Стоявшие на стене тролли забросали нападающих камнями и горшками с кипящим маслом, выпустили по ним целую тучу дротиков и стрел, но тут на них самих с тыла напал новый противник: вырвавшиеся из темниц узники во главе с Имриком, оборванные, исхудалые, со следами пыток и побоев на теле, но с оружием в руках и неукротимый жаждой мщения в сердце. Стоило троллям повернуться к ним, как Огнедрот отомкнул ворота.

— К донжону! — заорал Валгард. — Коли запремся там, им нас вовек не выкурить.

Немалому числу троллей удалось прорубиться к нему. Выстроив стенку из щитов, они, неуязвимые теперь для эльфийских клинков, смогли, благодаря медвежьей силе своей, достичь входа в донжон.

Дверь была заперта.

Валгард попытался было высадить ее плечом, но она не поддавалась. Тогда он разрубил ее Братобоем вокруг замка и отворил.

В царившей внутри донжона темноте запели тетивы луков, и многие из стоявших у порога троллей со стенами попадали наземь. Валгард отшатнулся прочь. В левой ладони его засела стрела. И в тот же миг услышал он насмешливый голос Лиа:

— Эльфийки владеют нынче башней этой и дозволят войти в нее лишь своим возлюбленным. Настоящим, а не тем уродам, которых приходилось им терпеть в последнее время. Слышишь, ты, обезьяна безмозглая, жалкое подобие Скафлока?

Отпрянув прочь от двери, Валгард выдернул из руки своей стрелу. Им вновь овладело берсерковское неистовство. Дико завывая и пуская изо рта пену, он ринулся в кипящую во дворе замка сечу, круша топором своим все, что попадалось на пути.

Скафлок же бился спокойно, величаво даже, благодаря ликующей

силе, которую черпал из волшебного клинка. Меч пламенел в его руке. Рекой лилась кровь, разлетался в разные стороны мозг из расколотых черепов, катились по брусчатке двора отрубленные головы вражеских воинов, копыта ётунского скакуна оскальзывались на выпавших из распоротых чрев внутренностях. Но все, что делал Скафлок, творилось с совершенным хладнокровием. Сознание его и мысли были ясны как никогда, не затуманенные ни яростью, ни иными какими чувствами. Просто он как бы вознесся над самым своим естеством, сам, подобно клинку своему, обратясь в неумолимое орудие Смерти. Обильно сеял он семена смерти на волнующейся ниве битвы, и везде, где ни объявлялся он, в беспорядке рассеивалась перед ним тролля рать.

Луна высоко взошла уже над удивительно спокойными водами, на которых искрилась теперь лунная дорожка, потом, продолжив свой путь, поднялась над стенами Эльфхолма, заглянув во двор замка. Взору ее предстало ужасное зрелище: с безумным неистовством сокрушали доспехи и плоть вражеских воинов мечи, топоры, копья. Скрежетал терзаемый металл, слышались крики боли, стоны раненых. Бесновались с жалобным ржанием обезумевшие, окровавленные кони. Рубясь, живые топтали тела погибших, обращая их в бесформенные куски окровавленной плоти.

Луна восходила все выше, и теперь уже поглядевшему на нее из двора замка показалось бы, что ход ее по небосклону остановил, пронзив самое ее сердце, острый шпиль одной из сторожевых башен. Тогда-то наступил долгожданный миг: тролли обратились в бегство.

Их осталось уже совсем немного. Эльфы ожесточенно преследовали их, не только тех, что обреченно метались по замку, но и тех, кому удалось вырваться за ворота.

Вдруг над затухающей битвой разнесся зычный голос Валгарда:

— Ко мне, тролли, ко мне! Сюда! Не сдавайтесь! Дайте врагу отпор!

Услышав крик этот, Скафлок торопливо повернул коня и увидел проклятого усилка: огромный, зловещий, залитый с ног до головы кровью, стоял Валгард подле крепостных ворот. Вокруг него высилась груда тел убитых им эльфов. С дюжину троллей пытались пробиться к нему в надежде занять в том месте круговую оборону.

От него все беды, от злодея этого! Скафлок рассмеялся. А может

быть, смеялся не он, а меч Тюрфинг. Настал твой час, Валгард! Пора заплатить за все. Скафлок пришпорил коня.

Когда же тот рванулся уже с места, увидел воитель взлетевшего откуда-то из-за моря ястреба, устремившего полет свой, казалось, к самой луне. У Скафлока похолодало в груди. Какой-то частицей своего существа понял он в тот миг, что обречен.

Увидев его приближение, Валгард усмехнулся и, прислонясь к стене, поднял топор. Когда же подскочил к нему вороной жеребец, вонзил он Братобой коню тому в череп с такой силой, с какой никогда прежде не рубил.

Но и мертвый, огромный, тяжелый конь продолжал свое безудержное стремление вперед. Остановился он, лишь врезавшись с немислимой силой в стену, которая содрогнулась от того удара. Скафлок вылетел из седла. Ловкий, как эльф, он ухитрился перевернуться в воздухе и приземлился на ноги, но избежать столкновения со стеной не мог. Оглушенный, он откатился в привратный проход под стеной.

Выдернув топор из черепа коня, Валгард помчался к нему, желая тут же покончить с ненавистным врагом. Скафлок успел, однако, ползком выбраться из прохода на залитый лунным светом уходящий к гавани откос. Правая рука его была сломана. Отбросив в сторону щит, он перехватил меч левой рукой. С израненного лица его на клинок стекала кровь.

К нему подошел Валгард.

— Многому суждено закончиться нынче ночью, — проговорил он. — В том числе и твоей жизни.

— Мы с тобой родились в одну ночь, — ответил Скафлок, — вряд ли один из нас надолго переживет другого. — Он усмехнулся. — Коли не станет меня, как же можешь остаться ты, моя тень?

Валгард заорал благим матом и попробовал ударить его, Скафлок выставил вперед меч, наткнувшись на который, Братобой со звоном раскололся на куски.

Едва держась на ногах, Скафлок снова поднял свой клинок. Оставшийся безоружным Валгард со звериным рычанием ринулся на него.

— Скафлок!

Альфхеймский воитель обернулся на крик. По дороге бежала к нему Фрида! Одетая в лохмотья, вся в крови, с трудом держащаяся на ногах от усталости. Но то была Фрида! Она решила вернуться к нему.

— Скафлок, милый... — крикнула она.

Валгард подскочил к нему сзади, вырвал меч из руки врага своего, который позабыл в ту минуту обо всем на свете, размахнулся и ударил, что было сил.

С торжествующим воплем воздел он меч к небу. Даже залитый кровью, клинок излучал неземное голубое сияние.

— Я победил! — заорал Валгард. — Теперь я Государь мира, всю Вселенную могу я попать ногами. Да будет тьма!

Он взмахнул мечом. И вдруг золотая рукоять выскользнула из мокрой от скафлоковой крови руки его. Повернувшись острием вниз, клинок низринулся прямо на Валгарда и, сбив его с ног своим громадным весом, насквозь пробил ему шею и ушел концом своим глубоко в землю. Валгард лежал, притвожденный за шею к земле, глядя на сверкающий меч, чувствуя, как уходит из него сквозь пробитое горло жизнь. Он попытался вырвать меч из раны, но лишь перерезал себе об острые края клинка вены на руках. Так пришел конец Валгарду Усилку.

Скафлок лежал на земле с разрубленным плечом и грудью. Освещенное светом луны лицо его покрылось уже смертельной бледностью. Но когда Фрида склонилась над ним, он сумел даже улыбнуться.

— Со мной кончено, любимая, — прошептал он. — Ты слишком хороша для мертвеца, слишком прелестна, чтобы плакать. Забудь меня.

— Никогда!

На лицо ему закапали фридины слезы, теплые, как весенний дождь.

— Поцелуешь меня на прощание? — проговорил он.

Уста его уже похолодели, но Фрида все равно жадно прильнула к ним. Когда же вновь открыла она глаза, лежавший в ее объятиях Скафлок был уже мертв.

На востоке показались уже первые проблески холодного рассвета. Из замка вышли Имрик и Лиа.

— Зачем исцелять девуку эту? Зачем помогать ей добратсья домой? — проговорила эльфийка голосом, в котором не было и намека на ликова-

ние по случаю победы. — Лучше отправить ее в Хель, да так, чтобы перед смертью как следует помучилась. Это она стубила Скафлока.

— Такова была его судьба, — ответил Имрик. — Помочь девушке — наш долг перед памятью Скафлока. Хотя и не ведаем мы, эльфы, любви, все же следует нам сделать то, что порадовало бы павшего друга нашего.

— Не знаем любви? — прошептала Лиа так тихо, что он не слышал ее слов. — Многомудр ты, Имрик, но и твоя мудрость имеет границы.

Она взглянула на Фриду, сидевшую на покрытой инеем земле, держа в объятиях своих Скафлока и напевая ему колыбельную, которой прежде собиралась баюкать их со Скафлоком сынишку.

— Ее судьба счастливее моей, — сказала Лиа.

Имрик не понял этих ее слов. Или не захотел понять.

— Люди вообще счастливее Дивного народа, — промолвил он. — Краткая жизнь их, подобная прекрасному горению летящей вниз по черному небосклону звезды, лучше бессмертия, в котором не видишь ничего над собой, и вообще вне узкого круга своего существования. — Он поглядел на колдовской меч, по-прежнему торчавший из горла своей последней жертвы. — Чувствую я, что приходит конец всему. Близок уже день, когда померкнет слава Дивного народа и даже сам король эльфов обратится в жалкого лесного духа, а потом вообще в ничто. Исчезнут и боги. А хуже всего то, что я не думаю уже, что бессмертные должны жить вечно.

Он приблизился к мечу и сказал следовавшим за ним рабам-гномам:

— Клинок этот следует бросить в воду где-нибудь в открытом море. Не думаю, однако, что это поможет. Норны своего решения не меняют, меч же этот еще не свершил всего предначертанного ими зла.

Он сам вышел в море с рабами: проследить за тем, чтобы все было исполнено как надо.

Тем временем Мананнан забрал Фриду и тело Скафлока, желая самолично воздать последние почести другу и позаботиться о бедной его возлюбленной.

Когда Имрик вернулся из гавани, они с Лиа медленным шагом пошли в Эльфхолм: близился уже рассвет.

Так заканчивается сага о Скафлоке Воспитаннике эльфов.

В серии

вышли:

Королевское зеркало

Мечи с Севера

Хёвдинг Нормандии

Рыжий Орм

Тризна по женщине

Гарольд Английский

Русь и норманны

Винланд

Эрик сын человека

Купить книги из серии «ВИКИНГИ» вы можете по адресу:
111339, Москва, ул. Мартеновская, д. 9/13, тел.: 304-57-98;

113216, Москва, бул. Дм. Донского, д. 14^б, тел.: 712-34-54

Вышел в свет очередной том серии:

«ДЕВЫ БИТВ»

Почти всегда, когда речь заходит о викингах, мы вспоминаем о мужчинах. И почти никогда — о женщинах.

Тем не менее женщины играли в обществе средневекового Севера далеко не последнюю роль. Когда муж отправлялся в викингский поход, хозяйкой усадьбы оставалась женщина. К женщинам относились с неизменным уважением, к их мнению прислушивались. И часто в мужских спорах последнее слово говорила женщина.

В скальдической поэзии и сагах часто рассказывается о сильных и мужественных женщинах. Такие женщины заботились не только о своей чести, но и чести всего рода. и ради этого готовы были пойти на любые жертвы.

Часто женщины были даже больше мужчин одержимы необходимостью — по кодексу чести норманнов — исполнить «обряд мести».

Чего стоит история о Сигрид Гордой, которая сожгла надоедливых женихов, за что и получила свое прозвище!

В очередной том нашей серии вошли два романа и иллюстрированный очерк «Тигры моря».

Купить книги из серии «ВИКИНГИ» Вы можете по адресу:
111339, Москва, ул. Мартеновская, д. 9/13, тел.: 304-57-98;

113216, Москва, бул. Дм. Донского, д. 14^Б, тел.: 712-34-54

ГАРРИ ГАРРИСОН
Фантастическая сага
ПОЛ АНДЕРСОН
Сломанный меч
Романы

Редактор
Н. Будур
Художественный редактор
Т. Хрычева
Технический редактор
Н. Привезенцева
Корректор
И. Сахарук
Компьютерная верстка
А. Павлов

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 30.08.96 г.
Уч.-изд. л. 28,4. Цена 21 700 р.
Цена для членов клуба 19 800 р.
Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

*Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать
по адресу: 109033, Москва, а/я 66.*

Фантастическая сага.

- Ф22 Гарри Гаррисон. Фантастическая сага / Пер. с англ. И. Почиталина. Пол Андерсон. Сломанный меч / Пер. с англ. Е. Козловой. — М.: ТЕРРА, 1996. — 480 с.:ил. — (Викинги).
ISBN 5-300-00690-4

В очередной том серии «Викинги» вошли два романа известных американских фантастов, классиков жанра фэнтези Г. Гаррисона и П. Андерсона.

Читателя ждут приключения викингов, эльфов и троллей и... путешествие в Америку времен норманнов на машине времени...

vikings

«Альвы — в скандинавской мифологии низшие природные духи. Часто противопоставляющиеся высшим богам — асам.

Ётуны — в позднейшей традиции тролли, в скандинавской мифологии великаны, враги асов.

Тролли — в германо-скандинавской мифологии великаны. В отличие от ётунов вредят исключительно людям».

Энциклопедия «Мифы народов мира»

Впервые в мировой книгоиздательской практике «ТЕРРА» издает серию «Викинги», в которой представляет литературные произведения, повествующие о славных подвигах и приключениях морских разбойников Средневековья.

